

РОБЕРТ ГОВАРД

ЗНАК ОГНЯ

ТОМ 5

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

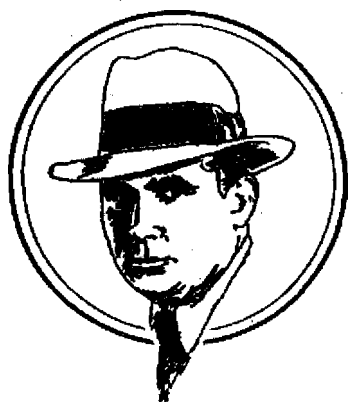
РОБЕРТ ГОВАРД

ЗНАК ОГНЯ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 5

РОБЕРТ
ГОВАРД

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В 8 ТОМАХ

«ТЕРРА — КНИЖНЫЙ КЛУБ» МОСКВА
«СЕВЕРО-ЗАПАД» САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ROBERT
E. HOWARD

РОБЕРТ
ГОВАРД

ТОМ
5

ЗНАК
ОГНЯ

УДК 82/89
ББК 84 (7 США)
Г57

Оформление художника
В. ДОМОГАЦКОЙ

Руководители проекта
И. ПЕТРУШКИН, А. ТИШИНИН

Составитель А. ЛИДИН

Авторские права защищены.

„Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.“

Говард Р. И.

Г55 Собрание сочинений: В 8 т. Т. 5: Знак огня: Роман; Кровь богов: Повесть; Рассказы / Пер. с англ.; Сост. А. Лидина. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб; СПб.: Северо-Запад, 2004. — 496 с.

ISBN 5-275-00933-X (т. 5)

ISBN 5-275-00830-9

Роберт Говард (1906—1936) — один из самых талантливых писателей-фантастов Соединенных Штатов Америки, чье творчество было очень ярким, а жизнь — очень короткой.

Пятый том включает в себя роман «Знак огня», повесть «Кровь богов» и рассказы. В центре повествования — герой-одиночка Аль-Борак, который не боится ни банд коварных афгулов, ни диких зверей, ни алчных правителей. Бесстрашно скачет он по горам и пустыням, защищая слабых и помогая обиженным. Те, кто правит залитыми кровью городами Востока, кто вершит суд в тайных долинах Тибета, кто пролил Кровь Богов — дрожат, услышав имя Аль-Борака...

УДК 82/89
ББК 84 (7 США)

ISBN 5-275-00933-X (т. 5)
ISBN 5-275-00830-9

© ТЕРРА—Книжный клуб, 2004
© Издательство «Северо-Запад»,
перевод, 2004

ЗНАК ОГНЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ НОЧНЫЕ КЛИНКИ

Из темного дверного проема, мимо которого Гордон только что прошел, послышался легкий шорох, затем — едва уловимый звук шагов босых ног по уличной мостовой. Мгновенно собравшись, Гордон с кошачьей ловкостью развернулся на месте, готовый встретить опасность. И она пришла... Из того самого дверного проема на него бросился высокий темный человек. Даже в полутьме узкого переуллка Гордон успел разглядеть длинное бородатое лицо нападавшего, его дикие глаза и — блеск стального клинка в руке, клинка, от которого Гордону пришлось уворачиваться, используя всю свою немалую ловкость и проворство. Острие кинжала полоснуло по его рубашке, и в этот момент американец, воспользовавшись тем, что нападавший на миг потерял равновесие, перехватил руку незнакомца, дернул ее на себя, а второй рукой из всех сил обрушил на голову бедняги рукоять своего тяжелого пистолета. Нападавший, не издав ни звука, рухнул на землю.

Гордон неподвижно стоял над ним, напряженно прислушиваясь к окружающей темноте. За углом, в верхнем конце переуллка, послышались шаги несколь-

ких пар обуток в сандалии ног и звон стали. Глянув на пистолет, сжатый в руке, Гордон поколебался, но все же решил не принимать бой, а ретироваться с места происшествия.

«Да, не зря мне говорили, — подумал он, — что улицы ночного Кабула когда-нибудь станут могилой Френсиса Хавьера Гордона».

Стремительным шагом, порой переходя на бег, Гордон спустился по переулку к более широкой улице, прошел по ней несколько кварталов, стараясь держаться подальше от зияющих беспросветной чернотой провалов дверей и подворотен, и через несколько минут уже стучал — негромко, условным стуком-паролем — в одну из дверей, над притолокой которой горела масляная лампа.

Дверь распахнулась почти мгновенно. Молнией скользнув внутрь, Гордон выдохнул:

— Запри! Быстро!

Высокий бородатый афридий, открывший Гордону дверь, не говоря ни слова, мгновенно захлопнул дверь и запер ее на широкий тяжелый засов. Затем он обернулся и, нервно поглаживая бороду, изучающе поглядел на вошедшего друга.

— Рубашка-то распорота, Аль-Борак, — буркнул он.

— Кто-то хотел убить меня, — ответил Гордон и, чувствуя, что этой информации явно недостаточно, пояснил: — Один набросился на меня сзади в темном углу, другие кинулись в погоню.

Глаза афридия засверкали, его рука непроизвольно потянулась к внушительной трехфутовой сабле, висевшей в ножнах на его поясе.

— Тогда мы сейчас выйдем и в честном бою перережем этих собак, сагиб!

Гордон покачал головой, и пыл его друга-адъютанта сразу же поумерился. Сам Гордон не выделялся ни ростом, ни габаритами, но в целом его облик внушал уважение и почтение. Широкие плечи, мощная груд-

ная клетка, толстые канаты мышц на шее намекали на недюжинную, почти первобытную силу. И в то же время опытный наблюдатель даже по походке определил бы в Гордоне человека, умеющего двигаться с кошачьей грацией и ловкостью и с умопомрачительной быстротой.

— Аллах с ними, — махнул рукой Гордон. — Это враги Бабер-хана. Они как-то прознали, что я сегодня был у эмира и пытался убедить его простить мятежного Бабер-хана.

— Ну и что сказал на это эмир?

— Что — «что»? Он прочно уверовал в необходимость уничтожения вождя непокорного племени. Противники Бабер-хана все время подогревают эмира, настраивая его на решительные меры, да и сам Бабер-хан не подарок — редкий упрямец. Наотрез отказался прибыть в Кабул и отвести от себя подозрения в подстрекательстве к мятежу. Ну, эмир и заявил, что через неделю он выступит на Кхор, сровняет этот городишко с землей и на копье привезет в Кабул голову Бабер-хана, если тот не прибудет в столицу добровольно и не сдастся на его милость. Враги Бабер-хана не хотят, чтобы он сделал это. Они прекрасно понимают, что все выстроенные ими обвинения разрушатся, как картонный домик, если Бабер-хан будет вести защиту с моей помощью. Тогда им самим несдобровать. Вот они и пытаются вывести меня из игры, только ударить в открытую не осмеливаются. А мне, видимо, придется срочно ехать к Бабер-хану и пытаться уговорить его сдаться на милость эмира.

— Бесполезно, — тоном пророка изрек афридий. — Вождь Кхора никогда не пойдет на это.

— Вполне возможно. Но я все же попытаюсь. Как-никак, мы с Бабер-ханом старые друзья. Вот что: буди Ахмад-шаха и седлай лошадей, а я пока соберу все необходимое. Мы уезжаем в Кхор. Прямо сейчас.

Афридий не стал комментировать опасность ночной поездки в горы, ничего не возразил он и по пово-

ду позднего часа для начала путешествия. Так уж повелось, что люди, работавшие, путешествовавшие с Аль-Бораком, считавшие себя его друзьями, были готовы вскочить в седло в любое время дня и ночи.

— А сикх? — поинтересовался афридий, уже уходя в глубь дома.

— Он остается во дворце. Эмир доверяет Лалу Сингху больше, чем своей личной страже, и хочет на время оставить его при себе — как телохранителя. Он очень нервничает с тех пор, как султан Турции пал от руки этого фанатика Хастена. Что ж, а теперь — за дело, Яр Али-хан. Враги Бабер-хана наверняка следят за нашим домом, но вряд ли они подозревают о существовании черного хода из него, там, за конюшней. Там-то мы и проскочим незамеченными.

Афридий прошел в одну из комнат и потряс за плечо человека, спавшего там на ворохе ковров.

— Эй ты, шайтанов сын, вставай! Мы уезжаем, — сказал он и пояснил: — На запад.

Спавший проснулся и, зевая, сел. Звали этого человека Ахмад-шах, родом он был из племени юзуф.

— И куда именно? — поинтересовался Ахмад-шах.

— В эту дыру — Кхор, где мятежный шакал Бабер-хан без колебаний вырежет сердце каждому из нас, — мрачно пошутил Яр Али-хан.

Ахмад-шах, широко улыбаясь, встал и потянулся.

— Не любишь ты Бабер-хана, вождя кхоров из племени гильзай. Но не забывай, он ведь друг Аль-Борака!

Яр Али-хан буркнул что-то нечленораздельное и направился через внутренний дворик к конюшням. Действительно, о существовании потайного выхода, спрятанного в узком простенке между домами, не знал никто, кроме самых близких Гордону людей. Соглядатаи, дежурившие у дома американца в ту ночь, сосредоточили свое внимание на других дверях и окнах. Поэтому маленький отряд сумел незаметно прокрасть-

ся по переулку и, быстро миновав несколько улиц, столь же незаметно покинуть квартал. С той минуты, когда Гордон постучал в дверь своего дома, прошло не более получаса, и вот уже цокот копыт за городской стеной возвестил о том, что три всадника выехали из Кабула и держат путь на запад.

А тем временем в своем дворце эмир Афганистана на себе испытывал справедливость утверждений о том, как тяжело приходится голове, которая носит корону.

Он вынырнул в приемную из внутренних покоев с весьма озабоченным лицом и рассеянно кивнул на по-военному четкое приветствие высокого, широкоплечего сикха, щелкнувшего каблуками и замершего в ожидании приказаний в первой приемной личных покоев правителя. Эмир жестом показал стражнику, что хочет остаться один, и скрылся в анфиладе комнат, закрыв за собой двери. Лал Сингх лишь безмолвно проводил его взглядом, продолжая стоять неподвижно, положив ладонь на обтянутую акульей кожей рукоять длинной сабли.

В голове его крутились догадки и предположения о теме и результатах встречи его друга Аль-Борака с эмиром. После нескольких часов разговора наедине с правителем Аль-Борак покинул дворец с поспешностью, в которой угадывались досада и раздражение.

Об этой же встрече размышлял в это время и сам эмир. Он вошел в комнату, освещенную несколькими позолоченными светильниками, из окна которой открывался вид на спящий ночной город. Сегодняшний конфликт был первым за многие годы знакомства эмира с Гордоном. Этот американец действовал при дворе правителя Афганистана как неофициальный советник, консультант, посланник и представитель специальных служб. На эмира со всех сторон давили правители могучих держав Запада, которые использовали его горное королевство всего лишь как орудие для достижения своих целей. Гордон, имея огромные свя-

зи, влияние, опыт и, главное, обладавший огромной государственной мудростью, не раз на деле доказывал эмиру, что на него можно положиться в самых серьезных и деликатных делах.

Хмурясь от тревожных мыслей, эмир отвернулся от окна и направился к скрытой тяжелыми шторами нише, в которой стоял его рабочий стол. Одна из штор чуть кольхалась, и поначалу эмир, заметив это, лишь рассеянно подумал, что на город подул ветер с гор. Он бросил взгляд на окна и похолодел: легкие занавески у самого окна висели неподвижно, спадая ровными складками от потолка к полу. И при этом тяжелая парчовая штора в глубине комнаты совершенно определенно шевелилась, пусть и не очень заметно...

Правитель был сильным человеком и не раз доказывал подданным свою храбрость и мужество. Вот и сейчас, не растерявшись, он стал действовать пусть не по велению расчета и разума, но зато повинаясь инстинкту — стремительно и решительно. Одним прыжком он подскочил к шторам и резким движением отдернул парчовые полотнища... В темноте ниши в тот же миг сверкнуло лезвие кинжала, зажатого в едва видимой руке. Удар клинка был нацелен прямо в грудь эмира. Криками призывая стражу на помощь, правитель повалился на пол, крепко вцепившись руками в нападавшего, увлекая его за собой. Неизвестный из всех сил пытался вырваться и вертелся, как пойманный голыми руками дикий зверь. Глаза его горели яростным огнем и одновременно — удивлением и злостью. Еще бы — его оружие, пропоров золоченый халат эмира, уткнулось в нательную кольчугу, уже не раз спасавшую жизнь ее обладателю в перипетиях внешней тихой, но богатой на подобные «сюрпризы» дворцовой жизни.

В коридоре послышался топот сапог охраны, и эмир понял, что его спасение теперь кроется в том, чтобы выиграть время — какие-то несколько секунд. Одной рукой он схватил противника за горло, другой

перехватил предплечье руки, сжимавшей кинжал. Но напряженные мышцы нападавшего были, казалось, из стальных канатов. Невзирая на сопротивление эмира, он сумел нанести ему несколько неглубоких ран — в руку, плечо и бедро. Эмир почувствовал, что силы покидают его, вот-вот уже противник сломит его сопротивление, подомнет его под себя, высвободит руку с кинжалом... Вот уже кинжал взмыл в воздух, чтобы с размаху пронзить горло правителя — как вдруг комнату пересекло нечто, в свете ламп показавшееся похожим на ярко-синюю молнию, и... нападавший рухнул на свою несостоявшуюся жертву. Череп его был расколот надвое от макушки до нижней челюсти.

— Ваше Величество! О, мой господин! — Сикх был бледен, как смерть. — Вы живы? Что?.. Вы ранены!

Пинком отбросив труп нападавшего, сикх поднял эмира, жадно вдыхавшего воздух пересохшим ртом. Лицо его было залито кровью — своей и противника. С помощью сикха эмир доплелся до дивана, где и лег без сил, а его спаситель тотчас стал рвать шелковое покрывало, чтобы перевязать раны правителя.

— Смотри! — прохрипел эмир, указывая пальцем на пол. — Кинжал! Кинжал!

Сикх посмотрел в ту сторону, куда указывал правитель. Рядом с телом нападавшего в луже крови лежало странное и необычное оружие. От одной рукоятки отходило три — именно три! — клинка. Лал Сингх вздрогнул и негромко выругался.

— Кинжал с тремя лезвиями! — почти простонал эмир, закатывая в ужасе глаза. — Таким же оружием были зарезаны турецкий султан, персидский шах и низам Хайдарабада!

— Ритуальное оружие секты Избранных, — пробормотал Лал Сингх, с тревогой осматривающий диковинное оружие — символ чудовищного культа, последователи которого за предшествующий год сумели нанести несколько ударов, каждый из которых оказался роковым для правителя или монарха Востока.

Во дворце поднялся переполох. По залам и коридорам беспорядочно забегали придворные и слуги; все кричали и суетились, но никто не мог понять, что происходит.

— Закрой двери! — распорядился эмир. — Не выпускай никого, кроме дворецкого.

— Но вам нужен лекарь, Ваше Величество! — осмелился возразить сикх. — Ваши раны сами по себе не смертельны, но клинки этого кинжала наверняка отравлены!

— Да, да... Пошли кого-нибудь за врачом. О Аллах! Избранные приговорили меня к смерти!

Эмир был сильным человеком, но случившееся, казалось, сломило его волю к сопротивлению.

— Кто может вечно противостоять кинжалу наемного убийцы, который наносит удар в спину?! Никому не дано одолеть змею, оказавшуюся у него под босыми ногами. Никто не сможет уберечься от яда в чаше с вином... — бормотал правитель. — Лал Сингх, быстро отправляйся к Аль-Бораку и скажи, что он мне срочно нужен, — приказал эмир. — Пусть немедленно скачет во дворец! Если и есть во всем Афганистане человек, способный защитить меня от этих дьяволов, так это он, и только он!

Отдав честь, Лал Сингх покинул покои правителя. Он шел по коридору, печально покачивая головой: впервые он увидел страх на лице и в глазах эмира, которому до того, казалось, было неведомо это чувство.

У эмира были очень веские причины не только бояться, но и откровенно паниковать: неведомый страшный культ возродился на Востоке в последние годы. Кем были его последователи, каковы были их цели, этого не знал никто. По слухам, они называли себя Избранными, а их эмблемой был кинжал с тремя клинками. Вот, пожалуй, и все, что было известно об этой секте. Ее посланники появлялись словно из ниоткуда, неожиданно и внезапно наносили удар и либо исчезали, либо погибали в поединке, никогда не сда-

ваясь живыми. Некоторые считали этих людей обыкновенными религиозными фанатиками. Другие полагали, что их деятельность имеет под собой политическую подоплеку. Лал Сингх знал, что даже Гордон не располагал сколько-нибудь достоверной информацией об этой таинственной секте. Но в то же время сикх был уверен, что американец сможет защитить эмира даже от этих разящих из темноты дьяволов.

* * *

Через три дня после стремительного отъезда из Кабула Гордон сидел по-турецки на каменистой тропе, которая, петляя, шла по крутому склону горного хребта, нависшего над городком, именуемым Кхором.

— Пойми, я — последнее препятствие, преграждающее смерти путь к тебе, — вновь повторил он слова предупреждения, обращаясь к своему собеседнику.

Тот, сидя напротив американца, машинально поглаживал медно-красную бороду. Он был широкоплеч и силен. Его роскошно украшенная оружейная перевязь щетинилась рукоятками кинжалов. Звали этого человека Бабер-хан; он был вождем дикого и непокорного племени гильзай, абсолютным, единоличным властителем Кхора и повелителем-командиром трех сотен отчаянно храбрых воинов.

Но в его тоне не было и намека на высокомерие.

— Аллах с тобой! — отмахнулся Бабер-хан от назойливо повторяющего свои предупреждения американца. — Разве может человек встать на пути чьей-либо судьбы, тем более если она уготовила другому неминуемую смерть?

— Я всего лишь предлагаю тебе возможность договориться с эмиром, заключить с ним мир.

Бабер-хан с фатализмом, столь свойственным его народу, покачал головой и ответил:

— У меня при дворе слишком много врагов и недоброжелателей. Приди я в Кабул, и кого будет слу-

шать эмир: меня или их лживые речи? Он меня просто-напросто посадит на кол или бросит в клетку к голодным барсам. Нет, никуда я не пойду, Аль-Борак.

— Тогда собери свое племя и уходи из этих мест. Найди для своего народа иное пристанище. Ты лучше меня знаешь, что в горах есть места, где даже эмир не станет преследовать тебя.

Бабер-хан бросил взгляд вниз, туда, где у подножия хребта не очень грозно, но гордо возвышались башни и стены Кхора, выстроенные из камней, скрепленных глиной. Глаза вождя сверкнули черным пламенем, ноздри его затрепетали. Словно горный орел, он ревниво осматривал с вершины свои владения.

— Нет! Видит Аллах, нет и нет! Мой народ живет в Кхоре со времен Пророка, и мой клан правит этим народом с тех давних дней. Нет, пусть эмир правит в Кабуле, но этот город, эта долина, эти хребты принадлежат мне и моему племени!

— Дождешься, что эмир будет властвовать и здесь, в столь горячо любимом тобой Кхоре, — буркнул из-за спины Гордона Яр Али-хан, стоявший там бок о бок с Ахмад-шахом.

Бабер-хан перевел взгляд на восток, куда уходила, скрываясь между неприступными кручами, караванная тропа на Кабул. По обе стороны от тропы на высоких скалах тут и там виднелись яркие пятна — одежды стоящих на страже метких стрелков Кхора, вооруженных тяжелыми дальнобойными винтовками. По тревоге воины накрылись бы походными бурнусами и стали бы совершенно невидимыми с тропы.

— Пусть эмир приходит, если ему так этого хочется, — мрачно сказал Бабер-хан. — Нашу долину мы сумеем удержать.

— Он придет с пятью тысячами воинов, с артиллерией, — напомнил вождю Гордон. — Он войдет в долину, перебьет твоих воинов, снесет Кхор с лица земли, а твою голову привезет в Кабул на копье — в название другим непокорным.

— На все воля Аллаха, — с непоколебимым фатализмом пожал плечами Бабер-хан, не утруждая себя поиском дальнейших аргументов в этом споре.

Как это частенько с ним бывало в прошлом и куда реже в последнее время, Гордон ощутил приступ гнева, вызванный столкновением с этой непробиваемой стеной восточного мировосприятия. Ему, человеку Запада, претила сама мысль о том, что можно так инертно, так безвольно плыть по течению жизни. Вот и сейчас дело, похоже, зашло в тупик именно из-за нежелания Бабер-хана прислушаться к доводам активного, действующего, ищущего решения и выхода разума. Скрипя зубами, американец молча глядел на запад, где пылающий огненный шар на фоне глубокого, индигово-синего небосвода медленно опускался к зубчатому, неровному горизонту.

Бабер-хан, приняв молчание Гордона за признание им своего поражения, решил перейти к другой теме и неожиданно сказал:

— Сагиб, у меня есть нечто такое, что, я думаю, заинтересует тебя. Признаться, я и сам стараюсь от нетерпения показать тебе это. Видишь вон тот полуразрушенный домик за городской стеной? Там лежит мертвец. Таких людей я не видел никогда. Не только я, но и ни один человек из моего племени не встречался с такими людьми... Хотя, сказать по правде, я далеко не уверен в том, что это труп обычного человека. Слишком уж злобещ и странен его облик даже сейчас, после смерти, и мне кажется...

Резкий сухой звук винтовочного выстрела прокатился по долине, заставив всех четверых собеседников вскочить на ноги и посмотреть в ту сторону, где он прозвучал.

Порыв ветра донес до них и сердитые крики. Затем на гребне хребта появился человек, быстро и ловко перепрыгивавший с камня на камень. Потрясающий над головой винтовкой, он здорово смахивал на какого-то спятившего горного черта. Рваная, развеса-

ющаяся по ветру плащ-накидка делала это сходство еще более убедительным.

— Э-гей, Бабер-хан! — завопил он во всю глотку. — Там на перевале какой-то сикх на чуть живой от долгой скачки лошади. Он говорит, что ему нужно срочно увидеться с сагибом Аль-Бораком!

— Сикх? — удивился и забеспокоился Гордон. — Пусть его впустят. Быстрее!

Бабер-хан прокричал условную команду, эхом прокатившуюся по всей долине, и часовой вновь скрылся за гребнем горы. Вскоре на тропе показался всадник. Лошадь его, казалось, могла рухнуть замертво в любой момент. Голова скакуна поникла, хлопья пены повисли на морде, пот, казалось, насквозь пропитал его шкуру.

— Лал Сингх! — воскликнул Гордон.

— Видит Кришна, он самый, сагиб, — усмехнулся сикх, слезая с седла. — Да, не зря тебя прозвали Аль-Бораком — Стремительным! Наверное, я покинул Кабул спустя какой-то час после тебя, но, как я ни торопился, как ни погонял самых свежих лошадей, которых мне предоставляли в каждой деревне, повинаясь печати эмира, я так и не смог нагнать тебя по дороге.

— Должно быть, весьма срочные новости вынудили тебя так торопиться. Я прав, Лал Сингх?

— Так оно и есть, сагиб. Новости более чем срочные и важные, — заверил Гордона сикх. — Эмир приказал мне догнать тебя и упросить вернуться в Кабул. Сагиб, на эмира совершено покушение. Кинжал с тремя клинками!

Гордон напрягся всем телом, как пантера, почувывая опасность.

— Расскажи подробно! — скомандовал он. Коротко, сжато, но предельно точно Лал Сингх изложил ему все, что знал сам о нападении на правителя.

— В твоей резиденции в Кабуле мне сообщили, что ты ускакал в Кхор, — сказал Лал Сингх. — Я вернулся во дворец, и эмир приказал мне следовать за тобой.

Он здорово ослаб от ран, но не они приближают его к смерти, а парализовавший его волю ужас.

— Он что-нибудь говорил о планировавшемся походе на Кхор? — спросил Гордон.

— Нет, сагиб. Но я полагаю, что он не покинет стен дворца до твоего возвращения, и уж по крайней мере до того, как зарубцуются его раны. Разумеется, если он и в самом деле не умрет от яда, которым были смазаны лезвия кинжала.

— Похоже, судьба дала тебе отсрочку, — сказал Гордон Бабер-хану. — Воспользуйся ею, обдумай все хорошенько. А ты, Лал Сингх, ступай в Кхор, поешь и ложись спать. На рассвете мы уезжаем обратно в Кабул.

Впятером они стали спускаться по тропе, ведущей к воротам Кхора. Ахмад-шах вел в поводу усталую лошадь. Чуть приотстав, Бабер-хан пристально поглядел на Гордона и спросил:

— Ну и что ты об этом скажешь, Аль-Борак?

— Ничего, просто кто-то — в Константинополе, в Москве или Берлине — дергает за какие-то невидимые нити. Идет обычная политическая игра...

— Думаешь, все так серьезно? А я полагал, что эти Избранные — просто кучка оголтелых фанатиков-безумцев.

— Боюсь, что это не кучка, — вздохнул Гордон, — а, скорее всего, весьма многочисленное тайное общество, исповедующее идеалы анархизма. Тем не менее все убитые этими ребятами правители были либо верными сторонниками, либо яростными врагами Британской империи. Так что я полагаю, что за их спинами стоят какие-то европейские силы... Да, кстати, ты, кажется, хотел что-то показать мне.

— Да-да, чуть не забыл, — хлопнул себя по лбу Бабер-хан. — Мертвеца в развалившейся хижине. Дело было так: мои разведчики, совершая дальний обход долины, наткнулись на этого парня у подножия скалы, с которой он упал или был сброшен. Я распорядился

принести его в город, но по дороге он умер. Перед смертью он что-то говорил, но никто из нас не знает этого языка. Честно говоря, у меня нет даже предположений по поводу того, как называется этот язык. Впрочем, мои люди испугались, что этот покойник призывает проклятие на наш город, и мы решили положить тело где-нибудь за стенами. Люди поговаривают, что этот мертвец — колдун, а то и какой-нибудь демон, и, откровенно говоря, я почти готов согласиться с ними. Ты и сам знаешь, что в хорошем дневном переходе отсюда на юг, за стеной диких, совершенно непроходимых и необитаемых гор, лежит таинственная страна, которую мы называем Гулистан.

— Гулистан! — словно эхо повторил Гордон зловещее название. — По-турецки или по-татарски это означает — Страна Роз. Но в переводе с арабского это — Страна Упырей.

— Точно, Страна Вампиров и Упырей! Страшная территория, занятая черными хребтами и бездонными пропастями ущелий, страна, которую мудрый человек обходит стороной. Выглядят эти места необитаемыми, на самом же деле там живут... живут люди или демоны. Порой где-то на дальнем пастбище или на узкой тропе пропадают наши женщины и дети. Мы знаем, что это работа тех, кто живет там, в горах Гулистана. Мы пытались выследить их, шли по их следам, видели какие-то нечеткие силуэты в ночи, но каждый раз погоня упиралась в отвесные скальные стены, по которым — или сквозь которые — дано пройти только демонам. Иногда мы слышим голос джиннов, воющих в скалах. Даже дальних отголосков этого звука достаточно, чтобы ледяная лапа страха крепко сжала сердце самого храброго воина.

За этим разговором они подошли к полуразрушенной хижине, и Бабер-хан, откатив подпирающий двери камень, открыл вход в маленькое помещение. Внутри взглядам пяти вошедших предстало распростертое на земляном полу мертвое тело.

По пропорциям, одежде, цвету кожи и чертам лица мертвеца нельзя было отнести ни к одному из многочисленных народов Афганистана. Невысокого роста, широкий в кости, почти квадратный человек с плоским круглым лицом, темно-медной кожей и узкими раскосыми глазами, он, несомненно, был родом из степей и пустынь Гоби. На его затылке и плечах запеклась кровь, неестественная поза свидетельствовала о том, что кроме пробитого черепа были сломаны и другие кости.

— Ну что, чем тебе не колдун или шаман? — с наигранной беззаботностью спросил Бабер-хан.

— В общем-то, он всего-навсего монгол, — ответил Гордон. — И, уверяю тебя, сотни тысяч ему подобных людей живут в той стране, откуда он родом. Обвинять его в том, что он вампир, пещерный гном или демон, я не вижу никакой необходимости. Колдунов среди монголов не больше, чем в любом другом народе... Меня куда больше волнует другое: какого черта он здесь делал и как его сюда занесло? Вот в чем загадка!

Наклонившись над трупом, Гордон присмотрелся к нему повнимательнее, а затем прищурился и резким движением распахнул на груди халат. Под верхней одеждой на теле мертвеца была надета тонкая рубашка, посмотрев на которую через плечо Гордона Яр Али-хан изумленно охнул. На груди, на левой стороне рубашки, алая, как только что пролитая кровь, была вышита эмблема — кулак, сжимающий рукоять кинжала... с тремя лезвиями.

— Три клинка! — прошептал Бабер-хан и отшатнулся от этого символа, знаменующего собой скорую и неминуемую смерть многих правителей Востока.

Все присутствующие выжидательно смотрели на Гордона, который продолжал молча разглядывать вышитую на рубашке монгола эмблему и пытался, опираясь на слабые ассоциации, вызвать в памяти те немногие сведения, что когда-то попались ему в связи с древним мрачным культом, использовавшим в давние времена тот же самый символ.

— Бабер-хан, твои люди могут отвести меня к тому месту, где они нашли этого человека? — спросил он наконец.

— Да, сагиб. Но учти — это нехорошее место. Оно находится в Ущелье Призраков, почти на границе Гулистана...

— Хорошо, я понял... Так, Лал Сингх и все остальные — отправляйтесь в город и ложитесь спать. Мы выезжаем на рассвете.

— В Кабул, сагиб?

— Нет. В Гулистан.

— Значит, ты полагаешь, что...

— Я ничего не полагаю — пока. И пока я отправляюсь в эту поездку в поисках знаний и ответов на вопросы.

ГЛАВА ВТОРАЯ ЧЕРНАЯ СТРАНА

Проводник, скакавший целый день впереди Гордона и его спутников, остановился только тогда, когда вечерние сумерки стали скрадывать очертания дальних гор. Местность, где, казалось, не было ни единого пятнышка ровной, горизонтальной земли, прорезал глубокий каньон, по обе стороны которого громоздились неприступные кучи и гигантские скалы. Разного цвета горные породы — серые, коричневые, буро-красноватые — сменяли друг друга слоями, как бы иллюстрируя смену геологических эпох. Над ущельем не было видно ничего, кроме первозданного хаоса переломанных, торчащих в разные стороны самыми причудливыми формами черных скал.

— Там начинается Гулистан, — сказал гильзаипроводник, и его черноглазые, с крючковатыми носами соплеменники почти инстинктивно щелкнули затворами винтовок и проверили, легко ли вынимаются из ножен кинжалы и сабли.

— Там, за этим ущельем,— продолжал проводник,— за Ущельем Призраков начинается страна ужаса и смерти. Мы дальше не пойдем, сагиб. Мы никогда туда не ходим.

Гордон кивнул, но взгляд его при этом был устремлен на выходящую ко дну ущелья, уходящую в его глубь тропу. Она была продолжением чуть заметной древней дороги, по которой отряд только что проехал немало миль, но выглядела так, словно по ней достаточно часто и совсем недавно ходили.

Проводник, угадав мысли американца, поспешил сказать:

— Да, этой тропой пользуются... По ней приходят и уходят демоны, живущие в черных горах. Но никто из людей, отважившихся проследовать по ней, не возвращался обратно.

Яр Али-хан хитро прищурился и, всячески скрывая суеверный страх, давивший на него не менее сильно, чем на гильзай, демонстративно иронично поинтересовался:

— Демоны, говоришь? Интересно, с каких это пор демонам понадобились тропинки, чтобы передвигаться по земле?

— Когда демоны принимают облик людей, они, наверное, и ходить вынуждены как люди,— буркнул себе в бороду Ахмад-шах.

Лицо Лала Сингха оставалось во время разговора абсолютно непроницаемым. В мифах его народа кишмя кишели тысячерукие и тысяченогие демоны, но он не позволял себе смеяться над суевериями других народов.

— Демоны летают на крыльях, как летучие мыши,— со знанием дела заявил Яр Али-хан.

Проводник не стал ввязываться в спор с афридием, а, обращаясь к Гордону, сказал:

— Вон там, где тропа делает первый поворот, у подножия гряды, по гребню которой она идет, мы и нашли того, кого ты назвал монголом. Наверное, его

собратья-демоны повздорили с ним и сбросили его вниз с обрыва.

— Скорее всего, он сорвался, упал и скатился с тропы вниз по склону, — уточнил Гордон. — Монголы — дети ровной, как стол, пустыни. Они совершенно не знают, как вести себя в горах, а ноги их кривы и слабы из-за того, что всю жизнь они проводят в седле. Нет ничего удивительного в том, что такой человек с непривычки не удержался на узкой тропе.

— Если, конечно, все-таки считать его человеком, — многозначительно заметил гильзай. — Я-то все равно думаю, что он... О Аллах!

Все присутствующие, включая и самого Гордона, вздрогнули при звуках, донесшихся со стороны черных гор. Гильзай, да и спутники американца, побледнели и крепче сжали в руках оружие, поглядывая по сторонам, словно стая загоняемых волков. А по горам, по скалам, хребтам и отрогам катился, отражаясь тысячекратным эхом, низкий, отдающийся вибрацией во всем теле, чуть хрипящий рев.

— Это голос джинна! — прокричал проводник, машинально натягивая поводья так, что бедная лошадь всхрапнула и попятилась. — Сагиб, ради всемилостивейшего Аллаха будьте благоразумны! Возвращайтесь с нами в Кхор!

Нет, я пойду вперед. А ты забирай своих людей и отпирайся назад, в свой город, как мы и договаривались.

— Бабер-хан будет скорбеть по тебе, сагиб! — с упреком в голосе сказал через плечо гильзай, уже разогнувшийся своего скакуна, безжалостно вонзая шпоры ему в ребра. — Он ведь любит тебя как брата. В Кхоре будет траур по тебе и твоим друзьям!

Последние фразы уже едва донеслись до тех, кому были адресованы, — так стремительно уносили, стуча копытами по камням, низкорослые горные лошадки своих седоков — бесстрашных гильзай, храбрых воинов Кхора, подданных Бабер-хана.

— Бегите! Бегите, жалкие трусы! Сыновья плаксивых женщин, боящихся мышей и пауков! — завопил им вслед Яр Али-хан, не упускавший случая оживить давнее межплеменное соперничество и подчеркнуть собственное превосходство.

— Мы найдем ваших демонов и, связав их хвостами, притащим вам в Кхор на потеху! — напоследок пообещал он гильзай, но, убедившись, что те явно покинули зону слышимости, замолчал и нахмурил брови.

* * *

Подъехав к самому устью каньона, к тому месту, где тропа начинала уходить в его глубину, Гордон и его спутники стали всматриваться и вслушиваться, особенно в том направлении, откуда донесся тот леденящий душу вой.

Ахмад-шах нервно ерзал в седле, а Яр Али-хан, почесывая бороду и хитро поглядывая на Гордона, напоминал хорошо выдрессированное и послушное привидение, вооруженное острой, как бритва, трехфутовой саблей. Первым Аль-Борак обратился к Лалу Сингху:

— Тебе доводилось слышать что-либо подобное?

— Да, сагиб. В горах, где живут люди, поклоняющиеся дьяволу.

Гордон без дальнейших обсуждений чуть тряхнул поводьями, направляя лошадь вперед медленным шагом. Ему тоже доводилось слышать этот хриплый вой десятифутовых бронзовых труб, которыми пользуются для связи и в обрядах живущие на неприступных кручах горной Монголии бритоголовые жрецы Эрлика.

Яр Али-хан недовольно фыркнул, считая себя обойденным судьбой. Еще бы: он не слышал раньше этих труб, и к тому же сагиб не стал даже спрашивать его мнение по этому поводу. Яр Али-хан вообще предельно ревниво, как любимая борзая из своры, следил за всеми проявлениями внимания Гордона. Пришпо-

рив лошадь, он обогнал Лала Сингха, чтобы оказаться рядом с другом-хозяином, когда тропа сузится настолько, что ехать придется колонной по одному. Радостно оскалившись и показав язык сикху, который давно привык к этим, почти детским, проявлениям тщеславия и обиды, афридий обратился к человеку, внимание которого так много для него значило:

— Раз уж нас занесло в эту глухомань, населенную демонами, куда нас завели коварные воины Кхора, которые непременно вернутся за нами ночью, чтобы перерезать нам глотки, хотел бы я знать: какого черта нам здесь нужно и что именно ты намерен делать в самое ближайшее время?!

Эта тирада больше всего напоминала недовольное ворчание старой собаки, осмелившейся зарычать на хозяина по вполне уважительной причине: когда тот чересчур ласково потрепал по холке другого пса. Гордон наклонил голову и закашлялся, чтобы скрыть улыбку.

— Скоро остановимся на ночлег, прямо в каньоне, — сказал он, отвечая на последний вопрос афридия. — Лошади устали, да и вообще нет смысла продолжать путь в темноте, рискуя свернуть себе шею. А завтра с рассветом осмотримся здесь, выясним, что тут к чему. Я уверен, что тот монгол был одним из так называемых Избранных. Двигался он наверняка пешком. Будь он верхом, он ни за что не упал бы, разве что вместе с сорванной лошадью. Гильзай лошадь не нашли, а поткнулись только на мертвого человека. Если же он шел пешком — значит, шел не издалека. Где-то рядом должен быть или лагерь, или какое-то их стойбище. Ни один монгол по доброй воле не пройдет и ста футов, предпочтя проехать это расстояние верхом, это точно.

Чем больше я над всем этим размышляю, тем больше мне кажется, что у Избранных есть какая-то база в этих местах, скорее всего там, за хребтом, к которому ведет это ущелье. Место для тайного опорного пункта, сами понимаете, лучше не придумаешь. Горы в этих краях заселены, прямо скажем, неплотно.

Кхор — ближайшее отсюда поселение, а до него, как мы могли сами убедиться, целый день быстрой скачки. Кочевые племена стараются держаться подальше отсюда, побаиваясь воинов Бабер-хана, а сами они слишком суеверны, чтобы соваться в глубь ущелья. Избранные, прячась где-то там, в горах, могут годами приходить оттуда и уходить обратно никем не замеченными. Много веков назад дорога, по которой мы сегодня проехали, была частью большого караванного пути. Она и по сей день вполне сносно сохранилась. А то, что она проходит в стороне от обжитых мест, — так для тайного общества это еще и лучше. Двигаясь по ней от самых границ Запретной страны, человек может оказаться в одном дневном переходе от Кабула практически без риска быть замеченным. Я даже припоминаю, что видел эту дорогу на древних пергаментных картах.

Если говорить честно, то я не совсем четко представляю себе, чем мы завтра будем заниматься. Скорее всего, в основном слушать, смотреть и ждать дальнейшего развития событий. Действовать будем по обстановке. Наша судьба, наши жизни — всецело в руках Аллаха, — закончил Гордон без всякой иронии в голосе.

— И не говори, сагиб. О Аллах! Он все видит, на все его воля, — закивал Яр Али-хан, выразительно проводя по горлу ребром ладони.

Двигаясь в глубь каньона, путники выяснили, что тропа уводит их в узкое ущелье, примыкающее к каньону с юга. Южная стена каньона поднималась выше северной и была гораздо круче. Порой она поднималась практически отвесным черным обрывом скальных монолитов, разорванных тут и там узкими разломами ущелий. Проехав по тропе до первого поворота в ущелье, Гордон убедился в том, что дальше следует целая вереница крутых изгибов, а также подъемов и спусков. Узкая теснина извивалась, словно змеиный след, и в этот поздний час почти ночная темнота уже заполнила ее у самого дна.

— Вот наша завтрашняя дорога, — сказал Гордон молча кивнувшим ему спутникам.

Все вместе они вернулись в основной каньон, где еще можно было кое-что разглядеть в последнем свете уходящего дня. В сумерках окружающая тишина ощущалась еще более полной, и цокот подков, казалось, раздрает окружающий мир на части, оглушая горы и ущелья.

В нескольких сотнях футов к западу от ущелья, в которое уходила тропа, в стене каньона зиял другой провал — еще более узкий, с неровным, покрытым острыми камнями дном, без каких бы то ни было следов тропинки. Этот разлом сужался так быстро, что Гордон склонялся к мысли о том, что он заканчивается тупиком, причем совсем недалеко от устья.

Примерно на полпути между этими двумя ущельями, ближе к северной стене каньона, из-под скалы бил слабый ключ, вода которого стекала в небольшое озерцо, образовавшееся под действием течения в скальном грунте. По соседству, в полукруглой нише стены, тут и там росли пучки жесткой травы. Здесь-то путники и стреножили на ночь усталых лошадей, отпустив их пасться. Они разбили лагерь у самой воды и поели холодных консервов, не рискуя разжигать костер, чтобы не выдать себя нежеланным соглядатаям. Впрочем, все четверо отдавали себе отчет в том, что неподвижные стражи уже вполне могли заметить их продвижение по дну зановедного каньона. В горах такое всегда возможно. Помня об этом, друзья все же не унывали. Палатки были оставлены в Кхоре, но расстеленные на земле одеяла, в которые можно укутаться, когда похолодает, вполне устраивали в походном ночлеге не избалованного комфортом Гордона и его спутников.

Позиция, выбранная американцем, выглядела во всех отношениях удачной. Помимо воды и замкнутого пространства, где могли пасться лошади, она была хороша тем, что с севера напасть на маленький отряд

не представлялось возможным из-за нависавшего над лагерем обрыва. К лошадям подойти можно было, только миновав сам лагерь. Оставалось оградить себя от непрошенных визитеров с юга, востока и запада.

Гордон разделил свой отряд на две смены. Первыми дежурить выпало Лалу Сингху, которому надлежало наблюдать за западным и юго-западным секторами, включая устье узкого разлома, и Ахмад-шаху, которому достался восток и юго-восток с устьем широкого ущелья, откуда было наиболее логично ждать опасности. Выбор пал на Ахмад-шаха не из-за его силы или ловкости (скорее всего, Лал Сингх превзошел бы его в любом виде единоборства, с оружием или без), а по причине того, что его органы чувств были чуть тоньше и чувствительнее, чем у сикха. Слух, зрение и обоняние дикого сына природы всегда будут превосходить аналогичные чувства цивилизованного человека, как бы долго и напряженно тот их ни тренировал и ни культивировал.

Любой противник — одиночка или целый отряд, —двигающийся с какой бы то ни было стороны, неминуемо вышел бы на одного из этих часовых, в чьей надежности Гордон имел возможность неоднократно убедиться в прошлом. Позже ночью он и Яр Али-хан должны были сменить друзей и дежурить до утра, дав тем отдохнуть.

Темнело в каньоне быстро. Темнота почти осязаемыми волнами поднималась по стенам, извивающимися щупальцами выползала из уже почерневших устьев боковых ущелий. Холодные, безучастные ко всему звезды высыпали на небе. Над непрошеными гостями повис черный бархатный купол небосвода, поддерживаемый остриями вершин окрестных хребтов. Засыпая, Гордон думал о том, свидетелями каких титанических событий были эти горы с тех пор, как они поднялись здесь из огненного чрева Земли, и какие неведомые создания бродили по их склонам задолго до того, как здесь появились люди.

* * *

Первобытные инстинкты, дремлющие в обычном, среднем человеке, вновь обостряются до предела, если этот человек ведет жизнь, полную смертельных опасностей и неожиданных поворотов...

Гордон проснулся в тот же миг, как только Яр Али-хан прикоснулся к его плечу, и, еще до того, как афридий успел произнести хоть слово, Аль-Борак уже понял, что над ним и его спутниками нависла смертельная угроза.

Мгновенно встав на одно колено и выхватив из кобуры пистолет, Гордон едва слышно прошептал:

— Что случилось?

Яр Али-хан присел рядом с ним; мощным обломом скалы казались в темноте широченные плечи афридия, глаза его горели, словно глаза дикой кошки. Тишину ночного каньона нарушали лишь звуки, исходявшие от пасущихся лошадей, мерно переступавших от одного кустика жесткой травы к другому.

— Плохо дело, сагиб, — одними губами произнес афридий. — Опасность! Совсем рядом! Сагиб, Ахмад-шах убит!

— Что?!

— Он лежит там, на своем посту у входа в ущелье, его горло перерезано от уха до уха. Я спал, и мне приснилось, что к нам подкрадывается смертельная опасность. От ужаса я проснулся. Понимая, что больше не усну, я прокрался к тому месту, где дежурил Ахмад-шах, чтобы сменить его. Подхожу — а он лежит на земле в луже крови. Видимо, он погиб мгновенно и беззвучно. Я никого не видел, ни звука не доносилось из темного, как преисподняя, ущелья.

Тогда я поспешил к южному посту, туда, где должен был дежурить Лал Сингх. Сагиб, там никого нет! Честное слово, Аллах свидетель моим словам. Ахмад-шах убит, а Лал Сингх пропал! Демоны гор зарезали одного из них и похитили другого, причем так, что мы

ничего не слышали. Мы, которые спим более чутко, чем дикие звери! Из того ущелья, где дежурил Лал Сингх, тоже не доносилось ни единого звука. Я ничего не видел, ничего не слышал, но я чувствую запах смерти. Смерть ходит где-то рядом, подкрадывается к нам, охотится за нами. Она, смерть, похожа на чудовище с горящими угольями вместо глаз, кровь стекает с ее когтистых лап. Чудовище свирепо, кровожадно и голодно... Сагиб, ну скажи, какие смертные могли бы разделаться с такими воинами, как Лал Сингх и Ахмад-шах, без единого звука?! Нет, этот каньон — это действительно место, где живут демоны и джинны!

Гордон ничего не ответил; выслушав Яр Али-хана, он лишь напряженно всматривался, вслушивался, даже внюхивался в темноту, одновременно осознавая случившееся и привыкая к мысли о том, что двух его самых близких друзей теперь с ним нет. Усомниться в словах Яр Али-хана ему и в голову не приходило — афридий он доверял как собственным глазам и ушам. То, что афридий ушел на пост, не разбудив его, тоже не удивило Гордона. Яр Али-хан был из тех, кто под покровом ночи, без оружия, проникал сквозь все кольца охраны полковых лагерей и похищал у спящих английских солдат их винтовки прямо из палаток, не разбудив при этом ни одного человека. Но то, что Ахмад-шах погиб, а Лал Сингх попал в плен без единого звука, — это казалось невероятным и действительно пахло какой-то чертовщиной.

— Сагиб, с дьяволами сражаться бесполезно. Садимся на лошадей и уносим отсюда ноги...

— Тихо!.. Слышишь?

Где-то неподалеку послышался звук шагов босой ноги по каменистой земле. Гордон встал, напряженно вглядываясь в темноту. Наконец ему удалось разглядеть несколько теней, едва различимых на черном фоне. Отделившись от скал, тени скользнули вперед... Гордон вынул из-за пояса одолженный в Кхоре палаши и убрал в кобуру пистолет. Лал Сингх был в плену у

этих неизвестных и мог оказаться на линии огня. Яр Али-хан тоже приготовился к бою, сжав в руке длинную хайберскую саблю. Больше всего он напоминал сейчас готового к последней схватке волка, беззаветно следующего за своим вожаком. По его личному мнению, простому смертному не было смысла ввязываться в бой с чертями и демонами, но если такова была воля Аль-Борака — он был готов сразиться хоть с самим шайтаном.

Чуть видная шеренга теней стала вытягиваться, обходя лагерь с флангов. Гордон и Яр Али-хан отошли на несколько шагов назад, чтобы прикрыться со спины каменной стеной каньона и не попасть в окружение.

Атака началась резко, стремительно и, как ни готовились к ней Гордон и Яр Али-хан, все равно неожиданно. Американец видел в темноте не хуже кошки; афридий же и вовсе ориентировался ночью так, как это дано только тому, кто был рожден, вскормлен и воспитан как воин в горах с их черными, словно смола, ночами. Несмотря на это, обоим друзьям поначалу пришлось ориентироваться в основном на слух — по звуку стремительно приближающихся шагов. Лишь в последние мгновения перед столкновением они успели разглядеть какие-то детали силуэтов нападавших и блеск воронящего оружия в их руках. Завязался бой, в котором удара наносились по велению чутья и инстинкта, лишь в какой-то мере опиравшихся на зрение и слух.

Видимо, нападавшие и сами не очень хорошо видели, где находятся их предполагаемые жертвы. Во всяком случае, первого из них Гордон убил, нанеся из темноты совершенно неожиданный для противника удар палашом. Воодушевленный тем, что нападавшие оказались-таки людьми из плоти и крови, а не бессмертными демонами, Яр Али-хан словно взорвался в приступе боевой ярости. Словно башня возвышался афридий над невысокими, плотно сложенными, почти квадратными противниками. Его длинные руки и длинный клинок его сабли, превосходящий длину оружия

противника, позволяли Яр Али-хану держать врагов вне зоны поражения и при этом самому наносить опасные удары. Стоя бок о бок, спинами к скале, обороняющиеся были защищены от опасного нападения с тыла и с флангов. Сталь со звоном ударялась о сталь, высекая голубые искры, которые на краткий миг выхватывали из темноты дикие, заросшие бородами лица. Началась тяжелая, абсолютно не романтическая работа — как на бойне, где остро отточенное лезвие впиывается в плоть и кость и живые существа превращаются в мертвецов под хрипы, стоны и бульканье крови, фонтаном бьющей из рассеченной яремной вены... Несколько долгих и одновременно стремительно летящих секунд этот клубок тел крутился и извивался у подножия скалы. Все развивалось слишком быстро, отчаянно и при слишком плохой видимости, чтобы можно было говорить о каком-либо продуманном плане действий. Преимущество же оказалось на стороне обороняющихся: видели и ориентировались в темноте они не хуже нападавших, чисто физически каждый из них превосходил по силе, ловкости и боевому опыту любого из противников, а кроме того, они знали, что, нанося удар, они поражают лишь неприятеля. Численное превосходство нападавших сыграло с ними злую шутку: в темноте, в пылу боя было немудрено шальным ударом зацепить кого-нибудь из своих. Действуя скупенно, в узком секторе, атакующие были вынуждены смирять свой порыв и следить за тем, чтобы не нанести удар по своим же товарищам.

Уворачиваясь от очередного удара, Гордон ткнул палашом в нападавшего и вдруг осознал, что уже третий его выпад оказывается безрезультатным. Палаш время от времени натыкался на непреодолимое препятствие. Кольчуги, понял американец. Эти люди были одеты в кольчужные рубахи! Бессильные против пули или тяжелого холодного оружия типа двуручного меча или боевого топора, они были вполне эффективной защитой в ближнем бою с противником, вооруженным

кинжалом или саблей. Учитывая это, Гордон стал стремиться наносить удары по не защищенным сталью частям тела противников. Он целился в голову, шею, руки и ноги. Результат не заставил себя ждать. Противники стали падать и, раненные, отползать либо, убитые, оставались лежать на месте.

Атака прекратилась так же неожиданно, как и началась. Действуя одновременно, по какому-то условному сигналу, нападающие вдруг отступили и стремительно скрылись в поглотившей их темноте. Однако темнота уже не была такой крошечной — восточная сторона скал вспыхнула серебристым пламенем, знаменуя собой восход луны.

Издав боевой клич, похожий на волчий вой, Яр Али-хан бросился в погоню. Задержавшись на миг, он нанес удар по лежащему на земле человеку, лишь затем догадавшись, что тот к тому времени был уже мертв. Этого мгновения Гордону хватило на то, чтобы догнать афридия и схватить его за руку. Американцу пришлось приложить немало усилий, чтобы удержать друга, бешено рвущегося вперед, словно зааркаченный бык.

— Стой! Остановись же ты, идиот! Хочешь попасть в западню? Пусть уходят!

Вняв голосу разума, афридий поумерил свой пыл, и уже идя с Гордоном они осторожно, оглядываясь и прислушиваясь, направились к устью восточного ущелья, куда скрылись отступившие. У входа в ущелье преследователи остановились, вглядываясь в крошечную темноту теснины. Где-то впереди слышался звук срывающихся из-под ног и скатывающихся по склону камешков. Боевой дух никак не выветривался из головы Яр Али-хана.

— Сагиб, эти трусливые псы бегут не останавливаясь, утекают без оглядки! — прохрипел он. — Может быть, рванем за ними? Научим их уму-разуму?

Гордон покачал головой, своей уверенностью заставляя друга смирить свой порыв. Соваться в тем-

ночь в узкое незнакомое ущелье, где засады и ловушки могли подстергать их на каждом шагу, было чистой воды безрассудством, безумием. Им пришлось вернуться в лагерь и успокоить перепуганных звуками боя и растревоженных запахом свежей крови лошадей.

— Как только луна поднимется из-за гор и осветит дно каньона, они перестреляют нас из глубины ущелья, — мрачно пророчествовал Яр Али-хан.

— Остается рассчитывать на удачу, — в тон ему столь же мрачным голосом отшутился Гордон. — Авось повезет, и они окажутся плохими стрелками.

Вынув из кармана походный фонарик, Гордон осмотрел четырех мертвецов, оставленных на поле боя нападавшими. Узкий луч света переходил с одного бородатого лица на другое, и Яр Али-хан, заглядывая Гордону через плечо, чертыхался:

— Поклоняющиеся дьяволу! Аллах свидетель — это слуги шайтана! Племя езидов. Дети Мелек-Тауса!

— Немудрено, что они сумели подкрасться к нам в темноте так незаметно, — проворчал Гордон, которому было хорошо известно, какими тайными силами и навыками обладают последователи этого древнего зловещего культа, поклоняющиеся Бронзовому Павлину, обитающему, согласно легенде, на горе Проклятого Лалеша.

Яр Али-хан начертил в воздухе знак, который, по вере его племени, должен был уберечь его от гнева чертей, непременно кружащих сейчас у места, где погибли их почитатели.

— Пошли отсюда, сагиб. Негоже тебе копаться в этой падали. Да и неудивительно, что они бесшумно подкрадываются в темноте, а затем разят или похищают людей. Это дети ночи, из нее они приходят, в нее же уходят, и их черная стихия-мать дает им дьявольское коварство и силу.

— Вот только как их сюда занесло? — негромко спросил Гордон, разумеется не ожидая от Яр Али-хана конкретного ответа. — Их родина — Сирия, предгорья

горы Лалеш. Это последний бастион их религии, гонимой в равной степени мусульманами и христианами... Монгол из Гоби и дьяволиты из Сирии — странное совпадение, не правда ли? А может быть, все-таки здесь есть какая-то связь?

Он потянулся к грязному засаленному халату ближайшего мертвеца и тут же выслушал лавину возражений, обрушенных на него Яр Али-ханом.

— Эта плоть проклята! — завопил афридий, который и сам-то сейчас больше всего напоминал истеричное, но грозное привидение: с окровавленной саблей в руке и кровью, стекающей на бороду из разбитой губы. — Не подобает такому почтенному сагибу осквернять себя прикосновением к этой падали. И вообще, не стоит к ней прикасаться. Но уж если это необходимо, то пусть это сделаю я, а не...

— Дазаткнись ты! — оборвал его Гордон. — Смотри-ка: я так и думал! Ну и дела...

Луч фонарика вырвал из темноты кусок льняной ткани: на убитом была надета тонкая нательная рубашка, и на этой ткани, словно алое пятно свежeproлитой крови, красовалась вышитая шелком эмблема — да, рука, сжимающая кинжал с тремя клинками.

— О Аллах! — застонал Али-хан.

Признав этим возгласом Аллаха себе в помощь, он прервал свои страхи и суеверия и поспешно расстегнул халаты остальных трех трупов. На нательном белье каждого обнаружилась та же эмблема — тот же алый кулак сжимал все то же диковинное оружие с тремя клинками.

— Сагиб, а монголы — мусульмане? — спросил вдруг афридий.

— Да, многие из них поклоняются пророку Магомету. Но тот человек, труп которого мы видели у Бабер-хана, не исповедовал ислам. Ты обратил внимание на его зубы? Клыки у него сточены до треугольной формы, чтобы быть похожими на клыки хищного зверя. Так делают почитатели Эрлика, Желтого бога

смерти, в основном, конечно, жрецы. Кстати, пожирание человечины входит составной частью во многие их ритуалы.

— Убийца турецкого султана был курдом, — пробормотал Яр Али-хан. — Некоторые из них тоже поклоняются дьяволу. — Втайне, конечно. Они называют его Мелек-Таусом. Но персидского шаха убил араб, а в вице-короля выстрелил мусульманин из делийской общины. Что общего может быть у правоверных мусульман с монголами и поклоняющимися дьяволу езидами?

— Вот именно это мы с тобой и должны выяснить, — ответил Гордон, выключая фонарик.

Лунный свет все сильнее заливал каньон, все отчетливее обретали форму скалы, камни и обрыв стены. Другим пришлось спрятать лошадей в густой тени нависшей скалы и самим спрятаться за валунами, чтобы не попасть на мушку противнику.

Время тянулось нестерпимо долго; из ущелья не доносилось ни звука. Нервы Яр Али-хана были напряжены до предела. Не выдержав, он вскочил на ноги, проворно взобрался на ближайший высокий камень и встал в полный рост в лунном свете — отличная мишень для любого стрелка на другой стороне каньона. Но выстрела так и не последовало.

— Что будем делать теперь? — спросил Гордона афридий.

Американец показал пальцем на темные пятнышки, тут и там видневшиеся в серебристом свете на каменистой земле.

— Они оставили за собой след, по которому и ребенка не составило бы труда их выследить.

Не говоря ни слова, Яр Али-хан убрал саблю в ножны и извлек из седельного व्यюка винтовку. Гордон вооружился подобным же образом, а кроме того, прицепил к поясу моток прочной веревки с острым железным крюком на одном конце. В своих путешествиях по горным краям ему не раз и не два доводилось

убедиться в чрезвычайной полезности этого простого и не занимающего много места снаряжения. Луна поднялась совсем высоко, осветив даже узкую серебристую дорожку по дну бокового ущелья. Яр Али-хану и Гордону было вполне достаточно такого освещения.

Они шли по дну ущелья, пробираясь меж камней, держа в руках винтовки. Разумеется, оба отдавали себе отчет в том, что являются легкими мишенями для любого стрелка, притаившегося в засаде где-нибудь впереди по ходу ущелья или чуть выше на склоне. При всем этом оба смельчака были готовы рискнуть, использовать тот шанс, что может подарить судьба или военная удача, а именно — промах первого выстрела противника, после которого можно будет упасть, перекатиться по земле и спрятаться в тени ближайшего камня. А там — будь что будет... Но выстрела все не было и не было, как не было видно и оторвавшихся от преследователей беглецов, хорошо знавших местность и не боявшихся засады. Капли крови — ориентир для догоняющих — частым пунктиром отмечали путь отряда ездоков, несомненно уходивших от погони с несколькими серьезно ранеными товарищами.

Гордон вспомнил об Ахмад-шахе, оставшемся лежать под открытым небом; ни земля, ни даже плащ-палатка пока что не покрыли его тело. Но времени на размышления о мертвом не было ни секунды.

Ахмад-шаху уже не помочь, а вот Лал Сингх оказался в плену у людей, которым неведомы пощада и жалость. Тело Ахмад-шаха можно будет предать земле потом, а сейчас главная задача — выцарапать Лала Сингха из лап езидов, прежде чем они убьют его, если, конечно, они уже этого не сделали.

Взведя курки винтовок, американец и афридий уходили все дальше вверх по ущелью. Они вышли в погоню пешком, ибо и нападавшие, похоже, тоже были пешими, если, конечно, их лошади не были оставлены где-нибудь в глубине ущелья. Впрочем, это казалось маловероятным: пока что дно ущелья было настолько

неровным и каменистым, что всадник здесь абсолютно лишился бы своего преимущества в скорости и маневренности и, наоборот, стал бы легкой добычей для пешего воина.

Каждую секунду Гордон и Яр Али-хан ждали засады, но все было по-прежнему тихо, и, ориентируясь по цепочке капель крови, они уверенно шли вперед. Кровавый пунктир стал более редким, но тем не менее позволял достаточно уверенно держать след, не тратя времени на дополнительные поиски.

Гордон прибавил шаг, рассчитывая вскоре догнать езидов, которые, как теперь стало ясно, просто напросто убегали с поля боя. Езиды поначалу намного опередили преследователей, но нельзя было не учитывать, что среди них был раненый, а то и несколько раненых, а кроме того, они тащили за собой или на себе пленного, который, разумеется, не был заинтересован в том, чтобы облегчить их бегство. Прикинув все это в уме, Гордон предположил, что они с Яр Али-ханом должны были вот-вот нагнать отступающих. Он верил, что сикх все еще жив, потому что мертвого тела ему не попадалось, а если бы езиды убили пленного, то прятать труп у них не было никакой необходимости.

Ущелье плавно извивалось, становясь то уже, то шире, то поднимаясь вверх, то снова глубоко проваливаясь в толщу горы. Затем оно сделало резкий поворот и неожиданно кончилось, открывшись устьем в другой каньон, всего в несколько сот футов шириной, шедший с востока на запад. Цепочка кровавых капель пересекала этот каньон перпендикулярно его стенам, подходила вплотную к южному обрыву, а там исчезала.

Яр Али-хан буркнул:

— Похоже, эти трусливые псы гильзай были кое в чем правы: тропа упирается в стену, которую может преодолеть только птица или... сам знаешь кто.

Гордон ошарашенно смотрел на скальную стену. От тропы, которая вела их по первому каньону, не осталось и следа. Но то, что езиды пришли по этому ущелью,

лю, именно отсюда, — в этом он был абсолютно уверен. Сюда же эти дьяволопоклонники и ушли. И вот теперь та цепочка капель крови, по которой Гордону удалось их выследить, обрывалась у отвесной стены, словно тот, кто был ранен, вдруг взял да и растворился в воздухе.

Гордон внимательно обшарил взглядом гладкую скалу, уходившую ввысь на сотни футов. Прямо над ним на высоте примерно пятнадцати футов виднелся небольшой карниз — почти горизонтальный выступ футов десяти-пятнадцати в длину и каких-то нескольких футов в ширину. На первый взгляд этот кусок скалы не давал никакого ключа к разгадке. Но, присмотревшись повнимательнее, Гордон увидел на стене обрыва — примерно на половине высоты до карниза — темное пятнышко: каплю крови.

Решив неуклонно идти по этому следу, американец отцепил от пояса веревку, раскрутил ее над головой и рывком движением бросил вверх тот конец, на котором был закреплён крюк. Зацепившись за край карниза, крюк намертво впился в камень. Подергав веревку, чтобы проверить, насколько надежно она будет держать, Гордон ловко полез по ней вверх — быстрее и сноровистей, чем обычный человек влез бы по веревочной лестнице. В жизни Гордону довелось немало попутешествовать по морю, и он никогда не упускал возможности попрактиковаться в лазании по канатам и мачтам и любую качку при любой погоде и любом ветре.

Поднимаясь мимо пятна на стене, он удостоверился в том, что это действительно кровь. Раненый человек, поднимаемый на веревках или карабкающийся по веревочной лестнице, оставил бы именно такой след, прикоснувшись к стене.

Яр Али-хан, оставшись внизу, не сводил глаз с карниза, куда был направлен ствол его винтовки, и, медленно переступая с ноги на ногу, старался занять наиболее выгодную для прицеливания позицию. Одновременно он не переставал критиковать безрассуд-

ный поступок друга и одновременно — вызывать к его благоразумию. Мрачное воображение афридия уже населило карниз затаившимися и не видимыми снизу головорезами, но, когда Гордон все же забрался на выступ, обнаружилось, что там никого нет.

Первое, что бросилось в глаза американцу, когда он перевалился через кромку карниза, — это мощное железное кольцо, накрепко вделанное в каменную стену в таком месте, где оно никоим образом не могло быть замечено снизу. Кольцо было натерто до блеска — судя по всему, им часто пользовались, скорее всего привязывая к нему веревочные петли. У самого края карниза Гордон обнаружил целую лужицу крови — видимо, раненый отдыхал здесь после утомительного отступления и подъема.

Много кровавых пятен устилало карниз, пересекая его по диагонали и подходя к самой стене, которая в этом месте была сильно изъедена ветрами и непогодой и покрыта целым веером трещин. В одном месте Гордон с интересом обнаружил отпечаток окровавленной ладони на вертикальном участке стены. Не обращая внимания на доносившиеся снизу причитания и комментарии Яр Али-хана, он молча разглядывал этот отпечаток, а затем, повинаясь какому-то интуитивному порыву, приложил к нему свою руку и основательно надавил на камень... Произошло то, что он уже смутно предчувствовал: часть стены, поддавшись его давлению, мягко отодвинулась куда-то внутрь скалы и чуть-чуть в сторону, открыв вход в узкий туннель, слабо освещаемый луной с другого конца.

Осторожно, словно подкрадывающаяся к добыче пантера, Гордон шагнул внутрь туннеля. Снизу тотчас же донесся удивленный возглас Яр Али-хана. С той точки, где находился афридий, ему показалось, что Аль-Борак просто-напросто растворился в толще скалы. На миг высунув из туннеля голову и плечи, Гордон жестом призвал своего пораженного спутника к молчанию, а затем вновь вернулся к осмотру туннеля.

Туннель не был очень длинным — лунный свет проникал в него с обеих сторон. С дальнего конца коридор, пробитый в толще скалы, переходил в узкую природную трещину, из которой была видна полоска неба над головой. Сама трещина уходила прямо примерно на сотню футов, а потом резко сворачивала вправо, не давая ни малейшей возможности увидеть то, что могло скрываться за поворотом.

Дверь, через которую Гордон попал в туннель, представляла собой плоский кусок камня неправильной формы, закрепленный на массивных, хорошо смазанных металлических петлях. Он был идеально точно подогнан под отверстие, а его неправильные контуры вполне надежно маскировали грани под трещины в скале, образовавшиеся естественным путем под действием эрозии.

Рядом с дверью на небольшом уступе стены туннеля лежала аккуратно сложенная лестница из сыромятной кожи. Вернувшись с нею на карниз, Гордон снял свою переноску, а затем прикрепил петли лестницы к кольцу в стене и спустил ее вниз. Яр Али-хан, старая от стремления вновь оказаться рядом с другом, мгновенно влез по ней на карниз.

Афридию оставалось только восхищенно выругаться, когда он увидел наконец ключ к тайне исчезающей у обрыва тропы. Неожиданно тревожная мысль закрылась в его голову.

— А почему эта дверь не заперта изнутри, сатиби? — озабоченно спросил он.

— Я полагаю, что этим лазом пользуются достаточно часто, проходя через него как в одну, так и в другую сторону. Те, кто подходит к двери снаружи, как подошли мы, могут возвращаться в спешке. У них просто может не быть времени на то, чтобы докричаться до тех, кто находится на другой стороне, чтобы им открыли дверь. В таком хорошо спрятанном месте важнее всего скрытно воспользоваться им, не поднимая лишнего шума и не задерживаясь ни на

секунду. Шансы того, что дверь будет обнаружена, как видишь, практически ничтожны. Даже забравшись на карниз, я едва ли догадался бы о ее существовании, если бы не отпечаток ладони. Да и то, нажми я на нее чуть слабее, и она не открыла бы мне своей тайны.

Яр Али-хан сгорал от нетерпения, желая немедленно ринуться вперед по узкому проходу в скале, но Гордон остановил его. Американец пока не видел и не слышал ничего, свидетельствующего о наличии часового, но интуиция подсказывала ему, что люди, так основательно продумавшие маскировку входа на свою территорию, вряд ли оставили бы туннель без охраны, как бы мала ни была вероятность того, что потайная дверь будет обнаружена.

Гордон скрутил лестницу и положил ее на место, а затем закрыл за собой дверь, отсекая лунный свет, падавший со стороны каньона. Ближний конец туннеля погрузился во мрак. Американец шепотом приказал своему напарнику затаиться и ждать. Афридию ничего не оставалось делать, как, тихо ругаясь себе под нос, выполнить распоряжение Аль-Борака, который умел настоять на своем. В данном случае Гордон был уверен, что от одного разведчика в этом узком коридоре будет никак не меньше пользы, чем от двоих. Итак, Яр Али-хан занял позицию за выступом в стене туннеля и взял винтовку наперевес, а Гордон скользнул вперед — сначала по туннелю, а затем по дну узкой трещины в гигантской скале.

Как бы ни был узок и глубок этот разлом, какая-то часть лунного света все же проникала к его дну, отражаясь от каменных стен. Гордону, с его кошачьим зрением, вполне хватало этого освещения.

Не успел он добраться до угла, как звук шагов предупредил его о приближении к повороту какого-то человека. Гордон едва успел прильнуть к стене, распластавшись вдоль нее и чуть присев, чтобы не быть замеченным сразу, как из-за угла появился часовой. Стражник

шел ленивой походкой человека, выполняющего рутинную, привычную работу, уверенного в ее формальности и в неприступности доверенного ему поста. Как все монголы, он был крепко сложен и кривоног, на его квадратном, медного цвета лице зловеще сверкали глаза и выделялась темная полоска похожего на старый тонкий шрам рта. В общем, такой «красавец» немногим отличался от демонов, какими их описывают легенды горных племен. Он шел, переваливаясь на кривых кавалерийских ногах, держа в руках тяжеленное ружье.

Он как раз поравнялся с притаившимся Гордоном, когда какой-то неосознанный инстинкт подал ему сигнал опасности. Круто повернувшись, он оскалился в гримасе ненависти и резким движением дернул вверх опущенный до того ствол оружия. Но едва лишь часовой стал разворачиваться, Гордон уже бросился ему навстречу, словно резко отпущенная стальная пружина, и, прежде чем ствол ружья поднялся на нужную высоту, палаш американца уже успел взмыг в воздух и обрушиться вниз. Монгол рухнул на пол, как заколотый бык; череп его был рассечен мощным ударом от макушки до челюсти.

Гордон замер на месте, напряженно прислушиваясь. Судя по ничем не нарушаемой тишине, никто не услышал шума короткой схватки. Подождав еще немного, американец условным свистом позвал Яр Аликаня, который не замедлил примчаться бесшумными прыжками — возбужденный, готовый в любую секунду вступить в бой.

Увидев мертвого монгола, он сплюнул и сказал:

— Так, еще один почитатель Эрлика. И только тот, кому они поклоняются, знает, сколько еще этих уродов шляется по этим катакомбам. Надо перетащить его туда, где я прятался.

— Согласен, — кивнул Гордон, — труп лучше убрать с дороги. Кто знает, может быть, кто-нибудь и слышал, что здесь произошло. В любом случае лучше подстраховаться.

Впрочем, в глубине души Гордон почему-то был уверен, что часовой на этом посту, существующем лишь для проформы, будет всего один. Так и оказалось. По крайней мере, они с афридием беспрепятственно прошли за поворот, затем свернули, двигаясь по трещине, еще несколько раз и оказались на сравнительно открытом месте. Эта территория представляла собой хаотическое нагромождение камней и скал самых разных форм и размеров.словно речная дельта, ущелье, по которому они пришли, разделилось здесь на подюжины рукавов, обтекавших утесы, валуны и скальные нагромождения, напоминавшие острова в этой сухой каменной реке. Гигантские обелиски и башни возвышались тут и там над общим уровнем скал словно джинны-часовые, замершие в почетном карауле под звездным небом.

Пробираясь между этими молчаливыми часовыми, Гордон и Яр Али-хан вышли на сравнительно ровную, открытую площадку шириной не меньше трехсот футов, упирающуюся в отвесную стену очередного скального массива. Тропа, по которой они прошли и на которой множество ног выбило в камне желобки, петляя и вгрызаясь в камень ступенями, взбиралась на самый верх гигантского каменного монолита. Что скрывалось там, на его плоской вершине, снизу не было видно.

— Ну и что будем делать дальше, сагиб?

В лунном свете афридий походил на подземного гоблина, не успевшего вернуться в родную пещеру к рассвету и теперь ожидающего каждую секунду равносильного смерти превращения в камень. Из оцепенения его вывел голос Гордона.

— Я думаю, что мы уже почти у цели,— сказал американец.— Слышишь?

И над горами вновь, как и накануне, только теперь гораздо ближе, прокатился чудовищный рев гигантской трубы, который в племени гильзай считали голосом джинна.

— Неужели нас заметили? — удивился Яр Али-хан, сжимая ствол винтовки.

— На все воля Аллаха. Но пока мы живы и свободны, нужно действовать. Идти прямо по тропе и подниматься по этой лестнице, не зная, что находится на вершине горы, слишком рискованно. Поэтому я предлагаю забраться на одну из высоких скал, из тех, что мы сейчас миновали. Посмотрим оттуда и разберемся, что делать дальше.

Выбор пал на искрошенную, изрезанную эрозией вершину ближайшей скальной гряды, по которой мог бы забраться даже ребенок — разумеется, рожденный и живущий в горах. Гордон и Яр Али-хан поднимались по склону легко и быстро — почти как по лестнице, держась противоположной по отношению к таинственному монолиту стороны. Оказавшись на вершине, они залегли за двумя каменными выступами и стали смотреть вниз, туда, где в первых лучах рассвета начал вырисовываться верхний край интересующей их горы.

— О Аллах! — непроизвольно вырвалось у Яр Али-хана, когда он осознал, что открылось его глазам.

С этой удачной позиции они увидели, что каменный монолит действительно представляет собой огромное скальное образование, вертикально поднимающее свои стены над уровнем окружающего его ровного пространства. Чем-то этот каменный остров напомнил Гордону пейзажи его родного Юго-Запада Америки. Отвесные стены скалы поднимались в высоту на четыреста-пятьсот футов и казались абсолютно неприступными, если не считать уже виденной Гордоном и его спутником вгрызшейся в камень лестницы-тропы. С востока, севера и запада этот огромный монолит с плоской верхней гранью был отделен от окружающих его хребтов плоскодонным каньоном шириной от трехсот ярдов до полумили. Сюга плато примыкало к гигантской горе, чей заостренный пик был самой высокой точкой обозримой местности.

Впрочем, всем этим геолого-географическим деталям двое наблюдателей уделили лишь ничтожную часть своего внимания, механически восприняв, проанализировав виденное и отложив его в памяти. Другое явление, иного, не природного происхождения, полностью приковало их к себе.

Ничего подобного Гордон не ожидал здесь увидеть. Нет, разумеется, он предполагал обнаружить в этих местах какое-то секретное место встречи таинственных убийц. Например, полевой лагерь — несколько больших шатров и дюжину-другую маленьких палаток, вполне вероятно — пещерное поселение, наконец, самое большее — деревушку из глинобитных хижин и загон для лошадей. Но то, что открылось его глазам, превосходило все самые смелые предположения: на ровном, как стол, плато возвышался город! Да, целый город, чьи купола, шпили и башни сверкали сейчас в лучах восходящего солнца, словно какой-то великий колдун по мановению руки перенес его сюда, в это пустынное безлюдное место из далекой волшебной страны.

— Городджиннов! — выпалил Яр Али-хан, вновь возвращаясь к едва подавленным в душе представлениям об истинной природе противника. — Да защитит меня Аллах от злой воли трижды проклятого шайтана!

Пальцы афридия сплелись в охранительном жесте, которым его племя пользовалось еще задолго до того, как пророк Магомет дал Востоку новую веру.

В плане плато походило на неправильной формы овал — мили полторы в длину, с юга на север, и чуть меньше мили в ширину, с востока на запад. Город находился на южной оконечности, прижимаясь к возвышающейся за ним горе. Над ровными черепичными крышами жилого квартала, над невысокими, но пышными деревьями во дворах доминировало огромное строение — что-то вроде замка-дворца, главный купол которого, покрытый золотом, сейчас отливал пурпурным пламенем, освещенный лучами восходящего солнца.

— Колдовские чары и черная магия! — убежденно произнес Яр Али-хан, выглядевший изрядно подавленным этим зрелищем.

Гордон ничего не ответил, но и его кельтская кровь мгновенно отреагировала на появление такого видения. Город, против ожидания, не контрастировал с мрачной и зловещей панорамой окружающих его гор и каньонов. Наоборот, казалось, что он, несмотря на обилие зелени, впитал в себя все самое мрачное и грозное из образа окрестной пустыни. Даже блеск дворцового купола представлялся каким-то зловещим предостерегающим пламенем. Черные скалы, древние, как мир, были подходящим фоном для этой декорации. В общем, это был город демонической тайны, поднявшийся посреди пустыни одной лишь недоброй, дьявольской волей и одушевленный столь же недоброй, несущей зло и смерть жизнью.

— Наверное, это и есть тайная цитадель Избранных, — сказал Гордон. — Я, признаться, предполагал, что в наше время их штаб-квартира рано или поздно будет обнаружена где-нибудь в трущобном квартале крупного города, например Дели или Бомбея. Но обустроить свою базу здесь — это адская работа, которая будет стократно вознаграждена. Место самое что ни на есть выгодное. Отсюда можно наносить удары по всем столицам Западной Азии и одновременно иметь сравнительно недалеко абсолютно засекреченную базу — место для отдыха, подготовки и тренировок. Ну кому придет в голову искать целый город здесь — в местах, считающихся необитаемыми уже много столетий?

— От того, что мы его нашли, нам не легче, — буркнул Яр Али-хан. — Не думаю, что мы с тобой, действуя вдвоем, сумеем справиться с целым городом, неважно, кем он заселен — демонами или людьми.

Гордон молча обозревал раскинувшееся перед ним плато. Оправившись от шока, он пришел к выводу, что сам по себе город вовсе не так велик, как это

показалось при первом взгляде. Планировка его была достаточно компактной, несмотря на то что никакие стены не ограничивали его роста вширь. Либо у его жителей еще не дошли руки до строительства крепости, либо они совершенно обоснованно считали, что город и так находится под защитой созданных самой природой стен, башен и бастионов неприступной цитадели. Дома, в основном двух- и трехэтажные, стояли в окружении густых садов, что изрядно удивило наблюдателей: по крайней мере, с их точки зрения, плато казалось единым каменным монолитом без какого бы то ни было источника воды.

После долгих раздумий Гордон принял решение и обратился к Яр Али-хану, давая ему подробные инструкции и распоряжения:

— Али, отправляйся немедленно назад, в наш лагерь в каньоне, который гильзай называют Ущельем Призраков. Садись на лошадь и скачи в Кхор. Расскажи Бабер-хану все, что здесь видел, все, что с нами произошло, и передай ему, что мне нужны все его воины. Проведешь гильзай той же дорогой через ущелье и потайную дверь. Затем вы рассредоточитесь в этих скалах и будете ждать от меня сигнала либо... либо известия о том, что я мертв. Тут у нас есть шанс убить одним выстрелом двух зайцев. Если Бабер-хан поможет нам выжечь каленым железом это змеиное гнездо, эмир простит его...

— Да пошел он к шайтану, этот Бабер-хан! Меня больше всего волнует, что будет с тобой!

— Я сам собираюсь пойти к шайтану в гости, — усмехнулся Гордон и пояснил: — Пойду, прогуляюсь по этому славному городку, зайду кое к кому в гости...

— О Аллах! — закатил глаза Яр Али-хан, на языке которого вертелись замечания по поводу помутившегося разума его верного друга Аль-Борака.

— Это нужно, Али, — сказал Гордон. — Не забывай про Лала Сингха, которого езиды увели с собой. Его могут убить раньше, чем гильзай вернутся. Я по-

пытаюсь вытащить его до того, как начнется штурм города. Если ты отправишься в путь сейчас же, то вскоре после заката уже будешь в Кхоре. Если сумеешь уговорить Бабер-хана не медлить, то вместе с его людьми вернешься сюда к рассвету, ну, может быть, чуть позже. Если я к тому времени буду жив и свободен, то встречу вас здесь. Если нет — решайте с Бабер-ханом, что делать дальше. В любом случае, сейчас самое главное — привести гильзай сюда.

У Яр Али-хана немедленно нашлись возражения:

— Бабер-хан не испытывает ко мне никаких теплых чувств. Если я приду к нему один и начну рассказывать про город джиннов, он просто плюнет мне в бороду. Ну, а дальше — сам понимаешь, я буду вынужден убить его, а его псы набросятся на меня всей стаей, и конец мой будет ужасен...

— Ничего он такого не сделает, и ты прекрасно об этом знаешь. Ладно, Али, сейчас не до шуток. Скорее в дорогу!

— Но Бабер-хан не пойдет в эти дьявольские края, не поведет сюда своих людей, тем более — с моих-то слов. Вот если бы его позвал ты...

— Бабер-хан пойдет в ад, если узнает от моего верного друга, что я послал его за ним.

— Его трусливые шакалы не пойдут сюда. В отличие от меня, храброго сына племени афридиев, эти гильзай боятся демонов и всякой прочей нечисти.

— Они сюда примчатся во весь опор, если ты втолкуешь им, что здесь их ждет встреча в бою не с демонами, а с трусливыми и скрытными похитителями женщин, детей и скота, наносящими удары в темноте, со спины, — в общем, с людьми, населяющими Гулистан.

— А наши лошади? Эти черти наверняка давно уже увели их куда-нибудь, в свои пещерные конюшни.

— Не думаю. Никто не уходил из города по тому пути, которым пришли мы. Никто не проходил по нему и вслед за нами. В конце концов, даже если лошади и

исчезли, ты вполне доберешься до Кхора и пешком. Это просто займет больше времени.

Дернув себя за бороду, Яр Али-хан наконец набрался духу и выдал главное возражение, из-за которого он не хотел покидать Гордона.

— Эти сукины дети там, в городе, сдерут с тебя шкуру живьем!

— Нет, тут я все продумал. Придется, правда, нагромождать ложь на ложь, но нам это дело привычное, и не такие легенды выдумывали, правда, Али? Я представляюсь беглецом, скрывающимся от гнева переменчивого в своих симпатиях эмира, — этакий изгой в поисках убежища. Весь Восток полнится сказками и выдумками обо мне. Думаю, что здесь вполне могут клонуть на эту удочку и окажут мне помощь.

Яр Али-хан прекратил спор, поняв всю бесполезность любых возражений. Бормоча себе что-то в бороду, афридий полез вниз по склону. Некоторое время его тюрбан еще мелькал среди камней, а затем скрылся в лабиринте каменной дельты, нырнув в один из рукавов, ведущих к разлому с тайным туннелем в дальнем его конце.

Дождавшись, когда афридий скроется из виду и отойдет на безопасное расстояние, Гордон тоже спустился с остроконечной вершины, откуда ему впервые удалось увидеть тайный город, и направился по тропе, ведущей к лестнице, поднимающейся на плато.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЛЮДИ ИСЛАМА

Гордон ожидал выстрела в любую минуту, хотя, разглядывая кромку плато снизу, он не видел ни единого стражника. Время шло, он все дальше шел по тропе, отмеченной тут и там каплями крови, пересек дно каньона и стал подниматься по круто взбирающейся вверх лестнице, но ни одного человека по-прежнему

не было видно. Тропа извивалась по склону бесконечной лентой, то поднимаясь гладкой наклонной поверхностью, то превращаясь в цепочку ровных, аккуратных ступенек, заботливо огороженная со стороны обрыва невысоким каменным барьером. У Гордона было достаточно времени, чтобы восхититься инженерной мыслью и рабочим мастерством тех, кто проложил этот путь от подножия скалы к плато. Разумеется, ни одно современное племя, живущее в афганских горах, не смогло бы построить эту лестницу, да и не стало бы браться за такую адскую работу. Да и сами ступени, стесанные стены и барьерчики вовсе не выглядели новыми, построенными недавно. Наоборот, они казались древними, рожденными едва ли не одновременно с самой скалой, в которой были вырезаны.

На последних тридцати футах пути ступеньки вновь сменились гладкой, круто поднимающейся вверх дорожкой, глубоко врезанной в толщу камня. До сих пор никто не окликнул Гордона, не остановил его, и американец беспрепятственно поднялся на плато, оказавшись на небольшой открытой площадке, обозначенной пунктирной линией из больших, в рост человека, камней. За одним из этих валунов, склонившись над какой-то замысловатой игрой, сидели семь человек, резко вскочивших и уставившихся дикими взглядами на неожиданно появившегося перед ними Гордона. Все семеро были курдами — худощавыми, но жилистыми и сильными, с толстыми талиями, перепоясанными патронными ремнями, с винтовками в загорелых руках.

Разумеется, стволы винтовок тотчас же были направлены на незваного гостя. Гордон не сделал ни единого резкого движения, не показал ни малейшего удивления или беспокойства, а медленно, демонстративно лениво поставил приклад своей винтовки на землю и изучающе уставился на курдов.

Эти головорезы выглядели растерянными, как загнанные в угол, но еще не прижатые к стенке крысы. Их дальнейшие действия были абсолютно непред-

сказуемы и потому — вдвойне опасны. Жизнь Гордона висела на волоске: одно нервное движение сведенного судорогой пальца, лежащего на спусковом крючке, — и все, смерть! Но на данный момент стражники продолжали лишь молча рассматривать его, медленно выходя из транса, в который вогнало их появление чужака на их посту.

— Аль-Борак! — произнес самый высокий из курдов, в голосе которого смешались страх, подозрительность и злоба. — Что ты здесь делаешь? Что тебе нужно?

Прежде чем ответить, Гордон, не торопясь, обвел взглядом горизонт, словно любясь пейзажем, — единственный спокойный, стоящий в расслабленной позе человек против семи напряженных, почти окаменевших часовых.

— Мне нужен ваш хозяин, — ответил он наконец.

Похоже, его слова ничуть не успокоили курдов. Они начали о чем-то шептаться между собой, ни на миг не сводя с него взглядов и не отводя в сторону стволы винтовок.

Неожиданно самый высокий из курдов громко рявкнул на других, заставив их замолчать.

— Да что вы сцепились, как стая ворон! Дело-то яснее ясного. Мы заигрались и прозевали появление этого типа. Мы здесь для чего стоим? Правильно: чтобы никто не мог незамеченным даже подойти к лестнице, не говоря уже о том, чтобы беспрепятственно подняться по ней. Мы, скажем честно, нарушили все приказы и правила, и вот результат. Что нам за это будет, догадываетесь? Так что выход тут один — шлепнуть его, труп сбросить с обрыва, и дело с концом.

— Ну-ну. — Гордон выразительно пожал плечами. — Давай, приступай. Шлепни меня, а когда твой хозяин спросит: «Где же Аль-Борак, который должен доставить мне важные вести?» — ответь ему: «Увы, повелитель, вы не сказали нам ничего по поводу вашего гостя, вот мы его и шлепнули, как ты выразился, что-

бы продемонстрировать свою верность и бдительность».

Иронический тон голоса американца явно задел стражников, но попал в цель. Курды беспокойно переглянулись.

— Да никто и не узнает! — воскликнул один из них. — Всадим в него пулю — и дело с концом!

— Нет, выстрел услышат в городе, начнутся распросы.

— Так перережем ему глотку! — кровожадно предложил самый младший из них, но его предложение было встречено таким убийственным холодом в глазах его товарищей, что парень смущенно замолчал и поспешил отойти на пару шагов назад.

— Вот-вот, именно так, перережьте мне горло! — рассмеялся Гордон. — Только назначьте сразу того, кто, по вашему мнению, должен остаться в живых, чтобы поведать всю эту историю вашему правителю.

Эти слова не были пустым бахвальством, и большая часть стражников знала об этом. Грозное выражение лиц не могло полностью скрыть охватившую их растерянность. Они очень хотели убить непрошеного гостя, но не осмеливались воспользоваться винтовками, чтобы не поднимать лишнего шума. А напасть на него с холодным оружием означало заплатить чудовищно дорогую цену за достижение цели — стражники либо знали это по личному опыту, по легендам и рассказам об Аль-Бораке, либо почувствовали это по его тону и манере держать себя под прицелом семи стволов. По крайней мере, Гордону-то ничто не мешало воспользоваться ни его винтовкой, ни пистолетом, который, как они знали, он всегда носил при себе спрятанным где-то на теле.

Не понимал этого, похоже, лишь один из курдов — все тот же мальчишка.

— Ножи сделают свое дело тихо, — изображая на лице суровость, заявил он, за что тотчас же получил сильный тычок прикладом винтовки в живот.

Не ожидавший такой реакции со стороны своих товарищей парень покатился по земле, подтянув колени к животу, и зашелся в жалобных причитаниях. За это он был вознагражден еще одним пинком и окриком другого собрата:

— Заткнись, сукин сын! Щенок, ты что — хочешь, чтобы мы с одними ножами пошли против стволы Аль-Борака?!

Сорвав зло на своем же товарище и частично выпустив накопившийся пар, курды несколько успокоились. Один из них неуверенно спросил Гордона:

— А тебя что — ждут во дворце?

— Да неужели я сунулся бы сюда, если бы меня не пригласили?! Станет ли ягненок без приглашения совать голову в волчье логово?

— Хорош ягненок, нечего сказать! — криво усмехнулись курды. — Это ты-то ягненок? Скажи уж лучше, что серый волк с окровавленными клыками ищет встречи с охотником — так будет точнее.

— Если на моих клыках и есть кровь — так это кровь тех безумцев, которые не слушались мудрых приказаний своих хозяев, — заявил Гордон. — Вот, например, вчера ночью в Ущелье Призраков...

— Аллах! Так это на тебя напали эти болваны езиды! Они тебя не признали. Сказали, что убили в каньоне какого-то англичанина и его слуг.

Видимо, из-за того, что езиды соврали своим собратям в отношении исхода боя, часовые и были беспечны, как обычно. Никто — ни они, ни стражник у туннеля — не ожидал появления в запретном каньоне чужака. Не верили в вероятность погони, скорее всего, и сами езиды, тем более в то, что «англичанин» сумеет найти потайной туннель.

— И что — ни один из вас не был среди тех, кто расплатился за свое невежество, напав на меня в Ущелье Призраков этой ночью?

— А мы что — ранены? Хромаем? Истекаем кровью? Валимся с ног от слабости и усталости? Нет, ви-

дит Аллах, нам повезло, что мы не воевали с Аль-Бораком.

— Так не повторяйте же роковую ошибку тех безумцев, одни из которых уже мертвы, а со спин тех, кто еще жив, в скором времени будут нарезаны кожаные ремни... Ну так что — отведете вы меня к своему правителю или плюнете ему в бороду, осмелившись разрушить его приказ?

— Аллах все видит! — воскликнул высокий курд. — Мы никаких приказов не получали. Нет, Аль-Борак, твое сердце полно лжи и обмана, как сердце змеи. Там, где ты появляешься, льется кровь, обнажаются мечи и погибают люди. Но если ты солгал на этот раз — тебе не удастся уйти от возмездия, и я с радостью стану свидетелем твоей смерти. Если же ты говоришь правду — тогда у нашего правителя не будет к нам никаких претензий. Отдай нам винтовку и клинок, и мы отведем тебя во дворец.

Гордон молча отдал стражникам оружие, отметив про себя, что они не решились потребовать у него выдать им пистолет, который он носил в кобуре под левой рукой.

Тем временем высокий курд, являвшийся, несомненно, старшим среди часовых, поднял с земли винтовку, которую, падая, уронил молодой парень. Тот все еще лежал на земле, жалобно постанывая, но был быстро приведен в вертикальное положение основательным пинком командира. Сунув парню винтовку в руки, он грозным голосом приказал ему стеречь лестницу так, словно от этого зависела вся его жизнь. Подкрепив устное распоряжение еще одним пинком и увесистой затрепиной, командир повернулся к остальным стражникам и стал гортанным голосом отдавать короткие приказы.

Гордон знал, что, как только кольцо часовых сомкнется вокруг него, их руки потянутся к кинжалам, чтобы вонзить клинки ему в спину. Но в то же время американец чувствовал, что семена страха и неуверен-

ности уже посеяны им в их примитивном разуме, и был уверен, что они теперь не осмелятся его убить. Шагая в центре строя конвоиров, он вышел из-за прикрывавших лестницу камней и направился к городу по широкой дороге, которая некогда была вымощена каменными плитами, неплохо сохранившимися до наших дней.

— Езиды вернулись в город незадолго до рассвета? — словно невзначай спросил Гордон, прикинув, насколько оторвались от него преследователи.

— Да, — последовал краткий ответ.

— Конечно, быстро идти они не могли, — произнес Гордон, словно обращаясь к самому себе. — Среди них были раненые, некоторые — наверняка тяжело. Да и тот сикх, которого они взяли в плен, должно быть, изо всех сил упирался. Им наверняка пришлось связать его по рукам и ногам и нести на себе.

Один из конвоиров повернул голову и начал говорить:

— Ну, этот сикх...

Резкий окрик: «Молчать!» — оборвал его фразу. Командир подозрительно поглядел на Гордона и грозно объявил своим подчиненным:

— Кто еще хоть слово скажет — голову оторву! На вопросы Аль-Борака не отвечать. Вопросов ему не задавать. Если он будет оскорблять нас, провоцировать или смеяться — молчать! Вы даже не представляете себе, что это за хитрая змея. Если мы начнем с ним говорить, он нам заморочит голову и заколдует нас так, что ему удастся смыться раньше, чем мы доведем его до Шализара.

Итак, этот таинственный город назывался Шализар. Гордон смутно припомнил, что ему встречалось это название в какой-то книге по истории Средневековья.

— Почему же вы мне не верите? — изобразил он искреннее удивление. — Разве я не пришел к вам открыто, не угрожая оружием?

— Как же! Видел я, как ты пришел безоружным к туркам Битлиса, но, когда ты опустил поднятые в знак

приветствия руки, улицы Битлиса залила кровь, а головы битлисских правителей оказались приторочены к седлам твоих всадников. Нет, Аль-Борак, я тебя знаю с давних времен — с тех пор, как ты вел свою банду изгоев через холмы Курдистана. Я сражался вместе с тобой против турок, затем в политике что-то переменилось, и оказалось, что я воюю с турками против тебя. Я знаю, что не могу состязаться с тобой в силе, ловкости, меткости и сметливости. В таком случае мне лучше держать язык за зубами, что я и сделаю. И не пытайся заманить меня в ловушку хитрыми речами, потому что я буду молчать. Мое дело — отвести тебя к правителю Шализара, и пусть он сам разбирается с тобой. А как — не мое дело. Я нем и безучастен, как лошадь, которой нет дела до того, кто сидит в седле на ее спине — король или неприкасаемый. И отвечаю я только за то, чтобы ты предстал перед моим повелителем. А до этого не собираюсь с тобой говорить, и если кто-нибудь из моих людей захочет пообщаться с тобой, я разобью его тупую башку прикладом своей винтовки.

— Слушай, а ведь я тебя помню, — сказал Гордон. — Точно-точно... Ты — Юсуф ибн Сулейман, и ты был неплохим воином.

Худое, морщинистое лицо курда посветлело при этих словах, он захотел что-то сказать... но взял себя в руки, сорвал злобу, прикрикнув на одного из своих подчиненных, который не выказал ему ни единого намека на обиду или недовольство, и зашагал впереди конвоя, гордо подняв голову.

Гордон тоже не плелся, а шел бодро и довольно быстро, заставляя своих конвоиров принаравливаться к его шагу. И вообще он выглядел скорее как человек, шествующий в окружении почетного эскорта, а не как конвоируемый пленник. Это настроение мало-помалу передалось и курдам, так что, когда процессия подошла к городу, они подровняли строй, винтовки переложили на плечо и даже держали почтительный интервал между Аль-Бораком и своей маленькой колонной.

Приближаясь к городу, Гордон внимательно разглядывал все, что попадалось ему на глаза. Так ему удалось разгадать секрет садов и парков. Плодородная почва — несомненно, принесенная откуда-то из других мест — была помещена в многочисленные углубления и понижения рельефа плато. Орошались посадки при помощи развитой системы каналов, узких и глубоких, что обеспечивало минимальные потери на испарение. Источником воды служил, по всей видимости, какой-то неиссякаемый ключ или полноводный колодец, вокруг которого, вероятно, и строился город. Плато, окруженное со всех сторон высокими хребтами, видимо, обладало особым микроклиматом, более мягким, чем в других уголках этого сурового края, и привычная к жестким условиям растительность здесь росла и расцветала в полную силу.

Сады располагались в основном в восточной и западной частях города. На подходе к Шализару слева от дороги был большой фруктовый сад, справа — сад поменьше. Невысокие каменные заборы отделяли их от дороги. Гордон не мог предвидеть, какую кровавую роль предстоит сыграть и фруктовому саду. Большой сад заканчивался, не доходя нескольких десятков ярдов до границы городского квартала. Маленький, наоборот, упирался ветвями последних деревьев в крайний трехэтажный каменный дом. Еще немного — и конвой вошел в город: ровные ряды домов с плоскими крышами выстроились вдоль широкой мощеной улицы, за каждым из них виднелись кроны садовых деревьев.

Город не был окружен стеной, а стены между домами и садами, невысокие и тонкие, явно не предназначались для обороны. Плато само по себе было неприступной природной крепостью. Гора, нависающая над дальней оконечностью города, оказалась расположена гораздо дальше, чем поначалу показалось Гордону. Оказывается, плато вовсе не примыкало к крутому склону, а было отделено от него едва ли не полумилей равнины, пересеченной множеством трещин, ущелий, разломов

и провалов. Однако плато было связано горой, как громадная полка, выдвинутая из массивного склона.

Люди, работавшие в садах или находившиеся на улице, останавливались и с любопытством разглядывали конвоируемого стражниками белого человека. Среди местных обитателей Гордон заметил еще нескольких курдов, а также множество персов и езидов. Были здесь и арабы, и монголы, друзы и турки, индусы и даже несколько египтян. Но ни одного афганца! По всей видимости, многонациональное население этого странного города предпочитало не иметь дела с теми, кто от рождения так или иначе связан с этими местами, ощущает себя частью этой страны.

Любопытство местных жителей не простиралось дальше пристальных взглядов; вопросов не задавал никто. Наконец улица вышла на довольно широкую площадь, огражденную с противоположной стороны высокой стеной, над которой на фоне неба четко вырисовывался позолоченный купол дворца.

У массивных, обитых бронзой и покрытых замысловатой чеканкой ворот не было стражи. Лишь одетый в черное слуга громко поприветствовал подошедших и, изрядно поднатужившись, распахнул одну из створок ворот. Гордон вместе со своим молчаливым эскортом оказался в большом дворцовом дворе, вымощенном разноцветной керамической плиткой. В центре двора бил в небо, бурлил и плескался большой фонтан — настоящее чудо в этих местах. Вокруг фонтана летали и сидели на его ограждении десятки изящных голубей. С востока и запада двор окружали внутренние стены, за которыми виднелись густые кроны деревьев — видимо, там находились дворцовые сады и парки. Чуть в стороне Гордон заметил изящную башню, поднимающуюся в высоту почти до уровня центрального купола, ярко отражавшего свет уже высоко поднявшегося солнца.

Курды промаршировали прямо через двор и у самого портика дворца были остановлены караулом из

тридцати арабов, облаченных в роскошные парадные доспехи и наряды. Пышные плюмажи свисали с их посеребренных шлемов, позолоченные кирасы сверкали на солнце, мрачно и внушительно выглядели щиты из кожи носорога, с которыми резко контрастировали красиво инкрустированные золотом и драгоценными камнями сабли. Большой контраст с этим парадным облачением средневекового образца представляли современные винтовки, которые арабы сжимали в руках, и кожаные патронташи, перетягивавшие тонкие талии стражников.

Похожий лицом на коршуна капитан арабской стражи коротко переговорил с Юсуфом ибн Сулейманом, и вскоре дюжина арабов сменила курдский эскорт, обступив Гордона плотным кольцом. По команде капитана, которого солдаты называли Махмудом ибн Ахмедом, конвой поднялся по мраморной лестнице и вошел в широко распахнутые двери, обитые тонкой листовой бронзой. Курды следовали позади процессии. Сдавшие дворцовой страже винтовки, они выглядели далеко не счастливыми.

Конвоиры провели Гордона по просторным, слабо освещенным залам, с высоких куполообразных потолков которых свисали на цепях масляные светильники, оставлявшие в полумраке боковые простенки и задрапированные портьерами таинственные ниши между колоннами. То и дело Гордон замечал, как колышутся портьеры и ковры, время от времени за ними слышались чьи-то легкие шаги, один раз он успел заметить задегивавшую штору чью-то тонкую, может быть, женскую, руку. Проведя большую часть жизни на Востоке, американец уже свыкся с атмосферой таинственности, витавшей во дворцах здешних правителей. Но здесь даже по сравнению с самыми недоступными дворцами таинственность, секретность и скрытность не просто витали, а висели в воздухе, царили в нем.

В какой-то момент произошла смена караула. Одни арабы уступили место другим — тем, которым

было позволено нести службу во внутренних покоях дворца. Лишь капитан остался руководить конвоированием чужестранца. Здесь, в глубине дворца, под конвоем оказались и курды, которые явно были не рады, что ввязались в это дело. Тайнственная неуловимая опасность притаилась в этих слабо освещенных великолепных покоях. Гордону вполне могло показаться, будто он идет по дворцу Ниневии или древней Персии, если бы не современное оружие его эскорта.

Наконец процессия вошла в широкий коридор, ведущий к красивым резным двустворчатым дверям. У этих дверей несла караул другая стража — разодетые еще более торжественно персы, сжимающие в руках древние копьа вместо современного огнестрельного оружия.

Эти диковинные часовые стояли как истуканы и даже не пошевелились, когда арабы вместе со своим пленником — или гостем — проследовали мимо них в полукруглый тронный зал. Ковры с вытканными на них драконами покрывали стены этого помещения, скрывая за собой, возможно, имеющиеся окна и двери, за исключением парадного входа. Сводчатый потолок был обит черным деревом и богато украшен золотистым орнаментом. Позолоченные светильники на позолоченных же цепях свисали с него, ярко освещая зал. Напротив входа у противоположной стены располагался мраморный пьедестал — три широкие ступени вели к верхней площадке, на которой был установлен большой стул с подлокотниками и высокой спинкой — некое подобие королевского трона. Бархатные подушки были брошены на его сиденье, и на этих подушках восседал невысокий человек в расшитом жемчугом халате и парчовых туфлях с загнутыми вверх носками. На его розовом тюрбане ярко сверкала крупная золотая брошь, усыпанная бриллиантами. Брошь была выполнена в виде человеческого кулака, сжимающего рукоять кинжала с тремя клинками. Лицо человека в тюрбане было довольно правильной овальной

формы, кожа — цвета старой слоновой кости, борода — негустая, острым клинышком, глаза — большие, темные и мечтательные. По национальности этот человек был персом.

С каждой стороны трона стояло по великану-суданцу. Эти чернокожие воины напоминали выточенные из базальта статуи каких-то древних богов. Оба были обнажены, если не считать плетеных сандалий и шелковых набедренных повязок, у обоих в руках было по длинной алебарде с широким посеребренным лезвием.

— Кто это? — лениво спросил по-арабски человек на троне, жестом обрывая торжественные церемониальные приветствия капитана.

— Аль-Борак! — объявил Махмуд ибн Ахмед торжественным голосом, не без оснований полагая, что это имя, произнесенное у трона правителя, стало бы настоящей сенсацией в любом дворце к востоку от Стамбула.

Темные глаза перса быстро забежали, их взгляд наполнился интересом и подозрительностью. Наблюдая за своим повелителем, Юсуф ибн Сулейман болезненно следил за выражением его лица и от волнения сжал кулаки до побеления костяшек.

— И как он оказался в Шализаре без приглашения? — последовал вопрос правителя.

— Эти курдские шакалы, которым была доверена охрана лестницы, утверждают, что он подошел к ним и заверил их в том, что за ним был послан гонец шейха Аль-Джебаля, пригласивший его в славный Шализар.

Гордон даже вздрогнул, услышав названный капитаном стражи титул. Все разрозненные подозрения теперь выстроились в единую схему. Да, это выглядело фантастично, даже невероятно, но все это оказалось чистойшей правдой. Глаза американца цепко впились взглядом в овал лица под розовым тюрбаном.

Американец молчал, выжидая, что скажет в ответ шейх. Теперь все было поставлено на карту — на то, какой увидится ситуация правителю Шализара. Одно неверное слово со стороны нежданного гостя или про-

сто всплеск дурного настроения шейха — и на Гордона тотчас же набросилась бы вся стража. Тонкий знаток Востока, Гордон делал ставку на два козыря: во-первых, ни один местный вельможа не стал бы казнить Аль-Борака, не попытавшись предварительно выудить из него цель его визита, а заодно и кое-какую другую важную информацию. А во-вторых, ни один правитель Востока не может искренне похвастаться абсолютным доверием к своим подданным и, в свою очередь, их стопроцентной преданностью, а значит — очень и очень нуждается в дополнительных источниках информации.

Человек на троне некоторое время молча рассматривал американца, а затем заговорил, обращаясь, однако, не к нему, а к старшему из караульных курдов.

— Закон Шализара гласит, — важно и поучительно произнес он, — что Стражи Ступеней не должны позволить никому, повторяю — никому подняться по Ступеням, пока он ясно и четко не произнесет пароль и не сделает руками знак принадлежности к нашему братству. Если же это чужеземец, который не знает пароля или знака, то страже надлежит вызвать Стража Ворот, чтобы уже он поговорил с незнакомцем и решил, допускать ли его к Ступеням или нет. Сообщения о появлении Аль-Борака в дворцовую стражу не поступало. Страж Ворот вызван не был. Назвали Аль-Борак пароль, сделал ли он знак, подойдя к подножию Ступеней?

Юсуф ибн Сулейман — побледневший и вспотевший одновременно — явно колебался между опасной правдой и еще более опасной, но соблазнительной ложью, дающей слабый, но манящий шанс на спасение. Бросив косой взгляд на Гордона, он хрипло заговорил:

— Часовой в ущелье не подал нам сигнала. Аль-Борак... он появился на верхней Ступени совершенно неожиданно для нас, хотя мы стояли на самом краю обрыва и бдительно следили за подступами к лестнице, зорко всматриваясь в каньон и Ступени, как охотящиеся орлы... Вот... Он это... он ведь известный кол-

дун... и, видимо, умеет становиться невидимым, когда ему это нужно. Мы решили, что он говорит правду, утверждая, что ты послал за ним. Ведь если бы это было не так — то ему бы не был известен путь через потайной туннель...

Человек на троне со скучающим видом смотрел в потолок, давая понять, что лепет курда его мало интересует. Капитан дворцовой стражи, почувствовав, что Юсуф ибн Сулейман впал в немилость, подскочил к нему и с размаху ударил кулаком по зубам.

— Жалкий пес! Молчи, пока Его Величество не прикажет тебе говорить!

Юсуф покачнулся от удара, облизнул разбитые в кровь губы, с ненавистью посмотрел в глаза арабу, но промолчал и не попытался ответить ему ни словом, ни оружием.

Лениво, но требовательно перс взмахнул рукой.

— Уведите курдов, — бросил он страже. — В темницу их — до выяснения. Я подумаю, что с ними сделать. Даже если я кого-то жду, чужестранец не должен застать Стражей Ступеней врасплох. Будь они бдительны, даже Аль-Бораку не удалось бы подняться на плато незамеченным. Никакой он не колдун, а просто хитер, как лиса. Капитан, отправьте к Ступеням другой караул. Можете идти — все. Я поговорю с Аль-Бораком один на один.

Махмуд ибн Ахмед отдал честь, произнес несколько коротких команд, и через секунду его подчиненные в сверкающих доспехах уже покинули тронный зал, энергично вытолкав за двери сбившихся в плотную толпу, дрожащих от страха курдов. Проходя мимо Гордона, каждый из арестованных наградил его взглядом, полным бессильной ненависти.

Последним, закрывая за собой бронзовые двери, покинул зал Махмуд ибн Ахмед. Проводив его взглядом, перс вздохнул и обратился к Гордону по-английски:

— Можешь говорить начистоту. Рабы не понимают твоего языка.

Прежде чем ответить, Гордон небрежным движением передвинул один из невысоких диванчиков, стоявших вдоль стен, поближе к пьедесталу трона и сел на него, положив ноги на обитую бархатом специальную подушечку.

Да, престиж и уважение, которыми он пользовался при дворах Востока, были заработаны отнюдь не смиренным или униженно-просительным поведением. Там, где другие ходили на цыпочках, прижимая к груди шляпу и ощущая сердце в пятках, он вламывался в сапогах, открывая двери пинком и тяжелой рукой отшвыривая тех, кто стоял у него на дороге. И, как ни странно это на первый взгляд, он — Аль-Борак — оставался в живых там, где погибали другие. Разумеется, такое дерзкое поведение вовсе не было блефом. В любую секунду Аль-Борак был готов подтвердить свое право вести себя так, как он считает нужным. И подтвердить его он мог как умным, веским словом, так и свинцом или сталью. Люди, общавшиеся с ним, знали и рассказывали другим, что не было между Каиром и Пекином другого человека, чей ствол или клинок был бы столь же точен и опасен.

Если перс и был удивлен тем, что его полуголостый полупленник развалился перед ним на диване, не спросив разрешения, то скрыл он свои эмоции весьма искусно. С первых же слов шейха стало ясно, что он немало общался с европейцами и сумел перенять от них прямоту и краткость в переходе от ничего не значащих приветственных слов к делу. Без каких бы то ни было предисловий он заявил:

— Я не посылал за тобой.

— Естественно, — усмехнулся Гордон. — Но должен же я был хоть что-то напелсти этим болванам, чтобы не убивать их всех.

— Что тебе здесь нужно?

— Что может быть нужно человеку, добровольно приходящему в гнездо изгоев и отверженных?

— Он может прийти как шпион, — многозначительно заметил шейх.

Гордон в ответ рассмеялся:

— Интересно — чей же?

— Как ты узнал дорогу сюда?

Гордон решил спрятаться за чисто восточной уклончивой образностью ответа:

— Я шел туда, куда летели коршуны. Они всегда приводят меня к цели.

— Это ты точно подметил, — мрачно кивнул ему перс. — Уж кто-кто, а ты-то их немало подкармливал в течение жизни. Что с монголом, который дежурил в туннеле?

— Он мертв. Что ж поделать — не хотел он прислушаться к голосу разума.

— Нет, это коршуны следуют за тобой, а не ты за ними, — заметил шейх. — Почему ты не послал мне известие о том, что собираешься прийти сюда?

— А как, через кого ты прикажешь мне передать эту весть? Этой ночью, когда я разбил лагерь в Ущелье Призраков, чтобы мои лошади отдохнули перед последним переходом к Шализару, банда твоих идиотов, не попытавшись выяснить, кто я и зачем пришел в эти места, напала на моих людей, один из которых был убит, а второй — взят в плен. Еще один мой спутник, перепугавшись до смерти, бросил меня и бежал. Я пришел сюда один, как только взошла луна.

— Это были езиды, дежурившие на дальних подступах к нашему городу. Этому отряду полагалось охранять Ущелье Призраков. Естественно, они и знать не знали, что ты идешь ко мне, не знали даже, что это именно ты. Они вернулись в город на рассвете — почти все раненные, один — тяжело: он при смерти. Судя по их докладу, в ущелье они напали на какого-то европейца и его слуг, убив всех. Разумеется, они побоялись признаться, что бежали с поля боя, оставив тебя в живых. Ну, за свою ложь они еще понесут положенное наказание. Но ты так и не сказал мне, зачем пришел сюда.

— Я ищу убежища. А еще — я принес тебе новости. Человек, которого ты послал убить эмира Афга-

нистана, ранил его, а сам был изрублен на куски стражниками-узбеками.

Перс только пожал плечами:

— Разве это новости? Мы узнали обо всем этом еще до полудня следующего за попыткой покушения дня. Известно нам и то, что эмир остался жив благодаря стараниям английского врача, сумевшего быстро и правильно промыть раны, оставленные отравленным кинжалом.

Гордон уже начал склоняться к мысли о тайных — магических — каналах связи, но вдруг вспомнил стаю голубей у фонтана в шализарском дворце. Все встало на свои места и получило вполне естественное объяснение: почтовые голуби и тайные агенты в Кабуле, снаряжающие их в обратный полет с привязанными к лапкам сообщениями.

— Мы всегда надежно хранили свои тайны, — сказал перс. — Если ты узнал о Шализаре, узнал дорогу к нему — значит, тебе рассказал об этом кто-то из наших о братства. Кто тебя прислал — не Багила?

Лишь на долю секунды замешкался Гордон с ответом, прикрыв эту паузу деловитым отряхиванием брюк от пыли, но за эти мгновения он успел распознать заготовленную для него ловушку и избежать ее. Он понятия не имел о том, кто такой Багила, и решил, что это имя было заброшено персом в качестве наживки, прикрывающей острый крючок.

— Человека по имени Багила я не знаю, — ответил американец. — Да и вообще я не был знаком ни с кем из твоих людей, никто мне не выдавал ваших секретов, никто не посвящал меня в ваши тайны. Да и зачем? Я не нуждаюсь в агентах, предателях и информаторах, я все узнаю сам. И пришел я сюда лишь потому, что мне потребовалось надежное убежище. В Кабуле я впал в немилость, и англичане расстреляют меня на месте, если я окажусь в их руках.

Одной из самых достоверных легенд среди тех, что витали вокруг Гордона, была его так называемая

вражда с британцами. Это объясняло его неофициальный статус, отказ носить какую бы то ни было форму, и предоставляло ему право действовать невзирая на все нормы и правила этикета. Не испытывая и не изображая никакого почтения к зажавшимся, самодовольным, набивающим свой карман за счет казны и ограбления местных племен колониальным чиновникам, как гражданским, так и военным, он в ответ был вознагражден их лютой ненавистью за то, что нередко его деятельность сводила на нет все их усилия по обдελыванию тех или иных грязных делишек. Поэтому легенда о враждебности Гордона к англичанам родилась и вполне искренне подпитывалась теми, кто по своей недалекости полагал, что представляет здесь, в Азии, Британскую империю. Но те, кто на самом деле правил колониями Англии в Индостане, ее союзниками и противниками в других частях Востока, предпочитали делать это, не афишируя своего влияния. И эти люди знали, что представляет собой Аль-Борак и каковы его истинные цели и убеждения. Не всегда сильные мира сего одобряли методы действия Гордона, но тем не менее не отказывали ему в своей дружбе и уважении, пользуясь время от времени его помощью в решении самых щекотливых вопросов.

Правитель Шализара не был посвящен в такие тонкости. О Гордоне он знал достаточно — достаточно для того, чтобы списать его видимую «ненависть» к англичанам на вполне естественное к ним отношение уроженца Нового Света. Зная Аль-Борака по легендам и рассказам, порой откровенно лживым, порой весьма правдоподобным, перс составил свое представление о нем как об еще одном авантюристе, не подчиняющемся ничьей короне и никаким законам, а значит, и не находящемся под чьей-либо официальной защитой. Бот почему его не удивило, что в конце концов этот белый впал в немилость у сильных мира сего и оказался вынужден искать себе убежище.

Неожиданно шейх произнес несколько слов на древнеперсидском языке. Угадав намерение шейха, Гордон сделал вид, что не знает этого языка, в очередной раз убедившись в том, что хваленая восточная хитрость порой бывает по-детски наивна.

Шейх обратился к одному из чернокожих рабов. Тот почтительно кивнул головой и, сняв с перевязи серебряный молоток, ударил им в позолоченный гонг, скрытый в стенных портьерах. Не успело затихнуть прокатившееся по залу эхо, как бронзовые двери чуть приоткрылись — ровно настолько, чтобы в образовавшуюся щель боком проскочил худенький невысокий человечек в простых по покрою, но сшитых из хорошего шелка одеждах. Перс по национальности, как и его правитель, он подошел к трону и низко поклонился. Шейх обратился к нему по имени, назвав Мусой, и спросил на языке, знание (или незнание) которого Гордоном он только что проверил:

— Ты знаешь этого человека?

— Да, Ваше Величество. Это...

— Не произноси его имени! Он не понимает нас, но, услышав свое имя, он догадается, что мы обсуждаем его персону. Скажи мне, Муса: наши разведчики докладывали о нем?

— О да, Ваше Величество. Последнее сообщение из Кабула касалось и его. В ночь покушения на эмира афганского этот человек беседовал с ним один на один. Примерно за час до покушения. Покинув дворец, он уехал из города. Где-то через полчаса его, в сопровождении еще троих всадников, видели на дороге, ведущей к городу Кхору, вотчине мятежного Бабер-хана. Вдогонку ему из Кабула была послана кавалерия, но преследователи либо прекратили погоню, либо были перебиты стражей Кхора. Точно это пока не известно.

— Похоже, что он не врет, утверждая, что пришел не ко двору в Кабуле и был вынужден срочно бежать из столицы, — пробормотал шейх.

Развалившись на диване, Гордон всем своим видом изображал, что не понимает, о чем говорят персы. Про себя же он отметил, что, во-первых, система разведки Избранных оказалась куда более развитой, глубоко внедренной и эффективной, чем он предполагал, и, во-вторых, целый ряд обстоятельств и цепь совпадений удачно сложились в его пользу. Для этих людей было вполне понятно и объяснимо его исчезновение из Кабула, якобы по причине изменения в отношении к американцу правителя страны. То, что при этом он подался в стан мятежников, только подтверждало эту версию, как и факт «погони» королевской кавалерии.

— Можешь идти, — произнес шейх. Муса еще раз поклонился и безмолвно покинул зал. Правитель еще немного помолчал, а затем, изображая, что, хорошенько подумав, он принял-таки решение, заявил:

— Я склонен поверить в то, что ты говоришь правду. Ты бежал из Кабула, бежал в Кхор, где вряд ли приняли бы кого-либо из верных эмиру людей. Твоя вражда с интриганами давно всем известна... Что ж, такие люди нам нужны. Но — предупреждаю сразу: я не могу посвятить тебя в члены нашего братства, пока почтенный Багила не увидит и не проверит тебя. Сейчас его в Шализаре нет, но завтра к утру он вернется. А пока что я все же хотел бы выяснить, как, где и когда ты узнал о нашем братстве и нашем городе.

Гордон пожал плечами:

— Разве у гор есть от меня секреты? Я слышу, как спешат мне их поведать крылья ветра, играющего в ветвях цветущего тамариска и жестких колючках саксаула. Ведомы мне и тайны воя волков и рыка барса. Но, само собой, не сторонюсь я и тайн, что раскрываются и выбалтываются у костров и очагов, которые освещают и согревают людей, ночующих в переполненных караван-сараях...

— Раз так, то тебе известны и наши цели, наши намерения?

— Я знаю, как вы себя называете. А еще мне известно, что некогда существовал где-то в горах другой город, которым правили эмиры, называвшие себя шейхами Аль-Джебаля, что означает: древний народ гор. Их подданных называли ассасинами, то есть убийцами. Эти люди курили коноплю, гашиш, употребляли опий, а их жестокие убийства наводили страх на всю Западную Азию.

— Да! — сверкнув глазами, воодушевлено воскликнул перс. — Сам Саладин их боялся. Крестоносцы — даже крестоносцы! — боялись их. При одной мысли об ассасинах вздрагивали от ужаса эмиры Дамаска, халифы Багдада, султаны Египта. Все они, и даже сельджуки, платили дань шейхам Аль-Джебаля. Шейхи не выводили в поход больших армий. Они сражались ядом, огнем и магическим трехклинковым кинжалом, разящим из темноты. Их гонцы в черных плащах с алой подкладкой, словно посланники самой смерти, проникали повсюду и наносили неотразимые удары. Погибали один за другим монархи, правившие в Каире и Иерусалиме, Самарканде и Бухаре. Великий шейх Аль-Джебаль — Хасан ибн Сабах — воздвиг на горе Арамут в Персии огромный город-замок с потайными, скрытыми от посторонних глаз садами. В этих садах его подданным дозволялось вкушать райских наслаждений. В этих садах для них танцевали стройные, как феи, девушки, легкий ветерок кружил над землей лепестки цветов, а в воздухе витал чарующий запах гашиша.

— Ну да, — понимающе усмехнулся Гордон, — несчастного подданного шейха «накачивали» наркотиками, а затем волокли в сад, где он представлял себя в том самом раю, что обещал ему Пророк. Потом его снова обкуривали до беспамятства, вытаскивали во дворец и сообщали, что единственный способ вновь обрести райское блаженство — это беспрекословно и фанатично верно служить шейху. Ни один король не мог похвастаться такой беззаветной верностью своих

подданных. И так продолжалось до тех пор, пока в тысяча двести пятьдесят шестом году монголы под командованием Кулагу-хана не сровняли с землей эти дьявольские замки, избавив цивилизацию Востока от опасности полного уничтожения.

— Как видишь, опасность не исчезла, — с гордостью заявил шейх. — Я прямой потомок Хасана ибн Сабаха. С юности я грезил величием своего древнего рода. Потом пришли деньги — деньги западных держав, плативших мне за минералы и руды, найденные в моих горах и извлеченные из недр. Так мечта стала явью: Отман ибн Азиз стал шейхом Аль-Джебаля.

Хасан ибн Сабах был верным последователем Исмаила, учившего, что все люди и все их поступки подвластны всевидящему Аллаху. Вера исмаилитов прочна, как камень, и глубока, как море. Она заставляет отбросить, преодолеть, забыть религиозные и национальные отличия, объединяя людей из самых разных сект и народов. Это единственная сила, которая рано или поздно сумеет объединить Азию. Народ моих родных гор не забыл учение Исмаила, как не забыл он и сады-курильни. Именно там я нашел своих первых последователей. Вскоре к нам примкнули жители гор Курдистана, где я основал свою первую твердыню. Среди тех, кто пришел ко мне, были персы, езиды, курды, друзья, арабы, турки — изгои, отверженные, те, кто потерял всякую надежду, всякую веру и был готов проклясть даже Магомета ради обретения рая здесь, на земле. Но наша вера никого не проклинает, никого не отбрасывает. Она объединяет. Мои посланники путешествовали по всей Азии и привозили с собой тех, кто был готов следовать за мной. Я тщательно отбирал своих подданных. Наши отряды росли медленно, ибо каждого кандидата я подолгу проверял на крепость его веры и верность мне лично. Ни религия, ни национальность не имеют для меня никакого значения. Среди моих последователей есть мусульмане — сунниты, шииты и представители всех других течений религии

Магомета, есть индуисты, есть те, кто поклоняется Мелеку-Таусу, есть и монголы из пустыни Гоби, почитающие Эрлика.

Четыре года назад я привел своих последователей сюда, в этот город, лежавший в руинах. Даже местным жителям ничего не было о нем известно: страшные легенды заставляли горцев держаться подальше от этих мест. Много столетий назад этот город был крепостью ассасинов, разрушенной превосходящими силами проникших сюда монголов. Его дома были разрушены, каналы засыпаны мусором и камнями, пышные сады сменились зарослями непроходимых колючих кустов. Три года напряженной работы потребовалось на то, чтобы восстановить здесь все, привести город в порядок. Огромные деньги — почти все свое состояние — я истратил на эту работу. Чего стоила только скрытная доставка сюда нужных материалов и инструментов! Мы привозили все через Персию по древней караванной дороге, которой перестали пользоваться, когда мир стал торговать другими товарами и возить их по другим маршрутам. Затем наш груз переносили через хребет и спускали на плато с западной стороны — там, где оно соединялось со склоном. Впоследствии я уничтожил этот перешеек. Но в итоге, затратив уйму денег, сил и времени, я все же обрел свой Шализар, которому суждено стать столь же грозным и могучим, каким он был во времена древних шейхов. Смотри!

Встав с трона, шейх жестом пригласил Гордона проследовать за ним.

Чернокожие великаны надежно прикрывали Отмана ибн Азиза, направившегося к скрытой за шторами нише. Один из рабов распахнул парчовые занавеси, и взорам шейха и Гордона открылся небольшой балкончик, выходивший во внутренний двор дворца. Двор представлял собой зеленый сад, окруженный пятнадцатифутовой стеной, почти полностью скрытой густыми кустами. Над сплошным ковром разнообраз-

ных деревьев, кустарников и цветов плыл диковинный пьянящий аромат, серебристыми колокольчиками журчали струйки фонтанов... Гордон заметил в саду стройных, грациозных девушек, чьи тела были лишь частично прикрыты — либо почти прозрачным шелком, либо небольшими кусочками расшитого драгоценными камнями бархата. Среди женщин американец заметил персиянок, уроженок Аравии, Египта и Индостана. Неожиданно ему стал понятен смысл необъяснимых исчезновений некоторых известных своей красотой девушек из знатных индийских семей. В последние годы число таких исчезновений выросло слишком значительно, чтобы быть списанным на традиционные похищения местными царьками.

Под деревьями на шелковых покрывалах лежали мужчины — явно вкусившие гашиша или какого-нибудь другого дурмана. Откуда-то доносилась приятная негромкая музыка, соответствовавшая общему настроению мира и покоя, царившему в саду. Гордону нетрудно было почувствовать, что для восточного человека, вкусившего гашиша, это место превращалось в рай, обещанный Пророком.

— Я скопировал, а затем и усовершенствовал сады Хасана ибн Сабаха, — сказал шейх, задерживая занавеси балкона, предусмотрительно защищенного ими от взглядов из сада.

Вернувшись на трон, он доверительно добавил:

— Я показал тебе их потому, что не хочу, чтобы ты «вкушал райские наслаждения», как другие. Я не столь глуп, чтобы рассчитывать на то, что тебя удастся так легко одурачить. Да это и не нужно. Никому — ни тебе, ни нам — не будет хуже от того, что ты это узнал. Если Багила не согласится принять тебя, твое знание умрет вместе с тобой. Если же ты останешься с нами, то ты все равно скоро узнаешь это и еще многое другое — то, что положено знать человеку, который займет важное место в выстраиваемой мною империи. Я стану могущественным, как мои великие предки. Три года я

строил этот город, еще дальше я шел к нему, зато теперь... Теперь я начал наносить удары. В течение последнего года мои ассасины отправились в путь в разные столицы, неся смерть на клинках своих отравленных кинжалов. Все происходит так, как тогда, много столетий назад. Для них нет иного закона, кроме моей воли. Они неподкупны, неустрашимы и непобедимы, ибо алчут скорее смерти, чем жизни в предательстве. Смерти же они не боятся, ибо уже при жизни вкусили того блаженства, что их ждет на том свете.

— И какова же твоя главная цель?

— Разве ты до сих пор не понял? — почти прошептал шейх, сверкая горящими фанатическим огнем глазами.

— Ну, в общем-то мне все понятно. Другое дело — услышать это от тебя.

— Так слушай же и внимай! Я хочу и я буду править Азией! Отсюда, из моей тайной твердыни, я буду першить судьбы мира. Короли на тронах? Они будут лишь марионетками, танцующими на нитях, которые дергаю я. Те, кто осмелится не повиноваться мне, умрут — внезапно и мучительно. Вскоре непокорных не останется. Власть будет принадлежать мне! Мне одному! Власть! О Аллах, что может быть слаще и величественнее?!

Гордон не стал отвечать на этот чисто риторический вопрос своего собеседника. Про себя он обдумывал странное соотношение стремления шейха к единоличной власти и его почтительные реверансы в адрес некоего Багилы, который должен был решить судьбу пленника. Это заставляло предположить, что правление шейха в Шализаре вовсе не было таким единоличным, как он стремился представить новичку. Гордон терялся в догадках по поводу того, кто скрывался под именем Багилы. Само по себе это слово обозначало пантеру и, скорее всего, было псевдонимом или прозвищем, как и данное Гордону уроженцами Востока имя Аль-Борак.

— А где мой сикх? — неожиданно спросил американец, глядя в глаза правителю. — Твои езиды увели или унесли его с собой, убив другого моего спутника — Ахмад-шаха.

Перс явно переусердствовал, изображая на лице удивление и непонимание.

— Понятия не имею, о ком ты говоришь, — сказал он. — Никакого пленного езида не приводили.

Гордон понял, что шейх лжет, но не менее ясно ему было и то, что дальнейшие расспросы ни к чему не приведут, по крайней мере сейчас. Точные причины, по которым Отман ибн Азиз отрицает, что ему известна судьба Лала Сингха, были скрыты от Гордона, но настаивать на объяснении после формального, но недвусмысленного отказа было бы непростительно неучтиво, да и откровенно опасно.

Шейх сделал знак стражнику, и тот вновь ударил в гонг. В зал опять тотчас же вошел Муса и замер, низко склонившись перед троном.

— Муса проводит тебя в комнату, куда тебе принесут еду и вино, — сказал правитель. — Разумеется, ты мой гость, а не пленник. Стража не будет приставлена к тебе, как не будет заперта и твоя комната. И все же я должен попросить тебя не выходить из нее, пока я не пришлю за тобой слугу. Мои люди очень подозрительно относятся к иностранцам, и пока ты официально не посвящен в члены нашего братства, сам понимаешь...

Что должен был понимать Гордон, шейх уточнять не стал.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ШЕПЧУЩИЕ КЛИНКИ

Бесстрастный и молчаливый Муса вывел Гордона из тронного зала, провел между двумя шеренгами сверкающих доспехами охранников и жестом пригла-

сил американца следовать за ним по узкому извилистому коридору, уходившему в глубь дворца. Вскоре коридор привел их к черной двери, за которой скрывалась комната с куполообразным потолком, покрытым тонкой резьбой. Окон и других дверей в этой комнате не было; свет и воздух проходили в нее через небольшие отверстия по окружности купола. Тяжелые бархатные портьеры скрывали стены помещения, толстые дорогие ковры устилали пол. Впрочем, из мебели в комнате присутствовал лишь один низкий, обитый бархатом диван.

Муса поклонился и вышел из комнаты, оставив Гордона одного. Проводив взглядом закрывшего за собой дверь слугу, американец сел на диван и задумался. Подумать ему было о чем. За всю его жизнь, полную опасностей и приключений, ему еще не доводилось оказываться в столь странной ситуации. Так, например, совершенно неуместными казались его армейские сапоги и брюки цвета хаки в этом таинственном городе, где само время словно вернулось едва ли не на тысячелетие назад. И в то же время Гордону казалось, что все окружающее ему знакомо — или было знакомо когда-то. Но когда?.. Видимо, очень, очень давно... Он вдруг живо представил себе самого себя — черноглазого, черноволосого воина из далеких западных стран, облаченного в кольчугу крестоносца, пробирающегося по таинственным, полным опасностей замкам и подземельям города ассасинов.

Гордон нетерпеливо оборвал себя. Он и без того склонялся к вере в перевоплощения души и не нуждался в дополнительных доказательствах. Скорее наоборот, здесь, в Шализаре, правитель которого словно нарочно стремился воссоздать атмосферу многовековой давности, Гордон интуитивно чувствовал присутствие какой-то могучей, скрытой, но абсолютно не мистической, а напротив — совершенно реальной силы.

Что это была за сила? Разумеется, чья-то могучая политическая воля. Воля одной из великих держав,

сцепившихся в смертельной (пока еще скрытой, закулисной) схватке за власть, влияние и владение Индией, страной-ключом ко всей Азии.

За этим орденом фанатиков-наркоманов стояло нечто большее, чем воля его основателя — персидского мечтателя. Чего стоило одно лишь воссоздание этого древнего города! Гордон очень сомневался в том, что на это мероприятие были потрачены деньги лишь из личного состояния Отмана. Вряд ли на это дело хватило бы любого, даже самого огромного частного состояния, даже принадлежащего наследнику персидских шейхов. Нет, за постройкой Шализара явно скрывались иные — почти безграничные средства, которые может предоставить лишь один источник — казна большого, богатого государства.

Впрочем, долго размышлять над тайными пружинами финансирования этого змеиногного гнезда Гордон не стал. Сейчас его не столько волновали политические аспекты существования Шализара, и даже не собственное — весьма неопределенное — положение, сколько судьба Лала Сингха. Забыв о судьбах мира и народов, почти забыв о себе, американец нервно ходил из угла в угол комнаты, словно тигр по клетке, и ломал голову над тем, где и в каком состоянии мог находиться в данный момент его верный сикх. То, что Отман отказался признавать присутствие пленника в Шализаре, давало пищу для самых мрачных предположений.

Услышав за дверью приближающиеся шаги, Гордон заставил себя сесть на диван и даже лениво-небрежно развалиться на нем. В комнату вошел Муса, за которым следовал высокий чернокожий раб с золотым подносом, уставленным разными блюдами, и с чеканным золоченым кувшином вина. Муса поспешил закрыть за собой дверь, однако от внимательных глаз Гордона не ускользнул блик на полированной стали плема, мелькнувшего за портьерой на противоположной стороне коридора, по всей видимости прикрывавшей спрятанную за ней потайную нишу. Итак, Отман со-

лгал, сказав, что к американцу не будет приставлена стража. Гордон тотчас же почувствовал себя свободным от данного им обязательства не покидать выделенного ему помещения.

— Вино из Шираза, сагиб. И угощение. — Муса сделал приглашающий к трапезе жест. — А кроме того, сейчас к вам пришлют нежную и ласковую девушку — чтобы сагибу не было скучно у нас в гостях.

Гордон хотел было отказаться, но понял, что женщину к нему все равно пришлют — хотя бы для того, чтобы присматривать за ним, и, решив не осложнять себе жизнь, а также не раздражать попусту своих «гостеприимных» хозяев, одобрительно кивнул.

Муса жестом приказал рабу поставить поднос на пол, сам попробовал каждое блюдо, отпил вина и, поклонившись, покинул комнату, пинком подгоняя чуть замешкавшегося негра. Гордон, внимательный и напряженный, словно волк, пробравшийся на деревенский скотный двор, отметил про себя, что вино перс попробовал в последнюю очередь, а на выходе из комнаты его слегка покачивало. Когда дверь за слугами закрылась, Гордон поднес к лицу кувшин и принюхался. Нужно было обладать очень тонким и тренированным обонянием, чтобы распознать в букете терпкого вина едва уловимый, но знакомый посторонний аромат. Нет, это был запах не яда, а одного из бесчисленных восточных дурмящих веществ, вызывающих у человека кратковременный, но глубокий, беспробудный сон. Вот почему перс и поспешил покинуть комнату, отпив из кувшина. Он стремился скрыться за дверью раньше, чем снотворное его одолеет. Гордон даже предположил, что шейх, быть может, все же решил попробовать перетащить его, сонного, в «райский» сад.

Многолетний опыт пребывания при самых разных восточных дворах подсказал американцу, что в этом случае вряд ли кто-то стал бы возиться с подкладыванием яда или дурмана в еду — это занимает больше времени и сил, а кроме того — легче обнаруживается.

Вот почему, еще раз осмотревшись, он отдал должное принесенным угощениям, чтобы подкрепить силы.

Не успел Гордон закончить трапезу, как дверь его комнаты вновь приоткрылась — ровно настолько, чтобы позволить проскользнуть в помещение стройной девичьей фигурке. Девушка, одетая в расшитый золотыми нитями парчовый нагрудник, имитирующий парадные воинские доспехи, украшенную драгоценными камнями набедренную повязку и тонкие, из почти прозрачного, струящегося шелка, шаровары, казалось, шагнула в сегодняшний день со средневековых миниатюр, рассказывающих о гареме Гаруна аль Рашида. В следующую секунду Гордон, словно стальная пружина, вскочил на ноги — он узнал эту девушку еще до того, как она сняла с лица полупрозрачную декоративную чадру, сделанную из легкого тюля.

— Азиза! Как ты здесь оказалась?

Девушка подбежала к нему, совсем по-детски вцепилась руками в его плечи и заговорила быстро-быстро, стараясь сдержать наворачивающиеся на глаза слезы.

— Сагиб, меня похитили, схватили, когда я пошла вечером погулять в саду нашего дома в Дели. Меня увезли в караване, выдававшем себя за перегонщиков табунов и торговцев лошадьми. Сначала в Пешавар, а потом — через все хребты и плоскогорья Хайбера — сюда, в этот город дьявола. Со мной везли еще шестерых девушек, похищенных в разных городах Индии. Причем все эти караваны рабов проходят под самым носом у англичан. Там, где дороги проходят мимо британских постов, там, где встречаются армейские патрули, девушек заставляют сидеть в черной, скрывающей лицо и фигуру парандже. Никто не осмеливается закричать и позвать на помощь, потому что нож одного из похитителей всегда находится в нескольких дюймах от твоего сердца или горла. За хребтами Хайбера уже никому нет дела до плача и стонов похищенных женщин, а на территории колониальной Индии нас выдают за жен. сестер и дочерей этих «торговцев ло-

шадьями». В Пешаваре, куда сходятся все караванные пути и где налажен серьезный пограничный контроль, у похитителей есть свой человек из британской колониальной администрации. Сам он индус, но под его прикрытием каждый год десятки похищенных индийских девушек переправляются в Афганистан...

Гордон сдержал в себе готовые сорваться с губ проклятия и ругательства. Впрочем, мысли его от этого не стали более смиренными и менее кровожадными. То, как хорошо была налажена работа этого канала работорговли — практически под самым носом у англичан, да что там — чуть ли не за спиной самого Гордона, лишний раз подтверждало, насколько развита и глубоко внедрена была в Индии сеть агентуры исмаилитов.

— Тебе знакомо имя продавшегося похитителям чиновника? — мрачно спросил он девушку.

— Да, сагиб. Его зовут Дитта Рам.

— Черт побери! Да я же знаю эту скотину! — не сдержал чувств Гордон.

По-своему его даже обрадовало это известие. Он давно искал возможности вывести на чистую воду этого хитрого и осторожного взяточника, на которого Гордон имел зуб. Впрочем, разбирательство и наказание чиновника-оборотня из Пешавара пока что откладывалось на весьма неопределенное время.

Азиза продолжала торопливо рассказывать:

— Я здесь уже почти месяц и едва не умерла от ужаса, страха и позора. Мне довелось видеть, как непокорных женщин здесь убивают, замучивают пытками до смерти. Меня определили в «феи» в этих фальшивых райских садах. Когда я увидела тебя под конвоем стражников Махмуда ибн Ахмеда, у меня чуть сердце не остановилось. Мне удалось подсмотреть из-за портьер. Пока я сидела, убитая горем, в нашей комнате, туда вошел евнух-слуга и сказал, что хозяин приказал послать к чужестранцу девушку поумнее, которая смогла бы разговорить сагиба и выведать у него какие-нибудь секреты. Я сразу же вызвалась, сказав,

что не боюсь белых мужчин, а кроме того — хорошо понимаю по-английски. Он засомневался, и, чтобы убедить его, мне пришлось сказать неправду: я соврала, что у меня с тобой старые счеты, что ты якобы убил моего брата.

На миг девушка запнулась, словно мысленно прося у богов прощения за столь кощунственную ложь: на самом деле ее брат был одним из лучших друзей Гордона во всей Индии.

— Азиза, скажи, известно ли тебе что-нибудь о Лале Сингхе, сикхе, которого исмаилиты захватили в плен этой ночью?

— Да, сагиб, — кивнула девушка. — Они притащили его в город, чтобы попытаться сделать из него такого же убийцу, опьяненного наркотиками. До сих пор среди исмаилитов не было ни одного сикха, и правители очень заинтересовались таким пленником. Ведь у Лала Сингха, как я поняла, в Пенджабе большие связи. Но твой друг оказался, быть может на свою беду, человеком огромного мужества. Как только его ввели во дворец и развязали спутывавшие его веревки, он отчаянно набросился на стражу и голыми руками убил младшего брата Махмуда ибн Ахмеда. Теперь капитан арабской стражи требует казнить сикха, и, боюсь, его влияние на Отмана перевесит политические цели правителя, тем более что, судя по всему, сломить волю Лала Сингха будет не просто.

— Так вот почему шейх соврал мне, — понимающе кивнул Гордон.

— Да, сагиб. Сейчас Лал Сингх находится в темнице, в подвалах дворца. Завтра, если ничего не изменится, его выдадут Махмуду для пыток и казни.

Ни один мускул не дрогнул на лице американца, лишь по глазам можно было догадаться о бушевавших в нем чувствах.

— Сегодня ночью ты проводишь меня к комнате, где спит Махмуд ибн Ахмед, — сухо сказал Гордон, обратив в слова сжигавшие его чувства.

— Нет-нет, сагиб! Ни в коем случае! — стала убеждать его Азиза. — Он спит в казарме, в окружении своих воинов, признанных мастеров меча Аравии. Их слишком много даже для такого сильного человека, как ты. Лучше я отведу тебя туда, где находится Лал Сингх.

— А как насчет стражи в коридоре?

— Охрана ничего не заметит! Из этой комнаты есть потайной ход в подвал. Стражники ни за что не войдут сюда, пока я не выйду из комнаты, и никому не позволят зайти.

Отодвинув одну из портьер на противоположной от двери стене, Азиза нажала на один из фрагментов витиеватого резного орнамента. Часть стены сдвинулась внутрь, а затем распахнулась на петлях, открыв за собой узкую каменную лестницу, уводящую вниз, в крошечную темноту.

— Хозяева всегда недооценивают своих слуг, считая, что тем неизвестны их секреты, — улыбнулась Азиза. — Пойдем.

Протянув руку, девушка извлекла из-за дверного косяка с внутренней стороны потайной двери тонкую свечу и спички. Подняв огонек над головой, она стала первой спускаться по лестнице. Гордон последовал за ней. Когда, по его расчетам, они оказались уже ниже уровня первого этажа, лестница сменилась горизонтальным туннелем.

— Сейчас мы под одним из внешних садов, — сказала Азиза. — Когда я оказалась в Шализаре, то сразу же стала обдумывать возможность побега. Мне повезло познакомиться с одним из слуг, который давно готовился бежать отсюда. Поверив мне, он согласился взять меня с собой. Он-то и показал мне этот туннель. Здесь мы прятали впрок еду и оружие. Но, к несчастью, моего друга выследила и схватила дворцовая стража. Он умер под пытками, но не выдал меня. Вот меч, который он спрятал на случай побега.

Азиза вынула из-под нижней ступеньки короткий прямой меч, который Гордон с удовлетворением взве-

сил в руке. Это оружие будет весьма нелишним здесь, в дворцовых покоях и подземельях.

Через минуту они подошли к тяжелой, обитой железом двери. Приложив палец к губам, Азиза показала Гордону узкую щелочку, через которую можно было разглядеть то, что находилось по другую сторону от двери. Гордон увидел, что за дверью туннель выходит в достаточно широкий коридор. С одной стороны коридор упирался в тупик с единственной маленькой дверью — затейливо украшенной резьбой и запертой на нешуточные засовы. Вдоль противоположной стены шел ряд камер с решетчатыми дверьми. Сам коридор, не очень длинный, был освещен свисавшими с потолка бронзовыми масляными лампами.

Перед дверью одной из камер стоял внушительного роста араб в доспехах и шлеме дворцовой стражи. Крючконосый, чернобородый, с палашем наголо, он представлял собой живое воплощение значительности, обеспеченной оружием, силой и осознанием собственной власти.

Рука Азизы легла на плечо Гордона.

— Лал Сингх находится в камере, около которой стоит стражник, — прошептала девушка. — Хорошо бы убить араба без стрельбы, чтобы не поднимать лишнего шума. Огнестрельного оружия у него нет, а в своем мастерстве владения клинком он полностью уверен. Из гордости он не станет звать на помощь, пока не поймет, что побежден. Звона стали наверху, в караульном помещении, не услышат.

Гордон прикинул сбалансированность клинка, доставшегося ему от беглеца-неудачника. Это было легкое, изящное индийское оружие. Впрочем, его легкость не мешала ему быть прочным и отточенным до остроты бритвы. Рубить таким клинком было одно удовольствие, колоть же труднее, но возможно. По длине он был практически равен палашу часового.

Сосредоточившись и настроившись на поединок, Гордон открыл дверь и шагнул в тюремный коридор.

За решеткой, за спиной стражника, он успел заметить удивленно-недоверчивое лицо Лала Сингха. На скрип ржавых петель араб резко развернулся, мгновенно оценил ситуацию и почти радостно, как опытный боец в предвкушении кровавого поединка, по тигриному стремительно бросился в атаку.

С не меньшей гордостью американец бросился ему навстречу. Руки Лала Сингха до побеления костяшек пальцев сжали прутья решетки. С другой стороны коридора, затаившись за дверью, Азиза тоже наблюдала за тем, как разворачивается бой двух мастеров фехтования, бой, от которого кровь закипела бы в жилах даже у самого равнодушного наблюдателя.

Единственными звуками, раздававшимися в подземном коридоре, были шуршание подошв по каменному полу, надсадное дыхание соперников и звон стали. Сверкающие в золотистом свете ламп клинки, словно молнии, рассекали воздух. Они походили на живые существа, на языки двух гигантских, разящих все на своем пути змей. Казалось, что оружие приросло к рукам бойцов — так естественно и ловко, словно частью своего тела, владели они им. Для Азизы бой был абсолютно непонятной фантасмагорией, лишь заставлявшей кровь стыть в ее жилах. Лал Сингх же, выросший с мечом в руке, напряженно следил за каждым движением, за каждым выпадом, ударом и уходом противников, понимая, что в этом бою сошлись настоящие мастера клинка. Впрочем, понимать — еще не значит оставаться спокойным, и Лал Сингх, подобно Азизе, следил за поединком с величайшим напряжением.

На мгновение раньше араба он почувствовал едва уловимое изменение в балансе сил. А в следующий миг и сам стражник, осознав неизбежность поражения, уже набрал воздуха в легкие, чтобы отчаянным криком позвать на помощь и обеспечить тем самым отмщение за свою неминуемую гибель. Однако Гордон не дал противнику этого последнего шанса. Его меч

засвистел в воздухе еще стремительнее и в какой-то момент словно играючи, едва-едва, самым острием коснулся шеи стражника. Араб повалился на пол, голова его повисла на надрубленной шее. Кровь хлынула из огромной зияющей раны. Часовой умер, не успев издать предупредительного крика.

Мгновение Гордон постоял над ним, переводя дыхание. Впрочем, сильно усталым он не выглядел, ни единой царапины не прибавилось на его теле после этого поединка. Лишь несколько мелких капелек пота над бровями выдавали пережитое напряжение.

Нагнувшись, он снял с пояса часового связку ключей. Звук лязгающего замка, казалось, вывел Лала Сингха из транса.

— Сагиб! Это безумие! Безумие приходит сюда, в это змеиное гнездо, ради меня! — воскликнул сикх. — Нет, но кто бы мог подумать, что какой-то араб умеет так великолепно владеть мечом?! Сагиб, это мне напомнило те дни, когда мы с тобой мерялись силами и мастерством в фехтовании с лучшими мечами Турции.

— Ладно, сейчас нам не до воспоминаний, — усмехнулся Гордон, распахивая решетку. — Вылезай.

Сикх шагнул в коридор. Без тюрбана, голый по пояс, весь грязный, он тем не менее выглядел по-прежнему внушительно и совершенно не казался сломленным тем, что с ним произошло.

Гордон напряженно обдумывал, как поступить дальше.

— До темноты нечего и пытаться выбраться из города, — сказал он. — Нужно ждать. Азиза, когда должны сменить часового?

— Смена происходит каждые четыре часа. Этот стражник заступил на дежурство совсем недавно — за несколько минут до нашего появления здесь.

— Отлично! Итак, у нас есть почти четыре часа.

Глянув на наручные часы, Гордон удивился, обнаружив, что находится в Шализаре дольше, чем ему это казалось.

— Через четыре часа начнет смеркаться. Как только стемнеет, мы попытаемся выбраться отсюда. Пока мы все не подготовим, ты, Лал Сингх, останешься в потайном переходе, на лестнице у двери, ведущей в мою комнату.

— Но когда придут менять часового, сразу же обнаружат, что я сбежал из камеры. Наверное, лучше оставить меня за решеткой, чтобы не давать страже точного направления поисков, — предложил сикх. — А когда все будет готово, ты придешь за мной или пришлешь девушку.

— Нет, на такой риск я пойти не могу. Ситуация может сложиться так, что я не смогу вернуться за тобой вовремя. Ничего, у нас, считай, четыре часа. А когда твое исчезновение обнаружат, общий переполох может даже сыграть нам на руку. А сейчас надо бы спрятать труп куда-нибудь.

Оглянувшись, Гордон задержал взгляд на красивой двери с тяжелыми засовами в дальнем конце коридора. Поймав этот взгляд, Азиза в ужасе воскликнула:

— Нет, только не туда, сагиб! Только не открывай эту дверь! Она ведет в ад!

— В каком смысле? Подожди, объясни толком, что находится за этой дверью.

— Я точно не знаю. Тела тех, кого в Шализаре казнят, сбрасывают с обрыва плато, и их пожирают шакалы и грифы. Сюда же, за эту дверь, вытаскивают тех, кто подвергся пыткам, но еще не умер. Что там с ними происходит, я не знаю, но кричат и стонут они отчаяннее, чем при самых жестоких пытках. Можешь мне поверить — я сама слышала крики этих несчастных. Говорят, что за этой дверью живет джинн, который отказывается питаться мертвечиной и пожирает людей лишь живыми.

— Может быть, оно так и есть, — скептически заметил Лал Сингх, — но несколько часов назад я видел, как кто-то из рабов открыл эту дверь и выставил за нее

большую корзину с чем-то. С чем именно — я не разглядел, но явно это не было телом мужчины или женщины, тем более — живым.

— Наверное, это был ребенок! — в ужасе задрожала Азиза.

Тут Гордона осенило: отложив выяснение природы кошмарного обитателя пространства за дальней дверью, он потащил тело убитого стражника в камеру Лала Сингха. Тот, сообразив, в чем дело, помог другу, а затем, по его указанию, снял с араба одежду, надел ее на себя, а убитого обрядил в лохмотья, остававшиеся на нем после пленения. Труп был усажен у стены в дальнем углу камеры, его голова склонялась на грудь так, что при беглом взгляде не была заметна чудовищная рана на горле араба. Хотя покойник и был намного ниже ростом, чем сикх, в сидячем положении это не было заметно. Лал Сингх надел на себя ту одежду араба, что более или менее подошла ему по длине. Остальное, включая доспехи и шлем, он забрал с собой, чтобы спрятать в туннеле. Заперев потайную дверь изнутри, Гордон отдал ключи сикху.

— На полу тюремного коридора осталось много крови, — сказал американец. — Тут уж ничего не поде лаешь. Будем надеяться, что, приняв мертвеца за тебя, стражники сначала бросятся искать самого пропавшего часового. Это даст нам еще какой-то выигрыш во времени. Четкого плана, как выбраться из города, я пока не придумал, все будет зависеть от того, как сложатся обстоятельства. Если я пойму, что побег отсюда невозможен, мне останется только убить шейха, а там... на все воля Аллаха.

Если получится так, что я не смогу выбраться отсюда, а вам двоим это удастся, попытайтесь пробраться назад по ущелью, туннелю и каньону — навстречу гильзаи. Я послал за ними Яр Али-хана. Если он нашел наших лошадей, то к ночи он уже доберется до Кхора. А следовательно, гильзаи будут по эту сторону туннеля завтра утром.

Поднявшись по лестнице, ведущей из подземелья к комнате Гордона, друзья остановились.

— Лал Сингх, ты останешься здесь, — распорядился Гордон. — Жди, пока я за тобой не приду. Оставь себе оба клинка. Я не могу показаться Отману с трофейным или краденым оружием. Возьми фонарик, и вот — держи.

С этими словами он почти насильно всунул в руку сикха свой пистолет.

— И без возражений! — строго сказал американец. — Все это скорее понадобится тебе, чем мне. Я тут в некотором роде почетный гость-пленник. И запомни: если со мной что-нибудь случится, бери девушку с собой и попытайся бежать под покровом темноты. Если же в течение ближайших четырех часов ни я, ни Азиза за тобой не придем, уходи один.

— Как прикажешь, Аль-Борак. Прости меня, я навеки покрыл себя позором, оказавшись в плену без боя. Но езиды крались по ущелью тихо, как кошки. Они там каждый буторок знают, и им удалось подобраться ко мне в темноте на расстояние броска камня. Я помню страшный удар по голове, а затем, очнувшись, с ужасом понял, что лежу с кляпом во рту и связан по рукам и ногам. Так же, по их словам, они сначала оглушили Ахмад-шаха, но потом перерезали ему горло, потому что исмаилиты не хотят иметь ничего общего с местными горцами. Им даже запрещено брать пуштунов в плен. Видимо, они опасаются, что рано или поздно местные жители разболтают секреты своим родственникам и тайна Шализара будет раскрыта. В общем, сагиб, я объяснил причину своего пленения: эти езиды ловки, как кошки, и коварны, как кобры. Но все это никак не снимает с меня ответственности и не смывает моего позора.

С этими словами сикх сел на верхнюю ступеньку лестницы, подобрал под себя ноги и приготовился к долгому ожиданию со спокойствием и невозмутимостью, свойственными его народу. Когда Гордон и Ази-

за вошли в комнату и закрыли за собой дверь, девушка тщательно задернула прикрывавшую ее портьеру. Затем американец сказал ей:

— Теперь ты иди. Не стоит возбуждать подозрения слишком долгим отсутствием. Постарайся вернуться ко мне ближе к вечеру, в сумерках. Сдается мне, что меня будут удерживать в этой комнате, пока не вернется некий Багила. Когда придешь, скажи стражнику у двери, что тебя послал шейх. Наверняка мне еще предстоит встретиться с ним, и я замолвлю словечко о столь понравившейся мне девушке. Да, кстати, мне принесли вино со снотворным. Скажи им, что видела, как я пил его, а затем крепко уснул. Похоже, я догадываюсь, зачем мне его подсунули.

— Я сделаю все, как вы скажете, сагиб, и постараюсь в сумерках сюда вернуться.

Девушка дрожала от страха и восторга, но держала себя в руках. Сочувствие и печаль отразились во взгляде Гордона, которым он проводил скрывающуюся за дверью стройную фигурку. Дочь богатого торговца из Дели, Азиза, конечно, была не приучена к такому обращению, какое ее встретило в Шализаре. Тем не менее держалась она мужественно и с достоинством.

Гордон взял кувшин, прополоскал вином рот — так, чтобы терпкий запах разносился бы его дыханием, вылил часть вина в угол за портьеру, а часть пролил на пол у дивана, словно случайно уронив кувшин. Повалившись на диван, американец глубоко и ровно задышал, изображая крепкий сон.

Не прошло и нескольких минут, как дверь вновь приоткрылась, и в комнату вошла девушка. То, что это была девушка, Гордон определил, не открывая глаз, — по легким шагам и аромату духов, ударившему ему в ноздри. И именно эти же признаки определенно дали ему понять, что это была не Азиза. Судя по всему, шейх не слишком-то доверял женщинам и предпочитал на всякий случай продублировать сведения, полученные

от одной из них, посылая на проверку другую. Гордон не думал, что ее подослали убить его: для этого за глаза хватило бы яда в кувшине, поэтому он предпочел не рисковать и не подсматривать за ней сквозь прищуренные, но не плотно закрытые веки.

Судя по частому, прерывистому дыханию девушки, она сама дрожала от страха. Ее ноздри едва не коснулись его губ. Наконец раздался вздох облегчения — это незнакомка учуяла запах вина со снотворным, исходивший от Гордона. Мягкие проворные руки ловко обыскали его, явно стремясь нащупать спрятанное оружие. Ощувив ее пальцы под левой рукой, там, где под курткой висела на портупее потайная кобура, Гордон порадовался, что предусмотрительно отдал пистолет Лалу Сингху. Ведь, разыгрывая усыпленного снотворным, он был бы вынужден позволить девушке забрать у него оружие.

Так же тихо, как вошла, незнакомая девушка покинула комнату. Чуть скрипнув, закрылась за ней дверь. Гордон продолжал лежать неподвижно, решив воспользоваться тем, что предоставила в его распоряжение сложившаяся ситуация. И раз уж в течение ближайших трех — трех с половиной часов предпринять что-либо было нельзя, то оставалось хотя бы выспаться и набраться сил. Долгие годы напряженной, изматывающей жизни приучили Гордона использовать любую возможность поесть и поспать, что никогда не бывает лишним. Другому человеку едва ли удалось бы даже вздремнуть в таком нервном состоянии, но Гордон уже давно привык играть со смертью в игру, ставкой в которой была его собственная жизнь. Вот и сейчас весь его маскарад висел на волоске, его судьба, как и судьба его друзей, зависела от весьма сомнительной возможности бежать с плато под покровом ночи, никакого конкретного плана бегства из города и спуска с обрыва у него не было — и тем не менее он уснул. Уснул так крепко и спокойно, словно остановился на ночлег в доме верного друга в тишине и безопасности своей родной страны.

МАСКА СОРВАНА

Как и большинство людей, ведущих своего рода «волчий» образ жизни, Гордон мог уснуть, когда это было нужно, в любой обстановке и в любое время. При этом будильник его внутренних, подсознательных часов тоже никогда его не подводил. Впрочем, на этот раз он Гордону не понадобился — американцу пришлось проснуться несколько раньше предварительно назначенного им времени. Стоило дверям лишь чуть скрипнуть, как Гордон мгновенно вскочил с дивана, готовый ко всему. На этот раз его покой потревожил вошедший Муса, как всегда вежливо и учтиво поприветствовавший его.

— Шейх Аль-Джебаля желает видеть вас, сатиб,— объявил слуга.— Господин Багила вернулся в Шализар.

Итак, некто таинственный, по прозвищу Пантера, вернулся в город раньше, чем ожидал шейх. Не зная, чего именно ему ждать от этой встречи, Гордон внутренне готовился ко всему. Выходя вслед за Мусой из комнаты, он обратил внимание на то, что портьера на противоположной от двери стене по-прежнему чуть топорщилась — стражник все еще находился там, на своем посту.

Муса повел американца не в тот зал, где его впервые принимал шейх, а — по длинному, извилистому коридору — к незнакомой раззолоченной двери, вход в которую преграждал воинственно выглядевший рослый часовой-араб. По знаку Мусы стражник распахнул дверь и позволил персу и его спутнику пройти в скрытое за ней помещение. Шагнув за порог, Гордон от неожиданности замер на месте.

Он оказался в довольно просторном зале без окон, но с несколькими дверями. Прямо напротив той, через которую вошел американец, на бархатном дива-

не раскинулся шейх Аль-Джебаля. За его спиной, по обыкновению, замерли два чернокожих суданца с серебристыми алебардами, а кроме того, вокруг дивана плотным полукольцом столпилась дюжина вооруженных людей самых разных национальностей: курды, друзья, арабы и даже один представитель племени орадж — весь покрытый шрамами громила, знакомый Гордону под именем Урук-хан, возглавлявший некогда жестокую банду убийц и грабителей.

Но всех этих людей, включая и грозного Урук-хана, Гордон едва удостоил краткого взгляда. Все его внимание оказалось приковано к еще одному присутствующему в зале. Этот человек, шагнув вперед, оказался между американцем и диваном шейха. Судя по кривым ногам, ему пришлось немалую часть жизни провести в седле, что, однако, не лишало его фигуру внушительности и даже некоторой эффектности. Высокий, худощавый, этот человек был даже по-своему, как-то зловеще красив. Одна его рука ласково поглаживала рукоять большого автоматического пистолета, свисавшего с пояса, другая механически подкручивала длинный черный ус. Гордон понял, что проиграл свою партию, ибо этот долговязый усатый кавалерист был не кем иным, как Иваном Конашевским, казаком, слишком хорошо знавшим Аль-Борака, чтобы можно было обвести его вокруг пальца, как это удалось сделать с шейхом, наплета ему всяких небылиц.

— Вот этот человек, — сказал Отман. — И он хочет вступить в наше братство.

Человек по имени Багила презрительно улыбнулся:

— Он притворяется, шейх. Он актер, умело играющий выбранную роль. Нет, убей меня, я не поверю, чтобы Аль-Борак оказался предателем. Не тот он человек. А здесь он мог оказаться только в одном качестве — как шпион, засланный англичанами.

От взглядов, нацеленных на Гордона, немедленно повеяло холодом и ненавистью. Да, этим людям до-

статочно было одного слова Багилы, чтобы поверить ему и составить мнение о том, что он говорит.

Гордон вдруг от души рассмеялся, чем явно привел в замешательство всех присутствующих. Не понял причину этой веселости и Иван Конашевский. Он достаточно хорошо знал американца, чтобы отделить ложь от истины в его словах и даже абсолютно точно определить истинную цель его появления в тайном городе, но даже он не знал его настолько хорошо, чтобы понять этот смех и новый, мрачный блеск, появившийся в глазах Аль-Борака.

В смехе Гордона не было ни самоиронии, ни цинизма, вызванного признанием своего поражения. Нет, под непроницаемой личиной Аль-Борака скрывалась душа дикого, яростного воина. Долгие годы жизни разведчика приучили его к справедливости древней мудрости: вступать в бой только тогда, когда не осталось никаких средств избежать его. Но теперь игра была проиграна, и уже ничто не сдерживало рвущегося в бой воина! Маски были сброшены. Продумав все, что было возможно, Гордон не смог-таки перехитрить судьбу и учесть все-все вероятные и невероятные встречи в этом таинственном городе. Отступать теперь было некуда. Ему оставалось только одно — принять этот бой, последний бой в жизни. И в этом бою у Гордона было одно преимущество — ему уже нечего было терять, он мог не задумываться о последствиях этой стычки, мог не строить стратегических планов. Для него все должно было решиться в ближайшие мгновения — в этом самом бою. И смех, так удививший его противников, вырвался из каких-то первобытных, диких уголков души цивилизованного американца. Даже вспыхнувший в его глазах злоеший огонь не насторожил противника — все были слишком удивлены этой вспышкой необъяснимого веселья.

Шейх развел руками и снисходительно произнес:

— В таких делах я всецело полагаюсь на тебя, Багила. Ты знаешь этого человека, я — практически нет.

Можешь делать с ним, что считаешь нужным. Не бойся, он не вооружен.

Получив заверения в беспомощности слывшего весьма опасным противника, шализарцы заметно оживились. Урук-хан потянул из ножен трехфутовый хайберский меч. Остальные тоже взялись за оружие. Самых разных клинков в зале было предостаточно, но, судя по всему, огнестрельное оружие было только у казака.

— Не вооружен? — усмехаясь, переспросил шейха Иван и перешел на русский язык, понятный из всех присутствующих лишь Гордону. — Что ж, так оно для всех спокойнее... Нет, Гордон, не думал я, что ты окажешься таким болваном. Соваться сюда — тебе, кого каждая собака знает, — это просто безумие. Неужели ты не мог предположить, что в таком месте наверняка найдется кто-нибудь, кто знает тебя как облупленного? Естественно, я не имею в виду этих дикарей, включая и так называемого шейха...

— Согласен, ты оказался в этой партии неожиданно вынырнувшим из колоды джокером, — признал Гордон. — Я и вообразить не мог, что таинственный Багила — это и есть ты. Тут я и вяпался, понадеявшись на удачу. Да, все сошлось так, как я и предполагал: я имею в виду то, что за всем этим маскарадом стоит какая-то европейская держава. По-моему, твои хозяева тоже мечтают об установлении своей азиатской империи, ведь так? Вот они и послали тебя сюда, чтобы установить связи и объединить силы с этим фанатиком Отманом. Он прельстился возможностью осуществить свою давнюю мечту, а потому стал послушным орудием в твоих руках. На ваши деньги был построен этот город, вооружены европейским оружием эти бандиты. Но на что вы рассчитываете, чего хотите достичь, опираясь на банду наркоманов-фанатиков? Заменить всех верных Британии азиатских правителей послушными марионетками? Под страхом смерти заставить враждебных вам султанов и пашей подписать и соблюдать мирные договоры?

— Частично — да, — спокойно кивнул Конашевский. — Это одно из направлений строительства нашей империи в Азии. Не стану утруждать себя и беспокоить тебя напоминаниями о том, что в новой империи тебе нашлось бы достойное место. Я знаю, что это бесполезно. Твое упрямство и верность в отстаивании интересов Англии известны не меньше, чем твое воинское мастерство. Ты из кожи вон лезешь, чтобы сохранить и укрепить британское правление в Индии, хотя, признаться, я не понимаю причин этой настойчивости. Ты ведь американец, ты даже не англичанин по происхождению твоего рода. Еще до того, как уплыть через Атлантику в Новый Свет, твои предки веками воевали с англичанами...

Гордон чуть заметно улыбнулся:

— Мне нет дела до англичан. Но Индия — этой стране под британским правлением будет куда лучше, чем под властью тех, кто использует в своей борьбе таких людей, как ты и Отман. Да, кстати, а кому в данный момент ты подчиняешься? Царским агентам или кому-то другому?

— Уверяю тебя, что не пройдет и нескольких минут, как эти и все другие вопросы перестанут интересоваться тебя, — усмехнулся Конашевский, обнажив в кривой ухмылке желтые зубы.

Отман и его приближенные забеспокоились, явно не желая присутствовать при разговоре, ведущемся на непонятном им языке. Уловив их недовольство, казак перешел на арабский:

— Интересно будет понаблюдать за твоими последними минутами — или, быть может, долгими предсмертными часами. Говорят, что ты терпелив и вынослив, как краснокожие индейцы. Любопытно будет проверить справедливость этих утверждений... Связать его!

С этими словами Иван стал вынимать из кобуры пистолет, так как понимал, что Гордон вряд ли добровольно позволит связать себя. Но, даже понимая, что его противник опасен и без оружия, казак не мог пред-

положить, насколько стремительными, взрывоопасными могут быть движения американца. В общем, Конашевский еще не успел поднять выхваченный из кобуры пистолет на нужную высоту, как Гордон уже бросился на него и молниеносным ударом в челюсть нокаутировал казака. Кровь брызнула из разбитой губы, Иван повалился на пол, пистолет выпал из его разжавшейся руки.

Только Урук-хан, по собственному опыту знавший, насколько грозным может быть в бою Аль-Борак, заранее подготовился к атаке и первым подбежал к нему. Его атака не позволила Гордону поднять упавшее оружие Ивана, заставив американца присесть и развернуться на месте, уворачиваясь от занесенного трехфутового клинка. Метнувшись к нападающему, Гордон перехватил запястье его руки, сжимавшей оружие, останавливая в воздухе рубящий удар. Одновременно, пользуясь мгновенным замешательством противника, не ожидавшего такого отпора, он сумел выхватить из-за пояса Урук-хана кинжал и практически тем же движением всадить этот клинок ему под ребра почти по рукоятку. Урук-хан застонал и стал заваливаться на пол, оставив в руках Гордона свой меч.

Все это произошло в одно мгновение, в каком-то взрыве скорости, соединившейся с силой, и заняло лишь краткую долю секунды! Конашевский был выведен из боя, а Урук-хан и вовсе отправлен на тот свет — причем раньше, чем кто-либо успел понять, что происходит. Когда же остальные приближенные шейха вступили в схватку, их встретил клинок длиной почти в ярд, сжатый в руке одного из самых известных мастеров фехтовального дела к северу от Хайбера.

Вместе с первым же разворотом в сторону нападавших Гордон сразил слишком увлекшегося собственной яростью курда, боковым ударом перерубив ему яремную вену. Затем пришла очередь одного из арабов, повалившегося на пол со вспоротым животом. Бросившийся в ноги Гордону с кинжалом в руках друз

с воем откатился назад, зажимая ладонью культию правой руки, с которой меч Гордона одним взмахом снес кисть и часть запястья.

Американец даже не стал прижиматься к стене, чтобы прикрыть спину. Наоборот, с яростным боевым кличем он сам перешел в атаку и вонзился в гущу нападавших на него противников. Он оказался в центре бешеного водоворота рубящих, колющих, сверкающих, словно молнии, клинков, которые тем не менее никак не могли поразить свою единственную цель. Цель эта беспрестанно перемещалась по залу, меняя позицию каждую секунду. Взгляды нападавших едва успевали за маневрами Гордона, чего нельзя было сказать об их клинках. Даже численное превосходство исмаилитов сыграло с ними злую шутку. В пылу боя они уже нанесли несколько ран друг другу и теперь были вынуждены действовать осторожнее, частенько откровенно рассекая мечами и саблями воздух, даже не рассчитывая попасть в цель. Разумеется, сильное психологическое, деморализующее воздействие на нападавших оказал и сам бешеный шквал смертоносных ударов со стороны того, кого еще минуту назад они считали беззащитной, обреченной жертвой.

В ближнем бою в помещении длинный прямой клинок, похожий на большой нож, был эффективнее, чем сабли и ятаганы нападавших. Да и вообще, в руках человека, умеющего обращаться с хайберским мечом, он становится едва ли не самым эффективным холодным оружием в мире. А Гордон как раз и посвятил немало дней своей жизни тренировкам с клинком этого типа, бесчисленное количество раз отработывая пробивающий любую защиту разящий удар сверху — тот, что рассекает человеческий череп от макушки до шеи, — или, например, укол в живот, с одновременным движением снизу вверх, от чего внутренности из вспоротого брюха жертвы вылетали наружу.

Это была настоящая бойня. Ни одного лишнего или ошибочного движения не позволил себе Аль-Бо-

рак, знавший, что карой за малейшую ошибку будет мгновенная смерть. Ни на миг он не испугался и не усомнился в себе. Словно тайфун, он пронёсся сквозь стену тел и клинков, оставляя за собой залитую кровью просеку.

В пылу сражения чувство времени притупляется. Казалось, прошла целая вечность, на самом же деле едва ли минуто спустя нападавшие как-то разом отпрянули, отступив под напором одинокого воина. Аль-Борак резко развернулся на месте, чтобы избежать удара в спину, и одновременно вычислил взглядом спрятавшегося в дальнем конце зала шейха, которого прикрывали своими телами и алебардами молчаливые суданцы. Мускулы Гордона напряглись, готовясь к решающему броску, но неожиданно раздавшийся резкий крик заставил американца мгновенно обернуться.

В зал, распахнув двери из коридора, вбежала группа стражников-арабов, направивших стволы винтовок на американца. Его противники немедленно бросились врассыпную, чтобы не оказаться на линии огня. Гордон, видя, как поднимаются винтовки, успел напомнить себе, что терять ему больше нечего, и прикинул шансы добраться-таки до шейха. Выходило так, что где-то на полпути к Отману его неминуемо поразит с полдюжины пуль, но при определенной доле везения у него еще может хватить остатка инерции и силы, чтобы воизвить меч в горло или сердце этого опасного безумца. Померяться силами с самой смертью — это могло бы напугать слабого духом человека, но не таким был Фрэнсис Гордон, для которого вся жизнь была азартной игрой.

А затем — впрочем, можно было бы сказать, в тот же миг, так быстро все произошло, — еще до того, как Гордон метнулся к шейху, а арабы нажали на спусковые крючки, дверь с правой стороны зала распахнулась, и шквал свинца обрушился на шеренгу стрелков. Это был Лал Сингх! С первой же вспышкой в руке сикха, сжимавшей пистолет, Гордон изменил свои пла-

ны самым коренным образом: теперь он отложил последний поединок со смертью до лучших (или худших?) времен и сосредоточился на том, как выжить в этой почти безнадежной ситуации. Решение оказалось неожиданным даже для него самого: вместо отступления Гордон бросился в сторону смешавшегося строя арабской стражи.

Выстрелы Лала Сингха, унесшие жизни троих арабов и заставившие закричать еще двоих, тяжело раненных, изрядно деморализовали стражников. Кто-то начал стрелять в сикха, кто-то — в приближающегося Гордона. Разумеется, и те и другие промахнулись, как всегда бывает с людьми, чье внимание оказывается раздвоенным. В стремительном прыжке Гордон ворвался в строй арабов, успел несколько раз взмахнуть мечом и, проникнув сквозь смешавшиеся шеренги, как горячий гвоздь сквозь масло, выскочил в коридор, откуда метнулся в дверь, ведущую в комнату, из которой стрелял его друг. Лал Сингх, увидев, что Аль-Борак ушел из-под огня, проворно захлопнул дверь зала со своей стороны и с удовлетворением услышал, как град пуль обрушился на окованные бронзовыми листами толстые створки.

Перекрикиваясь, друзья бросились по анфиладе комнат навстречу друг другу. На беду сикха, он слишком увлекся и не заметил, как из-за одной из портьер взметнулась в воздух сжатая сильной рукой дубинка, которая в следующий миг обрушилась ему на голову. Предупреждающий возглас Гордона прозвучал слишком поздно. Сикх повалился на каменные плиты пола, одна из которых неожиданно резко ушла вниз, и образовавшаяся яма-ловушка проглотила бесчувственное тело Лала Сингха.

Громогласно проклиная все на свете, Гордон подбежал к портьере, но рубящий удар его меча пришелся по камню. Тот, кто прятался в засаде на выходе из зала, успел скрыться в какой-нибудь потайной нише, искать вход в которую у Гордона не было времени.

Сикх исчез в провале в полу — живой или мертвый, неизвестно, — и помочь ему сейчас Гордон был не в силах. Плита-ловушка вновь встала на свое место, закрыв путь в подземелье, а в коридор уже ввалились стражники, открывшие яростную пальбу. Эхо выстрелов, многократно отразившись от стен коридора, пошло гулять по дворцовым покоям.

Винтовочные приклады гулко забарабанили по запертой сикхом двери. Гордон запер дверь, ведущую в коридор, и, двигаясь вдоль стен, чтобы избежать ловушек на прямых линиях между дверьми, обогнул комнату. Здесь, распахнув еще одну обитую бронзой дверь, Гордон метнулся в узкий коридор, шедший перпендикулярно основной анфиладе залов. В дальнем конце коридора виднелось окно с позолоченной ажурной решеткой. Навстречу Гордону бросился какой-то курд с винтовкой наперевес. Стражник успел выстрелить, не целясь, лишь один раз. Передергивая затвор вторично, он уже был сметен налетевшим, как ураган, Гордоном. Американец, взбешенный предательским нападением на сикха и разгоряченный боем, ударил мечом наотмашь. Голова курда соскочила с плеч и покатилась по полу, а обезглавленное тело отлетело к стене, заливая все вокруг себя фонтаном бьющей из рассеченных вен и артерий крови.

Подбежав к окну, Гордон вскарабкался на подоконник и, упершись в один из прутьев решетки плечом, руками и ногой надавил на другой. Мощь стальных мышц, помноженная на первобытную ярость, дала результаты: прутья, чуть согнувшись, с хрустом вырвались из креплений в оконном проеме. Протиснувшись в образовавшуюся щель, Гордон оказался на балконе-галерее, укрытом от солнца и от взглядов снаружи тонкими кружевными занавесями. За спиной американца послышались шаги и крики. Прогревели выстрелы, первые пули ударились в оконный переплет и просвистели рядом с беглецом. У Гордона оставался лишь один путь — вперед. Он прыгнул, на лету взма-

хом клинка пропоров туюль занавеса, и, сгруппировавшись, приземлился в дворцовом саду.

Сад был пуст, если не считать полудюжины с визгом разбежавшихся в разные стороны женщин. Петляя между деревьями, чтобы не попасть под пули преследователей, Гордон побежал к дальней стене, ограждающей сад. Бросив взгляд через плечо, он успел заметить множество злобных бородатых лиц на балконе и блестящие на солнце винтовочные стволы, нацеленные ему в спину. Пули свистели рядом с ним, попадали в стволы и ветви деревьев, шелестели в зеленой листве... Чей-то злобный боевой клич предупредил беглеца о новой опасности.

По стене наперерез ему бежал человек, размахивая затыком в руке ятаганом.

Этот стражник — крепко сложенный, даже толстоватый курд — совершенно точно рассчитал место, где преследуемый должен был подбежать к стене. На свою беду, сам он оказался на этом месте на секунду позже, чем Гордон. Стена была невысока — примерно в человеческий рост, — и Гордон легко, почти не теряя скорости, взобрался на нее — как раз вовремя, чтобы, успев восстановить равновесие, поднырнуть под свистнувший в воздухе ятаган. Мгновение спустя острие хайберского меча вонзилось в жирный живот нападавшего.

Курд издал предсмертный стон, захрипел, как издающий бык, и, выпустив ятаган, последним усилием вцепился обеими руками в плечи своего убийцы. Затем, заваливаясь на бок, тяжелый курд увлек за собой и Гордона. Тот успел заметить, что стена сада почти нависала над неглубоким обрывом узкого сухого оврага. Гордону хватило сил и времени лишь на то, чтобы как можно дольше удерживаться ногами на парапете стены. Это дало ему возможность, пролетев вдоль стены и обрыва полтора десятка футов вместе со своей жертвой, оказаться наверху в момент приземления. Тело толстяка смягчило удар, но даже при этом у Гордо-

на перехватило дух, и он на время потерял способность ориентироваться в пространстве и что-либо делать. Из ступора его вывел сухой звук винтовочного выстрела. «Мимо», — успел подумать Гордон, услышав, как пуля ударилась о камень где-то за его спиной. «Следующий точно не промахнется», — вынужден был признать он, поднимая голову. Действительно, прямо с гребня стены на него жадно нацелилось дуло винтовочного ствола...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРИЗРАК КОШМАРНОГО ЛАБИРИНТА

Гордон встал на ноги, понимая, что, безоружный, он ничем не сможет защитить себя от неминуемой пули в грудь или в голову. Словно замороженный, глядел он в крохотный черный кружок ствольного среза. Чуть дальше, за дулом, слегка размытое, виднелось искалившееся в злобной ухмылке лицо стрелка.

Затем, к удивлению Гордона, чья-то рука увела ствол в сторону, и в тот же миг над гребнем стены показалось множество голов в разноцветных тюрбанах. Человек, остановивший стрелка, рассмеялся, что-то сказал ему и махнул рукой в ту сторону, куда уходил овраг. Обидевшийся было на него стрелок подумал — и лицо его исказила жестокая улыбка. Гордон с удивлением разглядывал ряд бородатых лиц. Преследователи смотрели на него сверху, удовлетворенно и злобно ухмылялись, как будто они подстроили беглецу зловещую ловушку. Затем, когда другие продолжали злобно смеяться, другие стали выкрикивать ответы на вопросы, задаваемые кем-то невидимым.

Гордон терялся в догадках: еще несколько секунд назад он не ждал от этих людей ничего, кроме шквала свинца, — и вдруг они явно отказывают себе в удовольствии пристрелить его!

Неожиданно над стеной показалось еще одно лицо — залитое кровью, с расквашенными губами. Ко-

нашевский был изрядно бледен, но усы его все так же браво торчали в стороны, а ухмылка на его тонких губах была не менее зловещей, чем в тот миг, когда он приказывал связать Гордона.

— Из огня да в полымя, как у нас говорят, — расхохотался казак. — По правде говоря, у меня в отношении тебя были несколько другие планы. Я имею в виду детали. Но если уж ты так настаиваешь, я готов примириться с тем вариантом, который ты для себя выбрал сам. Не уверен, что ты об этом не пожалеешь. А теперь я предоставляю тебе полную свободу размышлять и даже действовать. Ты мне теперь неинтересен, времени на тебя я терять не хочу. Не собираюсь также заниматься благотворительностью, милостиво жалуя тебя пулей в голову. Это было бы для тебя слишком легкой смертью. Прощай, покойничек!

Скомандовав что-то своим подчиненным, Иван исчез из виду. Вслед за ним со стены убрались и другие головы преследователей. Гордон остался один, если не считать мертвого курда, лежавшего у его ног.

Оглядевшись вокруг себя, Гордон недовольно нахмурился. Он знал, что южная оконечность плато была превращена в сеть узких извилистых оврагов, ущелий и трещин. Сейчас он находился в той ее части, что вплотную примыкала ко дворцу, — в прямом, как шрам от сабли, овраге шириной футов тридцать. Этот овраг выходил из лабиринта и утыкался в подножие южной стены дворца и забора дворцового сада, с которого Гордон и упал вниз. Этот обрыв был абсолютно гладким и строго вертикальным — чересчур ровным и неприступным, чтобы быть творением одних лишь природных сил.

Столь же гладкими и отвесными были и стены этого тупика, упиравшегося в подножие дворца. Кроме того, по гребню этих стен и вдоль стены была закреплена стальная полоса с короткими, но остро отточенными, направленными вниз треугольными лезвиями. Падая сверху вниз Гордон счастливо миновал их, но любой, кто попытался бы вскарабкаться по обрыву

на стену, встретил бы на пути непреодолимое препятствие в виде этих зубьев. И так, там, где овраг был не слишком глубокий, выбраться из него не давали стальные клинки. Там же, где их не было, стены оврага уходили вверх на двадцать футов и выше. Гордон оказался в ловушке, в тюрьме — частично природной, частично созданной человеческими руками.

В противоположной от дворца стороне овраг изгибался и распадался на множество узких расщелин, сетью уходивших до маячившего над горизонтом горного склона. Ничто не перекрывало Гордону путь в лабиринт, но он достаточно хорошо знал своих противников, чтобы понимать, что они, затратив столько сил и времени на укрепление одной стороны ловушки, вряд ли оставили бы неприкрытым выход по ее другую сторону. Тем не менее, как натура деятельная, Гордон не допускал и мысли о том, чтобы сдаться на милость судьбы и покорно дожидаться того, что она ему уготовила. Да, исмаилиты, видимо, были уверены в том, что Аль-Борак заперт ими надежно. Но точно так же в этом были уверены и многие другие люди, которые тем не менее рано или поздно обнаруживали свою ошибку.

Выдернув меч из тела курда, Гордон обтер клинок от крови и пошел по дну оврага прочь от стены.

Через сотню ярдов он подошел к месту, где овраг разделялся на узкие рукава, вошел в один из них наугад и тотчас же оказался в гуще этого кошмарного лабиринта. Овраги, каналы и трещины в толще скал хоть и шли преимущественно с юга на север, но пересекались, изгибались, сливались друг с другом и расходились веером так, что ни о какой системе или каком-либо порядке не могло быть и речи. Одни проходы заканчивались тупиками, и Гордону приходилось возвращаться из них на исходную точку, другие неожиданно выходили в более широкие или, наоборот, узкие разломы, в которых неподготовленный человек вскоре затерялся бы и сбился с дороги. Кроме того, дно этого лабиринта вовсе не было ровным и гладким, и

Гордону приходилось перелезать и перепрыгивать с камня на камень, чтобы продвигаться по этому хаосу узких проходов и трещин.

В какой-то момент, спрыгнув с очередного валуна, Гордон почувствовал, как у него под ногой что-то хрустнуло. Посмотрев вниз, он с ужасом обнаружил у своих сапог человеческий скелет с переломанными во многих местах костями. Головы у этого скелета не было. Отделенный от позвоночника и проломленный череп валялся поодаль. Никакой ураган, камнепад или другое природное явление не смогли бы изувечить человеческое тело именно таким образом. Гордон внимательно и напряженно осмотрел все вокруг, осторожно заглядывая за каждый выступ камня и присматриваясь к затемненным нишам у подножия стен. Нигде, ни на одном песчаном участке, он не заметил ни единого следа, который мог бы навести его на мысль о размерах и внешнем виде какого-либо гигантского хищника. Лишь поодаль ему попался один-единственный полустертый след. Этот след не походил на лапу тигра, леопарда или медведя. Больше всего отпечаток походил на след, оставленный огромной, босой, неправильной формы, но — человеческой ступней. Кроме того, останки человека не походили на то, что остается после нападения плотоядного зверя. Ни на одной кости не было видно следов зубов. Все они были не перекушены или перегрызены, а именно переломаны, как мог бы сломать их невероятной силы человек.

С величайшей осторожностью Гордон двинулся дальше и вскоре обнаружил на остром каменном выступе маленький клочок грубой серой шерсти, а затем, ориентируясь по омерзительному, незнакомому запаху, он вышел на нишу в стене, где, судя по обилию экскрементов и шерсти на камнях, имел обыкновение спать этот таинственный зверь... или человек, или же — демон.

Чтобы не сбиться с курса и держаться по возможности точно южного направления, Гордон влез на одну

из скал, которая, похоже, была выше многих окружавших ее камней. С вершины американец огляделся. Первоначальные предположения не обманули его: лишь с севера, там, где маячил купол шализарского дворца, горизонт был более или менее далек и ровен. Со всех остальных сторон путь к горному хребту преграждали казавшиеся непроходимыми нагромождения скал и камней.

Впрочем, удалось Гордону рассмотреть и кое-что новое. По крайней мере, яснее стала природа этого странного лабиринта. Когда-то часть плато, лежащая между городом и хребтом, стала постепенно, фрагмент за фрагментом, раскалываться и опускаться на дно впадины. За миллионы лет эти гигантские осколки раздробились под действием ветров и перепадов температур и образовали этот лабиринт трещин и расщелин. Теперь Гордону стало ясно, что он выбрал неправильный путь: не было никакого смысла пытаться штурмовать лежащие впереди завалы из гигантских обломков скал. Куда более реальной выглядела попытка выйти по одному из ущелий, лежащих к юго-западу от города и максимально близко подходящих к подножию хребта. Прикинув расстояние, Гордон понял, что быстрее он попадет туда, вернувшись к городской стене и вновь начав путь на юг по другому ущелью, а не пробираясь по множеству скальных гряд, отделявших его от искомого места.

Еще раз все осмотрев, он спустился со скалы и пошел обратно, по своим же следам. Солнце начинало клониться к горизонту, когда он наконец вышел к устью ущелья, которое, по его расчетам, должно было вывести к подножию хребта. Бросив взгляд в сторону города, он вдруг заметил, что с телом, остававшимся у подножия стены, произошли какие-то изменения. Почувствовав недоброе, Гордон решил вернуться в тупик оврага у городской стены. Во-первых, тело, лежавшее на дне оврага, явно не было столь же мощным, как у погибшего курда. Во-вторых — лежало оно не в том

положении, в котором его оставил Гордон. В-третьих, одежда на нем была другой... В общем, спустя секунду Гордон уже бежал со всех ног к лежавшему неподвижно человеку. Труп курда исчез, а на его месте лежал Лал Сингх!

На правой стороне его головы была огромная, распухшая ссадина, но сикх остался жив. Более того, когда Гордон приподнял его голову, он заморгал и пришел в сознание. Поднеся руку к ране на голове, он непонимающим взглядом посмотрел на американца.

— Что случилось, сагиб? Что с нами? Мы погибли и теперь попали в ад?

— В ад, говоришь? А что, может быть, ты и прав. Но, что мы не умерли, это я тебе заявляю со всей ответственностью. Пока что мы живы, пока... Ты помнишь, как ты здесь оказался?

Сикх покачал головой, изумленно глядя вокруг:

— Понятия не имею. А где мы?

— В овраге, за внешней стеной дворца. Ты не помнишь, как тебя сюда сбросили?

— Нет, сагиб. Последнее, что я помню, — это бой во дворце. Потом... потом — ничего. Я ждал тебя, как было приказано, но тут прибежала Азиза и сказала, что тебя узнал кто-то из твоих давних врагов. Она провела меня в комнату, смежную с залом, где ты ввязался в бой. Я воспользовался твоим пистолетом, и, насколько я помню, бесполезно. Выбежав тебе навстречу, я бросился в коридор, вбежал в соседнюю комнату... и больше ничего не помню. Что-то случилось, но что — не помню. Ничего не помню.

— Кто-то из обитателей дворца, спрягавшись за занавесями, огрел тебя по голове изрядной дубинкой, — буркнул Гордон. — Наверняка он заметил, как ты входил в ту комнату, но, побоявшись напасть в открытую, нанес удар со спины, из какой-то потайной ниши. По-моему, в этом дворце полным-полно таких местечек. А потом, оглушив тебя, он как-то привел в действие скрытую в полу ловушку. Этого добра там,

наверное, тоже навалом. С того момента я ничего о тебе не знал. Я стал отступать, выбрался в дворцовый сад, перемахнул через стену и свалился сюда, подмяв под себя убитого мною курда. Наверное, пока я обследовал окрестные катакомбы, они подняли на веревках его тело, а тебя сбросили сюда... Хотя нет. Подожди-ка: вряд ли тебя сбросили со стены. Ты бы тогда и костей не собрал. Спуститься по лестницам и поднять тело курда стражники, конечно, могли, но едва ли они стали бы утруждать себя тем, чтобы бережно опускать тебя вниз. А раз так — то напрашивается следующий вывод: тебя вытащили сюда из дворца через какую-то дверь или люк, которые находятся, скорее всего, где-то здесь, неподалеку.

Несколько минут внимательного осмотра скалы у подножия стены подтвердили правоту предположения Гордона. Небольшая дверь была пригнана так плотно, что совершенно не бросалась в глаза при беглом взгляде. Снаружи дверь была сделана из того же камня, что и сама скала, и ни на миллиметр не сдвинулась, когда Гордон вместе с Лалом Сингхом изо всех сил навалились на нее.

Собрав воедино все скудные, отрывочные знания о планировке шализарского дворца, Гордон пришел к пугающей догадке. Настолько пугающей, что сикха он решил до поры до времени не посвящать в свои предположения. По всему выходило так, что они оказались по другую сторону той богато украшенной двери в подземной тюрьме, о которой Азиза сказала, что это дверь в ад. Дверь в ад! Дверь в преисподнюю! Похоже. Лал Сингх не так уж и ошибался, высказав предположение, что они в аду, — особенно если учесть уже виденные Гордоном человеческие кости. Итак, легенда о джинне, пожирающем людей, обрела подтверждение в реальности. Хотя, если подходить к этому делу со скрупулезной точностью, то те несчастные, чьи останки видел Гордон, не были в буквальном смысле этого слова сожраны. Но это все детали. А в том, что в этих

каменных лабиринтах обитает какое-то сильное, враждебно настроенное к людям существо, Гордон больше не сомневался. Вспомнив о тяжелых засовах, толстых досках и металлической обивке той двери, он решил и не пытаться выломать ее. Для осуществления этой затеи потребовался бы хороший таран и пара взводов солдат, да к тому же — немалое время. Ни того, ни другого, ни третьего у двух друзей не было.

— Стена, конечно, высокая, — сказал сикх, потирая больную голову. — Но дальше она уходит еще выше. Я вот что думаю: если ты заберешься ко мне на плечи и подпрыгнешь...

— То изрежу руки о те зубья.

— Тьфу ты! Я и не заметил, — виновато сказал Лал Сингх и, как бы извиняясь и объясняя свою оплошность, показал на свою раненую голову. — Так что же нам теперь делать?

— Перейдем эти овраги и посмотрим, что за ними, — пожал плечами Гордон. — Что с Азизой, случайно не знаешь?

— Она бежала впереди меня до той самой комнаты, из которой я стрелял. Наверное, она пропустила меня вперед и вошла следом за мной. Но когда она исчезла и что с ней стало — я не знаю.

— Тот парень, который огрел тебя по голове дубиной, вполне мог сцапать и ее, спрятав где-нибудь в укромном месте, откуда не слышны ее крики. Черт побери, эти ублюдки будут пытать ее, а потом убьют!.. Ладно, хватит об этом. Пора выбираться отсюда. Пошли, Лал Сингх.

Таинственные синеватые сумерки окутали скалы, когда американец и сикх вошли в каменный лабиринт. Поплутав по узким коридорам, они наконец вышли в достаточно широкое ущелье, которое, как надеялся Гордон, было тем самым, что он видел с вершины скалы. Некоторое время друзья шли по дну этого ущелья, уводившего их прямо на юг, но неожиданно оно вдруг раздвоилось, превратившись в два почти одинаковых

по ширине рукава. Скорее всего, подумал Гордон, оба этих рукава, обогнув вытянутую скалу, сходятся вновь в единое русло где-то впереди. Он поделился своими мыслями с Лалом Сингхом, на что тот сказал:

— Но есть вероятность, что один из рукавов ведет в тупик. Давай так: я беру на себя левое ущелье, а ты правое. Пройдем вперед, а там будет ясно, нужно ли возвращаться обратно, и если нужно, то кому из нас.

Гордон не успел ничего возразить ему — так быстро Лал Сингх исчез в левом ответвлении ущелья, пропав из виду практически мгновенно. Гордон хотел было окликнуть его, но что-то удержало его от крика. По правую руку от него в стене виднелась еще более узкая щель — уже почти утонувший в сумерках колодец теней. И там, в беспроглядной серо-синей мгле, что-то шевельнулось... Шевельнулось и стало приближаться к выходу из этой темной щели. Напрягшись и затаив дыхание, Гордон, с трудом веря своим глазам, наблюдал, как к нему приближается чудовищный человекоподобный силуэт.

Он был как обретший реальность дух края кошмаров, как злоеющее воплощение персонажа мрачной легенды, обретшее плоть и кровь.

Это создание оказалось огромной обезьяной — ростом с крупную гориллу. В отличие от тропических обезьян, тело этой твари покрывала довольно густая белесо-серая шерсть. Руки и ноги, ступни и кисти этого создания больше походили на человеческие, чем конечности других обезьян. С первого взгляда было ясно, что этот великан не древесное животное, а уроженец равнин или скальных хребтов, расположенных не в тропических широтах. Физиономия этого примата в общих чертах была как у гориллы, но переносица у него была выражена сильнее, челюсти меньше напоминали звериную пасть, хотя подбородка, как и у других обезьян, не наблюдалось. При этом все черты сходства с человеком словно специально служили для того, чтобы подчеркнуть устрашающий облик чудовища, а

разум, светившийся в его глазах, пылал только злом и жестокой ненавистью.

Гордон понял, что за тварь предстала перед ним. В существование этого редчайшего монстра он не верил — до этой вот секунды. Чудовище называлось снежным человеком, или белой обезьяной пустынь. Местом его естественного обитания были степи, пустыни и предгорья Внутренней Монголии. До Гордона доходили слухи и легенды об этом существе, слухи и легенды, спускавшиеся с отрогов затерянного плато Гоби, еще не исследованного и не изученного белым человеком. Представители племен, живших там, клялись, что верят в существование огромной человекообразной обезьяны, обитающей там с незапамятных времен и прекрасно приспособленной к суровой жизни в холоде и бесплодье высокогорных зим. Но до сих пор Гордон не встречал ни одного человека, который мог бы убедительно доказать или хоть как-то подтвердить факт встречи с одним из этих чудовищ.

На сей раз абсолютно неопровержимое доказательство стояло перед ним собственной персоной. Как кочевникам, служившим Отману, удалось привезти сюда из Монголии этого монстра, Гордон мог только гадать, но в том, что это и есть тот таинственный джинн, что обитал в скалах к югу от Шализара, сомнений у него не было.

Все эти мысли пронеслись в голове американца с быстротой молнии, в тот краткий миг, когда человек и обезьяна в напряжении стояли друг против друга, рассматривая и оценивая один другого. Затем в каменных стенах ущелья загрохотало эхо, повторяющее глубокий низкий рык обезьяны, бросившейся на чужака, молотящей воздух огромными кулаками и обнажившей в боевой гримасе чудовищные клыки.

Гордон не стал звать своего друга. Лал Сингх был безоружен и вряд ли смог бы помочь ему. Не попытался он и убежать. Встав поудобнее, он выставил вперед меч и приготовился отразить нападение, противопос-

тавив разум, ловкость и сталь природной хитрости, скорости и невероятной силе противника.

Обычно обезьяны доставались беспомощные, истерзанные жертвы, прошедшие ад пыток, которые известны только редким мастерам этого дела даже здесь, на жестоком Востоке. Недочеловеческий разум, отличавший эту обезьяну от других представителей животного царства, находил удовлетворение в созерцании предсмертных мук несчастных людей и в причинении им последней, как можно более мучительной боли. Человек, что стоял сейчас перед чудовищем, был для него всего лишь еще одной мягкотелой тварью, которую предстояло сладострастно разодрать на куски, вывернуть наизнанку, переломать ей все кости. А то, что эта тварь стоит на ногах прямо и держит перед собой какую-то блестящую штуку — так это дела не меняет.

Гордон понимал, что единственный шанс уцелеть — это избежать хватки чудовищных лап, или рук, которые могли раздавить его в одну секунду. Внешне громоздкое, чудовище оказалось очень ловким и быстрым — оно стремительно подбежало к Гордону и завершило атаку молниеносным броском, словно выпущенное из пушки ядро. Гордон стоял неподвижно, когда обезьяна направилась к нему, не изменил он своего положения и в момент броска. Когда же, казалось, когтистые лапы готовы были сомкнуться на его теле, он мгновенно, со скоростью отпущенной с держателя катапульты, увернулся с линии атаки.

Когтеподобные ногти обезьяны зацепили лишь его рубашку в тот самый миг, когда Гордон прыгнул в сторону. И в том же самом прыжке он резко взмахнул клинком и нанес рубящий удар. Чудовищный рев огласил скалы и ущелья: рука — или лапа — обезьяны, отрубленная мечом по локоть, покатилась по земле. Несмотря на боль, несмотря на бьющую фонтаном кровь, зверь ни на мгновение не прервал свою атаку, и на этот раз его бросок был настолько молниеносным, что человеческие мышцы и суставы оказались не в силах

полностью и абсолютно своевременно среагировать на него.

Гордону удалось увернуться от когтей и растопыренной пятерни оставшейся целой лапы монстра, но удар массивного плеча вывел его из равновесия и отшвырнул к скале. Но, падая, приминаемый дикой тяжестью, Гордон из последних сил всадил меч в брюхо обезьяны и даже успел резко дернуть клинок вверх, полагая, что наносит свой последний предсмертный удар.

Человек и зверь вместе ударились о каменную стену, и здоровая рука обезьяны тотчас же обвилась удушающей хваткой вокруг тела Гордона. Чудовищный рев оглушил его, когда прямо перед его лицом распахнулась огромная пасть... Но в этот момент резкая судорога пробежала по гигантскому телу обезьяны, рев, вырывавшийся из ее глотки, сменился хрипом и бульканьем. Хватка зверя ослабла, и Гордон, поспешив отскочить подальше, увидел, как огромная обезьяна начала молотить в воздухе всеми конечностями, дергаясь в предсмертных конвульсиях. Стальной клинок не только вспорол монстру брюхо, рассек кишечник с желудком, но и, будучи правильно направлен, проник снизу в грудную клетку и, по всей видимости, вонзился в сердце этого человекоподобного зверя, или звероподобного человека.

Все мышцы Гордона мелко дрожали, как после долгого боя или многочасовой тренировки на выносливость. Стальные мускулы его грудной клетки сохранили ему жизнь: ведь за те мгновения, что он испытывал на себе хватку огромной обезьяны, более слабый человек был бы задушен или раздавлен, как скорлупа ореха. Но даже для него, при всей его силе, такая схватка оказалась страшно выматывающей. Рубашка и нательное белье Гордона были изодраны в клочья, огромные когти оставили глубокие кровоточающие борозды на его спине. Он был грязен и залит кровью — своей и поверженного противника.

— Аль-Борак! Аль-Борак! — донесся до американца голос Лала Сингха.

Через мгновение из левого рукава ущелья выскочил встревоженный сикх, сжимавший в каждом кулаке по увесистому булыжнику.

— Сагиб, ты ранен? Ты весь в крови! Где раны?

— В брюхе этой твари, — усмехнулся Гордон, не любивший бурных проявлений эмоций. — И кровь на мне не моя, а обезьянья.

Лал Сингх с облегчением вздохнул и, широко раскрыв от удивления глаза, уставился на поверженное чудовище.

— Вот это удар! — восхищенно цокнул он языком. — Да ты его вспорол так, что из него все кишки вывалились, и при этом зацепил острием сердце! Пожалуй, на свете не наберется и десяти человек (из тех, кто сейчас жив, разумеется), кто мог бы повторить такой удар. Слушай, сагиб, а ведь это и есть тот самый джинн, про которого говорила девушка во дворце! Обезьяна... Так это же та тварь, которую монголы называют снежным человеком!

— Точно. А я, если честно, никогда не верил в рассказы об этих огромных обезьянах. В свое время в отдаленные районы Гоби было послано несколько научных экспедиций, но тамошние обитатели — и люди, и звери — всячески стараются избежать контактов с белыми людьми.

— Слушай, а ведь здесь могут быть и другие такие твари, — озабоченно предположил Лал Сингх, внимательно вглядываясь во все трещины и щели между скалами. — Скоро стемнеет, сагиб. Не хотел бы я встретиться с таким чудовищем в темноте, даже стоя бок о бок с тобой.

— Не думаю, что в этом лабиринте есть собратья этой твари, — возразил Гордон. — И дело даже не в том, что они вообще очень редки. Просто этот дикий рев наверняка был слышен во всех закоулках ущелий и оврагов. Будь здесь еще хоть одна обезьяна, она непременно пришла бы на помощь сородичу или, по крайней мере, откликнулась бы на этот рев.

— Да, слышал я этот рев.— Лала Сингха аж передернуло.— В первый момент кровь застыла у меня в жилах. Я решил, что это и есть тот самый джинн, о котором твердили суеверные мусульмане. А уж найти тебя живым я и вовсе не надеялся.

— Однако прибежал мне на помощь,— улыбнулся Гордон.

Затем, сплюнув и облизнув пересохшие губы, американец сказал:

— Ладно, пошли дальше. Мы хоть и избавили окрестности от этого чудовища, но сами можем помереть от голода и жажды, если не сумеем выбраться отсюда.

Темнота все плотнее окутывала окружающие скалы, между которыми шли на юг двое друзей. Два рукава ущелья действительно вскоре соединились, как и предполагал Гордон. Все чаще стали попадаться на глаза ниши и расселины, приспособленные огромной обезьяной под логова. Гордон чертыхался себе под нос, Лал Сингх тоже негромко обращался к каким-то высшим силам, когда под ногами у них оказывались останки очередной жертвы кровожадного зверя. Видимо, обезьяна предпочитала для своих увеселений именно это ущелье. По большей части скелеты были женскими, и при виде очередных останков безжалостная ярость застилала разум Гордона. Все дикое, жестокое, свирепое, что было в его душе, но обычно находилось под железным прессом воли и разума, хлынуло в его сердце. Американец с ужасом представил себе, какие нечеловеческие страдания пришлось пережить этим несчастным, и в глубине души решил положить хоть всю свою жизнь на то, чтобы разорить змеиное гнездо Шализара, предав смерти правящих в нем дьяволов в человеческом облике. Не в его натуре были торжественные клятвы и обещания. О своем решении он не стал говорить даже Лалу Сингху, но от этого его решимость разрушить эту крысиную нору не стала меньше. Теперь эту решимость подпитывало желание отомстить за обиду, нанесенную правителями запретного города лично

ему, Гордону. Фрэнсис Гордон вдруг со всей отчетливостью осознал, что не сможет заставить себя покинуть это плато, пока своими глазами не увидит трупы Ивана Конащевского и шейха Аль-Джебаля.

Наконец прямо над головами путников замаячили крутые склоны хребта, ограничивавшего с юга гигантский лабиринт. Ущелье, по которому они шли, сузилось до тонкой трещины в скале — практически туннеля, уходящего в каменную толщу. В голосе Лала Сингха послышались ноты отчаяния:

— Сагиб, из этой тюрьмы нет выхода. По отвесным обрывам нам на хребет не взобраться, а эта пещера...

— Тихо ты! Подожди, — внезапно заволновавшись, перебил друга Гордон.

Заволноваться было от чего. Американец и сикх остановились в нескольких шагах от устья пещеры-туннеля. Кромешная тьма окружала их. И вот в этой темноте, где-то далеко впереди, мелькнул слабый-слабый, едва уловимый огонек — какая-то сине-голубая искорка. Но, в отличие от искры, этот огонек не двигался, не исчезал из виду и даже не трепетал на ветру. Он горел — ровно и четко, пронзая черноту слабым, но постоянным, тонким, как игла, лучиком.

— Вперед! — воодушевленно прошептал Гордон и, отпустив руку сикха, стал стремительно уходить в темноту, направляясь к этому огоньку, рискуя при этом провалиться в какую-нибудь яму или впотьмах нарваться на кого-либо из опасных обитателей подземелья. Лал Сингх еще не успел осознать значения синего огонька, но Гордон уже понял, что это светит звезда — звезда, которую они видят сквозь какое-то отверстие в каменной стене скальной гряды, преграждавшей им путь к свободе.

Вскоре пещера закончилась тупиком, но тупик этот не был глухим. Примерно на высоте десяти футов над полом в торцовой стене пещеры зияла дыра, сквозь которую была видна звезда и кусочек черного

ночного неба. Не говоря ни слова, сикх подставил Гордону спину. Тот вскарабкался ему на плечи, и, когда Лал Сингх встал, американец оказался на уровне дыры в скале. Это отверстие, глубиной в четыре-пять футов, по ширине как раз подходило для того, чтобы в него мог протиснуться человек. Огромная обезьяна вполне могла бы дотянуться до этого окна, но ее широченные плечи ни за что не пролезли бы в узкое отверстие. Гордон был уверен в том, что в Шализаре никто не знал об этом выходе из кольца гор, опоясывающих чашу с плато в середине.

Протиснувшись сквозь самую широкую часть отверстия, Гордон увидел по другую сторону скальной гряды западный склон хребта. Склон довольно полого уходил вниз футов на триста и был утыкан и усеян торчащими в разные стороны осколками скал, валунами и россыпями мелких камней. Плато с этого склона видно не было — торчащие вертикально вверх, словно зубья огромной пилы или гребень дракона, скалы перекрывали обзор.

Осмотревшись, Гордон вновь полез в дыру и прыгнул с карниза, приземлившись рядом со сгоравшим от нетерпения сикхом.

— Ну что, сагиб? Выход есть? — спросил он.

— Для тебя — да. Слушай меня внимательно, Лал Сингх: сейчас ты вылезешь на ту сторону хребта и пойдешь вдоль него, чтобы встретить на подходе к каньону Яр Али-хана и гильзаи. Я очень рассчитываю на то, что Али-хан все же добрался до Кхора. Если это так, то к туннелю гильзаи подойдут завтра на рассвете. По моим подсчетам, в Шализаре не меньше полутысячи человек, способных держать оружие. Три сотни воинов Бабер-хана не смогут взять город открытым штурмом. Может быть, им и удалось бы захватить часовых на лестнице врасплох, может быть, они сумеют и захватить ступени с боем, пробиться к верхней кромке лестницы, но пересекать ровное, как стол, плато под огнем пяти-шести сотен стрелков, кото-

рыми командует Конашевский, — это просто самоубийство.

Так вот, тебе нужно перехватить Бабер-хана до того, как его солдаты окажутся у плато. Я думаю, ты должен успеть. Тебе придется обогнуть Шализар, идя по внешнему склону окружающих его гор. Гильзаи пойдут в котловину через единственный известный Али-хану путь — через туннель. Скорее всего, двигаясь по склону, ты пересечешься с гильзай где-то в районе каньона, где на нас напали езиды. Прогулка тебе предстоит не из легких — скалы, оползни, обрывы. Трудно будет и спуститься по отвесной стене каньона. Но у тебя будет на это вся ночь... или всего одна ночь.

— А ты, сагиб?

— Сейчас я как раз перехожу к этому. Итак, если ты доберешься до Ущелья Призраков раньше гильзай, спрячься и жди их. Если они опередят тебя, постарайся догнать их во что бы то ни стало. Проходя через туннель, они потеряют много времени. Когда найдешь Бабер-хана, передай ему мой план действий. Пусть он отправит человек пятьдесят на отвлекающий штурм лестницы. Если им удастся застать стражу врасплох и захватить плацдарм на верхней площадке, за валунами, — прекрасно. Если нет — пусть поднимутся на окрестные скалы и, засев там, ведут огонь по всему, что будет шевелиться на плато. Основная цель этих действий состоит в том, чтобы отвлечь как можно больше шализарцев, заставить их поверить в то, что начинается штурм города со стороны лестницы. Если исмаилиты перейдут в контратаку, пусть гильзай отступят глубже в лабиринт скал, увлекая атакующих за собой. Чем меньше шализарцев останется на плато — тем лучше.

Тем временем ты вместе с Али-ханом поведешь остальных гильзай сюда — тем же путем, каким ты доберешься до каньона. Постарайтесь как можно быстрее пробраться через это окошко, а затем идите по этому лабиринту к южной стене дворца — туда, где мы с тобой встретились у потайной двери в тюрьму.

— А ты что собираешься делать?

— Я? Собираюсь открыть вам эту дверь во дворец. Изнутри.

— Сума сошел, что ли? В город тебе не пробраться. А если и заберешься, то тебя схватят и живьем сдерут с тебя кожу. Да и потом — ну как ты собираешься попасть во дворец?

— Через дверь.

— Но как? Ее ведь и тараном не выбьешь!

— А я и не собираюсь ее выбивать. Мне ее откроют. Откроют добровольно, не зная, правда, о том, что я еще жив. Понимаешь, та чудовищная обезьяна не ест несчастных, которых выносят ей через эту дверь. Обезьяны не хищники, и эта не исключение. Людей она убивает из чисто человеческих соображений — из чувства садистского удовлетворения при причинении страданий другим. А питается эта тварь овощами, кореньями или еще какой-нибудь подобной дребеде-нью... Расти в этих каменных джунглях ничего не может. Значит, обезьяну кормят, вынося ей еду из дворца. Помнишь, ты видел, как кто-то из слуг выносил за дверь какую-то большую корзину? Наверняка это и был корм для обезьяны. Сдается мне, что кормят они ее регулярно и достаточно часто. Истощенным это чудовище, во всяком случае, не выглядело.

Я рассчитываю, что и сегодня поздно ночью дверь откроют. А уж в открытую дверь я сумею войти. Если учесть, что это мне очень нужно. Не забывай, что где-то во дворце они держат Азизу. Один Аллах знает, какие мучения ей грозят. Так что давай поторапливайся. Мне нужно не упустить момент, когда приоткроется кормушка, тебе важно не пропустить гильзаи. Когда вернешься сюда с ними, оставь большую часть солдат в лабиринте, возьми с собой троих-четверых и осторожно проберись к стене. Постучи в дверь прикладом — и я открою ее вам. В любом случае дверь откроется, жив я буду к тому времени или нет. Если надо, я вернусь с того света и открою ее вам. А уж ворвавшись

во дворец, мы устроим кровавую баню Отману и его шакалам.

Сикх поднял руку и открыл рот, собираясь что-то возразить, но, поняв бесполезность каких-либо попыток переубедить Гордона, согласно кивнул головой.

Гордон сел на корточки, и сикх вскарабкался ему на плечи. Затем американец встал во весь рост, не помогая себе руками. Разогнуть ноги, держа на плечах рослого человека, и не опираться при этом на что-либо — такой трюк недоступен большинству людей, если не считать, конечно, акробатов.

Подтянувшись и забравшись в трещину с окошком, сикх повернул голову и спросил через плечо:

— А что, если сегодня обезьяну не собираются кормить? Тогда дверь останется запертой.

— Тогда я отрежу обезьяне голову и перебросаю ее через стену. Никуда не денутся — прибегут, как миленькие, чтобы выяснить, почему я еще жив и как мне удалось справиться с их хваленым джинном. Может быть, они потащат меня во дворец, чтобы пытками покарать за дерзкое убийство этого гоблина. Ничего, дайте мне только пробраться во дворец, а уж там, даже в цепях, я сумею обмануть шализарцев и добиться своего — отпереть эту дверь. Да, кстати, держи. — И Гордон протянул Лалу Сингху свой меч. — Может сгодиться.

— А ты? Что, если тебе действительно придется отрезать голову обезьяне?

— Найду острый осколок камня, на худой конец отгрызу зубами! Ладно, дружище, за дело!

— Да хранят тебя боги, — пробормотал Лал Сингх и скрылся в черной дыре.

До Гордона донеслось шуршание, говорящее о том, что сикх пробирается сквозь узкий лаз, затем в отверстии вновь показалось ночное небо, и послышался стук мелких камешков, скатывавшихся под ногами сикха по склону горы.

СМЕРТЬ, КРАДУЩАЯСЯ ПО ДВОРЦУ

Выбравшись из пещеры-ущелья и оказавшись в сравнительно хорошо освещенном звездами и лунной лабиринте, Гордон перешел на бег, чтобы не опоздать к моменту открытия двери. Огни Шализара подсвечивали северную часть небосвода, чуть слышно доносились до уха американца мелодии, наигрываемые на местной цитре. Женский голос затянул печальную, даже жалобную песню. Гордон зловеще усмехнулся. История ничему не научила Восток. Вот точно так же, отгородившись от мира стенами и рвами, предавались блаженству властители Ниневии, Вавилона, Сузы... Спрятавшись за хребтами и ущельями, перекрыв все подходы к своим дворцам, выставив надежную стражу, они ощущали себя повелителями мира, не обращая внимания на обреченных ими на мучительную смерть пленников и узников их подвальных тюрем. Но именно они, те, кого уже считали живыми мертвецами, оказывались орудием в руках мстящего жестоким тиранам рока.

На ровной площадке перед самой дверью было пусто — ни еды, ни каких-либо свидетельств того, что дверь недавно открывалась. Как часто кормили кошмарную зверюгу и собирались ли ее кормить этой ночью, Гордон не знал. Однако чутье подсказывало ему, что с момента последней кормежки, которую наблюдал прошлой ночью Лал Сингх, прошло достаточно времени. Скорее всего, чудовище кормили по ночам, и даже не все обитатели Шализара точно знали, чем именно, как не догадывались они и об истинной природе этого живого воплощения мифа о джинне.

Гордону оставалось ждать и надеяться на верность своих расчетов, но в большей степени — на удачу. Мысль об Азизе и ее несчастной судьбе заставила его вздрогнуть и наполнила его душу злобой и нетерпением. Но, переборов эмоции, он заставил себя встать

у стены, распластавшись вдоль дверного косяка, и приготовился ждать. Еще в юности, общаясь с индейцами и живя в их стойбищах, он научился у краснокожих терпению, которое превосходит даже искусство ожидания, столь развитое на Востоке. Целый час он простоял у стены практически неподвижно — едва ли кто-либо другой мог больше походить на дышащую, но в остальном — неподвижную статую.

Наконец терпение Гордона было вознаграждено: послышался звон цепей, лязг засовов, и дверь, вздрогнув, чуть-чуть приоткрылась.

Кто-то несколько секунд выжидательно вглядывался в темноту, чтобы убедиться, что грозного косматого стража ущелий не было поблизости. Затем дверь полностью открылась. Звякнули последние цепочки, скрипнули петли, и за порог вышел таджик с большой корзиной, полной овощей, орехов и фруктов. Призывно посвистев в темноту, он наклонился, чтобы выложить продукты из корзины, — и в этот миг Гордон обрушил ему на затылок молотоподобный удар кулака. Таджик беззвучно ткнулся лицом в корзину, и на его щеке стало расплываться большое багровое пятно — раздробленные шейные позвонки вонзились в артерии.

Да, удар был нанесен со спины, без предупреждения, но в душе Гордона не осталось ни жалости, ни рыцарского кодекса чести по отношению к кому-либо из шализарских бандитов. Заглянув в тюремный коридор, Гордон не увидел в нем стражника — видимо, камеры были пусты и не нуждались в охране. Американец поспешил спрятать тело таджика в ближайших камнях на дне оврага, а сам вернулся к двери, вооружившись кинжалом убитого.

Войдя в коридор, Гордон закрыл за собой дверь и задумался, стоило ли запирать ее. С одной стороны, он мог и не вернуться сюда в нужное время, но с другой — кто-нибудь обязательно появится в этом подземелье до утра, и тогда, если обнаружится, что дверь не заперта, во дворце поднимут тревогу, а дверь в любом случае

запрут. Осторожно, чтобы не производить лишнего шума, Гордон вернул засовы в их пазы, набросил предохранительные цепи и направился к потайной двери, через которую можно было пройти к секретной лестнице, ведущей в центральные дворцовые покои. План его был ясен и прост, хотя и не легок для исполнения: найти Азизу и, если она еще жива, спрятаться вместе с нею в подземном переходе. Когда же Лал Сингх приведет гильзаи к стенам дворца, он откроет им дверь и поведет их в бой против обитателей города, этих убийц и бандитов. Исход боя ведом только Аллаху, но Гордон надеялся на то, что справедливость все же восторжествует, а кроме того, он возлагал большие надежды на не отравленный гашишем разум воинов Бабер-хана, их праведный гнев и их умение обращаться с клинком и винтовкой.

Если же спрятаться в потайном ходе ему не удастся, Гордон собирался забаррикадироваться в тюремном коридоре и держаться в нем — опять-таки до подхода отряда Бабер-хана. В любом случае планы Гордона строились на уверенности в том, что гильзаи придут к стенам Шализара на рассвете. Разумеется, он понимал, что этому противостояло множество препятствий: взять хотя бы вероятность того, что Яр Али-хан не добрался до Кхора. Но Гордон не был бы самим собой, если бы не играл с судьбой в азартные игры. Вот и сейчас он поставил свою жизнь и во многом успех дела на то, что афридий сумел-таки выполнить задание.

Потайная дверь находилась в дальнем от него конце коридора, напротив другой, незадрапированной двери. Гордон не успел дойти до своей цели, когда вторая дверь распахнулась и на пороге появился один из стражников-арабов. Выругавшись сквозь зубы, часовой потянулся к кобуре, висевшей у него на поясе.

Одновременно рука Гордона взлетела в воздух, занесенная для броска кинжала. Араб замер, бледнея на глазах. У него не было иллюзий относительно исхода этой неожиданной встречи. Да, его ладонь сжимала

рукоять револьвера, но он прекрасно понимал, что раньше, чем он успеет выхватить оружие и навести его на противника, кинжал, брошенный Аль-Бораком, вонзится ему в горло или сердце. Меткость и сила этого белого воина слишком хорошо были известны в афганских горах и даже в этом заповедном городе. К тому же Гордон за последние сутки успел продемонстрировать правдивость и точность ходивших о нем легенд и рассказов. В общем, араб решил не играть со смертью: разжав пальцы, он медленно отвел ладонь от рукоятки револьвера и плавно поднял обе руки, признавая этим жестом, что готов сдаться на милость противника.

Стремительным броском Гордон подскочил к стражнику, выхватил у него из кобуры револьвер и резко ткнул стволом в лицо арабу.

— Где Азиза, девушка из Дели?

— В камере. — Стражник глазами показал направление. — Там, за дверью, через которую я вошел, есть еще один коридор с камерами.

— Еще охрана там есть?

— Нет, клянусь Аллахом, я один. В этом отсеке никого нет, и мы несем дежурство по одному. Сюда я заглянул просто на всякий случай — что-то задерживается таджик, который...

— Все, хватит болтать! — оборвал его Гордон. — Крутом! И — марш вперед, во второй коридор. Смотри мне — без шуток!

— Аллах меня сохрани! — взмолился стражник. Он осторожно открыл дверь и медленно, словно ступая босой ногой по битому стеклу, перешагнул порог. Гордон последовал за ним в коридор, резко сворачивавший влево. За поворотом по обеим сторонам коридора Гордон увидел два ряда зарешеченных камер, на первый взгляд пустых.

— Она в последней камере с правой стороны, — тихо, не оглядываясь, произнес араб.

Гордон ткнул его стволом в спину, и они прошли по коридору. Остановившись у последней решетки,

араб мелко затрясся: камера оказалась пустой. На противоположной стороне этой камеры находилась вторая решетка, дверь в которую была открыта.

— Ты соврал, — мрачно сказал Гордон, сильно втыкая ствол револьвера стражнику под ребра. — За ложь только одно наказание — смерть. И я убью тебя!

— Аллах свидетель! Я не врал! — затараторил бледный, как смерть, стражник. — Она была здесь, я помню. Я правду говорю...

— Ее увели. Совсем недавно, — раздался в подземелье третий голос, прозвучавший совершенно неожиданно для Гордона.

Американец резко развернулся на месте, повернув и араба так, чтобы тот оказался между ним и незамеченным свидетелем их разговора. Ствол револьвера выгнул из-за плеча стражника.

Из-за соседней решетки на Гордона уставились бородатые лица. Тонкие загорелые руки узников крепко сжали железные прутья. Черные, полные ненависти глаза впились в чужака пронзительным взглядом.

Гордон шагнул вперед, по-прежнему толкая перед собой стражника.

— Вы же — верные слуги шейха, — усмехнулся он, увидев за решеткой уже знакомых ему курдов — Стражей Ступеней. — С чего это вы вдруг оказались за решеткой?

Юсуф ибн Сулейман плюнул сквозь прутья, стараясь попасть в Гордона.

— Из-за тебя, белокожая собака! Это ты застал нас врасплох на вершине лестницы, и именно из-за тебя шейх приговорил нас к смерти — еще до того, как стало известно, что ты шпион. Шейх сказал, что мы либо слепые, либо идиоты, либо плохие солдаты, если позволили тебе незаметно подняться по Ступеням, и завтра на рассвете мы умрем под ножами палачей Махмуда ибн Ахмеда, да проклянет Аллах его и тебя заодно с ним!

— Итак, завтра на рассвете вы навеки окажетесь в райских садах, не так ли? Вы же верно служили шейху Аль-Джебаля. Так на что же вы жалуетесь?

— Пусть гиены сложут кости шейха Аль-Джебаля! — послышался полный гнева ответ. — Чтоб тебя и шейха бесы сковали в аду одной цепью!

Гордон отметил про себя, что Отман не мог похвастаться беззаветной преданностью подданных в отличие от его великого предшественника, слуги которого с радостью и ликованием убивали себя, лишь бы прославить имя своего господина.

Вынув из-за пояса араба связку ключей, Гордон, задумчиво глядя на них, подбросил ключи на ладони, словно взвешивая их — не только в буквальном, но и в более общем смысле этого слова. Курды впились в ключи взглядом грешника, которому после смерти вдруг намекнули на возможность избежать ада или, по крайней мере, оттянуть на некоторое время попадание в огненную геенну.

Гордон неожиданно торжественным голосом обратился к старшине курдов:

— Юсуф ибн Сулейман, ты запятнал себя множеством преступлений и неправедных дел. Но среди твоих грехов нет одного из самых страшных — клятвопреступления. Шейх предал тебя, вышвырнув тебя и твоих людей со службы и приговорив вас к смерти. Ты теперь не его слуга и свободен от всех обязательств перед ним, ты и твои братья-курды. Отман сам освободил вас от необходимости быть верными присяге.

Юсуф смотрел на американца, как волк на человека, — с ненавистью, страхом, но и с интересом.

— Отправь я шейха на тот свет, — прохрипел он вдруг, — и можно умирать спокойно. Многие мои грехи будут прощены Аллахом, соверши я это благое дело.

Все курды напряженно смотрели на Гордона, чувствуя, что их судьба зависит от того, что тот сейчас скажет.

Убрав ключи за спину, чтобы не подвергать слишком болезненному искушению беспомощных узников, американец спросил:

— Готовы ли вы — каждый из вас — поклясться мне честью своего рода и обещать верой и правдой служить мне до окончания нашего общего дела или до той минуты, когда смерть освободит нас от всех клятв? Отман дал вам все, что мог и хотел, — собачью смерть. Я же предлагаю вам право умереть с честью, в бою, как и подобает воину.

Огонь надежды засверкал в глазах Юсуфа, вены на его руках напряглись и запульсировали.

— Поверь нам. Я клянусь тебе! — вот и все, что сказал курд, но эти слова стоили многих длинных речей.

— Клянемся! — хором повторили его соплеменники. — Аль-Борак, мы клянемся тебе нашей честью и честью наших предков — честью всех шести родов.

Гордон быстро вставил ключ в замочную скважину и открыл дверь. Он прекрасно знал этих людей: дикие, грубые, жестокие, склонные к предательству, если расценивать их поступки по западным стандартам, — они все же верно следовали своему особому, почти первобытному кодексу чести. И, как ни странно, этот свод неписаных правил горцев Западной Азии не так уж сильно отличался от кодекса чести предков Гордона, живших когда-то в шотландских горах. Может быть, поэтому он довольно легко понимал этих людей, ориентируясь порой не по логике, а по подсказке чутья и интуиции.

Вырвавшись из клетки, курды первым делом набросились на араба, в семь глоток заорав:

— Убить его! Это один из псов Махмуда ибн Ахмеда!

Гордон силой отбил араба у курдов, безжалостно раздавая оплеухи направо и налево. Одного из нападавших, особенно ретивого, он отправил в нокадаун, основательно врезав ему в солнечное сплетение, поста-

равшись, однако, чтобы удар не причинил тому тяжелых повреждений.

— Прекратить! — рявкнул Аль-Борак. — Люди вы или волки?

Подгоняя араба толчками в спину, Гордон заставил того вернуться в дальний тюремный коридор. Курды, верные клятве, последовали за ним, не задавая никаких вопросов и не проявляя никакого недовольства. Во втором коридоре Гордон приказал стражнику раздеться, что тот сделал, дрожа мелкой дрожью: это распоряжение он воспринял как знак неминуемой казни, причем скорее всего — предваряемой пыткой.

— Поменяйся с ним одеждой, — приказал Гордон Юсуфу ибн Сулейману.

Гордый, воинственный курд поспешил исполнить команду. Затем по приказу американца остальные курды связали араба, затолкали ему в рот плотный кляп и запихнули беднягу в темноту подземного хода за открытую Гордоном потайную дверь.

Юсуф облачился в халат стражника, его шелковые шаровары и водрузил на голову шлем с плюмажем. Благодаря семитским чертам лица курд вполне мог сойти за араба, если наблюдатель не стал бы пристально к нему приглядываться.

— Тебе, Юсуф ибн Сулейман, я доверяю особо ответственное и важное дело, — сухо сказал Гордон. — Оно достойно настоящего воина, храброго мужчины. Через некоторое время — может быть, сегодня на рассвете, может быть, к вечеру следующего дня или даже спустя еще ночь — в дверь, которая ведет в логово джинна, постучат пришедшие с той стороны люди. Это будут воины-гильзаи, ведомые Лалом Сингхом и Яр Али-ханом. Тебе предстоит дожидаться их, спрятавшись в этом потайном тупике, и открыть им дверь во двор. У тебя остается ятаган стражника. Когда другой араб придет сменить часового, убей его и спрячь труп в туннеле. Может быть, тебе придется повторить это еще раз, прежде чем дежурный сообразит, что сменив-

шийся с поста часовой погиб, а не загулял где-нибудь в райских садах. У тебя будет преимущество внезапности: тебя ведь и не отличишь от араба, пока ты не нанесешь первый удар.

Судя по тому, как заблестели глаза Юсуфа, можно было быть уверенным в том, что по крайней мере эту часть плана курд исполнит не за страх, а за совесть.

— Может быть, убивать никого и не придется, — поспешил уточнить задание Гордон. — Сам никуда не высывайся. Увидев, что пленники убежали, новый часовой, вполне вероятно, и не сунется во второй коридор. Если он позовет подмогу, спрячься в туннель и не геройствуй. Главное — дожидаться гильзаи и открыть им дверь. Может быть, сюда вообще никто не заглянет, и я вернусь раньше, чем сменится стража. Пять человек пойдут со мной: мне нужно найти и освободить Азизу. Если это окажется возможным, я вернусь сюда с нею, мы забаррикадируем двери и будем оборонять коридор от солдат Отмана опять же до тех пор, пока не подойдет Бабер-хан. Но даже если я не вернусь — слушай меня внимательно, — я приказываю, прошу, заклинаю тебя оставаться здесь, прячась или обороняясь изо всех сил, чтобы открыть дверь в нужный момент.

— Твои гильзаи убьют меня на месте, едва я успею приоткрыть им дверь, — скорее в шутку, чем всерьез пожаловался Юсуф ибн Сулейман.

— Прежде чем открыть, оклики Лала Сингха и скажи ему: «Аль-Борак просил, чтобы ты вспомнил волков из Джагаи». По этому паролю он поймет, что тебе можно довериться. А теперь — к моему делу! Итак, куда увели девушку?

— Вскоре после того, как араб пошел в обход поста, какие-то люди открыли дверь с той стороны ее камеры и увели ее. Они сказали, что сам шейх хочет ее допросить. Скорее всего, допрос состоится в том зале, где он в первый раз принимал тебя. Но, Аль-Борак, шестеро не смогут пробиться сквозь строй из двух

десятков персидских стражников, несущих караул у тронного зала!

— Вы знаете, где находится вход в райские сады? — спросил Гордон.

— Конечно! — уверенно закивали головами курды.

Судя по всему, у Отмана было немного секретов от подданных — в отличие от его великого предка, даже самые верные приближенные которого не знали точного местоположения этих садов.

— Тогда пошли туда. Ведите меня! —скомандовал Гордон.

Он спокойно повернулся спиной к своим недавним врагам, ставшим вдруг его союзниками. Ничего удивительного он не находил и в том, что всецело доверил свою жизнь одному слову этих диких, свирепых людей, родившихся, выросших, формировавшихся и живших в мире, где предательство, убийство, обман и хитрость являются непременными атрибутами и условиями существования. Ничто не мешало Юсуфу ибн Сулейману дожидаться, пока Гордон уйдет, а затем броситься к шейху, чтобы ценой смерти Гордона продемонстрировать свою верность Отману и купить себе жизнь. Ничто не мешало ему и рассказать Ивану Конашевскому о планах американца, и устроить в подземельях дворца засаду на Лала Сингха и отряд Баберхана. Ничто — кроме врожденной чести первобытного воина, знающего, что ему доверился другой человек, человек чести.

Гордон вместе со своим небольшим отрядом поднялся по узкой лестнице. Комната, выделенная ему после появления в Шализаре, была пуста. На верхней ступеньке лестницы он обнаружил два клинка — палаш и саблю, оставленные там Лалом Сингхом, бросившимся с пистолетом в руке спасать друга, узnanного и приговоренного к смерти Иваном Конашевским. Это оружие Гордон отдал своим спутникам, как и взятый у мертвого таджика кинжал. Себе американец оставил револьвер стражника-араба.

Коридор за дверью комнаты был пуст. Курды бесшумно скользнули в темноту. Сейчас, с наступлением ночи дворец шейха Аль-Джебаля стал еще более таинственным и странным. Лампы, свисавшие с потолка, горели через одну и вполсилы, легкий ночной ветерок шевелил шторы на окнах и портьеры вдоль стен. Ступая по толстым коврам, устилавшим полы, Гордон даже в сапогах производил не больше шума, чем его босые спутники.

Дорогу они действительно знали хорошо. Оказавшись в роскошных покоях, эти бедно одетые, с горящими глазами люди походили на компанию полуночных воришек, забравшихся в богатый дом. Они шли тем маршрутом, где встретить кого-нибудь в это время суток было менее вероятно. Пройдя незамеченными через какую-то потайную, умело замаскированную дверь, они оказались в небольшом тамбуре, второй выход из которого — позолоченную резную дверь — охраняли два великана-суданца с алебардами наперевес. Гордон даже присвистнул: по его мнению, главная слабость царства Отмана, большая ошибка шейха заключалась в том, что вход в так называемый рай не был достаточно хорошо скрыт от посторонних глаз. Тайна потеряла свою величественность.

Суданцы, впрочем, вполне отдавали себе отчет в том, что ввалившаяся к ним компания — вовсе не уполномоченные посетители сада наслаждений. Позвать на помощь или поднять тревогу грозные стражи не могли — все суданцы при дворе Отмана были немые. Гордон не хотел стрелять — в тишине выстрел бы разнесся на поддворца. Но применять огнестрельное оружие ему и не потребовалось. Жаждающие вкусить сладость мести курды налетели на чернокожих часовых. Двое кинулись на них с оружием, остальные повисли на суданцах и повалили их. Через несколько мгновений оба стражника уже бились в конвульсиях, получив каждый множество как легких, так и смертельных ран. Эта грязная работа была необходимой, неотъемлемой

частью общего плана Гордона, а жалость... Жалость к суданцам ли или к кому-либо еще в этом страшном городе — это чувство американец уже успел задавить в себе целиком и полностью.

— Оставайся здесь и сторожи вход, — приказал Гордон одному из курдов, проскальзывая в сад вместе с остальными.

Безлюдный ночью, сад утопал в таинственном свете луны и звезд, в темноте о чем-то шуршали листья деревьев, журчали струйки фонтанов. Одурачающе сильно — сладко и пряно — пахли цветы. Разгоряченные первой кровью, вооруженные алебардами убитых суданцев, курды смело, даже излишне дерзко шли по саду, который еще недавно они считали если не раем (как того хотелось бы их правителю), то, по крайней мере, наиболее близким его подобием на земле. Похоже, только сейчас они по-настоящему осознали, что идут в бой, ведомые Аль-Бораком, о котором все были наслышаны. И живая, реальная сила и слава этого американца помогали им вырваться из страха перед таинственными сказками и кошмарными легендами этого царства крови и смерти.

Гордон напрямик направился к балкону, о существовании которого он уже знал — иначе ему ни за что было бы его не найти, так искусно балкон был замаскирован ветвями деревьев, лозой дикого винограда и задрапирован тюлевыми занавесями. Подсаженный курдами, Гордон нащупал окно, из которого шейх показывал ему сад, и острием кинжала открыл его. В следующую секунду он уже взобрался на подоконник и спрыгнул на пол по другую его сторону, произведя при этом не больше шума, чем пантера, проделавшая такой же маневр.

Из-за отгораживающих решетку балкона штор до него доносились рыдания девушки, плакавшей от боли и страха, и голос Отмана.

Заглянув в щелочку между шторами, Гордон увидел шейха, развалившегося на троне, за спиной которого уже не маячили чернокожие стражники. Оба су-

данца находились посередине зала и были заняты мрачными приготовлениями: они доводили до бритвенной остроты лезвия своих кинжалов. Рядом, в небольших пылающих горящими угольями жаровнях, разогревались докрасна щипцы и крючья. Азиза, нагая, лежала между стражниками на полу, ноги и руки ее были крепко привязаны к вкрученным в пол металлическим штырям. Больше в комнате никого не было, а бронзовые двери были закрыты и заперты на засовы изнутри.

— Итак, я жду ответа на вопрос: как сикху удалось сбежать из камеры? — грозно спросил Отман.

— Нет! Не скажу! — сквозь слезы воскликнула девушка и, не в силах от страха скрыть истинную причину своего упрямого молчания, прокричала: — Если я скажу, это может повредить Аль-Бораку!

— Эх ты, глупышка... — с притворной жалостью вздохнул Отман, — отстала от новостей, сидя в подземелье. Так вот, зря ты упрямилась: твой Аль-Борак...

— Здесь! — громко произнес Гордон, выходя из балконной ниши.

Шейх подскочил на троне, обернулся и, подвернув ногу, скатился по ступенькам пьедестала. Суданцы развернулись навстречу непрошеному гостю и схватились за ножи. Гордон выстрелил от бедра, и один из стражников, получив пулю в грудь, рухнул на пол. Второй же бросился к лежащей на полу Азизе и занес над ней схваченную с табурета алебарду, явно намереваясь убить девушку до того, как погибнуть самому. Удар кинжала в горло не дал осуществиться первой части его плана — великан-негр повалился на пол, напрасно пытаясь зажать руками зияющую рану на шее. За дверями зала забегали и закричали слуги. Послышались сильные удары в двери.

Шейх вскочил на ноги, глядя на Гордона выпученными, почти безумными глазами. Он явно не хотел поверить в реальность появления перед ним этого залитого кровью, в изодранной одежде белого человека с дымящимся револьвером в руке.

— Нет, это не ты... не ты... это призрак, привидение, — забормотал шейх, словно желая убедить самого себя в правоте этих слов. — Ты — порождение гашиша... Нет! Кровь! Кровь на полу — она настоящая! Ты же мертв, мне сказали, что ты мертв. Тебя бросили на съедение обезьяне. Но ты... ты вернулся, ты воскрес из мертвых, чтобы убить меня! Нет, ты — призрак или же — демон! Сам дьявол! На помощь! На помощь! Стража, ко мне! Взять его! Дьявол Аль-Борак вернулся, чтобы погубить меня!

С визгом, как обезумевший, Отман бросился к дверям. Гордон дождался, пока пальцы шейха коснулись засовов, а затем — хладнокровно и без сожаления — нажал на курок. Пуля прошла тело шейха насквозь. Развернувшись, он стал сползать по двери, в ужасе глядя на Гордона и не переставая жалобно звать о помощи. Этот крик Гордон оборвал второй пулей, раздробившей череп правителя Шализара и разбрызгавшей по бронзовой двери его окровавленные мозги.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ ЗАГНАННЫЕ ВОЛКИ

Гордон холодным взглядом оглядел свою жертву, желая удостовериться в том, что шейх действительно мертв. За дверью творилось что-то невообразимое, к тому же из сада Аль-Борака нетерпеливо окликали курды, желавшие узнать, все ли с ним в порядке, и жаждавшие поучаствовать в столь желанном деле. Прикрикнув на них и призвав к терпению, Гордон освободил девушку, перерезав веревки, и, схватив с дивана шелковое покрывало, наскоро укрыл ее тело. Азиза жалобно всхлипывала, обхватив его шею руками. Ее близкое к истерике состояние было вызвано самыми противоречивыми чувствами — от еще не прошедшего страха до благодарности и облегчения.

— Сагиб, я знала, что ты придешь сюда и спасешь меня! — причитала Азиза. — Я верила, что ты не позволишь им пытать меня! Мне говорили, что ты погиб, но я верила, я знала, что они не смогут тебя убить!

Взяв девушку на руки, Гордон поднес ее к окну и передал курдам, опустившим ее на землю. Она вскрикнула, увидев их бородатые, заляпанные кровью и грязью лица, но одно строгое слово Гордона успокоило ее.

Сам Гордон, прыгнув с балкона в сад, был встречен вопросом своих спутников:

— Что теперь делать, Аль-Борак? Куда идти?

Курды еще более рьяно рвались в бой, почуяв кровь и став свидетелями чужой схватки. Их воодушевлению немало способствовало и восхищение Гордоном. Такие лидеры, такие командиры, как Аль-Борак, умели выводить свои армии из самых безнадежных окружений, вытаскивать их из-под носа у самой смерти, а затем одерживали с ними самые славные и самые невероятные победы.

— Теперь назад, в туннель, где остался Юсуф.

Все вместе они помчались через сад, уже не стремясь соблюдать тишину. Гордон нес девушку на плече — легко, словно ребенка. Они не пробежали и сорока футов, как за их спинами во дворце раздались громовые удары чем-то тяжелым о металлические листы. Это слуги и стражники выбивали каменными скамейками двери тронного зала. Одновременно навстречу бегущим выскочил из кустов оставленный у входа в сад курд. Парень зажимал ладонью порез на правом предплечье и рутался на чем свет стоит:

— Там у дверей два отделения арабских псов, — задыхаясь, выпалил он. — Кто-то услышал, как мы схватились с суданцами, и побежал в казармы шакалов Махмуда ибн Ахмеда. Я успел ткнуть одного из них мечом в брюхо и захлопнуть дверь. Но выбить ее — займет у них не более нескольких минут.

В подтверждение его слов тяжелые удары стали доноситься и со стороны входа в райский сад.

— Азиза, есть из этого сада выход, который ведет не во дворец? — спросил Гордон.

— Там, сагиб, — сказала Азиза и, соскользнув с его плеча, бросилась бежать к северной стене, едва не скрывшись из виду до того, как мужчины последовали за нею. На беду, они отчетливо слышали, как трещат под ударами сыновей аравийских пустынь позолоченные двери. При каждом ударе Азиза болезненно вздрагивала, словно он наносился непосредственно по ее слабому, хрупкому телу. Подбежав к стене, она, не раздумывая, стала рвать руками прочные лианы и колючие побеги кустарника, которые, как оказалось, скрывали потайную дверь.

В револьвере Гордона оставалось еще два патрона. Один он израсходовал на то, чтобы выстрелом сбить старый висячий замок. Беглецы ворвались во второй, меньший по размерам сад, освещенный масляными лампами на столбах, как раз в тот момент, когда позолоченные «врата в рай» рухнули под ударами тарана и в райский сад хлынула толпа стражников и вооруженных придворных.

В центре сада, в который только что ворвались беглецы, высилась подобная минарету башня, которую Гордон заметил еще тогда, когда впервые попал во дворец.

— В башню! — скомандовал он, запирая дверь в сад на кинжальное лезвие, рассчитывая таким образом выиграть несколько секунд, которые потребуются преследователям, чтобы сломать его. — Нужно проникнуть туда и запереться внутри!

— Шейх часто удалялся в этот минарет, чтобы наблюдать в телескоп за небом или окрестными горами, — сообщил Гордону один из курдов. — Он никого туда не пускал, кроме Багилы, но говорят, что там хранится часть дворцового арсенала — винтовки и патроны. На нижнем этаже постоянно находятся пять арабов-стражников. Пост этот — один из самых спокойных, поэтому по ночам они наверняка спят

Поворачивать назад было поздно. Преследователи уже добежали до стены, и, судя по грохоту, доносившемуся со всех сторон, оставались считанные минуты до того, как во все ворота сада при башне хлынут десятки преследователей. По приказу Гордона его люди бросились со всех ног к башне. Дверь у ее основания распахнулась, и на пороге появились пятеро заспанных арабов, явно недовольных поднявшимся шумом, о причинах которого им, разумеется, не было известно абсолютно ничего. Стражники лениво зевали, оглядываясь вокруг, и вдруг заметили приближающуюся к ним группу людей со сверкающими в свете ламп глазами и блестящими клинками в руках. Сон еще не выветрился из голов стражников, поэтому они среагировали на нападение ровно на секунду позже, чем следовало.

Одного из арабов Гордон застрелил в упор, второму раскроил череп рукоятью револьвера — в тот самый миг, когда он пронзил палашом сердце одного из курдов. Оставшихся трех защитников башни нападающие смели в одно мгновение, дав выход древней племенной вражде, помноженной на ярость боя. В общем, через мгновение все пятеро часовых лежали у подножия башни в лужах крови.

Воинственные крики за стеной сада слились в радостный шквал, когда дверь, запертая на кинжал, не выдержала наконец напора и рухнула под градом ударов. В дверном проеме мгновенно показались разъяренные лица дюжины подчиненных Махмуда ибн Ахмеда. Они так жаждали догнать ускользающую добычу, что в пылу погони на мгновение задержали друг друга в тесном проходе. Воспользовавшись этим замешательством, Гордон схватил винтовку, выпавшую из рук одного из охранявших башню арабов, и разрядил весь магазин в плотную массу человеческих тел, забившую узкую дверь. На расстоянии менее ста метров такая стрельба была для него не более чем детским упражнением на меткость. Еще мгновение назад двер

ной проем представлял собой сплошную стену из рвущихся вперед тел и оскаленных лиц; сейчас он превратился в груды брызжущих кровью тел — мертвых и живых, но более всего желающих убраться со столь опасного и хорошо простреливаемого места.

Курды восторженно заорали и бросились в башню.... преследуемые по пятам группой друзов, выломавших одни из ворот сада и скрытно подобранных вплотную к беглецам. На нижнем этаже башни завязалась кровавая драка, в которой Гордон принял самое активное участие, изо всех сил орудуя прикладом винтовки. Несколько секунд такого яростного сопротивления сломали натиск нападавших: друзья отступили, оставив у порога башни трех мертвых соплеменников и одного тяжело раненного, пытавшегося отползти дальше, цепляясь за землю одной рукой, оставлявшего за собой густой кровавый след.

Гордон захлопнул за собой бронзовую дверь и загнал в пазы тяжелые засовы, способные выдержать даже слоновью атаку.

— Наверх, быстро! — скомандовал он замешкавшимся курдам. — Хватайте оружие!

Они бросились вверх по лестнице — все, кроме одного, остановившегося на полпути и сползшего по ступенькам от слабости из-за большой потери крови. Гордон втащил его наверх и уложил на пол, приказав Азизе перевязать рану, оставленную на груди бедняги саблей одного из друзов. Лишь затем американец оглядел помещение, в котором ему предстояло держать оборону.

Он с товарищами находился в верхней комнате башни. В ней не было обычных окон, но зато в стенах имелось немало смотровых окошек самого разного размера и расположенных под самыми разными углами. При этом все они были оборудованы закрывающимися ставнями из толстого листового железа. Направленные вниз, эти отдушины весьма смахивали на крепостные бойницы. Курды весело зацокали языками

при виде шкафов с новенькими винтовками и стеллажей, полных магазинов и патронных пачек. Да, Отман неплохо подготовил свою башню — как для научных наблюдений, так и, на всякий случай, для обороны.

Несмотря на все синяки, ссадины и раны, которые достались в большей или меньшей степени всем спутникам Гордона, курды быстро заняли позиции у бойниц и, вооружившись винтовками со стеллажей, открыли огонь по толпе, собравшейся у дверей башни. Среди нападавших не было видно самого Махмуда ибн Ахмеда, но добрая сотня подчиненных ему арабов уже проникла в сад, как и целая толпа слуг, придворных и солдат других национальностей. Все они бежали по саду, сталкиваясь друг с другом, натываясь на деревья и столбы с фонарями, крича на разные голоса и пытаясь разглядеть, что же происходит в башне, за закрытыми ставнями ее бойниц. Повсюду сверкали полные злости глаза, мелькали в воздухе стальные клинки, раздавались явно не прицельные выстрелы. Кусты и тонкие деревца безжалостно ломались и вытаптывались. Вдруг откуда-то в сад притащили большое бревно, которое было пущено в ход в качестве тарана.

Гордона немало удивило, насколько грамотно и толково было в общих чертах организовано преследование беглецов и их окружение. Теперь и осада началась по всем правилам, явно под чьим-то опытным руководством. Удивление его исчезло в тот момент, когда он услышал в общем гомоне голос Ивана Конашевского, властно отдающий приказы и распоряжения. Видимо, казак одним из первых узнал о смерти шейха и взял командование шализарской братией на себя. Его опыт и чутье командира, соединенные с удачным блокированием беглецов арабской стражей Махмуда ибн Ахмеда, предопределили развитие ситуации.

Впрочем, даже загнанные в угол, мятежники вовсе не были беспомощными жертвами. Возбужденно перекрикиваясь, курды падали из-под полуприкрытых козырьков бойниц, нанося нападавшим существенный

урон. Даже тот, который был ранен, после того как Азиза наскоро перевязала ему рану, пододвинул с ее помощью один из диванов к бойнице и, сев поудобнее, тоже открыл огонь по своим бывшим союзникам. На таком расстоянии меткому стрелку промахнуться было сложно, и пули курдов безжалостно косили столпившихся в саду людей. Даже фанатики-исмаилиты не смогли долго выдержать такого свинцового дождя. Толпа рассыпалась и стала отходить от башни, каждый хотел найти себе хоть какое-то укрытие. Курды приветствовали это отступление радостными криками и выстрелами в спины отступающих.

Через короткое время сад опустел, если не считать убитых и тяжело раненных, которые не могли самостоятельно передвигаться. Зато на башню обрушился целый ураган свинца. Огонь велся с верхнего этажа дворца, из-под купола, а также с крыш всех домов, стоявших вокруг сада, за его стенами.

Пули щелкали о стены башни со звуком, похожим на тот, что издает жук, с размаху налетающий на стекло, за которым горит манящий его свет. Лишь изредка кому-то из стрелков удавалось попасть в козырек или ставень той или иной бойницы. Имея под рукой такой внушительный склад боеприпасов, удерживать башню можно было очень долго. Гораздо раньше — и уже весьма скоро — должна была остро встать проблема отсутствия воды и пищи. Раненый курд особенно страдал от жажды, но с выносливостью, которой славится его племя, терпеливо сносил мучения. Он молча лежал на диване, держа во рту свинцовую пулю, чтобы обмануть чувство жажды.

Поочередно обойдя все бойницы, Гордон внимательно осмотрел окружающую местность. Как он уже знал, дворец со всех сторон был окружен садами, лишь фасадом он выходил в огороженный высоким забором двор. Все это хозяйство было обнесено высокой стеной. Другие, более низкие стены отделяли сады друг от друга — как спицы колеса, ступицей которого был

дворец, а ободом — внешняя стена. Сад, в котором стояла башня, находился к юго-западу от дворца, рядом с парадным двором. От двора и от другого сада — на западной стороне — он был отделен двумя внутренними стенами. Оба этих сада словно обтекали сад «райских наслаждений», частично скрытый между флигелями дворца. Стены этого внутреннего сада словно продолжали стены парадного двора. Таким образом, сад с башней оказывался полностью окруженным.

С севера возвышалась наружная дворцовая стена, из-за которой виднелись крыши шализарских домов. Ближайшее здание находилось всего в каких-то полутора сотнях футов от стены. Окна этого дома, как и других соседних зданий, были открыты. Из них высовывались вооруженные люди, палившие по башне в тщетной надежде попасть во что-либо, кроме каменных стен. Во дворце зажгли лампы и свечи, но двор и окружающие сады по-прежнему были погружены в темноту.

Лишь в осажденном саду, как и прежде, горели висячие лампы. Станным и зловещим выглядел этот сад — освещенный островок среди темноты, с башней в центре, пустой, если не считать множества трупов, и при этом окруженный массой невидимых, но явно настроенных злобно и жаждущих крови людей.

Обстрел велся со всех сторон одновременно, а курдам оставалось лишь изрыгать проклятия — в темноте они могли стрелять лишь наугад, не имея никакой возможности разглядеть цель. Неожиданно обстрел прекратился. Без приказа, словно подчинившись общему решению, перестали отвечать стрельбой и засевшие в башне. В повисшей напряженной тишине четко прозвучал голос Ивана Конашевского, спрятавшегося от огня за стеной парадного двора.

— Ну что, сдаешься, Гордон? — прокричал казак. Американец в ответ рассмеялся:

— Приди и возьми нас в плен, если ты решил, что мы готовы сдаться.

— Именно это я и собираюсь сделать. Чуть позже — на рассвете, — заверил его Иван. — Так что все, приятель: записывай себя в покойники.

— Сдается мне, что нечто подобное я уже слышал от тебя, когда ты оставил меня в логове своего джинна, — возразил Гордон. — Но я почему-то до сих пор жив, в отличие, кстати, от твоего павиана.

Гордон специально произнес эти слова на арабском, чем вызвал у нападавших целую бурю возгласов недоверия и гнева. Курды же, которые до сего момента не задали ему ни единого вопроса по поводу его почти чудесного возвращения из лабиринта джинна, переглянулись и кивнули друг другу с демонстративно невозмутимым видом, словно давая понять один другому, что победить джинна, оказавшись в его логове, мог только Аль-Борак.

— Иван, а твоим ассасинам известно, что шейх Аль-Джебаля мертв? — иронично поинтересовался Гордон.

— Они прекрасно знают, что Иван Конашевский — истинный правитель Шализара — сейчас, как и раньше, — последовал раздраженный ответ. — Я действительно не знаю, как тебе удалось одолеть обезьяну, вернуться во дворец и освободить этих жалких курдских шакалов-предателей из камеры, но одно я знаю точно и наверняка: завтра утром, спустя час после восхода солнца, ваши шкуры уже будут развешаны для просушки на стенах этой самой башни!

— Это мы-то шакалы? — недовольно переговаривались гордые горцы. — Курдские собаки? О Аллах, он сам это сказал!

Гордон улыбнулся, поняв, что Юсуф ибн Сулейман по-прежнему не обнаружен. Захвати его исмаилиты или убей — Иван не устоял бы перед искушением сообщить беглецам такую новость. Гордон рассчитывал на то, что в ближайшие часы никто не предпримет серьезный осмотр тюремных помещений, и убедился, что никто не занимался этим до сих пор. Все внима-

ние шализарцев было сосредоточено на башне, и с их точки зрения не было никакого смысла проводить сейчас расследование и осматривать подземелья дворца. Получив косвенное подтверждение своих догадок в молчании Ивана, Гордон укрепился в уверенности, что Юсуф ибн Сулейман жив и здоров и дожидается в туннеле прихода Лала Сингха и воинов Бабер-хана.

Со стороны парадного двора слышались звуки работы топоров, пил и молотков. Что именно делали там осаждающие — из башни видно не было. Ситуацию прояснил Конашевский, прокричав:

— Слышишь? Эй ты, американская свинья, тебе ясно, что там происходит? Я думаю, тебе известно из курса древней истории, как в былые века штурмовали крепостные ворота. Так вот, мои люди сейчас срочно строят подвесной таран на колесах, прикрытый защищающим от пуль навесом и щитом. Построить такую штуку, способную защитить полсотни человек, требует некоторого времени. Но это и есть все то время, что у тебя осталось. Ты меня понял, Гордон? Как только рассветет, мы подкатим нашу тележку к башне и вышибем дверь. Остальное, как я полагаю, тебе и так ясно. Тебе конец, жалкий американский койот!

— И тебе тоже! — выпалил в ответ Гордон. — Тебе не удастся штурмовать башню, не высунувшись из укрытия. Вот только покажись мне на секунду — и я вышибу тебе мозги, русский волкодав!

Ответом казака был смех, впрочем — довольно напряженный и нервный: как-никак меткость Гордона была хорошо известна Ивану, и угрозы американца вовсе не были пустыми словами. Этот обмен любезностями явно отбил у обеих сторон охоту к дальнейшим переговорам. Исмаилиты по-прежнему вели огонь по бойницам и двери башни, не столько надеясь попасть в кого-либо из защитников, сколько явно вознамерившись задавить в зародыше любую мысль о попытке выбраться из башни. Гордон, разумеется, обдумал и эту возможность. Перестрелять фонари в саду — дело пя-

ти минут, и если потом попробовать рискнуть прорваться к стене сада... Нет, нет и еще раз нет. Слишком много вооруженных людей держало под обстрелом дверь башни и весь сад. При такой плотности огня любая попытка прорыва была равносильна самоубийству. Итак, приходилось признать, что крепость стала ловушкой.

Гордон честно признался себе, что на сей раз он попал в западню, из которой собственными силами ему ни за что не выбраться. Если гильзаи не появятся у стен Шализара в обозримом будущем, то ему и его товарищам жить оставалось, прямо скажем, недолго. Гордон вздрогнул, представив себе Юсуфа ибн Сулеймана, напрасно ждущего день за днем в дворцовых подземельях, пока голод не заставит его подняться и сдаться врагу или же — открыть дверь и попытаться уйти с плато по каменному лабиринту. Только сейчас Гордон вспомнил, что не успел рассказать курду, по какому маршруту следует идти к спасительному пролому в стене пещеры.

Топоры и молотки без устали стучали в соседнем с садом дворе, скрытом от взгляда осажденных дворцовым флигелем. Даже если гильзаи придут на рассвете, помощь может оказаться запоздалой. Конечно, чтобы протолкнуть в сад большую телегу-навес, исмаилитам потребуется снести и разобрать завал изрядной части стены. Делать эту работу под огнем из башни будет небезопасно, но даже если осажденным удастся затянуть окончание этой работы, в общем и целом на нее не уйдет много времени.

Курды, впрочем, не разделяли мрачных мыслей своего предводителя. С их точки зрения, все шло замечательно. Во-первых, и это самое главное, им удалось избежать позорной смерти пленников, а значит — путь в рай они себе уже расчистили. Оставалось немного — погибнуть, как гибнут герои, как подобает погибать настоящим воинам. А для этого у них были все возможности. Они уже устроили хорошую кровавую баню противнику, у них был командир, которо-

му они не только всецело доверяли, но и преклонялись перед ним почти как перед божеством. Была у них отличная боевая позиция, хорошее оружие и громада боеприпасов. Ну что еще может желать гордый воин с суровых гор Курдистана? Курды залихватски палили во все, что двигалось в поле их зрения, и не думали о будущем, предпочитая, чтобы оно подумало о себе самом, а заодно — и об их судьбах. Так несколько часов продолжался этот странный бой, где звукам винтовочных выстрелов вторила дробь строительных инструментов.

Раненый умер незадолго до рассвета — в тот час, когда посветлевшее небо заставило чуть побледнеть садовые светильники. Накрыв мертвого покрывалом с одного из диванов, Гордон внимательно оглядел свой маленький отряд. Трое оставшихся в живых курдов прильнули к бойницам и более всего походили сейчас на принявших человеческий облик призраков мести и смерти, спустившихся на землю в эти предрассветные сумерки. Азиза, измученная страхом и усталостью, спала на полу, подложив под голову по-детски мягкую круглую руку.

Стук молотков прекратился, и в наступившей тишине Гордон услышал скрипение больших деревянных колес. Он понял, что передвижной навес с тараном уже построен и направляется к башне, скрытый пока что углом дворца. Кое-где в сумерках можно было разглядеть людей, перебежками подбирающихся поближе к садовой стене или занимающих удобные позиции для обстрела на крышах и окнах. Противник явно готовился к штурму. Гордон с надеждой всматривался вдаль — стараясь разглядеть, что происходит на северной стороне плато, за чертой города. Среди валунов у верхней площадки гигантской лестницы не было видно ни одного человека. Видимо, новых стражников ничему не научил горький опыт Юсуфа ибн Сулеймана и его отряда. Похоже, что, не желая упускать случая поучаствовать в столь азартной погоне и

осаде, Стражи Ступеней поддались азарту и покинули пост. Ни один правитель на Востоке никогда не мог добиться строгого, точного и беспрекословного выполнения подчиненными приказов командира. Никакие, даже самые жестокие, меры не могли довести армейскую дисциплину до подобающего нормальной западной армии уровня. Впрочем, вскоре Гордон увидел группу людей — дюжины полторы солдат, — спешным шагом направлявшихся к краю обрыва. Значит, Иван Конашевский приказал им срочно занять оборону на верхней площадке лестницы; о судьбе, уготованной казаком тем, кто покинул пост, можно было только догадываться.

Гордон окликнул курдов, мигом повернувших к нему свои грязные, бородатые лица. Сам он выглядел не хуже: голый по пояс, весь в запекшейся крови и пыли, в пятнах пороховой гари и со свежими шрамами на теле, ни дать ни взять — предводитель воинственного дикого племени.

— Гильзаи не пришли, — объявил он курдам. — Может быть, они совсем не придут, может быть — лишь немного задерживаются. Нам это, в общем-то, уже безразлично. Вот-вот Конашевский pošлет своих головорезов на штурм под прикрытием большого деревянного навеса. Дверь они вышибут тараном — это не займет у них и нескольких минут. А потом... потом мы успеем убить нескольких нападающих на лестнице, прежде чем умереть.

— На все воля Аллаха! — кивнули курды, явно выражая спокойную готовность принять судьбу такой, какой она им явится. — По крайней мере, умрем мы в бою и наверняка еще унесем с собой на тот свет немало душ своих противников.

Курды оскалились, как голодные волки, и перехватили затворы винтовок.

Со всех крыш и окон град пуль посыпался на башню. Осажденные наконец увидели через щели в бойницах катящуюся по двору осадную машину. Это было

массивное сооружение из толстых брусьев и бревен, укрытое бронзовыми и латунными щитами, водруженное на большие колеса от воловых упряжек. В центре переднего щита было оставлено круглое отверстие, из которого высовывался заостренный конец толстого бревна, обитый листовым железом. Не менее пятидесяти человек могли спрятаться за этим укрытием от огня и спокойно делать свое дело: придвинув навес к башне, выбивать подвешенным на цепях к раме тараном ее единственную дверь.

Подъехав к стене сада, навес остановился. В дело пошли кувалды, ломы и кирки — шализарцы сноровисто и азартно взялись за разрушение преграды.

Весь этот шум разбудил Азизу, которая протерла глаза и вдруг зарыдала и бросилась к Гордону, ища у него поддержки и утешения. Но ему нечем было успокоить девушку. Пара ободряющих фраз, ласковое поглаживание по голове — все это не могло скрыть от нее их истинного, совершенно безнадежного положения. Единственное, что реально мог и собирался сделать для нее Гордон, — это встать между нею и противником во время последнего боя, выиграв для нее несколько лишних секунд жизни, и приберечь для нее последнюю спасительную пулю, чтобы избавить девушку от мучительной смерти под ножами и щипцами палачей.

Чувствуя и понимая безнадежность их положения, Азиза села на пол в центре комнаты и, обхватив голову руками, тихо заплакала. Гордон подошел к ней, обнял ее за плечи, и девушка затихла, словно спокойствие и решимость Аль-Борака передались ей.

— Стена вот-вот рухнет, — сообщил Гордону один из курдов. — Сейчас пыль развеется, и мы сможем разглядеть тех, кто начнет разбирать завал. По крайней мере, можно будет подстрелить кое-кого из них и задержать продвижение тарана к башне. А потом...

— Тихо! — оборвал его Гордон. — Слышите?!

Все замерли — и те, кто в башне и те, кто готовился ее штурмовать. Азиза даже вскрикнула, услышав в

наступившей тишине грохот другой, далекой перестрелки к северу от города. В эти минуты все винтовки в Шализаре замолчали и покачнулись во вздрогнувших от неожиданности руках тех, кто держал оружие. Да, на северной оконечности плато, у самого выхода со Ступеней, шел бой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ПОЛЯ, ЗАЛИТЫЕ КРОВЬЮ

Гордон метнулся к бойнице, расположенной на северной стороне башни, и приоткрыл козырек. Из всех сил он вглядывался в серые предрассветные сумерки, стараясь разобраться в том, что происходит на дальней оконечности плато. Небольшая группа вооруженных людей — меньше десятка человек — поспешно отступала к городу, отстреливаясь на бегу. А позади них, из-за валунов, окружающих выход с лестницы на плато, маячили в полумраке другие фигуры — в неизмеримо большем количестве.

Как бы далеко ни находились наступавшие и как бы плоха ни была видимость, Гордону все же удалось разглядеть, как первая их шеренга синхронно вскинула винтовки и выстрелила залпом. Взметнулось облако порохового дыма, чуть с запозданием донесся громовой раскат залпа, и все отступавшие попадали на землю — кто убитый, кто раненный, а кто и просто перепуганный до смерти. Затем до замершего в непонимании Шализара донесся многоголосый боевой клич.

— Бабер-хан! — воодушевленно воскликнул Гордон.

Опять небрежность Стражей Ступеней обернулась для них тяжелыми последствиями. Гильзаи успели подняться по неохраямой лестнице как раз вовремя, чтобы перестрелять посланных на замену дезертирам часовых. Когда число поднявшихся на плато воинов

перевалило за полсотни, Гордон забеспокоился. Все новые и новые шеренги гильзаи расходились по плато в обе стороны от лестницы. Вот их уже человек сто, вот — почти двести. Когда же на плато оказалось больше трехсот вооруженных кхорских солдат, Гордон был вынужден признать себе в том, что Лал Сингх, по всей видимости, не смог передать им новый план атаки. Он живо представил себе сцену, разыгравшуюся в каньоне в тот момент, когда Бабер-хан и его всадники подошли к условленному месту и не обнаружили там Аль-Борака. Гневная вспышка эмоций со стороны Яр Али-хана и молчаливое, но весьма красноречивое согласие Бабер-хана бросили горцев на немедленный, фактически не подготовленный штурм лестницы, ведущей на плато. Пойти в бой, начать штурм, почти ничего не зная ни о противнике, ни о его крепости — если не считать уверенности в том, что противник захватил в плен или даже убил одного из лучших друзей племени! Конечно, это в характере мятежного Бабер-хана и его подданных! Благородство, граничащее с безумием, вполне вписывалось в знакомые Гордону схемы поведения диких афганских племен. О судьбе же Лала Сингха ему оставалось лишь догадываться.

В Шализаре мертвое оцепенение первых мгновений сменилось лихорадочной деятельностью. С крыш донеслись предупреждающие крики, вооруженные люди забегали по улицам. Известие о штурме города разнеслось со скоростью молнии и почти мгновенно достигло дворца и его парадного двора. Гордон знал, что Конашевский немедленно поднимется куда-нибудь под купол, чтобы лично выяснить, что происходит на подступах к городу. Через минуту над дворцом и садом действительно разнесся громкий голос казака, расторопно и толково готовящего оборону. Разрушение стены прекратилось, покинули солдаты и навес-укрытие.

Вскоре на дворцовый плац стали со всех сторон стекаться люди. Они бежали от ближайших ко дворцу домов, из садов и из-за хозяйственных построек при

дворце. Несколько бежавших курдам удалось подстрелить, но никто не обратил внимания на эти потери. Гордон на всякий случай искал глазами Ивана, хотя прекрасно понимал, что казак не настолько глуп, чтобы высунуться из дворца с той стороны, которая простреливалась из башни. Через какое-то время долговязый казак мелькнул в просвете между домами, но слишком далеко, чтобы можно было рассчитывать попасть в него или его спутников — отделение лучших арабских стражников, возглавляемое закованным в боевые доспехи Махмудом ибн Ахмедом. Вслед за командиром по улицам Шализара быстро и, что удивительно, достаточно слаженно промаршировали хорошо вооруженные, даже как-то подтянуто выглядящие исмаилиты. Шли они колоннами, представляя каждой группой то или иное племя или народ. По всей видимости, Ивану удалось вбить в головы своих головорезов хотя бы основы цивилизованного военного искусства.

Поначалу колонна шализарцев проследовала по главной улице города, ведущей к лестнице, словно намереваясь встретить нападающих в открытом бою на гладком, как стол, плато. Но, подойдя к окраине города, его защитники проворно рассыпались по обе стороны дороги и заняли оборону в садах, за земляными заборами и в крайних домах.

Афганцы все еще находились слишком далеко, чтобы разглядеть, что происходит в городе и на подступах к нему. К тому времени, как они подошли на достаточно близкое расстояние, улицы и сады уже выглядели абсолютно безлюдными. Гордону же с его наблюдательной позиции были отлично видны фигуры шализарцев, скрытно занявших оборону на крышах, чердаках и в садах у края города. Винтовки исмаилитов зловеще поблескивали в лучах восходящего солнца. Афганцы шли прямо в ловушку, но Гордон ничем не мог им помочь.

Один из курдов подошел к бойнице, посмотрел в нее, пожал плечами и стал поправлять сползшую с

раны на запястье повязку. Затягивая зубами тугой узел, он спросил американца:

— Это и есть твои друзья, Аль-Борак? Они же просто глупцы! Они сами лезут в адское пекло, сами идут на заклание...

— Сам вижу, — огрызнулся Гордон, сжав кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

— Я знаю, что будет дальше, — сказал другой курд. — Как-то раз, дежуря во дворце, я слышал, как Багила объяснял офицерам план обороны города в случае прорыва противника на плато. Видишь тот сад, у самого города, к востоку от дороги? Там засели полсотни стрелков. Среди цветущих персиковых ветвей можно разглядеть, как блестят стволы их ружей. Через дорогу от него — другой сад. Он называется египетским. Там тоже засели в засаде пятьдесят отличных стрелков. Ближайший к саду дом — крайний по улице — тоже битком набит солдатами, как и первые три дома по другой стороне улицы.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — раздраженно буркнул Гордон. — Разве я сам не вижу, как эти шакалы залегли на крышах и засели за углами домов?

— Слушай дальше, Аль-Борак, — невозмутимо продолжил курд. — Те, кто засел в садах, не будут открывать огонь, пока твои афганцы не пройдут мимо них и их первые шеренги не окажутся между домами на главной улице. Вот тогда-то будет подана команда начать стрельбу одновременно: с крыш, из окон, из подвалов и из-за заборов — по голове колонны, а из обоих садов — по флангам и тылу. Готов поспорить, что из-под такого перекрестного огня уйти не удастся почти никому.

— Если б я только мог предупредить их! — почти простонал Гордон.

Первый курд вздохнул и показал рукой в сторону дворца, откуда по-прежнему, хотя и намного реже, доносились выстрелы, вслед за которыми в стены и железные ставни башни ударялись пули.

— Багила ни за что не оставил бы нас без стражи, — заметил курд. — Человек двадцать, если не больше, по-прежнему караулят башню и выход из нее. Сунься мы отсюда — и нас перестреляют раньше, чем мы добежим до середины сада.

— Господи! Неужели мне суждено так и просидеть здесь, глядя на то, как расстреливают моих друзей, не имея возможности предупредить их об опасности?!

На могучейшее Гордона запульсировали напряженные вены, глаза американца налились кровью. Он напрягся, сжался как пружина, как пантера, готовящаяся к прыжку из башни на другой конец города. Вдруг, заметив какие-то изменения на плато, он прильнул к бойнице и воскликнул:

— Смотрите! Афганцы рассыпаются широкой цепью и подходят к городу, стараясь использовать все возможные укрытия. Нет, Бабер-хан — хитрый старый волк! Это Яр Али-хан кинулся бы сломя голову в город, система обороны которого ему неизвестна. Но Бабер-хан не позволит себе такого безрассудства.

И это было абсолютной правдой. За свою жизнь Бабер-хану довелось повоевать столько, сколько едва ли выпадает на долю среднего племенного вождя в Афганистане. Одно то, что мятежный вождь до сих пор оставался в живых, уже говорило о его полководческом таланте, интуиции и благоразумии. Вот и сейчас чутье старого вояки заставило его повнимательнее присмотреться к слишком уж безлюдным улицам и огородам Шализара. Наверное, насторожила Бабер-хана и стихнувшая стрельба на другом конце города: ведь эхо этой перестрелки звучало над котловиной в течение всего времени подъема кхорцев по гигантской лестнице. А может быть, острый взгляд Бабер-хана заметил блик солнечного луча на одном-другом винтовочном стволе засевших на крышах исмаилитов. Во всяком случае, три с лишним сотни его воинов, развернувшись широким полукольцом, замедлили наступле-

ние и, укрываясь за камнями и в оросительных каналах, стали обстреливать окраины города.

С крыши и из окон крайних домов раздались ответные выстрелы — обманчиво редкие, но те, кто занял позиции в садах, не выдали себя ни единым движением, ни единым неосторожным выстрелом. Слабый отпор обороняющихся был явно рассчитан на то, чтобы спровоцировать нападающих на стремительное наступление.

— А это еще что? — воскликнул вдруг Гордон и громко выругался, поняв, что именно означало увиденное им.

А заметил он, как на центральную улицу повыскакивало человек сто шализарцев, резво бросившихся вперед, изображая контратаку. Курды, стоявшие рядом с Гордоном, понимающе покивали головами.

— Все рассчитано верно, — вздохнул один из них. — Немного постреляв и раззадорив твоих друзей, шализарцы начнут отступать. Но не родился еще афганский солдат, который удержался бы от искушения догнать убегающего противника. Гильзаи, увлекшись погоней, забудут об осторожности и сами прибегут в расставленную для них ловушку.

Ближайшая часть цепи афганцев находилась всего в нескольких сотнях ярдов от городских садов. Контратакующие едва вышли из-под прикрытия деревьев, как их встретил ураганный огонь гильзаи. Не меньше полутора десятков исмаилитов попадали на дорогу. Продержавшись ровно столько, чтобы дать два ответных залпа, они стали постепенно отступать к городу, отстреливаясь уже беспорядочно. Количество трупов, оставшихся на дороге и обочинах, свидетельствовало о том, что шализарцы были готовы дорого заплатить за окончательную победу.

Воодушевленный боевой клич афганцев прокатился над плато, когда шализарцы, сломав строй, стали беспорядочно отступать к городу, чтобы спрятаться за домами и заборами. Все получилось именно так,

как предсказывали курды, и чего так боялся Гордон: гильзаи повыскакивали из-за укрытий и, стреляя на ходу, помчались к городу, словно пылающие злобой и яростью демоны войны.

С двух сторон выскакивали они на дорогу, и единственное, что удалось сделать Бабер-хану, — на бегу заставить их собраться в более или менее компактную группу, не растянутую в длинную пунктирную линию мелких группок и одиночных бойцов. Для этого вождю пришлось немало покричать, обрушить на своих воинов все мыслимые проклятия, а порой — и кулаки или приклад винтовки.

Самые расторопные гильзаи отставали от убегавших всего на сотню ярдов, когда те, промчавшись между садами, оказались в городском квартале. Гордон до боли сжал кулаки и челюсти. На его глазах афганцы пересекали границу садов, с каждой секундой все глубже залезая в расставленную для них ловушку.

Но здесь в отлаженном маневре исмаилитов произошел какой-то сбой. Позднее Гордон узнал, что дело было в ярком тюрбане одного из шализарцев, обладатель которого неосторожно высунул голову из-за садовой ограды, выдав Бабер-хану придуманную Иваном засаду. Вождь, от зоркого взгляда которого ничто не ускользало, заметил яркое пятно и метким выстрелом влепил пулю прямо в лоб неосторожному шализарцу. Умирая, тот судорожно нажал на курок своей винтовки. Раздался выстрел. Напряжение в боевых порядках исмаилитов было столь велико, что у многих сидевших в засаде не выдержали нервы. Вслед за первым в саду раздалось множество выстрелов, произведенных произвольно — без команды — и не прицельно. Дальше последовала цепная реакция. Сначала раздался залп из сада на восточной стороне, выдавший тех, кто прятался в засаде, а затем, не понимая, что происходит, стрелки в домах и на крышах открыли беспорядочную стрельбу по наступающим. Слишком велико было напряжение воинов Отмана, которые, как и афганцы, не

обладали хорошей выдержкой. Захлопнувшаяся раньше времени ловушка произвела обратный эффект — деморализовала и запутала обороняющихся.

Два десятка афганцев упали на землю при первом же залпе, но в ту же секунду Бабер-хан среагировал на сложившуюся ситуацию единственным спасительным образом. Неожиданно обрушившийся на его воинов шквал огня остудил их слепую ярость и азарт, словно ведро ледяной воды, выплеснутое в лицо. Афганцы замерли, но, прежде чем паника охватила отряд, Бабер-хан громогласно призвал к вниманию своих воинов и, мгновенно сориентировавшись, повел их в атаку — штурмовать стену, окружавшую огород, и выбивать оттуда противника. Гильзай с колыбели призывали слепо, не спрашивая ничего и не требуя никаких объяснений, следовать за вождем. Вот и сейчас, под градом свинца, косящим их ряды, они все как один пошли вслед за Бабер-ханом.

Залп в упор из-за ограды оставил на обочине целую шеренгу неподвижных и корчащихся в конвульсиях тел, но остановить атаку гильзай уже не смог. Переметнувшись через невысокий забор, как цунами через прибрежную дамбу, они смели засевших на краю восточного сада шализарцев. Превосходя обороняющуюся полусотню в несколько раз, действуя огнем, прикладом и клинком, воины Бабер-хана быстро очистили сад от противника, а затем открыли яростную стрельбу по саду через дорогу и по ближайшим городским домам.

Так в течение одной минуты изменился весь ход боя. Не менее сорока афганцев осталось лежать на дороге на подступах к Шализару, но, заплатив такую цену, Бабер-хан сумел вырваться из уже захлопывавшейся ловушки, грозившей смертью всему его отряду.

Теперь гильзай были неплохо прикрыты ограждающей сад невысокой стеной и растущими в нем фруктовыми деревьями. Шквальный огонь, который вели по ним с крыш и из сада, едва ли был эффекти-

вен. В саду были прокопаны оросительные каналы, полные воды, многие фрукты на ближайших деревьях уже созрели. Имея возможность утолить жажду и — частично — голод, гильзаи смогли бы удерживать свою позицию несколько дней, если, конечно, противник не стал бы пытаться выбить их оттуда, атакуя в лоб.

С другой стороны, отряд Бабер-хана все же попал в почти безвыходное положение: взять город, стреляя из-за укрытия, гильзаи не удалось бы, но при этом любая попытка перебраться через ограду сада обошлась бы им слишком дорого — обороняющиеся вели огонь прицельно, с близкой дистанции. Штурмовать город оказалось невозможно, как невозможно было и отступить назад, к лестнице. Выйдя на плато, они опять же оказались бы на гладкой равнине под плотным винтовочным огнем. Даже если кто-то и сумел бы добраться до края плато, за время спуска по огромной лестнице исмаилиты спокойно, словно в тире, перестреляли бы отступающих. Постоянный обстрел с крыш мало-помалу сокращал бы численность отряда, долгое лежание и ползание по траве не способствовало бы повышению боевого духа гильзаи. В итоге мощная атака с двух сторон смела бы кхорских воинов, как недавно сами они смели тех, кто сидел здесь в засаде.

В это самое время, когда люди, пришедшие сюда, чтобы спасти Аль-Борака, вступили в тяжелый, почти безнадежный бой с хитрым и безжалостным, численно превосходящим их противником, сам Аль-Борак беспомощно метался от бойницы к бойнице, запертый в дворцовой башне. Словно тигр в клетке, ходил он из угла в угол; руки его то сжимались в кулаки, то произвольно тянулись к винтовке или рукоятке сабли. Азиза, забившись в угол, с опаской следила за ним. Курды тоже хранили молчание.

Пули, вонзавшиеся в стены башни, бесили Гордона. Всем было ясно, что стрелки вовсе не пытаются поразить таким образом какую-либо цель, просто-напросто так они не давали осажденным забыть, что баш-

ня и прилегающее пространство находятся под прищелом. Их предупреждали, что им следует сидеть взаперти и ждать, пока Иван Конашевский расправится с их приятелями, засевшими в саду на окраине Шализара, а затем вернется и уже в свое удовольствие займется ими. Кровавая пелена повисла перед глазами Гордона. Казалось, еще чуть-чуть — и его сердце или нервы не выдержат, и он либо рухнет замертво, либо совершит какой-нибудь безрассудный поступок.

Аль-Борак даже не заметил, как один из курдов спустился вниз, на первый этаж башни, зато его возвращение вывело Гордона из напряженного, полубессознательного состояния. Еще бы — с горящими глазами, прыгая через три ступеньки, курд взлетел по лестнице и почти закричал:

— Сагиб! Сагиб, там... — Дыхание его перехватило от избытка чувств. — ...Я спустился, чтобы поискать чего-нибудь попить или поесть, а там... под ковром, который я приподнял, чтобы посмотреть, нет ли под ним тайника с драгоценностями — старая солдатская привычка, сагиб, — так вот, там оказалось большое медное кольцо в полу. Я потянул за кольцо и открыл хорошо замаскированный люк, из-под которого куда-то вниз уходят ступеньки. Там темно, и я уже не стал...

Последние слова курд произнес, обращаясь уже лишь к своим товарищам и к Азизе. Сам же Гордон, выйдя из транса, громадными прыжками, словно пантера, слетел по лестнице, не забыв, однако, прихватить с собой коробку спичек из запасов, имевшихся на верхнем этаже. Распластавшись на полу, он как мог глубоко опустил в люк руку с зажженной спичкой, всматриваясь в темноту потайного туннеля. Дождавшись, пока догоревшая спичка не погасла у него в руке, он обернулся и сказал спустившимся вслед за ним курдам и девушке:

— Подземный ход ведет в сторону дворца, и, скорее всего, выход из него находится где-то в дворцовых помещениях. Знай Иван о существовании этого тун-

неля, он давно пустил бы в него своих людей, чтобы взять нас неожиданной атакой с тыла.

Похоже, у Отмана все же были кое-какие секреты, которые он хранил даже от Ивана, не доверяя ему целиком и полностью, особенно — в вопросах своей личной безопасности. Скорее всего, об этом подземном ходе из дворца в башню знал только сам шейх и его безъязыкие рабы-суданцы. А значит — вряд ли кто из оставшихся в живых знает о его существовании, и еще менее вероятно, что кто-то остался караулить выход с другого его конца, рассчитывая подстеречь нас там.

— Мы, кстати, тоже не знаем, в каком именно месте дворца находится второй выход из этого туннеля, — напомнил один из курдов.

— Согласен, — кивнул Гордон. — Но попытаться все же стоит. Это наш единственный шанс.

На всякий случай он поднялся вместе с курдами на верхний этаж, чтобы оценить обстановку, поглядев в щели бойниц, и не пропустить каких-нибудь неожиданных маневров оставленных Иваном часовых. Обведя глазами маленький отряд — трех курдов и хрупкую девушку, Гордон объявил свой план:

— Я рассчитываю на то, что этот подземный ход приведет нас во дворец, причем в ту его часть, что не кишит сейчас стражей и слугами шейха. Вообще сейчас во дворце не должно быть много народу, а те, кто остался, наверняка торчат в фасадных окнах, пытаясь разглядеть, что происходит на подступах к городу. Кое-кто, наверное, продолжает следить за башней, но в любом случае все они сейчас целиком поглощены тем, чем заняты. Во всяком случае, лучше рискнуть столкнуться с превосходящими силами противника во дворце, чем сидеть здесь и беспомощно ждать, когда Иван штурмом возьмет башню и изрубит нас на куски.

Если нам удастся добраться до дворца и при этом нас не перехватит на выходе оставленная Иваном засада, то мы попытаемся пробраться к туннелю, где остался Юсуф ибн Сулейман. Ждать там уже некого, но

он-то об этом не знает. Итак, если мы туда доберемся, я отправлю вас, ребята, вместе с девушкой прочь из дворца, в лабиринт и дальше — за окружающий плато хребет.

В нескольких словах он обрисовал путь от тюремной стены к пролому в пещере, выходящему на дальний склон хребта.

— Но, сагиб, мы не хотим оставлять тебя здесь, — в один голос заявили курды.

Усталость и раны давали о себе знать. Лица курдов были угрюмы и измучены, грязь и пороховая гарь покрывали их толстым слоем, но они даже не пытались соскрести с кожи эту корку. Тем не менее их слова были полны искренности и убежденности.

— Вы должны подчиняться моим приказам, как покаялись, — напомнил им Гордон и, увидев, что Азиза проявляет признаки несогласия, добавил: — Это, кстати, всех касается. Далее: как добраться до Кхора, вы знаете. Тем гильзай, кто остался на страже города, скажете тот же пароль, что я передал Юсуфу ибн Сулейману. По ущельям за стеной можете идти спокойно. Джинн мертв, хотя, говоря по правде, никакой это был не джинн, а всего-навсего здоровенная обезьяна, существо из плоти и крови. Так вот, добравшись до Кхора, постарайтесь связаться с семьей Азизы в Дели. С вами щедро рассчитаются за то, что вы вернете ее домой.

— Пусть подавятся своими деньгами! — сплюнул один из курдов. — Достаточно индусы покупали и подкупали нас на свои вонючие деньги. А кроме того — мы больше не шакалы шейха Аль-Джебаля, ворующие людей и возвращающие их за выкуп. Но сейчас нас больше волнует твоя судьба, Аль-Борак. Что ты собираешься делать, оставшись здесь один?

— После того как вы углубитесь в лабиринт и отойдете на безопасное расстояние, я попытаюсь выскользнуть из дворца незамеченным и пробьюсь к афганцам. Бабер-хан и его люди пришли сюда лишь затем, чтобы помочь мне. Теперь они погибают один за

другим. Я не могу покинуть их, даже если у меня есть шанс спастись. Это дело чести.

Курды невесело, но понимающе кивнули головами. Поступить точно так же требовал и их кодекс чести. Другое дело, что не у каждого хватило бы мужества исполнить свой долг — тем большее уважение вызвало у них решение Аль-Борака.

— Я сказал вам все это на тот случай, если мы станемся или я погибну до того, как мы проникнем к тюремной двери. Теперь каждый из вас знает, что делать. Если что-то случится — поступайте так, как я вам сказал: забирайте Юсуфа и уходите к Кхору. А теперь — вперед!

Соорудив из подручных материалов импровизированные факелы, они спустились в подземный туннель. Он оказался на удивление хорошо отделан и даже украшен резными каменными панелями на стенах. Пол был выложен мраморными плитками, потолок — довольно высокий — выполнен в виде полукруглого свода. Туннель шел прямо, как стрела, и, когда, по расчетам Гордона, они оказались уже под центральной частью дворца, узкая крутая лестница вывела их к какой-то бронзовой двери. Даже долго и напряженно прислушиваясь, Гордон не уловил с противоположной стороны двери ни единого звука. Взяв оружие наизготовку, американец осторожно надавил на дверь, слегка приоткрыв ее. Тишина. Никто и ничто не отреагировало на легкое шуршание петель. Гордон и его спутники выбрались в пустую комнату, в которой эта бронзовая дверь представляла собой одну из декоративных панелей на стене. Прикрыв ее за собой, Гордон услышал, как где-то в стене щелкнула скрытая пружина. Замок захлопнулся, а как открывать его со стороны комнаты, не знали ни Аль-Борак, ни курды, ни Азиза. Итак, в этом направлении путь к отступлению можно было считать отрезанным.

Дверь из комнаты, прикрытая с обеих сторон шторами, выходила в один из дворцовых коридоров —

похоже, абсолютно пустых. Гордон, приоткрыв эту дверь, долго прислушивался, но ни один звук не нарушал тишину дворца, если не считать треска винтовочных выстрелов где-то неподалеку. Видимо, это продолжали вести предупредительную стрельбу по уже опустевшей башне оставленные Конашевским часовые. Гордон не удержался от улыбки: как воин, разведчик, тактик и стратег он не мог не порадоваться тому, что немалое количество врагов сейчас сосредоточенно караулили «запертых в башне», в то время как те уже оказались во дворце, за их спинами.

— Азиза, ты можешь определить, где мы сейчас? — спросил Гордон.

— Да, сагиб.

— Тогда води нас в ту комнату, где мы впервые встретились с тобой, туда, куда выходит потайная лестница из тюремного коридора. Надеюсь, никого не надо предупреждать, что идти нужно как можно тише. Нас слишком мало, и скрытность — наш верный союзник, да и единственный шанс уцелеть. Хотя, разумеется, я понимаю, что шансов быть обнаруженными у нас немного. Рабы и слуги-мужчины сейчас наверняка сидят на крыше или даже выбрались на окраину города, чтобы посмотреть, как идет бой. Те, кто умеет держать оружие, я уверен, уже проникли в боевые порядки, чтобы принять участие в перестрелке. Женщины же, слуги и «феи» из райских садов сидят сейчас в своих комнатах, дрожа от страха. Не удивляюсь, если многие из них еще и заперты на замок хозяевами и мужьями. И все же — осторожность не помешает.

Расчеты Гордона оправдались. Не встретив никого, они прошли вслед за Азизой по дворцовым помещениям и довольно скоро оказались в уже знакомой американцу комнате. Тревогу во дворце никто не поднял. Каково же было удивление и негодование Гордона и курдов, когда из-за двери, ведущей на потайную лестницу, до них донесся гул множества голосов и топот множества ног, торопливо шагающих по ступенькам.

Все это оказалось настолько неожиданным, что ни Гордон, ни курды не успели выскочить из комнаты обратно в коридор и вскинули винтовки, чтобы встретить противника огнем. Отступить было некуда, оставалось вступить в бой, по всей видимости — последний.

Дверь распахнулась, и ствол винтовки американца уперся в грудь человека, оказавшегося на пороге. На мгновение они оба замерли...

— Сагиб! — раздалось вдруг с лестницы.

— Лал Сингх! — воскликнул Гордон. Курды с изумлением воззрились на огромного сикха, который длинными могучими руками обнял и крепко прижал к себе их сагиба, их командира, их повелителя, которому они дали клятву на верность и жизнь которого были готовы защищать ценой своих жизней. Но тут, успокоив их, из-за плеча сикха показался Юсуф ибн Сулейман, изрядно смахивавший в своем арабском одеянии на заблудившегося в катакомбах горного демона. Вслед за ним в комнату один за другим ввалились, набив ее до предела, полсотни воинов с винтовками и ятаганами, на вид — дикари дикарями.

— Я подумал, что ты... погиб, — сказал Гордон чуть дрогнувшим голосом.

— И это было бы заслуженным концом для меня, — сокрушенно вздохнул Лал Сингх, — потому что я не смог выполнить твое задание. Сагиб, я должен был добраться до Ущелья Призраков раньше, чем туда подойдут гильзай. Поначалу все шло хорошо: у подножия западного склона хребта, окружающего плато, я обнаружил старую караванную тропу, одну из тех, что некогда проходили через эти горы, соединяя Персию с Индией. Эта тропа поворачивает на север, вслед за склонами хребта, и выходит к каньону где-то в миле от того места, где находится карниз с потайной дверью, которую ты сумел обнаружить.

По дороге идти было легко, но в конце пути я решил сократить расстояние и начал спускаться по обрыву напрямик. В какой-то момент я подвернул ногу,

не сумел удержаться и сорвался вниз, ударившись головой о камень. Наверное, несколько часов я пролежал без сознания. Когда же я, придя в себя, спустился в каньон, солнце уже высоко стояло над горизонтом и воины Бабер-хана давно миновали тот потайной проход в скале. Я наткнулся на оставленных ими лошадей, которых охраняли несколько подростков. Они и рассказали мне, что гильзай едва не погубили коней бешеной скачкой всю ночь напролет. Добравшись до потайного карниза, Яр Али-хан взобрался на него при помощи твоей веревки с крюком и убил часового, не успевшего даже понять, что происходит, а не то чтобы поднять тревогу. Видимо, эти ассасины настолько уверовали в свою безопасность и в неуязвимость их тайной крепости, что даже твое неожиданное появление в городе посчитали случайностью, из-за которой не смогли повышать бдительность или усиливать охрану подступов к плато. Да и кто бы мог подумать, что вслед за тобой к Шализару придет целый отряд афганцев, жаждущих отомстить за тебя.

Мальчишки-пастухи дали мне веревку и помогли взобраться на карниз. Последовав за гильзай, я услышал стрельбу. Сначала я подумал, что они обстреливают охрану лестницы с окрестных скал, но потом по звуку перемещавшейся перестрелки понял, что они уже поднялись на плато и штурмуют город. Пока я прислушивался, пытаюсь определить, что происходит на плато, и проклиная себя за то, что не смог выполнить задание и вовремя предупредить Бабер-хана, в каньоне вдруг показались эти пятьдесят всадников, скакавших по следам гильзай. Это воины племени вазиров, которое из-за своей малочисленности было бы обречено на истребление эмиром или другими соседями, если бы Бабер-хан не позволил им обосноваться неподалеку от Кхора. Так вазирь смогли построить свою деревню под прикрытием более сильного города, а Бабер-хан приобрел верных и благодарных ему по гроб жизни союзников. Прознав о том, что гильзай

срочно вышли в поход, вазирьы поспешили вслед за союзниками — помочь в бою и, если удастся одержать победу, поучаствовать в дележе добычи. Я решил, что лучше всего будет привести их сюда, сагиб, как ты приказывал привести во дворец главные силы Бабер-хана. По крайней мере, так я смогу хоть частично, хоть с опозданием, но все же выполнить твой приказ. Мы пересели на уже успевших отдохнуть лошадей гильзани, двигаясь почти все время по старой дороге, довольно быстро подошли сюда. Лишь последнюю милю до пролома в стене пещеры нам пришлось пройти пешком, поднимаясь по склону. В лабиринте джинна нас никто не видел и, скорее всего, не заметил. Дверь в дворцовую тюрьму, как ты и обещал, нам открылась. Встретил нас этот курд — Юсуф ибн Сулейман, переодетый арабом, который назвал твой пароль. Вот вкратце и все, сагиб. Я здесь, перед тобой, и жду твоих приказов, как и те, кто пришел со мной.

— Все ясно, ребята, — потер руки Гордон. — Работа, достойная мужчин, здесь найдется для всех.

— Что тут творится, сагиб? — спросил Гордона предводитель вазирьов, который повел своих людей за сикхом, потому что знал, что тот — друг и помощник попавшего в беду Аль-Борака. — По пути мы все время слышали стрельбу, но, естественно, ничего не видели. Курд, открывший нам дверь в подвал, знает о том, что происходит наверху, не больше, чем мы.

— Бабер-хан захватил и удерживает сад и северную окраину города, — ответил Гордон и, наскоро описав топографию поля боя, сказал: — По пути я подробнее опишу вам ход сражения и нашу задачу, а сейчас — не будем терять времени. Нужно начинать действовать.

Затем обернулся к курдам:

— Вы, ребята, делайте то, что вам было приказано. Вазирьы объяснят вам, где они оставили лошадей.

Прервавшись, чтобы вождь мог дать им необходимые пояснения, американец продолжил:

— Скачите в Кхор и ждите нас там. Если сражение закончится не в нашу пользу, я требую, чтобы вы, прежде чем освободиться от связывающей вас клятвы, исполнили мой последний приказ: доставить Азизу домой или передать ее в руки родителей. Все ясно?

Курды молча кивнули. По выражению их лиц Гордон понял, что они костыми лягут, чтобы выполнить его волю. Азиза прильнула к нему, но на эмоции, слезы и даже на короткое прощание времени не было. По знаку Гордона курды подхватили девушку и бережно, но настойчиво повлекли ее за собой, в зияющую черноту потайной лестницы.

Через мгновение их силуэты уже скрылись в темноте подземелья.

* * *

— А мы теперь будем выбираться из дворца, причем так, чтобы максимально облегчить положение Бабер-хана, — объявил Гордон вазирам. — Если мы просто промчимся по центральной улице и пробьемся в сад, где гильзаи и так сидят, словно в капкане, то этим мы едва ли заметно улучшим ситуацию. Поэтому я считаю, что нам лучше всего попытаться проникнуть в сад, находящийся по другую сторону от дороги. Если мы освободим от шализарцев обочину и захватим крайние дома, к которым этот сад прилегает вплотную, то сможем блокировать с фланга любую атаку на позиции Бабер-хана и избавим его от обстрела со стороны дороги. Таким образом он получит возможность отхода или другого маневра, а там... там видно будет. А сейчас — вперед, за мной!

Гордон бросился вперед, вдоль по коридору, по которому накануне Муса вел его в зал, где его уже ждал Иван Конашевский. Пятьдесят воинов-вазирова следовали за ним. Странное зрелище представляли собой эти свирепые люди в рваных одеждах среди роскошных дворцовых интерьеров.

Они пристально и подозрительно оглядывали все вокруг, на бегу не забывая заглянуть за двери и шторы, чтобы избежать неожиданного нападения и не дать уйти живым никому из слуг или придворных, которые могли бы поднять тревогу. При этом все внимательно прислушивались к доносившейся с окраины города перестрелке — то затихавшей, то вспыхивавшей с новой силой. Гордон повел свой отряд в тот зал, откуда ему удалось бежать накануне, нокаутировав казака и, благодаря прикрытию Лала Сингха, увернувшись от пуль стражников. Все двери были открыты, портьера, перекрывавшая выход на балкон, по-прежнему валялась на полу, сорванная Гордоном во время бегства. В ажурной решетке балкона зиял незаделанный пролом. Здесь американец на секунду задержался, чтобы пояснить Лалу Сингху и вазирам некоторые детали своего плана. Дикие воины завороченно слушали каждое слово, произносимое Аль-Бораком, будто им довелось внимать голосу какого-то мифического героя, полубожества-получеловека.

— Видите, как расположены сады: к западу от городской черты они идут сплошным массивом, прерываемым лишь невысокими каменными заборами. Деревья и кусты хорошо разрослись, и если мы будем передвигаться, пригнувшись или кое-где даже ползком, то вполне вероятно, что из домов нас не заметят. Скорее всего, мы сумеем скрытно добраться до окраины египетского сада, потому что исмаилиты сейчас внимательно следят за тем, что происходит в другой стороне. Сколько их в египетском саду — я точно не знаю, но думаю, что внезапная атака с тыла опрокинет их. Кто не будет убит нами, побежит в город, подставляя себя под пули гильзаи. Нам важнее всего, чтобы сад был очищен от противника. А теперь — вперед: спрыгиваем с балкона и бежим через сад вон к той стене. С этой стороны дворец никто не охраняет.

Один за другим вазир последовали за Аль-Борак и Лалом Сингхом. Перемахнув через внешнюю

дворцовую стену, они оказались на голой каменной равнине, подходившей к дворцу с этой стороны. Недалеко отсюда начинался овраг, в который угодил Гордон, упав со стены вместе с убитым им стражником. Завернув за угол, вазирь стремительным броском пересекли открытое пространство, отделявшее их от границы первого сада из тех, что сплошным полукольцом окружали Шализар.

Перестрелка на другом конце города стала еще более яростной. Сотни винтовок вели беглый огонь, и у Гордона аж мурашки пробежали по коже при мысли о том, какой густой свинцовый дождь поливает сейчас позиции, занятые солдатами Бабер-хана. Такой ураганный огонь не мог не принести своих кровавых результатов, несмотря на все умение афганских горцев максимально использовать любую складку местности, любой камень, любое углубление в качестве укрытия. Но этот грохот, по крайней мере, прикрывал приближение его отряда. Во-первых, в таком шуме никто не услышал бы звука шагов пятидесяти человек, со всех ног бегущих по садам, чтобы вступить в бой. А во-вторых, в азарте такой напряженной перестрелки вряд ли кто-нибудь из исмаилитов будет обращать внимание на то, что происходит в тылу, — тем более что опасаться им, по общему разумению, было некого и нечего.

Видимо, все так и получилось. Никто не заметил пробирающихся вдоль западной ограды садов вазиров. Никто не поднял тревоги, и они, осторожно пригибаясь и стараясь ступать как можно тише, постепенно приближались к своей цели — дальнему от дороги забору, отделявшему египетский сад от других пригородных садов.

Чем ближе к северной оконечности центральной улицы подходили вазирь, тем больше становилась вероятность того, что их обнаружат. Но внимание противника, на их счастье, было целиком и полностью поглощено тем, что происходило в противоположном направлении — по ту сторону дороги, за забором вос-

точного сада и за стенами крайних городских зданий. Ни Гордон, ни его спутники, радующиеся чрезмерной увлеченности противника боем и подходившие все ближе и ближе, не знали, что события вот-вот начнут развиваться с невероятной, ураганной скоростью. Бой неумолимо приближался к кульминации.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ ПОСЛЕДНЯЯ СХВАТКА

Иван Конашевский, руководивший боем с крыши третьего от края города здания, уже понял, что без мощной лобовой атаки ему не удастся выбить афганцев из сада у самых стен Шализара. Казака раздирали сомнения: продолжить обстрел противника, рассчитывая изрядно потрепать и обескровить его, было соблазнительно, но оставлять многочисленный отряд в непосредственной близости от города на ночь было рискованно. Обреченные гильзаи могли под покровом темноты предпринять решительную атаку. А кроме того, Иван не был уверен в том, что афганцам на помощь не подойдут другие отряды. Тогда ему пришлось бы действовать на два фронта, отправив немалую часть своих подчиненных оборонять лестницу, ведущую на плато. К тому же какое-то чутье подсказывало ему, что опасность может исходить и от Гордона, который хоть и был накрепко заперт в башне, все же мог каким-нибудь дьявольским маневром перехитрить оставленных на страже стрелков и устроить какую-то гадость в тылу. Конашевский, опытный, храбрый солдат, не боялся встретиться с американцем в поединке один на один, но его изрядно беспокоило то, насколько падет моральный дух его солдат, если они вдруг обнаружат, что небезызвестный им Аль-Борак в очередной раз обвел вокруг пальца их командира и подтвердил таким образом приписываемое ему магическое бессмертие. Хватит и того, что один раз он уже сбежал из дворца,

при этом основательно заехав Ивану по физиономии, затем расправился с обезьяной, сумел вновь вернуться во дворец и убить шейха (о чем, признаться, Иван не сожалел). Хватит подвигов на долю этого американца. Гораздо спокойнее чувствовал бы себя Конашевский, если бы твердо знал, что Гордон ни в чем не сможет нарушить его планы. А планы эти он должен был увязывать еще и с тем, что его подчиненные, хоть и истинные фанатики-убийцы, не были настоящими солдатами, подготовленными к длительной обороне. Чтобы приободрить их и — упаси Бог — не дать им пропустить афганцев в крайние дома города, откуда тех будет выбить куда труднее, чем из сада, он уже распорядился выдать исмаилитам виски и первую порцию гашиша.

Итак, вопреки всем правилам тактики и его собственному опыту, Иван решил отказаться от долгого, многочасового обстрела противника с целью нанесения ему возможно большего урона и немедленно штурмовать вражеские позиции — пусть и ценой namного больших потерь со своей стороны. Пример гильзai, стремительно захвативших этот сад, показывал, что невысокую изгородь и узкую полосу деревьев невозможно удержать, если противник действует быстро, внезапно и численно значительно превосходит обороняющихся.

Оставив на крышах и в окнах домов несколько десятков стрелков и приказав им вести как можно более плотный огонь, чтобы Бабер-хан не заскучал, а его солдаты не смели высунуться из-за стены, Конашевский собрал основную часть своих боеспособных воинов — человек чeтыреста — на сравнительно просторной площадке между третьим и четвертым зданиями вдоль главной улицы с восточной стороны, куда не залетали шальные пули отстреливающихся афганцев. Он отрядил сотню бойцов под руководством самого надежного из офицеров и приказал им обойти противника с востока, чтобы в нужный момент ударить по

нему с фланга. Сам же казак повел за собой остальные три сотни обкурившихся, изрядно выпивших исмаилитов в лобовую атаку — прямо по центральной улице, в направлении юго-западного угла занятого афганцами сада,

Казак понимал, что стены домов будут прикрывать его подчиненных до последних сотен футов и лишь после этого его люди попадут под огонь противника. Он отдавал себе отчет в том, что, преодолевая это открытое пространство, его отряд понесет большие потери. Тем не менее он рассчитывал, что, несмотря на все усилия стрелков-гильзай, достаточное количество шализарцев сумеет добежать до ограды и выбить засевших за ней афганцев. А потери... человека всегда можно заменить. Жизнь в этих горах никогда не была чем-то священным, и правители здесь сорили жизнями подданных, словно мелкой разменной монетой. Иван был готов пожертвовать тремя из каждых четырех своих бойцов ради достижения полной, безоговорочной победы над вторгшимся в его владения противником.

По знаку Конашевского двенадцать монголов протрубили в гигантские бронзовые трубы сигнал к атаке. Этот страшный рев буквально оглушил Гордона и вазиров, как раз в этот момент подобравшихся к неохраямой западной стене египетского сада. Вазеры как раз наводили винтовки на спины исмаилитов, сидевших у восточной ограды, обстреливающих занятый афганцами сад и слишком занятых этим делом, чтобы думать о чем-либо еще. На миг этот чудовищный рев парализовал вазиров, а в следующую секунду прямо за сигналом послышался многоголосый вой толпы и из промежутка между двумя крайними домами на открытое место перед входом в сад хлынул поток разъяренных, разгоряченных наркотиками и алкоголем, увешанных оружием людей.

Одновременно с этим стрелки, оставленные на крышах, произвели синхронный залп — казалось, что мир раскололся и земля провалилась туда, где в пре-

исподней демоны и черти ведут свои бесконечные битвы.

В этот миг все зависело от одного-единственного, но мгновенно принятого и правильного решения. Права на ошибку или промедление не было. И Гордон успел оценить ситуацию, среагировать на нее и найти это единственно верное решение, как несколькими часами раньше столь же стремительным порывом Бабер-хан спас свой отряд от неминуемой гибели. Оглушенные стрельбой, ревом труб и боевым кличем исмаилитов, вазирь не смогли бы расслышать его приказ, но они прекрасно поняли намерения американца, вскинувшего винтовку и приставившего приклад к плечу. Они тотчас же последовали его примеру.

Первый залп вазирь, выведший из строя более двух десятков исмаилитов, оказался никем не замеченным в этом грохочущем аду. Погибшие ассасины ткнулись лицами в землю, так и не успев понять, что за смерть подкралась к ним с тыла. Второй залп окончательно расчистил позицию у ближней к дороге ограды египетского сада. В мгновение ока ее занял отряд Гордона. Раненые шализарцы были добиты, тела мертвых брошены под ноги или откинута за ближайшие кусты. Стрелки на крышах и в зданиях, продолжавшие азартно палить поверх голов наступающих товарищей, так и не обратили внимания и не поняли, что произошло в египетском саду.

Вазирь еще только подбегали к своей новой позиции, когда атакующая толпа исмаилитов выскочила из-за прикрывавших ее домов и бросилась в сторону восточного сада. Атакующих встретил мощный прицельный залп — гребень стены, за которой держали оборону афганцы, вспыхнул огненными флагами, а затем покрылся сплошной полосой порохового дыма. Практически вся первая шеренга атакующих была поражена этими выстрелами, дорога оказалась усеяна трупами, по которым пронеслись, затаптывая их, остальные шеренги исмаилитов. Иван рассчитывал, что

набранная инерция движения поможет его подчиненным преодолеть шок от первого разящего залпа, но даже его фанатикам-наркоманам были ведомы страх и чувство самосохранения. На миг атака приостановилась, кое-кто из шализарцев даже обернулся и стал прикидывать, не лучше ли отступить.

Но в этот момент посланная Конашевским сотня ассасинов добралась до восточной стены сада и обнаружила, что она не охраняется. Слишком сильным был лобовой штурм, отбивая который гильзаи все как один бросились к юго-западному углу садовой ограды. Именно на это и рассчитывал Иван, но он не учел, что ветви плодовых деревьев очень густые, и его людям пришлось стрелять сквозь стену ветвей и листья в основном вслепую. Вот почему залп из сотни винтовок, хоть и раздавшийся внезапно, не был столь эффективным, как того ожидал Конашевский.

Однако этот залп заставил гильзаи вздрогнуть и оглянуться. И в тот самый момент, когда их огонь ослаб, обезумевшая толпа исмаилитов, издав душераздирающий вопль, понеслась вперед и неудержимой волной перекинулась через отделявшую ее от афганцев преграду. И тотчас же, понимая, что ждать нельзя ни секунды, отряд Гордона открыл огонь по этой несущейся в атаку толпе. Десятки шализарцев пали от пуль, посланных им в спины меткими залпами засевших в саду вазиров, но, увы, остановить атаку уже ничто не могло. Ревущая волна ассасинов схлестнулась со строем воинов Бабер-хана. Винтовки, оказавшиеся стволом к стволу с оружием противника, были разряжены в упор. Далеко не все, кто остался в живых после этих залпов, успели вновь передернуть затворы. В ход пошли приклады, взметнулись в воздух и опустились на головы первых жертв сверкающие клинки сабель, коротких прямых мечей и полумесяцев ятаганов. Началась рукопашная схватка. Люди падали друг на друга, скатывались на дорогу и падали по противоположную сторону стены, атакующие и защищающиеся смеша-

лись и с каждой секундой все больше углублялись в боевые порядки друг друга. Иسمайлиты, попирая ногами своих мертвых и раненых, сплошной волной захлестнули стену сада — задние с непреодолимой силой напирала на спины передних. Словно воинственные духи или черти, прыгивали они со стены, и на месте тех, кто погиб или же пошел дальше вперед, немедленно поднимались и прыгивали в сад другие. Эта разогретая дурманом орда казалась бесконечной.

Вазирь из своей засады продолжали вести огонь. Никем не обстреливаемые, они спокойно целились, и их пули собрали в задних рядах и с фланга шализарцев богатый урожай смерти. Но наступавшая толпа настолько разъярилась, настолько оказалась увлечена азартом сражения, что походила на обезумевшего от ярости бойца, который столь поглощен желанием убить противника, находящегося у него перед глазами, что не ощущает, как кто-то другой раз за разом вонзает нож в его спину.

Сотня иسمайлитов, зашедшая афганцам в тыл, преодолела заросли кустов и вступила в ближний бой с гильзаи. И на этом краю сада взметнулись в воздух клинки, опустились на раскалываемые черепа тяжелые приклады, сталь зазвенела о сталь. Вазирь Гордона, не в силах преодолеть в себе витавшее в воздухе помешательство, покинули свою надежную позицию в саду, чтобы, в последний раз выстрелив во врага в упор, обрушиться на него с тыла, пустив в ход приклады и ятаганы. Стрелки-шализарцы, оставшиеся на крышах, понимая, что в таком яростном крутовороте они рискуют в равной мере поразить как чужих, так и своих, бросили свои позиции и помчались туда, где кипела рукопашная схватка, рассчитывая, что именно их помощь окажется решающей и вместе они сумеют переломить ход сражения в пользу защитников города.

Старая стена, опоясывавшая сад, представляла собой просто аккуратно сложенные, ничем не скрепленные стопки камней. Наступил момент, когда стена

не смогла выдерживать многотонные нагрузки живой и мертвой человеческой плоти с обеих сторон. Во многих местах она обрушилась, погребая под собой тех, кто лежал у ее основания. И тогда потоки противников, которые вспенивались с каждой стороны преграды, смешались и превратились в единый, кипящий кровью и ненавистью водоворот.

Теперь на поле боя не было намека на порядок, ничей план уже не мог быть выполнен, как бы хорош он ни был. Никто не смог бы исполнить ничьи приказы, и ни у кого не было времени и возможности отдавать их. Все превратилось в одну гигантскую бойню: лицом к лицу, глаза в глаза, клинок к клинку, люди рубили, кололи друг друга, били прикладами, наносили удары кулаками и впивались друг в друга зубами. Это пропитанное кровью месиво дерущихся людей заполнило весь сад, перехлестнуло через придорожную канаву, вытекло на дорогу и гладкое пространство, отделявшее позицию афганцев от городских домов. Стрельба почти прекратилась, уступив место звону стали. Патроны в магазинах кончились практически у всех, а остановиться, чтобы перезарядить оружие, не было никакой возможности — любое промедление обрекало человека на мгновенную смерть, делая его, неподвижного, легкой мишенью для клинка или приклада. Численно силы противоборствующих сторон почти сравнялись — шализарцы понесли большие потери. Исход боя не был известен никому. Все висело на волоске, и было бы непростительно глупо хоть на миг задержаться, чтобы построить самый приблизительный прогноз: ведь именно в этот момент, именно сил одного этого бойца могло не хватить для решающего перелома. Каждый участник сражения был слишком занят тем, чтобы уберечь свою шкуру и голову, исхитрившись при этом непременно отправить на тот свет ближайшего соседа из лагеря противника. Никому не было дела до того, что происходит в нескольких шагах от него, а уж тем более — до того, как развивается сражение в целом.

Даже Гордон, чей мозг обычно, пусть и в гуще яростного боя, оставался кристально ясным и работал как часы, понятия не имел о том, как идет бой в целом и в чью сторону склоняется чаша весов. Бесчисленное множество личных кратких сражений вытеснило из его головы все мысли о стратегии, тактике, судьбах империй и тайнах горных общин.

Как опытный воин, американец не тратил понапрасну силы и не пытался перекрикивать грохот и вопли, отдавая приказы, которые все равно никто не услышит, а если и услышит — то не будет в силах исполнить. Все командирские права и привилегии сейчас не имели смысла, как и тактический талант полководца. Исход боя решался теперь перевесом одной грубой силы над другой в огромном количестве единоличных противостояний сражающихся людей. И раз уж ты оказался в этом водовороте, в этом тайфуне, раз уж некому и незачем теперь отдавать приказы, раз уж нет возможности вырваться отсюда, чтобы взглянуть на бой со стороны и оценить перспективы, нужно делать то, что остается возможным, а именно — постараться расколотить как можно больше вражеских черепов, надеясь таким образом повернуть колесо фортуны в свою сторону.

Гордон запомнил, как разрядил в последний раз винтовку, выстрелив в упор в оскаленное лицо кого-то из исмаилитов. Затем, перевернув оружие стволом к себе, он начал молотить прикладом, как дубиной. Он бил, бил и снова бил, мир вокруг него покрывался кроваво-красной пеленой, и порой Гордону казалось, что он уже не помнит себя, не помнит, зачем он здесь и что ему нужно в этом аду. В мозгу действовали только механически работающие отделы, отвечающие за реакцию, наблюдение и волевое усилие, заставляющие усталые мышцы вновь и вновь заносить оружие для удара.

Он знал, не осознавая своего знания, что Лал Сингх сражается бок о бок с ним. Так же — рядом, почти вплотную — дрался Юсуф ибн Сулейман. А за

ними вели каждый свой бой все те вазирьы, кто оставался в живых до сих пор. Не видя их, Гордон лишь спиной ощущал их присутствие да ловил на слух особый свист их ятаганов, рассекавших воздух.

И тут, совершенно неожиданно, как тает туман под покровом утреннего ветерка, напряжение боя стало спадать. Сплошное клубящееся месиво человеческих тел стало распадаться на отдельные группы и пары. Гордон понял, что одна из сторон начинает сдавать. Кое-кто из сражающихся даже повернулся спиной к противникам и попытался было скрыться с поля боя. Преждевременно, отметил про себя Гордон, видя, как вонзаются в спины первых ослабевших клинки тех, кто еще находил в себе силы и ярость, чтобы сражаться. Пожалуй, к удивлению даже самого Гордона и Бабера-хана, сдавать начали шализарцы, чей боевой настрой, видимо, во многом зависел от количества дурмана в голове. А дурман начал сейчас выветриваться, открывая прояснившимся глазам весьма пугающую картину боя с далеко не гарантированной победой. Без наркотика боевой пыл исмаилитов оказался слабее дикой ярости горцев, знавших, что поражение для них означает неминуемую и страшную, под пытками, смерть. А кроме того, несмотря на все старания Ивана Конашевского превратить исмаилитов в некое подобие армии, в целом они оставались просто толпой разноязыких, разноплеменных изгоев, отбросов общества, привыкших в уголовном, разбойничьем мире действовать, рассчитывая лишь на себя и не доверяя даже самому близкому другу или родному брату. Поэтому им и не доставало подсознательно-рационального единства и чувства локтя, свойственных любому воинственному племени афганских гор.

Но перелом не мог произойти сразу и бесповоротно. Если по краям поля боя сражение начинало утихать, распадаясь на отдельные стычки, то в центре превратившегося в пропитанное кровью глиняное месиво сада оно кипело с прежней силой и даже разго-

ралось вновь, особенно там, где, организовав круговую оборону и прижавшись спинами к деревьям, отбивали все атаки и даже переходили в контрнаступление лучшие воины Шализара.

Именно туда повел Гордон остатки своего отряда, сумев собрать вазиров в единую плотную группу, на пути которой разбегались в стороны разрозненные исмаилиты. Впереди замелькали сверкающие на солнце доспехи стражников-арабов; Юсуф ибн Сулейман издал какой-то гортанный выкрик и метнулся в ту сторону, где поверх тюрбанов колыхался в воздухе украшенный пышным плюмажем, сверкающий позолотой шлем.

Затем и сам Гордон разглядел своего заклятого личного врага. Иван Конашевский, голый по пояс, словно заведенный, лихо размахивал казачьей шашкой, удерживая на расстоянии клинка полудюжину гильзаи. Три афганца лежали под его ногами сейчас, и одному Богу было известно, жизни скольких еще оборвались под взмахом этой дьявольской шашки. Бок о бок с казаком арабские стражники в железных латах и крепкие, почти квадратные монголы в плотных кожаных панцирях вели бой с воинами Бабер-хана. Вазирь, ведомые Гордоном, ураганом влетели в самую гущу этой кровавой схватки.

Только сейчас Гордон впервые увидел Яр Али-хана. Афридий, на голову возвышавшийся над окружавшей его толпой, дико оскалившись, свирепо отмахивался мечом и кинжалом от наседавших противников. Чуть поодаль вел бой и сам Бабер-хан: и залитый с ног до головы кровью, он спокойно, но зло орудовал саблей. Гордон решил пробиваться к Конашевскому.

Увидев приближающегося американца, казак захохотал, сверкая полубезумными глазами. По груди Гордона текла кровь — прикрывая одного из вазиров, он получил удар кончиком палаша шализарца, немедленно погибшего после этого от сабли Лала Сингха. Приклад винтовки Гордона потрескался и был измазан кровью и запекшимися на нем мозгами.

— Иди сюда и умри, Аль-Борак! — хохоча, проорал Иван, и Гордон приготовился броситься в атаку, раскрутив над головой оружие, порожденное западной цивилизацией и вновь низведенное в этих диких краях до дубины.

— Нет, сагиб, подожди! Держи! — крикнул Лал Сингх и ткнул в руку Гордона рукоять своей залитой кровью сабли.

Аль-Борак разогнулся, взмахнул саблей, потрянул головой, чтобы прочистить мозги, и пошел на Конашевского так, как двинулся ему навстречу и сам Иван — взорвавшимся клубком похожих на молнии сабельных ударов. Сойдясь вплотную, американец и русский завязали бой, подобный казачьему поединку, когда удары сыплются один за другим настолько часто, что глаз наблюдателя не успевал отследить их. Казалось, время вернулось на триста лет назад, на поединок запорожских казаков в Запорожской Сечи, ниже порогов Днепра по течению...

Вокруг двух лидеров, двух командиров, сошедшихся в смертельной поединке, образовалось кольцо тяжело дышащих, истекающих собственной и перемазанных чужой кровью бойцов, позабывших о своей адской работе. С удивлением и ужасом смотрели они на бой двух сынов Запада, решавших в этом бою, как подсознательно понимали все зрители, судьбу Востока, судьбы их родных стран и их личные судьбы...

Вздых изумления и даже краткий стон пронесся над полем боя, когда Гордон, вдруг оступившись, на миг потерял контакт своей сабли с клинком шашки Ивана.

Казак победно вскрикнул, взмахнул шашкой и... ощутил острие сабли Гордона в своем сердце еще до того, как понял, что американец сумел его обмануть. Он тяжело повалился на землю, вырвав при этом саблю из рук Гордона. Смерть настигла Конашевского раньше, чем он коснулся телом каменистой земли. На губах казака застыла горькая усмешка над самим собой.

Гордон сделал шаг вперед, чтобы выдернуть саблю из мертвого тела, но тут в тишине, на время повисшей над плато Шализара, прогремел одинокий выстрел. Аль-Борак нагнулся, словно собираясь преклонить колени перед покойным, и вдруг повалился на него всем телом, заливая лицо казака и землю вокруг хлынувшей из раны на голове кровью. Он уже не слышал прокатившегося над полем боя сначала жалобного, а затем яростного воя афганцев, преисполнившихся благородной мести и готовых зубами разорвать глотки своих противников...

* * *

Придя в сознание, Гордон ощутил, что не чувствует своего тела. Он не чувствовал ни рук, ни ног и ужаснулся своей незащищенности. Казалось, его окружает одна лишь черная мгла — без звука, без света, без запахов. Затем в этой черной вате зазвучали голоса. Далекие, невнятные и тихие поначалу, они становились громче и отчетливее, по мере того как сознание прояснилось. Мало-помалу он стал различать голоса и узнавать их. Даже в полубессознательном состоянии Гордон весело отметил про себя, что громче всех голосит Яр Али-хан. Оказалось, что великан-афридий не просто кричит. Нет, он плакал, выл, заливался слезами, и причем без тени стыда за свое не достойное мужчины поведение.

— Ай-яй-яй! Ой-ей-ей! Ох-ох-ох! — голосил афридий. — Он умер! Он погиб! Его мозги вылетели, вылетели через ту страшную дыру в черепе! О, мой брат! О, величайший из воинов мира! О, король всех нас, смертных! О, великий Аль-Борак, погибший за орду этих жалких ублюдков — горцев-гильзаи! На кого ты меня покинул?! За что сложил свою голову?! Да один лишь кончик ногтя с твоего мизинца стоит больше, чем все чертово племя этих головорезов-конокрадов, спустившихся с Гималаев, пропади они все пропадом вместе со своим Бабер-ханом!

— Да заткнешься ты или нет? — ворвался в сознание Гордона другой голос. — О Аллах! Ты видишь, что он жив? Жив, тебе говорят! Шайтан тебя подери! Да как тебе не совестно оскорблять нас, гильзай? Десятки моих воинов геройски погибли в этом бою.

Так это Бабер-хан! Гордон с некоторым усилием заставил себя воплотить ощущения в мысли, а мысли облечь в слова.

— Да чтоб все они передохли, твои гильзай, и ты вместе с ними, и я тоже!!! — продолжал завывать Яр Али-хан. — Ай, чего бы я не отдал за то, чтобы сохранить жизнь моему Аль-Бораку!

— Заткнись, болван! — рявкнул на него кто-то, и Гордон, порывшись в памяти, узнал голос Лала Сингха. — Разнылся, как бык на бойне. А ну-ка живо, подай мне бинт... Говорю тебе в десятый раз — эта рана не смертельна. Пуля только оцарапала череп и контузила Аль-Борака, на время лишив его чувств (да покарает Аллах того ассасина, кто нажал на спусковой крючок).

— Аллах Аллахом, однако я сам расколол череп этому шайтанову отродью, — не без гордости сообщил Яр Али-хан. — Но смерть этого шакала, увы, не вернет жизнь нашему дорогому Аль-Бораку! Ах, мой сагиб! Эй ты, сикх, держи бинт. Да смотри, перевязывай аккуратнее. Эх, нет у вас, сикхов, сердца. Твой друг и брат лежит перед тобой мертвый, ну, пусть даже умирающий, а ты — хоть бы слезу уронил, что ли... Нет, ты просто насмехаешься над моим горем! Клянусь Аллахом, если бы не это горе, обессилевшее меня, я бы заставил тебя прослезиться — уже над своей собственной судьбой, бесчувственный чурбан!

К этому моменту Гордон настолько пришел в себя, что стал ощущать боль. Особенно сильно болела голова, которую сейчас бережно и ловко поддерживали и бинтовали чьи-то сильные, умелые руки, приложившие к самому больному месту что-то мокрое, приятно холодившее. Черная пелена вдруг спала с его глаз, и он увидел озабоченные лица старых верных друзей и союзников.

— Сагиб! — радостно воскликнул Лал Сингх. — Бабер-хан, смотри, он открыл глаза! Али-хан, если бы тебя не ослепили твои дурацкие слезы, ты мог бы убедиться, что горячо любимый тобой (и ничуть не меньше — всеми нами) Аль-Борак жив и пришел в сознание.

— Сагиб! Сагиб! — Радостный вой, вырвавшийся из могучей груди афридия, оглушил Гордона, усилив боль в его раскалывающейся голове.

Гордон приподнял голову и был вынужден сжать зубы и зажмурить веки, чтобы выдержать боль, пронзившую мозг. Переждав, пока приступ пройдет, он заставил себя вновь открыть глаза и оглядеться. Оказалось, что он полусидит-полулежит в углу сада, прислонившись к основанию стены. Над ним нависают ветви персикового дерева, листья которого яркими зелеными пятнами вырисовываются на фоне неба, а нежные лепестки на распустившихся цветках наполняют воздух дивным тонким ароматом. Впрочем, последнее он, видимо, уже домыслил, потому что в следующую секунду ему в нос ударил резкий запах крови, пороховой гари, пота и грязных тел. Эта вонь мгновенно оживила в памяти воспоминания обо всем, что происходило с ним за последние двое суток, начиная от отъезда из Кабула в Кхор и кончая поединком с Иваном Конашевским.

После оглушительного грохота кровопролитного сражения сейчас на плато было как-то странно и непривычно тихо. Единственным посторонним звуком, доносившимся до слуха Гордона, были стоны раненых, мучившихся от боли где-то неподалеку от него. К тому же в его голове постоянно что-то шумело и гудело — видимо, это как-то было связано с пронзающей мозг болью.

— Что произошло? — произнес он тихо, почти одними губами. — Иван... мертв?

— Мертв, как только может быть мертв человек, в сердце которого вогнали острое сабли, — радостно доложил Лал Сингх. — Да сам шайтан обманулся бы, попавшись на трюке, которым ты подловил казака. У

меня тоже душа в пятки ушла, когда я увидел, как ты остушился. Потом, спустя секунду, один из мерзавцев-исмаилитов выстрелил в тебя из-за деревьев. Но к тому времени шализарцы уже выдохлись, а наши афганцы, наоборот, разъярились как львы, увидев, что ты сражен вражеской пулей. Никто не смог бы устоять против порыва, с которым они набросились на исмаилитов и стали добивать их. А эти хваленые ассасины — шакалье племя — бросились врассыпную... Я имею в виду тех, кто еще мог куда-нибудь броситься, не будучи сраженным тут же, на месте. Сейчас гильзай вылавливают последних из них на улицах города, на самых подступах к дворцу.

Гордон повернул голову и улыбнулся Бабер-хану: — Я боялся, что ты погибнешь в этом бою.

В ответ вождь мятежного племени гильзай тоже расплылся в улыбке. Его борода слиплась от крови, вытекшей из пореза на шее, а правая нога вся была обмотана бинтами выше колена. Бабер-хан, видимо не в силах стоять, сидел напротив американца, опершись спиной о ствол дерева.

— Ну, положим, пулю в бедро я получил, — кивнул вождь. — Но это дело поправимое. Скоро все затянется. А вот за тебя мы здорово переволновались, решив, что ты погиб.

— Ха! Ты слышал их, сагиб? — Яр Али-хан погладил бороду и закатил глаза. — Я спрашиваю, ты слышал, что говорят эти старые трусливые бабы? Эх, жаль, жаль, что ты не слышал, как они выли и причитали над тобой, мысленно похоронив тебя раньше времени — живехонького и здоровехонького! Ну, что я говорил? Разве я не требовал от вас прекратить эти недостойные настоящих мужчин завывания? Разве не говорил я вам, что не отлита еще пуля, способная пробить череп нашего славного Аль-Борака и вышибить ему мозги?! И в конце концов, где ваши манеры, где субординация, наконец? Может быть, у сагиба есть для нас распоряжения или приказы.

Гордон сел повыше и огляделся. Увиденное заставило напрячься даже его крепкие нервы. Все обозримое пространство представляло собой сплошную кроваво-глиняную массу, густо усыпанную мертвыми телами. Трупы лежали повсюду, как опавшие листья осенью, где — собранные в небольшие кучи, а где — в несколько слоев устилая дно арыка или перепаханную ногами землю между деревьями. За обрушившейся стеной, из-под которой торчали частично погребенные ее камнями останки погибших, виднелась дорога, столь же густо усыпанная трупами как защитников Шализара, так и тех, кто штурмовал город.

— Господи! — пробормотал Гордон и на миг потерял дар речи.

Затем, встрепенувшись, он распорядился:

— Бабер-хан, пошли кого-нибудь к своим войнам... Яр Али-хан, иди и ты тоже. Скажите солдатам, чтобы они прекратили резню. Хватит смертей на сегодня. Пусть берут в плен тех, кто сложит оружие и сдастся. Их нужно будет запереть в каком-нибудь доме и приставить к ним охрану. И еще: в Шализаре много женщин, которые вовсе не по своей воле оказались наложницами и служанками этих бандитов. Я требую, чтобы с этими женщинами ничего не случилось. Передайте всем, что я лично разберусь с каждым, кто хоть пальцем прикоснется к ним. В мои планы входит вернуть пленниц в их родные города, родителям и близким.

Яр Али-хан, преисполнившийся важности от того, что именно ему доверили передать гильзаи столь важный приказ, поспешил скрыться в направлении города. На смену ему к Гордону приблизился другой человек. Это был Юсуф ибн Сулейман, сжимающий в руке сломанный трофейный палаш. Говорить ему было трудно из-за шрама, рассекшего обе губы курда, на которых пузырилась кровавая пена.

— Сагиб, — сказал Юсуф. — Мой клинок не выдержал и сломался с последним нанесенным мною ударом. Но дело уже было сделано — Махмуд ибн Ах-

мед лежит вон там — среди трупов его облаченных в блестящие доспехи псов. Больше ему никогда не удастся оскорбить ни великого Аль-Борака, ни гордого уроженца суровых гор Курдистана. Ну что, сдержал ли я свою клятву, сагиб? Выполнил ли я свое обещание?

— Конечно, Юсуф ибн Сулейман. Все клятвы и обещания исполнены. Но почему ты задаешь мне этот вопрос? Ничего другого я и не ждал от тебя, зная, что клятва — не просто слова, а слова чести, которой гордым курдам не занимать.

Юсуф глубоко вздохнул и сел по соседству, поджав ноги и положив на колени сломанный клинок.

Над полем боя все громче и жалобнее разносился стон — раненные просили воды. Опершись на плечо Лала Сингха, Гордон тяжело, преодолевая боль, встал.

— Бабер-хан, — сказал он, — нужно перенести раненных в дома и постараться помочь им, насколько это возможно. Женщины помогут вам. Я же... я уже могу стоять, ни на что не опираясь. Через несколько минут я смогу идти без посторонней помощи. Лал Сингх, Юсуф, отправляйтесь к ближайшему каналу и принесите в чем-нибудь воды.

Отправив друзей за водой, Гордон взялся за толстую ветку дерева и попытался сделать шаг. Это далось ему нелегко. Он все еще не мог избавиться от последствий ранения в голову. Ноги по-прежнему плохо слушались его.

— Знаешь, о чем я думал, сидя здесь с перевязанной ногой? — обратился к нему Бабер-хан. — Хороший городишко этот Шализар, правда? А защищать его куда легче, чем Кхор. Поставить стражу у обоих проходов в скалах да караул у лестницы и, на всякий случай, вдоль стен — и никакой эмир сюда не доберется. Я перевезу сюда женщин с детьми, и мы займем это плато. Оставайся с нами, Аль-Борак, стань вождем племени наравне со мной! С тобой вместе мы здесь такое королевство устроим — загляденье!

— Слушай, ты случайно не повредился умом от этой бойни? — грубо оборвал вождя Аль-Борак. — Разве ты не видишь, к чему привели подобные устремления тех, кто правил Шализаром, — шейха Отмана и его соправителя Ивана Конашевского? Они, между прочим, тоже затеяли строить тут, в этих горах, свое королевство. Тоже, по-моему, «загляденье».

— А что мне терять? Эмир все равно приговорил меня к смерти.

— Ну, теперь ты можешь не бояться его немилости. Любой, кто освободит эмира от страха перед кинжалом с тремя клинками, может смело рассчитывать на прощение, несмотря на все прошлые грехи. Правда, Бабер-хан! Голову даю на отсечение. А иначе, скажи мне, зачем бы я звал тебя на помощь сюда, в этот дьявольский город? Только ради собственных интересов? Ты неплохо знаешь меня и согласишься, что это не в моих правилах. Я был уверен, что если мы вместе раздавим это змеиное гнездо, то мне удастся вытребовать у эмира для тебя прощение.

Бабер-хан с облегчением вздохнул:

— У меня камень с души свалился от твоих слов, Аль-Борак. Мне и самому не нравилось жить изгоем и мятежником, но, как ты знаешь, я попал в паутину лжи, расставленную против меня моими недругами.

— Мы разорвали эти сети, вождь. Но цена за это заплачена огромная. Жаль, очень жаль, что полегло столько храбрых воинов.

— Если бы эмир пошел на нас войной, погибли бы все, все племя гильзай во главе со мной, — проворчал Бабер-хан. — Те, кто погиб в этом бою, погибли так, как полагается настоящим воинам, настоящим героям. Только о такой смерти и может мечтать настоящий гильзай. А для живых — и для семей погибших — будет богатая добыча.

— Советую тебе не слишком усердствовать в разграблении города. Разумеется, мы должны будем представить захваченное имущество офицерам эми-

ра, но учти, что я сделаю все, чтобы добиться твоего назначения здешним губернатором. Так что жечь город не в твоих интересах. Править на пожарище — гиблое дело. А так — ты только представь: вместо этих ублюдков-исмаилитов, обкурившихся гашишем, в Шализаре живут достойные граждане из разных уголков королевства... Быть губернатором такого города — это лучше, чем править в ином захудалом королевстве! Эмир, конечно, захочет вознаградить меня за участие в этом деле, но мне, как ты знаешь, ничего не нужно. Единственное, о чем я попрошу эмира, — это о том, чтобы он назначил моего друга Бабер-хана губернатором Шализара. Бабер-хан — губернатор Шализара и окрестных земель. Отлично звучит, правда?

— Твое благородство, великодушие и щедрость смущают меня, — нервно подергивая бороду, признался афганский вождь. — Но спрошу все же, что ты сам собираешься делать дальше? Аль-Борак, ты, похоже, позаботился обо всех, кроме себя.

— Сейчас я собираюсь обмыть раны этих раненых чертей, что нещадно воют от боли и жажды. Постараюсь перевязать тех, кого смогу и как сумею. Вот идут Лал Сингх с Юсуфом ибн Сулейманом, а мои ноги, похоже, вновь полностью подчиняются мне.

— Аль-Борак, мои солдаты — те, кто цели и невредим, — возвращаются из города. Пусть они помогут раненым. Ты сам чуть жив от усталости и ран, ты сражался дольше всех нас — все время бок о бок с нами и целую ночь напролет до этого.

— Ничего. Я могу быть полезен, и я могу двигаться. А значит — мое место там, где я нужен. Потом я хорошенько посплю, ничего не опасаясь, под охраной твоей стражи, а завтра на рассвете — в путь.

— Куда на этот раз, Аллах тебя сохрани?! — вырвалось у Бабер-хана.

— Сначала — в Кхор, чтобы забрать Азизу. Затем, с нею, в Кабул, чтобы уладить с эмиром все дела —

о твоём прощении и назначении на должность губернатора Шализара.

— А потом — ты вернешься сюда, в Шализар?

— Нет, я пришлю Лала Сингха, скорее всего — с почетным эскортом от эмира и с глашатаем, который объявит о твоём прощении и назначении. А сам я отправляюсь в Индию: у меня там образовались кое-какие дела, требующие незамедлительного решения.

— О Аллах! — взмолился Бабер-хан. — Неужели нет покоя твоей беспокойной душе?! Ты как сокол, появляющийся всюду еще до того, как туда долетит ветер. Скажи, что за дело влечет тебя в дальний путь в Индию?

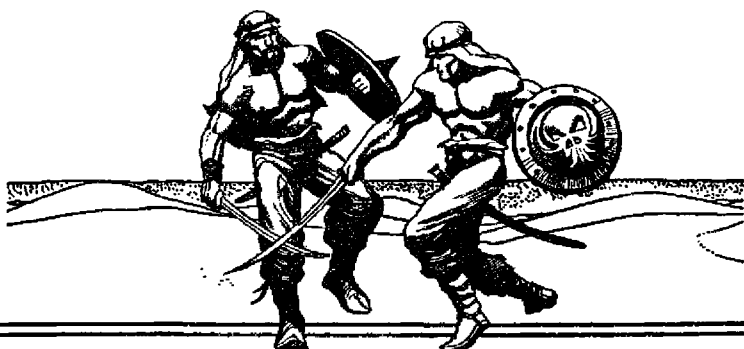
— Во-первых, мне нужно отвезти Азису в Дели, к ее родителям. Заодно повидаюсь с ее братом — это один из моих самых старых и верных друзей. Да к тому же у меня есть старые счеты с одним мерзавцем из Пешавара. Имя этого негодяя — Дитта Рам. Пора разобраться с ним — время расплаты пришло! Три года назад он убил одного близкого мне человека. Я знаю это наверняка, как знают и многие другие, но доказательств, годных для суда, мы не собрали. Один мой друг — тоже представитель британской администрации — уговорил меня не устраивать самосуд — ради его судьбы, карьеры и жизни. Три года я ждал, ждал, пока Дитта Рам совершит какую-нибудь ошибку и проявит себя как преступник. И вот он прокололся, поставив себя вне защиты закона. Теперь, сам понимаешь, пришло время сводить старые счеты.

— Аллах тебе в помощь, друг, — произнес Бабер-хан, усмехнувшись, хитро прищурился и добавил: — А еще говорят, что мы — афганцы — злопамятный, мстительный и безжалостный народ!

Вождь племени гильзай все еще покачивал головой и ухмылялся себе в бороду, а Гордон, пошатываясь, уже направился навстречу Лалу Сингху и Юсуфу ибн Сулейману, протягивая руки к кувшинам с водой, которые те несли от канала к лежащим на пропитанной кровью земле раненым.

КРОВЬ
БОГОВ

ПОЯВЛЕНИЕ АЛЬ-БОРАКА

Историю эту мне рассказали в Дели. Рассказчиком был родовитый выходец с севера, афридий, статный сильный человек с ястребиным взглядом, некто Хода-хан.

— Сагиб, не кажется ли вам странным, что Британия правит Индией, когда есть такие люди, как я? Сравните, например, себя со мною. Я могу убить вас голыми руками. А что бы вы делали, оказавшись в горах?

И все-таки ваша раса правит миром.

Нет, физическая сила ничего не значит в борьбе между народами. Есть еще что-то, нечто, не имеющее названия, что есть у Запада и нет у Востока.

Сплоченность? Да, но не только.

Ну вот, хотя бы взять случай с муллой Гасаном и мемсагиб Мэрион Саммерленд.

А правдивая ли это история? Несомненно, сагиб.

В горах по ту сторону границы, в нескольких милях от британской территории, в долине есть одно селение. Долина называется Кадар, и селение имеет такое же название. Это моя деревня, сагиб, и живут там

самые сильные и воинственные люди из племени априди¹.

Подчинялись ли мы какому-нибудь закону? Закону, установленному англичанами или эмиром? Нет. Мы грабили караваны, совершали набеги в Индию и похищали женщин у хинду и других племен, пока не появился Аль-Борак. Единственным законом для нас было слово муллы Гасана и вождя Кулам-хана, великого воина.

Так вот, будучи еще юношей, едва вступившим в пору возмужания, я и несколько молодых людей из нашей деревни как-то раз отправились к границе в надежде раздобыть у англичан винтовки. В набег пошли Яр Али, который считался лучшим воином племени после Кулам-хана, Абдулла Дин, Магомет Али и Яр Хайдер — самый старший из нас, впрочем,

Абдулла Дин был почти одного с ним возраста. Яр Али-хан, Магомет Али и я были моложе их.

Итак, уже пробравшись на британскую территорию, мы увидели молодую мемсагиб, которая ехала верхом совсем одна. Я не знаю, что заставило ее поехать в горы без сопровождения, но ведь женщины англичан всегда отличались бесстрашием и безрассудством.

— Стойте! — воскликнул Яр Хайдер. — За нее можно взять хороший выкуп. Я видел ее в Пешаваре. Она дочь полковника сагиба Саммерленда.

Тогда мы спрятались в засаде и, когда она проезжала мимо нас, выпрыгнули из укрытия. Яр Али, Абдулла Дин и Яр Хайдер бросились на лошадь, а я схватил девушку за талию и приподнял над седлом. Магомет Али помог мне, что было совсем не лишним, так как она хотя была и не сильна, но боролась, как тигрица.

Несмотря на ее сопротивление, мы связали мемсагиб руки, заткнули рот и посадили на лошадь, привязав ноги к стремянам. А затем поехали в горы.

¹ Априди — самоназвание афридиев.

Отъехав подальше, мы вынули кляп у нее изо рта, потому что англичанка была молодая и хорошенькая и нам не хотелось причинить ей вред.

Она спросила, куда ее везут, и Яр Хайдер, который лучше всех нас говорил по-английски, сказал, что мы похитили ее из-за выкупа. Она потребовала немедленно отпустить ее и начала угрожать нам британской армией, а мы только смеялись. Тогда она сказала, что отец ее не заплатит выкуп.

— В таком случае мы бросим на тебя жребий, — сказал Абдулла Дин со злой усмешкой.

Яр Али обругал его и приказал замолчать. Абдулла Дин был опытным воином и старше по возрасту, но Яр Али ничего не боялся.

На полпути к Кадару мы остановились на выступе скалы, в тени от каменной гряды, чтобы отдохнуть и поесть. Когда я снимал девушку с коня, она одарила меня таким взглядом, что я готов был бросить все и убежать в горы, но меня удержал стыд перед товарищами.

Мы развязали ее и дали поесть и попить. Она была такой хрупкой и беспомощной, что все ей сочувствовали. Все, кроме Абдуллы Дина. Он был сильным, но очень злым человеком и продолжал убеждать нас бросить на мемсагиб жребий. Мы отказались.

— Нет, клянусь Аллахом, — сказал Магомед Али. — Мы все участвовали в этом деле и честно разделим выкуп.

— Вы мальчишки, — усмехнулся Абдулла Дин, — а я мужчина. И я возьму то, что хочу.

Он вознамерился завладеть девушкой, но она ударила его по лицу так, что он отшатнулся.

— Трус! — сказал Яр Али-хан. — Попробуй, подними руку не на женщину, а на мужчину!

Яр Али и Абдулла Дин схватились. Яр Али убил Абдуллу Дина и сбросил его со скалы.

— Предупреждаю, — сказал Яр Али, вытирая кинжал, — никто из вас не смеет тронуть мемсагиб.

Но мы не собирались ее трогать, даже если бы он ничего и не говорил.

Девушка не пострадала, только испугалась. Она все плакала и просила, чтобы мы вернули ее домой. Нам было жаль ее, мы не могли видеть слезы девушки, но каждый думал о золоте, которое отец мемсагиб даст за нее. Наконец мы прибыли в деревню Кадар.

Люди спешили посмотреть, кого мы привезли. Увидев девушку, они завывали, как воет стая волков, когда долины покрываются снегом и звери подбираются ближе к деревне.

Но мы отогнали сельчан и никому не позволили ее оскорбить. Это не в обычаях племени априди. Может быть, сагиб, но мы жалели мемсагиб и восхищались ею. Мы были ее друзьями, хотя она не верила этому.

А потом появился Хумаил-хан, выступая, как великий воин, и грозно хмурясь; люди расступились перед ним.

Он смотрел на девушку, как тигр смотрит на молодую лань.

— Мы сделали глупость, что привезли ее сюда, — шепнул мне Магомет Али. Я и сам это знал, так как мы не могли противиться воле вождя.

— Откуда вы привезли девушку? — спросил Хумаил-хан.

— Стой стороны границы, — коротко ответил Яр Али.

Вождь посмотрел на нас, переводя взгляд с одного на другого.

— А где Абдулла Дин? — спросил он.

— Я убил его, — сказал Яр Али. — Я убил его вот этим ножом и сбросил со скалы.

— За что?

— Он хотел завладеть девушкой и взять ее себе. — Яр Али положил руку на рукоять ножа и посмотрел Хумаил-хану прямо в глаза. Я подумал, что вождь сейчас вытащит саблю и убьет Али, но он ниче-

го не сделал. Он в упор рассматривал девушку, и она вся сжалась под его взглядом.

— Отведите ее в мой дом, — приказал он, но мы не двинулись с места.

— У вас есть уши? — угрожающе сказал Хумаил-хан, хватаясь за саблю.

— Да, и ножи тоже, — ответил Яр Али, и я схватился за свой кинжал. Я боялся Хумаил-хана, хотя не так уж сильно, и не собирался подставлять ему спину.

Но как только вождь и Яр Али обнажили клинки и подскочили друг к другу, мулла Гасан выступил вперед.

— Мир, мир, — приказал он, и вождь шагнул назад. Даже он боялся муллы, который мог разразиться проклятием из Корана на любого, кто его оскорбит. Но Яр Али не двинулся с места, свирепо сверкая глазами, и не сделал даже шага назад.

— Не должно быть вражды в деревне Кадар, — повелел мулла. Никто не произнес ни слова, и он продолжал: — Эта женщина не должна быть причиной спора, поэтому я отведу ее в мечеть и попытаюсь обратить в нашу веру. — И я заметил у муллы Гасана такой же взгляд, какой был у Абдуллы Дина и Хумаил-хана.

Никто из нас ничего не сказал, кроме Яра Али.

— Хорошо придумано, мулла, — сказал он насмешливо, — Да, тебе бы понравилось обращать мемсагиб. Да! Руку даю на отсечение, эта девушка принадлежит мне. И Яру Хайдеру, и Ходе Хану, и Магомету Али. А мы мужчины!

Мулла заколебался. Яр Али не боялся ни человека, ни дьявола. И я был уверен, что Гасан его испугался.

Так мы стояли и смотрели друг на друга. Вождь не осмеливался завладеть девушкой, потому что он боялся муллы, а мулла не осмеливался, потому что он боялся Яра Али-хана.

Но мулла был хитер.

— Давайте отложим это дело, — сказал он. — Давайте не будем причинять никакого вреда девушке и через какое-то время решим на совете, что с ней делать.

— Нам не нужно никакого совета, чтобы это решить, — сказал Али. — С девушкой нужно хорошо обращаться, пока мы не получили за нее выкуп, а потом вернуть англичанам. И выкуп будет разделен между нами четверьмя: мною, Хода-ханом, Ярм Хайдером и Магометом Али.

— Довольно, — сказал вождь раздраженно и пошел прочь.

Мы повернулись к девушке, которая сидела на лошади в течение всего этого разговора, не понимая, о чем шел спор, но по-прежнему пребывая в испуге. Тем не менее она старалась не показывать своего страха, и мы восхищались ею.

— Вы привезли меня сюда, а сейчас что вы собираетесь со мною делать? — спросила она.

— С вами будут хорошо обращаться, пока мы не получим выкуп, мемсагиб, — ответил Яр Хайдер. — Вас доставят в мой дом, и вы будете под присмотром моих жен.

— Хорошо, — сказала она утомленно. — Пожалуйста, отвезите меня туда, я очень устала.

Из нас четверых только Яр Хайдер был женат, поэтому мы оставили мемсагиб на попечение его жен, и Яр Али угрожал им жестокой расправой, если с ней будут плохо обращаться.

А потом Магомет Али повез в форт, где находился ее отец, письмо, в котором говорилось, что его дочь похищена и будет возвращена целой и невредимой за пять тысяч рупий, четыре винтовки и пять полных матронташей. В письме (его писал Яр Хайдер, он мог писать и на пушту, и на урду) также было сказано, что, если Магомет Али сразу же не вернется, девушка будет убита. Магомет смело приехал в форт и вручил послание полковнику. Его не решились схватить, опа-

саясь, что с девушкой что-нибудь случится, а он не отвечал англичанам ни на какие вопросы.

Полковник просто взбесился. Его британская гордость была уязвлена.

— Я не заплачу им ни одной рупии! — кричал он. — Но если Мэрион не вернется ко мне целой и невредимой, я прочешу все горы и сотру ваше племя с лица земли.

— Да, — ухмыльнулся Магомет, — так ты и знаешь, где находится мое племя и моя деревня.

Полковник разразился проклятиями, потому что ни один англичанин не знал, где находится Кадар.

— Если девушку не вернут в такое-то время, — сказал полковник, — я пошлю солдат в горы.

— А если выкуп не принесут в такое-то время, — ответил Магомет Али, — мои товарищи сбросят девушку в пропасть глубиной в тысячу футов.

Полковник был взбешен, но ничего не мог поделать. Когда Магомет Али поехал обратно, следом послали лазутчиков, чтобы его выследить, но Магомет Али был горцем — он только посмеялся над ними и легко ускакал от солдат.

В это время вождем в Кадаре являлся Хумаил-хан, но были и другие, желавшие захватить власть, — Кулам-хан, Дарза-шах и Яр Хайдер. Конечно, и еще кое-кто, но эти трое считались самыми могущественными в Кадаре после муллы и Хумаил-хана.

Среди этих троих Кулам-хан был наиболее сильным, но даже он не осмеливался открыто бороться за власть, потому что остальные двое стали бы завидовать. И в любом случае двое из троих объединились бы с Хумаил-ханом против третьего — так всегда бывает на Востоке, особенно в Афганистане.

На следующий день после того, как мы похитили девушку, Кулам-хан пришел ко мне в дом и сказал:

— Ты, Яр Али и остальные вызвали ненависть Хумаил-хана и муллы.

— Кажется, так и есть, — ответил я мрачно.

— Хумаил-хан хочет ее, и мулла тоже, — продолжал он, — им хотелось бы получить и выкуп, но девушку они желают еще больше. Хумаил-хан сидит у себя в доме и проклинает муллу, но не осмеливается взять мемсагиб, потому что боится муллы Гасана. А мулла боится мести Яра Али и англичан. И еще он боится слишком нажимать на Хумаил-хана. Поэтому он строит козни. В Кадаре замышляется большой заговор.

— Вот как, — сказал я, — для чего же замышляется заговор?

— Чтобы убить соперников, — ответил Кулам Зин, глядя мне прямо в глаза, — чтобы завладеть девушкой, чтобы захватить власть.

— Так. — Я задумчиво посмотрел на него. Некоторое время мы молчали. Потом я сказал:

— Яр Хайдер — мой друг.

— Вождю нужна правая рука, — сказал Кулам-хан.

— Говори прямо, — попросил я.

— Ну что ж. — Он оглянулся, чтобы проверить, не подслушивают ли нас. — Помоги мне, и, когда я стану вождем в Кадаре, я обещаю, что девушке не причинит вреда и никто не будет оспаривать твоего права на выкуп. Я возведу тебя высоко и в совете, и на войне. Все это я сделаю, если ты вместе с Яром Али поможешь мне.

— А Яр Хайдер?

— Если он поможет мне, я обещаю ему то же самое. И Магомету Али тоже. Только ничего не говори Яру Хайдеру, чтобы он не выдал меня Хумаил-хану.

Я ничего не ответил.

— Подумай о том, что я тебе сказал, — произнес Кулам-хан, вставая. — Я верю тебе, Хода-хан, потому что ты не любишь Хумаил-хана и, кроме того, ты не похож на предателя. Что странно для априди. Скажи все это и Яру Али.

Он пошел к выходу, а я смотрел ему вслед. Он был высокий, с гордой осанкой, и носил свою саблю, как доблестный муж. Говорили, что в его жилах течет

кровь дуррани¹, и я верил этому. Кадар мог выбрать и худшего вождя, чем Кулам-хан.

Вскоре я пошел к Яру Али и рассказал ему все, что Кулам-хан сказал мне.

— Лучше бы нам ему помочь, — сказал я, — потому что вождь завладеет девушкой. Или мулла, а может быть, Кулам-хан захватит власть без нашей помощи и сам возьмет или мемсагиб, или выкуп за нее.

— Клянусь Аллахом! — вскричал Яр Али, метнув свой нож в пол. Он всегда так делал, когда был в гневе. — Я буду охранять девушку и получу за нее выкуп, несмотря на Хумаил-хана, Кулам-хана, муллу и самого дьявола. Почему я должен помогать Кулам-хану? Почему я должен помогать всякому априди? Клянусь Аллахом! Я уже давно рвусь отсюда, но выкуп мешает мне покинуть эти проклятые горы и увидеть внешний мир. Иди к Кулам-хану и скажи, что я убью Хумаил-хана, когда сам захочу, и не раньше. А когда я это сделаю, пусть Кулам, или Дарза, или шайтан становятся вождями, черт бы их всех побрал!

Я ушел, а он сидел в своем доме мрачный и снова и снова вонзал нож в пол. Станным человеком был этот Яр Али-хан.

Я не решился передавать его слова Кулам-хану, потому что боялся: ведь если заметят наши переговоры, вождь может заподозрить недоброе.

И я ничего не сказал Яру Хайдеру, зная, что он сам хотел стать вождем и не остался бы спокойно стоять в стороне, видя, как Кулам-хан берет власть в свои руки.

Но Магомету Али я все рассказал, и он сказал мне, что поможет Кулам-хану.

— Я помогу даже Дарза-шаху скинуть Хумаил-хана.

Наступил день выкупа. Отряды англичан рыскали в горах, но они не смогли найти Кадар, и мы решили, что сагиб полковник сдался и приготовил выкуп.

¹ Дуррани — крупное племенное объединение афганцев.

Замысел был такой. Мы с Яром Али тайно придем на то место, где должны оставить выкуп, и понаблюдаем за теми, кто там будет. Потом мы вернемся в Кадар и, если все будет спокойно, вчетвером — я, Яр Али, Яр Хайдер и Магомет Али — привезем девушку на место выкупа.

— Клянусь Аллахом! — сказал Яр Али людям Кадара. — Если девушку кто-нибудь обидит, я сровняю Кадар с землей. Я буду жечь и рубить и убью каждого мужчину, каждую женщину и каждого ребенка в Кадаре!

И мы покинули деревню.

Я не знаю, почему люди из племени заккахель¹ бродили так далеко от равнин и почему они так осмелели, что вторглись в страну априди, но мы узнали об их появлении, когда со стороны гор раздался ружейный выстрел. Пуля просвистела у моего лица.

Мы прыгнули за валуны и открыли ответный огонь. Но пока продолжалась эта перестрелка, ни мы им не причинили ущерба, ни они нам; однако нападавших было около десяти человек, и они подбирались все ближе и ближе, затаиваясь, перебегая от валуна к валуну и стреляя на ходу.

Вскоре один из них неосторожно высунулся, и его тюрбан оказался над камнем. После этого закка осталось уже девять.

Мы с Яром Али начали отступать, скользя от камня к камню, как и наши враги.

И вдруг, огибая большой валун, я столкнулся нос к носу с одним закка, который подбирался, чтобы ударить с тыла. У меня в руке была сабля, и я ударил его прежде, чем он смог поднять винтовку.

Тогда с диким криком другие закка бросились на нас. Когда они вышли из укрытия, Яр Али выстрелил, и враг упал. Остальные продолжали приближаться. Я

¹ Заккахель — одно из равнинных племен афридиев (хель означает клан).

увидел, как Яр Али уложил еще троих ударами сабли, а потом у меня не осталось времени смотреть по сторонам, потому что пришлось биться со здоровенным закка, который оказался свирепым воином. Сперва я думал, что их только десять, но вскоре к ним присоединились и остальные.

Клянусь Аллахом, они насели на нас, как волки на тигра!

Я с трудом защищался, и наконец закка с издевкой засмеялся, поднимая саблю, чтобы нанести удар, который должен был отправить меня к Иблису. Но когда он замахнулся, высоко в горах прогремел выстрел. Закка упал.

Яр Али прислонился спиной к валуну, отчаянно отстаивая свою жизнь. Его одежда превратилась в лохмотья, а хайберский нож был красным от крови. Четыре закка лежали у его ног.

Когда они опять пошли в наступление, снова раздался выстрел и очередной закка упал вниз лицом.

Воины кружились вокруг нас, и всякий раз, когда они приближались, один из них падал на землю.

И тогда я увидел на горе странное зрелище. По крутому склону спускался какой-то человек, европеец, одетый в костюм для верховой езды и шлем, какой надевают англичане, когда ездят верхом. Он спускался быстро, не разбирая дороги, прыгая с камня на камень, как горный козел.

Закка тоже заметили его. Они немного помедлили, огляделись и вдруг — о чудо из чудес! — повернулись и побежали прочь, как будто сам дьявол гнался за ними.

Человек спустился с горы. Мы молча смотрели на него. Он был среднего роста, худой и жилистый. Волосы черные, как и глаза. Он улыбался.

СТРАНА КИНЖАЛОВ

1

За дверью раздался крик, отчаянный, хриплый. Задышающийся голос повторял какое-то имя. Стюарт Брент, не успев налить в стакан виски, взглянул на дверь, из-за которой доносился этот вопль. Кто-то выкрикивал, задыхаясь, его имя... Кто звал его с такой неистовой настойчивостью в полночь из холла его собственной квартиры?

Брент шагнул к двери, держа в руке граненую ягтарную бутылку. Повернув ручку, он вздрогнул: не оставалось сомнений, что снаружи идет борьба, — оттуда доносилось громкое шарканье ног, звуки ударов. Затем вновь послышался отчаянный голос. Брент толкнул дверь.

Богато отделанная прихожая была слабо освещена электрическими лампами, вставленными в пасти позолоченных драконов, извивавшихся по потолку. Дорогие красные ковры и бархатная обивка мебели, казалось, впитывали этот мягкий свет, усиливая эффект нереальности. Однако борьба, происходящая перед его глазами, была так же реальна, как жизнь и смерть.

На темно-красном ковре виднелись яркие пятна крови. Перед дверью на спине лежал худощавый человек, бледное лицо которого казалось в тусклом свете восковой маской. На него навалился другой человек, уперев колено ему в грудь. Одной рукой он сжимал горло своей жертвы, а другой занес окровавленный нож.

Все произошло мгновенно. Нож опустился вниз, как только Брент шагнул в холл. Когда он замер на секунду в дверях, убийца бросил на него ненавидящий взгляд. В этот момент Брент увидел, что это был темнолицый иностранец, а его жертвой — белый человек. Древний инстинкт заставил его действовать не раздумывая. Он со всей силы обрушил тяжелую бутылку на смуглое лицо. Раздался треск разбитого стекла, незнакомец опрокинулся навзничь, а его нож отлетел далеко в сторону. Азиат моментально пришел в себя и со злобным рычанием вскочил на ноги; глаза его горели яростью, кровь и виски стекали по лицу.

На мгновение он пригнулся, будто хотел прыгнуть на Брента. Затем его взгляд дрогнул, в нем появилось что-то похожее на страх. Убийца резко повернулся и бросился бежать по лестнице. Брент изумленно посмотрел ему вслед. Все, что произошло, не укладывалось у него в голове. Он нарушил давно установленное для себя правило — никогда ни во что не вмешиваться, если это не касается его лично.

— Брент! — слабо позвал лежащий на полу раненый.

Брент наклонился к нему:

— Что произошло, дружище? Разрази тебя гром! Стоктон!

— Затаци меня в комнату. Быстро! — простонал тот, со страхом глядя на лестницу. — Он может вернуться... вместе с другими!

Брент нагнулся и поднял его на руки. Стоктон был не слишком тяжелым, а Брент, несмотря на худощавое сложение, обладал мускулами атлета. Во всем зда-

нии было тихо. Очевидно, никто не слышал приглушенных звуков короткой борьбы. Брент перенес раненого в комнату и осторожно положил на диван. Когда он выпрямился, руки у него были в крови.

— Закрой дверь! — попросил Стоктон. Брент подчинился. Затем, вернувшись назад, хмуро и озабоченно посмотрел на приятеля. Стоктон, светловолосый, среднего роста, с заурядными чертами лица, искаженными сейчас гримасой боли, разительно отличался от Брента, высокого брюнета, самоуверенного, обладающего мужественной красотой. Но светлые глаза Стоктона сверкали огнем, который стирал различие между ними и придавал раненому нечто такое, чем не обладал Брент... нечто такое, что властвовало над всем его существом.

— Тебе очень больно, Дик? — Брент достал новую бутылку виски. — Ты весь изранен, дружище! Я позову врача и...

— Нет! — Стоктон слабой рукой оттолкнул стакан. — Бесполезно. Я истекаю кровью и скоро умру, но я не могу оставить свое дело незаконченным. Не перебивай... только слушай.

Брент знал, что Стоктон говорит правду. Кровь сочилась из нескольких ран у него на груди. Брент смотрел с жалостью, как хрупкий светловолосый человек борется со смертью, железной волей стараясь задержать исчезающие проблески жизни и сохранить сознание и ясность ума.

— Я совершил большую ошибку сегодня вечером в погребке на набережной. Мне удалось кое-что увидеть... случайно стать свидетелем. А потом меня заподозрили. Я сбежал... и пришел сюда, потому что ты единственный человек, которого я знаю в Сан-Франциско. Но этот дьявол преследовал меня... и настиг на лестнице.

Кровь появилась на его мертвенно-бледных губах, и Стоктон закашлялся, отплевываясь. Брент беспомощно смотрел на него. Он знал, что этот человек

был секретным агентом британского правительства и занимался выяснением первопричин многих злоеших событий. Он умирал так же, как и жил — на своем посту.

— Это очень важно! — прошептал англичанин. — Это может повлиять на судьбу Индии! Я не могу рассказать тебе все... я скоро умру. Но есть один человек, который должен об этом узнать. Тебе нужно найти его, Брент. Его зовут Гордон... Фрэнсис Хавьер Гордон. Он американец. Афганцы называют его Аль-Борак. Я собирался к нему... Но теперь ты должен ехать. Обещай мне!

Брент не колебался. Он успокаивающе сжал плечо умирающего, и этот жест был даже более убедителен, чем его тихий ровный голос:

— Я обещаю, старина. Но где я его найду?

— Где-нибудь в Афганистане. Поезжай сразу же. Вокруг рыщут шпионы. Если они узнают, что я говорил с тобой перед смертью, они тебя убьют еще до того, как ты доберешься до Гордона. Скажи полиции, что я пьяный иностранец, раненный неизвестными, случайно забрел в твой холл, чтобы умереть. Ты никогда прежде меня не видел, и я ничего тебе не сказал перед смертью. Поезжай в Кабул. Британские чиновники значительно облегчат твой путь. Просто говори каждому из них: «Вспомни коршунов Хорал Нула» — это твой пароль. Если Гордона нет в Кабуле, эмир даст тебе эскорт, чтобы найти его в горах. Ты обязан это сделать. Теперь мир в Индии зависит от этого человека.

— Но что я должен ему сказать? — Брент был сбит с толку.

— Скажи Гордону, — простонал умирающий, борясь за еще несколько мгновений жизни. — Скажи: у Черных Тигров новый князь... они зовут его Абд аль-Хафид, но его настоящее имя Владимир Жакрович.

— И это все? — Дело принимало все более странный оборот.

— Гордон поймет и начнет действовать. Берегись Черных Тигров. Это тайное общество азиатских убийц. Поэтому будь начеку при каждом своем шаге. Аль-Борак все поймет. Он знает, где найти Жакровича... в Руб-аль-Харами... воровском притоне...

По телу Стоктона пробежала судорога; слабая искра жизни, которая едва теплилась в его израненном теле, погасла.

Брент выпрямился и в замешательстве посмотрел на умершего друга, поражаясь внутреннему беспокойству, которое заставляло Стоктона скитаться по окраинам мира, за скудную плату играя в кошки-мышки со смертью. Игра, в которой ставкой было не золото, а что-то другое, то, чего Брент не мог понять. Его сильные уверенные пальцы могли читать карты почти так же, как кто-нибудь читает книгу; но он не мог постигнуть душу таких людей, как Ричард Стоктон, которые рисковали своей жизнью в неизвестных краях, где банкометом была Смерть. Что в том, если этот человек побеждал? Как мог он измерить свой выигрыш? Кто выдаст деньги по его фишкам? Сам Брент не требовал слишком многого от жизни; он терял без сожаления, но в случае выигрыша был ростовщиком, требующим все сполна и не отказывающимся от жизненных благ. Мрачная и опасная игра Стоктона не прельщала Стюарта Брента; он всегда считал англичанина немного сумасшедшим.

Но какие бы ни были у Брента недостатки и достоинства, он имел свой свод правил, по которому жил, и готов был умереть, чтобы его выполнить. Основой этого кодекса была верность. Стоктон никогда не спасал ему жизнь, не отказывался от девушки, которую Брент любил, не выручал его из сомнительной ситуации. Они просто дружили, когда учились в университете много лет тому назад, и с тех пор встречались случайно и редко. Стоктон не претендовал ни на что, кроме старой дружбы. Но это были узы крепкие, как якорная цепь, и англичанин знал об этом, когда в от-

чаянии, предчувствуя свою гибель, полз к его двери. Брент дал ему обещание и собирался выполнить его во что бы то ни стало. Ему даже в голову не приходило, что может быть иначе. Стюарт Брент был блудным сыном из почтенного калифорнийского семейства, основатель которого в 1849 году пересек огромное пространство на фургоне, запряженном волами. Он всегда платил свои карточные долги и теперь обязан заплатить за своего умершего друга. Брент повернулся и посмотрел в окно, полускрытое шелковыми портьерами. Он жил здесь в роскоши. В последнее время ему удивительно везло. Завтра вечером в клубе, где он был завсегдатаем, планировалась большая игра в покер с богатым нефтяным королем из Оклахомы, готовым спустить все до последнего цента. А в Тиа-Хуана через несколько дней начнутся бега. Брент положил глаз на стройного гнедого мерина, который бежал, как пламя при пожаре в прериях.

Снаружи хмурился туман и каплями оседал на оконном стекле. Брент видел в тумане видения, — пророческие видения, в которых жизнь разительно отличалась от той яркой цивилизации, с которой он сталкивался в своих путешествиях по странам Востока, и совсем не была похожа на ту, что вели европейцы в азиатских городах: клубы с тенистыми верандами, бесшумнодвигающиеся слуги, приносящие прохладительные напитки, томные прекрасные женщины, белые одежды и тропические шлемы.

Вздвогнув, он почувствовал дикий старый Восток; этот запах был навеян ему из тумана, вместе с запахом крови, запекшейся на ноже. Восток, не спокойный, теплый и сверкающий яркими красками, а холодный, мрачный, дикий, где нет мира, где над законом смеются и жизнь висит на кончике кинжала. Такой Восток знал Стоктон и тот таинственный американец, которого зовут Аль-Борак.

Мир Брента был здесь, мир, который он обещал оставить ради непонятной донкихотской миссии. Он

ничего не знал о том другом опасном мире, но когда шагнул к двери, у него не было сомнений.

2

Ветер дул через покрытые снегом вершины. Пронзительный ветер, который пронизывал насквозь, несмотря на сияющее солнце.

Стюарт Брент, дрожа от холода, прищурился, глядя на этот нестерпимо яркий шар. У него не было плаща, а рубашка превратилась в лохмотья. Бесконечно долго он пытался вскрыть кандалы у себя на запястьях. Они звякнули, и человек, ехавший перед ним, выругался и, повернувшись, с размаху ударил его по лицу. Брент покачнулся в седле; кровь показалась у него на губах.

Седло натирало — стремена были слишком коротки для его длинных ног. Он ехал верхом по высокогорной тропе в середине растянувшейся цепочки из тридцати человек — оборванных людей на изможденных, с выпирающими ребрами, лошадях. Они ехали, сторбившись на своих высоких седлах, и, склонив головы в тюрбанах, покачивались в такт стуку лошадиных копыт. Винтовки с длинными прикладами висели на седельных луках. С одной стороны от них поднималась высокая скала, с другой — зияло глубокое ущелье. Кожа на запястьях у Брента была содрана ржавыми железными кандалами; он весь был покрыт синяками и ссадинами; из носа временами текла струйка крови. Он ослабел от голода и испытывал головокружение от огромной высоты. Впереди неясно вырисовывался хребет горной грады, которая маячила перед ними, как крепостной вал, в течение многих дней пути.

Словно в тумане Брент мысленно перебирал события нескольких недель, которые прошли с того времени, когда он внес на руках в свою квартиру умирающего Ричарда Стоктона, и до этого невероятного, но

все же до боли реального момента. Полный событий отрезок времени был пропастью, разделившей два мира, которые не имели ничего общего.

Он приехал в Индию на первом же пароходе, на который смог попасть. Двери чиновников открывались перед ним, как только он шептал пароль: «Вспомни коршунов Хорал Нула!» Его путь был облегчен внушительно выглядевшими документами с большими красными печатями, секретными приказами, переданными по телефону или произнесенными шепотом на ухо высокопоставленным чиновникам. Он легко двинулся на север по каналам, о которых до сих пор не догадывался, промелькнув тенью через огромную страну, перенесенный громадной машиной и поставленный посреди сцены... незаметный, полускрытый винтик империи, власть которой распространялась на полмира.

С ним беседовали усатые важные военные с медалями на груди, когда это было необходимо, а тихие люди в штатском служили ему проводниками. Но ни один из них не спросил у Брента, зачем он ищет Аль-Борака или какое послание он ему несет. Пароля и упоминания Стоктона было достаточно. Оказалось, тот был более важной фигурой в государственном механизме, чем предполагал Брент. Приключение становилось все более фантастическим по мере развития событий, пока он нес послание умершего друга, значения которого даже не понимал, к таинственному человеку, затерявшемуся среди туманных гор. Стоило ему произнести магическое заклинание, как запертые двери широко распахивались и загадочные люди любезно кланялись, ни о чем его не спрашивая. Однако на севере все изменилось.

В Кабуле Гордона не было. Об этом Брент узнал из уст не кого-нибудь, а самого эмира — человека, носившего европейский костюм, как будто он никогда не надевал ничего, кроме европейской одежды, но с пронзительным, беспокойно бегающим взглядом

правителя, который знает, что он пешка в руках сильных соперников, и нервами, истрепанными постоянной борьбой за власть. Брент чувствовал, что Гордон был скалой, о которую эмир опирался. Но ни король, ни агенты империи не могли сковать ноги или направить ястребиный полет человека, которого афганцы называли Аль-Борак — Стремительный.

Гордон исчез... Он скитался в одиночку по тем голым горам, чьи мрачные тайны давно предъявили на него права. Он мог отсутствовать месяц, он мог отсутствовать год. Он мог — эмир с неохотой допускал и такую возможность — никогда не вернуться. Горные долины были полны его кровными врагами.

Однако даже длинная рука империи не могла протянуться дальше Кабула. Эмир управлял племенами, но его власть не простиралась слишком далеко. Это была страна гор, где закон зависел от сильной руки, вооруженной длинным кинжалом. Гордон исчез на северо-западе, и Брент, несмотря на дрожь при взгляде на мрачные силуэты Гималаев, решил искать его там, не представляя себе другого пути. Он попросил у эмира и получил солдат для сопровождения, с которыми отправился в горы, стараясь следовать по тропе Гордона.

Неделю спустя после выезда из Кабула они потеряли его след. Было такое впечатление, будто Гордон растворился в воздухе. Дикие лохматые горцы утрюмо отвечали или совсем не отвечали на вопросы, свирепо глядя из-под насупленных черных бровей на нервничающих кабульских солдат. Отъехав еще дальше от Кабула, они встретили откровенную враждебность. Только однажды был получен неожиданный ответ на предположение о том, что Гордон убит. Когда они спросили, жив ли он, дикие горцы разразились хохотом.

Аль-Борак пойман врагами и убит? Разве волк может быть пойман толстозадой овцой? И снова взрыв резкого хохота, такого же грубого, как черные скалы, горевшие в жидком пламени солнца.

Брент упрямый, как его дед, много лет назад пересекавший другую пустыню, шел наугад, пытаясь взять давно остывший след и в слепой жажде риска забыв о безопасности.

Бледные от страха солдаты снова и снова твердили ему, что они далеко от Кабула и находятся в малонаселенной, мятежной и почти не исследованной области, дикие жители которой не подчиняются власти эмира и являются врагами Аль-Борака, что сами они давно бы пленили его и отвезли в Кабул, если бы не боялись гнева эмира.

Предчувствия солдат подтвердились, когда однажды прохладным туманным утром ураганный ружейный огонь обрушился на их лагерь. Большая часть их погибла при первом же залпе, грянувшем сверху из-за камней. Остальные сражались, но тщетно: лагерь был окружен горцами, которые вдруг неожиданно возникли из тумана. Брент знал, что их захватили врасплох по вине солдат, но ему не пришло в голову ни тогда, ни сейчас их проклинать. Они были как дети: как только он отворачивался, засыпали на посту. Солдаты вели неряшливый и невоенный образ жизни, с тех пор как вышли из Кабула. Они с самого начала не хотели идти, предчувствуя, чем закончится этот поход. Теперь они были мертвы, а он в плену и ехал навстречу судьбе, о которой мог только догадываться.

Четыре дня прошло с момента той резни, но ему все еще становилось дурно, когда он вспоминал об этом... Запах пороха и крови, вопли умирающих и секущие удары стали. Он содрогнулся при воспоминании о человеке, которого убил в последней схватке, разрядив револьвер прямо в бородатое лицо. Он никогда больше не будет убивать. Его затошнило, когда он вспомнил крики раненых солдат, которым победители перерезали глотки. Снова и снова Брент удивлялся, почему они его пощадили. Душевные страдания, пережитые им, были так сильны, что он хотел, чтобы его тоже убили.

Ему позволили ехать верхом и неохотно давали поесть, когда ели сами. Но еды было очень мало. Брент, никогда не знавший, что такое голод, теперь постоянно его испытывал. У него отняли плащ, и ночью он замерзал на твердой земле и ледяном ветру. Он соскучился по смерти за долгие дни езды по невероятно крупным тропам, которые поднимались все выше и выше.

Иногда ему казалось, что стоит протянуть руку — если бы его руки были свободны — и он коснется бледного холодного неба. Он был избит и измучен до такой степени, что первоначальное яростное возмущение растворилось в тупой боли, которая была вызвана скорее физическим страданием, чем сознанием несправедливости.

Брент не знал, кем были его похитители. Они не удостаивали его английской речью, но за эти дни он выучил пушту намного лучше, чем за время путешествия от Хайбера до Кабула, а потом на запад. Как многие люди, которые полагаются на свой ум, он хорошо усваивал новые языки. Однако из разговоров горцев он узнал только, что их вождя зовут Мухаммед ас-Захир и направляются они в Руб-аль-Харами.

Руб-аль-Харами! Брент впервые услышал это ничего не значащее для него слово из посиневших губ Ричарда Стоктона. Он узнал об этом городе больше, когда двинулся на север из жарких равнин Пенджаба. Это был город тайн и греха, европейцы посещали его только в качестве пленников и оставались там навсегда, потому что сбежать оттуда было невозможно. Проклятое место высоко в горах, почти мифическое, неподвластное эмиру, — город вне закона, где ветры нашептывали сказки, слишком нереальные и отвратительные, чтобы им верить даже в этой Стране Кинжалов.

Иногда сопровождавшие Брента горцы издевались над ним; их горящие глаза и мрачно улыбающиеся лица придавали злое значение насмешкам:

«Феринги¹ едет в Руб-аль-Харами!». Стараясь не ронять достоинства своей расы, он выпрямлялся и стискивал зубы, он сам удивлялся своей выносливости, приобретенной благодаря здоровой жизни и закаленной в тяжелом путешествии.

Они перевалили через вершину горы и спустились на наклонное плато, раскинувшееся перед ними на тысячу футов. Далеко наверху виднелось ущелье — перевал, через который они должны были пересечь горную гряду и к которому с трудом поднимались. Когда они взбирались по крутому склону, впереди показался одинокий всадник.

Солнце висело над острым, как нож, гребне горы на западе — кроваво-красный шар, окрашивающий небо в цвет пламени.

Всадник вдруг появился на гребне, похожий на кентавра, — черный силуэт на фоне ослепительной завесы. Внизу все повернулось в седлах. Щелкнули курки винтовок, но никто не выстрелил. Не понадобилось даже команды Мухаммеда ас-Захира, чтобы остановить воинов. Было что-то приковывающее взгляд в этой непокорной фигуре, выделявшейся на фоне заката. Голова всадника была запрокинута, грива его коня развевалась по ветру.

Вдруг черный силуэт оторвался от алого шара и двинулся вниз, к ним навстречу, и все мелкие детали стали отчетливо видны, когда он появился на затененном отроге. Это был всадник на вороном жеребце, мчавшемся вниз по крутому склону, подобно орлу; копыта коня едва касались земли. Брент, сам хороший наездник, почувствовал, как сердце замирает от восхищения при виде скакуна.

Но он забыл о коне, как только увидел всадника. Тот не был ни высоким, ни грузным; в его плечах, в мощной груди, в мускулистых запястьях чувствовалась

¹ Феринги — иностранец (искаж. англ.). (Здесь и далее прим. перев.)

варварская сила. Такая же сила сквозила в резких чертах смуглого лица и пронизательном взгляде черных глаз, сверкающих внутренним огнем, в которых отражалась неукротимая дикость и неугасимая жизнеспособность. Черная полоска усов не скрывала его твердо очерченного рта. Чужестранец выглядел щеголем по сравнению с оборванными горцами, но это было щегольство воина — от шелкового тюрбана до сапог с серебряными каблуками. Его яркий халат был подпоясан золотым наборным поясом, на котором висела турецкая сабля и длинный кинжал. Приклад винтовки высовывался из чехла у колена.

Тридцать пар глаз враждебно уставились на всадника, который, приблизившись к отряду, лихо осадил своего жеребца, поставив его на дыбы. Он вскинул руку в приветственном жесте, держась важно и независимо.

— Что тебе нужно? — проворчал Мухаммед ас-Захир, подняв винтовку и направив ее на чужестранца.

— Суций пустяк, Аллах мне свидетель! — заявил незнакомец. Он говорил на пушту с акцентом, какого Брент никогда раньше не слышал. — Я Ширкух из Джебел-Джавар. Еду в Руб-аль-Харами. Хочу к вам присоединиться.

— Ты один? — требовательно спросил Мухаммед.

— Я выехал из Герата с небольшим отрядом много дней назад. Эти люди клялись, что доведут меня до Руб-аль-Харами. Прошлой ночью они пытались убить меня и ограбить. Одного из них я прикончил. Другие бежали, оставив меня без еды и проводника. Я сбился с пути и скитался в горах всю прошлую ночь и весь этот день. Только сейчас, слава Аллаху, я увидел ваш отряд.

— Откуда ты знаешь, что мы направляемся в Руб-аль-Харами? — спросил Мухаммед.

— Разве ты не Мухаммед ас-Захир, предводитель воинов? — в свою очередь спросил Ширкух.

Афганец нахмурился; он был невосприимчив к лести и все еще не избавился от подозрительности.

— Ты знаешь меня, курд?

— Кто не знает Мухаммеда ас-Захира? В прошлом году я видел тебя на базаре в Тегеране. А теперь, говорят, ты занимаешь высокое положение у Черных Тигров.

— Осторожней болтай языком, курд, — ответил Мухаммед. — За слова иногда перерезают глотку. Ты уверен, что тебя ждут в Руб-аль-Харами?

— Какой чужестранец может быть уверен, что его там ждут? — засмеялся Ширкух. — Но на моем мече кровь феринги, а за мою голову объявлена награда. Я слышал, что таких людей привечают в Руб-аль-Харами.

— Поезжай с нами, если хочешь, — сказал Мухаммед. — Я проведу тебя через перевал Надир-Хан. Но мне нет дела, что с тобой будет у городских ворот. Я не приглашал тебя в Руб-аль-Харами и не собираюсь за тебя ручаться.

— Я никого не прошу за меня ручаться, — ответил Ширкух со злостью во взгляде, коротком и дерзком, как искра, вспыхнувшая при ударе кремня. Он внимательно оглядел Брента.

— Рейд через границу? — спросил курд.

— Этот недоумок пытался перейти, — презрительно ответил Мухаммед. — И пришел прямо в ловушку, которую мы ему приготовили.

— Что вы сделаете с ним в Руб-аль-Харами? — поинтересовался вновь прибывший. Брент с мучительным интересом прислушивался к их разговору.

— По старому обычаю города его поместят на помост для рабов. Тот, кто заплатит за него самую высокую цену, будет им владеть.

Таким образом Брент узнал о судьбе, которая ему предназначалась, и весь покрылся холодным потом, когда представил, какая жизнь ожидает его в качестве раба, истязаемого каким-нибудь негодяем в тюрбане. Он поднял голову, почувствовав на себе беспощадный взгляд Ширкуха.

Курд произнес задумчиво:

— Может быть, его судьба — служить Ширкуху из Джебель-Джавар. У меня никогда не было раба, но кто знает? Мне вдруг захотелось купить этого феринги!

Брент с удивлением подумал, почему Ширкух так уверен, что его не убьют и не ограбят в отряде Мухаммеда ас-Захира? Курд совершенно не опасался этих бандитов, признаваясь откровенно, что у него есть деньги. Вероятно, он знал, кто эти люди, знал, что они слепо выполняют чьи-то приказы и полностью подчиняются тем, кто их отдает.

Очевидно, преступление не входило в их планы. Хорошая организация и безоговорочное повиновение приказам тоже свидетельствовали, что эти люди не обычные горцы. Брент пришел к выводу, что они принадлежат к тому тайному клану, о котором его предупреждал Стоктон, — Черным Тиграм. Случайно ли он оказался в плену? Вряд ли.

— В Руб-аль-Харами есть богатые люди, курд, — проворчал Мухаммед. — Но может так случиться, что никто не захочет этого феринги и странствующий бродяга, вроде тебя, сможет его купить. Кто знает?

— Только Аллах знает, — согласился Ширкух и направил свою лошадь, чтобы встать в ряд за Брентом. Он потеснил афганца, освобождая себе место, и засмеялся, когда тот его обругал.

Отряд пришел в движение. Всадник, едущий перед Брентом, замахнулся на него прикладом ружья, но Ширкух перехватил удар. Его губы улыбались, но во взгляде сквозила угроза.

— Стой! Этот неверный, может быть, через несколько дней будет моим рабом, и я не хочу, чтобы у него были переломаны кости!

Афганец заворчал, но не стал нарываться на ссору.

Отряд двинулся в путь. Спускаясь по склону, они заметили на западе белые тюрбаны, мелькавшие среди скал. Мухаммед ас-Захир с подозрением посмотрел на Ширкуху:

— Это твои друзья? Ты же сказал, что один!

— Я их не знаю, — заявил Ширкух, вытаскивая винтовку из чехла. — Эти собаки стреляют в нас!

Тонкие языки пламени сверкнули вдалеке среди валунов, и пули прожужжали у них над головами.

— Горные собаки не хотят пропустить нас к источнику, — раздраженно проворчал Мухаммед ас-Захир. — Жаль, что у нас нет времени проучить их как следует. Не стреляйте! Нам их не достать — расстояние слишком большое.

Но Ширкух отделился от отряда и поскакал вниз к подножию горы. Полдесятка человек, покинув засаду на склоне, бросились прочь по гребню, низко пригибая и прищипывая коней. Ширкух выстрелил, затем прицелился и сделал еще три выстрела один за другим.

— Ты промазал! — крикнул Мухаммед с издевкой. — Кто может попасть на таком расстоянии?

— Нет! — завопил Ширкух. — Смотри!

Один из призраков в белом рванье взмахнул руками и повалился вперед на шею своего коня. Животное продолжало свой бег по скале с вяло болтавшимся в седле всадником.

— Далеко он так не проскачет! — торжествующе воскликнул Ширкух, возвращаясь к отряду и потрясая над головой винтовкой. — У нас, курдов, глаза как у горных ястребов!

— Стрельба в пуштунского горного вора еще не делает героем, — огрызнулся Мухаммед, брезгливо отворачиваясь от хвастуна.

Но Ширкух беззлобно рассмеялся, как человек, настолько уверенный в своей славе, что его не может задеть зависть более мелкой души.

Они спустились в широкую долину, не увидев больше ни одного горца. Уже наступили сумерки, когда отряд остановился у источника. Брент так окоченел, что не мог слезть с лошади. Его грубо стащили, связали ноги и оставили сидеть, прислонившись спиной к

валуну, однако слишком далеко от костра, тепло которого до него не доходило. В это время возле него не оказалось ни одного караульного.

Ширкух вскоре подошел туда, где пленник грыз скверные корки, брошенные ему, как собаке. Подойдя вразвалку, он встал перед Брентом, широко расставив ноги. В руке у него был железный котелок с вареной бараниной и несколько лепешек.

— Ешь, феринги! — приказал он грубо, но не зло. — Раб, у которого торчат ребра, не годится ни для работы, ни для битвы. Эти скупые пуштуны уморят голодом даже своих дедов. Но мы, курды, щедры так же, как и отважны!

Он протянул еду таким жестом, будто одаривал провинцией. Брент принял котелок без благодарности и стал жадно есть.

С тех пор как Ширкух присоединился к отряду, среди горцев возникла напряженность — он держался вызывающе и постоянно бахвалился. На него невозможно было не обращать внимания. Даже Мухаммед ас-Захир был отодвинут на второй план бьющей через край жизненной силой этого человека. Характер курда казался странной смесью жестокого варварства и безрассудной юности. В его бахвальстве было мальчишество; временами он поражал наивной простотой. Однако в его глазах не было ничего детского, и двигался он с тигриной гибкостью, которая, Брент знал, могла мгновенно перейти в смертельный бросок.

Засунув большие пальцы за пояс, Ширкух стоял и смотрел, как ест пленник. Свет от костра из сухих тамарисковых веток освещал половину его лица, другая была в тени, поэтому его взгляд казался более суровым. Неясный полусвет стер с лица мальчишеское беззаботное выражение, заменив его утрированной серьезностью.

— Зачем ты пришел в горы? — резко спросил он. Брент ответил не сразу, обдумывая неожиданно пришедшую в голову идею. Он был в отчаянном положе-

нии и не видел из него никакого выхода. Оглядевшись, он убедился, что захватившие его люди находились вне пределов слышимости, а за валуном не видно ни одной смутной тени. Приняв неожиданное решение, Брент спросил:

— Ты знаешь человека по имени Аль-Борак?

Удивление вдруг мелькнуло в черных глазах курда.

— Я слышал о нем, — ответил он осторожно.

— Я пришел в горы, чтобы встретиться с Аль-Борак. Можешь ты его найти? Если передашь ему одно послание, я заплачу тебе тридцать тысяч рупий.

Ширкух нахмурился. Казалось, он разрывается между подозрительностью и жадностью.

— Я чужестранец в этих краях, — сказал он. — Как я его найду?

— Тогда помоги мне бежать, я заплачу тебе ту же сумму, — убеждал его Брент.

Ширкух погладил усы.

— Один меч против тридцати, — проворчал он. —

Откуда мне знать, заплатишь ты мне или нет. Феринги все лжецы. Я вне закона, и за мою голову назначена награда. Турки собираются содрать с меня кожу, русские — застрелить, англичане — повесить. Мне некуда ехать, кроме Руб-аль-Харами. Если я помогу тебе бежать, и эта дверь передо мной захлопнется.

— Я походатайствую за тебя перед англичанами, — сказал Брент. — У Аль-Борака есть власть. Он может добиться для тебя прощенья.

Брент верил в то, о чем говорил. Кроме того, он был в таком отчаянном положении, что готов был обещать что угодно.

В черных глазах Ширкуха мелькнула нерешительность. Он открыл рот, чтобы сказать что-то, но передумал и, резко повернувшись на каблуках, пошел прочь. Через секунду притаившийся за валуном лазутчик скользнул в темноту, не замеченный Брентом, который с отчаянием смотрел вслед удалявшемуся курду. Ширкух направился прямо к Мухаммеду. Тот си-

дел, скрестив ноги, на овечьей шкуре перед маленьким костром по другую сторону источника и грыз кусок вяленой баранины.

— Феринги предложил мне деньги за то, чтобы я кое-что передал Аль-Бораку, — заявил он. — А также уговаривал помочь ему бежать. Я послал его к шайтану, конечно. В Джебель-Джавар я слышал об Аль-Бораке, но никогда его не видел. Кто он?

— Дьявол, — проворчал Мухаммед ас-Захир. — Американец, как и тот пес. Водит дружбу с племенами у Хайберского перевала. Он советник эмира и союзник раджи, хотя был однажды объявлен вне закона. Аль-Борак никогда не осмелится приехать в Руб-аль-Харами. Однажды, три года назад, я видел его в сражении при Калати-Гилзай, где он и его проклятые афридии¹ подавили восстание против эмира. Если бы мы его захватили, Абд аль-Хафид осыпал бы нас золотом.

— Может быть, этот феринги знает, где его найти! — воскликнул Ширкух; в его глазах зажегся огонек, который можно было принять за жадность. — Я пойду к нему, поклянусь, что передам его послание, и выманю, что он знает об Аль-Бораке.

— Мне все равно, — ответил равнодушно Мухаммед. — Если бы я хотел знать, зачем он пришел в горы, я испытал бы это у него еще раньше. Но мне дали приказ его захватить и доставить живым в Руб-аль-Харами. Я не могу свернуть в сторону, чтобы искать Аль-Борака. Но если тебе позволят въехать в город, может быть, Абд аль-Хафид даст тебе отряд, чтобы за ним поохотиться.

— Я попытаюсь!

— Храни тебя Аллах, — сказал Мухаммед. — Аль-Борак — пес. Я сам бы дал тысячу рупий, чтобы увидеть, как его повесят на базаре.

¹ Афридии — одно из племенных объединений афганцев на северо-западе Пограничной провинции.

— Ты встретишься с Аль-Бораком, если на то будет воля Аллаха, — бросил Ширкух, поворачиваясь и отходя прочь.

Очевидно, это отблеск огня заставил его глаза так ярко вспыхнуть. Мухаммед почувствовал, как мороз пробежал у него по спине, хотя не мог понять почему.

Под сапогами Ширкуха захрустел сланец, когда он зашагал прочь, и тут же из ночной темноты вынырнула смутная тень. Лазутчик приблизился к Мухаммеду и тронул его за рукав.

— Я следил за курдом и неверным, как ты приказал, — шепнул он. — Феринги обещал Ширкуху тридцать тысяч рупий за то, чтобы он нашел Аль-Борака и передал ему послание или помог бежать. Ширкух жаждет золота, но он вне закона у всех феринги, и не хочет, чтобы перед ним захлопнулась единственная дверь.

— Ладно, — проворчал Мухаммед в бороду. — Курд — пес. Хорошо, что он не может кусаться. Я проведу его через перевал. Пусть узнает, что ждет его у ворот Руб-аль-Харами.

Брент погрузился в забытие, несмотря на твердую каменистую землю и холод ночи. Чья-то рука, тряхнув за плечо, разбудила его, а настойчивый шепот предупредил восклицание. Он увидел склонившегося над ним курда. Поблизости раздавался храп караульного.

Ширкух прошептал на ухо Бренту:

— Скажи, какое послание ты хотел передать Аль-Бораку. Говори быстро, пока караульный не проснулся. Я не мог выслушать тебя раньше. Проклятый лазутчик подслушивал за этим валуном. Я рассказал Мухаммеду, что произошло между нами, и постарался это сделать до лазутчика. Нужно было развеять подозрения до того, как они пустят корни. Говори!

Брент пошел на отчаянный шаг:

— Передай ему, что Ричард Стоктон убит, но, прежде чем умереть, он сказал вот это: «У Черных Тигров новый князь. Они зовут его Абд аль-Хафид, но его

настоящее имя Владимир Жакрович». Стоктон сказал, что этот человек находится в Руб-аль-Харами.

— Я понял, — тихо произнес Ширкух. — Аль-Борак узнает.

— А что будет со мной? — спросил Брент.

— Я не могу сейчас тебе помочь бежать, — прошептал Ширкух. — Их слишком много. Все караульные, кроме твоего, не спят. Они охраняют лагерь снаряжи. Лошади тоже под охраной. Мой конь среди них.

— Но я не смогу заплатить тебе, пока не выберусь! — сказал Брент.

— Все в руках Аллаха! — ответил Ширкух. — Я должен вернуться, пока не заметили мое отсутствие. Вот плащ.

Брент почувствовал прилив благодарности. Курд ушел, темной тенью скользнув в ночь, ступая в сапогах так же бесшумно, как индейцы в мокасинах. Брент лег, мучительно раздумывая, правильно ли он поступил. У него не было причин доверять Ширкуху. Но если он сделал неверный шаг, ему все равно не придется увидеть, кому он причинил вред: себе, Аль-Бораку или тем, чьим интересам угрожают Черные Тигры. Он был утопающим, схватившимся за соломинку. И Брент, завернувшись в плащ, снова заснул.

...Последней в его утасающем сознании мелькнула мысль, что Ширкух ускользнет из лагеря под покровом ночи и поскачет искать Гордона...

3

Однако на следующее утро курд принес Бренту еду. Он держался равнодушно и сделал только одно резкое замечание, чтобы феринги ел как следует, потому что ему не хотелось бы покупать тощего раба. Но вполне возможно, сказал он это больше для караульного, который позевывал и потягивался поблизости. Брент подумал, что плащ был явным доказательством

того, что Ширкух приходил к нему ночью. Он тоже старался не подавать виду, что между ними возникли какие-то отношения.

Когда он ел, благодарный по крайней мере за сносную еду, его обуревали сомнения и надежды. Он колебался между вынужденной верой и полным недоверием к этому человеку. Курды были лукавы и вероломны. Предложенная помощь вполне могла быть хитрым трюком, чтобы снискать расположение Мухаммеда ас-Захира. Брент все же понимал, что если бы тот захотел узнать причину его прихода в горы, то сделал бы это успешнее с помощью пыток, а не сложной хитрой игры. Кроме того, Ширкух, скорее всего, алчен, как и все курды. Брент рассчитывал именно на это. Если Ширкух передаст послание, он поможет в дальнейшем ему сбежать, чтобы получить свою награду, потому что если Брент будет рабом в Руб-аль-Харамии, то не сможет заплатить ему тридцать тысяч рупий. Одна услуга сделала необходимой другую — если Ширкух надеется получить выгоду от сделки. Что касается Аль-Борака, то, получив послание и узнав о бедственном положении Брента, он едва ли откажет ему в помощи. Все теперь зависит от Ширкуха.

Брент пристально посмотрел на гибкого всадника, словно выгравированного на фоне яркого восхода. В его чертах не было ничего тюркского или семитского. В иранских высокогорьях, должно быть, осталось немало племен, сохранивших в чистоте свое арийское происхождение. Ширкух, одетый в европейский костюм и без восточных усов, вполне мог затеряться, ничем не стичаясь, в толпе на Западе, если бы не яркое пламя в его беспокойных черных глазах. Они отражали неукротимую душу. И можно ли надеяться, что этот варвар будет иметь с ним дело по правилам западного мира?

Они выступили сразу после восхода солнца. Тропа вела все время вверх, выше и выше, через горные массивы, словно прорезанные ножом, по узким кар-

низам, крутым отрогам. Вскоре Брент почувствовал, что задыхается в разреженном воздухе. В самый полдень, когда ледяной ветер пронизывал насквозь, а солнце было сполохом расплавленного огня, они достигли перевала Надир-Хан — узкого извилистого разреза, тянувшегося на расстоянии мили между стенами мрачных гор. При входе на перевал стояла приземистая башня из камня, скрепленного глиной, занятая оборванными воинами, расположившимися, как стержняники, на ее стенах. Отряд стоял и ждал, пока Мухаммед ас-Захир, подъехав ближе, не поручился за всех, включая Ширкуху, взмахом руки. Его узнали, и винтовки на башне опустились. Мухаммед въехал на перевал, остальные двинулись следом. Брент почувствовал отчаяние, как будто за ним навсегда захлопнулась дверь тюрьмы.

Они остановились на дневной привал в затененном и защищенном от ветра ущелье. Ширкух опять принес Бренту еду, не объясняя ничего афганцам. Впрочем, они не возражали. Но когда Брент попытался поймать его взгляд, курд отвел глаза.

После того как они пересекли перевал, дорога пошла вниз по длинным пологим склонам, через постепенно понижающиеся горы, которые тянулись и тянулись от вершины хребта, словно гигантская лестница. Тропа стала более ровной и удобной для езды. Ночь застала их все еще в горах.

Когда Ширкух вечером принес, как обычно, еду, Брент попытался втянуть его в разговор под предлогом легкой болтовни, чтобы не вызвать подозрения у афганца, поставленного на эту ночь караульным. Тот сидел развалившись рядом и жевал сухую лепешку.

— Руб-аль-Харами большой город? — спросил Брент.

— Я никогда там не был, — ответил Ширкух.

— Абд аль-Хафид, кажется, его правитель, — продолжил Брент.

— Он эмир Руб-аль-Харами, — сказал курд.

— И князь Черных Тигров, — неожиданно вступил в разговор караульный. Он был не прочь поболтать и не видел причин для секретов. Ведь один из его собеседников скоро будет рабом, а другой, если его примут, будет членом клана. — Я сам Черный Тигр, — похвастался афганец. — Весь наш отряд — Черные Тигры. Мы господа в Руб аль-Харами.

— Значит, не все жители города Черные Тигры? — спросил Брент.

— Все жители воры, но не все из них Черные Тигры. В Руб-аль-Харами находится ставка клана. Князь Черных Тигров всегда был эмиром города.

— Кто приказал меня захватить? — спросил Брент. — Мухаммед ас-Захир?

— Мухаммед только выполнил приказ Абд аль-Хамида, — ответил стражник. — Это он правит городом и следит, чтобы выполнялись его обычаи. Изменить обычаи не может никто. Даже князь Черных Тигров. Руб-аль-Харами был городом воров еще до Чингисхана. Как он назывался раньше, никто не знает. Арабы называли его Руб-аль-Харами — пристанище воров, и это название прижилось.

— Этот город вне закона?

— В нем никогда не было другого правителя, кроме князя Черных Тигров, — болтал горец. — Город никому не платит налогов... только шайтану.

— Что это значит — шайтану? — спросил Ширкух.

— Это древний обычай, — ответил караульный. — Каждый год сто мер золота отдается шайтану, чтобы город процветал. Золото закрывают в потайной пещере недалеко от города, но никто не знает, где она находится, кроме князя и совета имамов.

— Поклонение дьяволу! — фыркнул Ширкух. — Это оскорбление Аллаха!

— Это древний обычай, — возразил афганец.

Ширкух отошел, как будто возмущенный услышанным. Брент, разочарованный неудачей, погрузил-

ся в молчание. Он плотно завернулся в плащ Ширкуха и заснул.

Они встали до рассвета и двинулись через горы. Вскоре перед ними открылась каменистая равнина, окруженная горными цепями, в глубине которой виднелись плоские башни Руб-аль-Харами.

Отряд не стал останавливаться на дневной привал. Когда они приблизились к городу, тропа превратилась в хорошую дорогу. Навстречу им шли или обгоняли их жители города: одни ехали верхом, другие вели за собой нагруженных мулов. Брент не раз слышал, что в Руб-аль-Харами попадали только ворованные товары. Все жители этого города были отребьем гор, и люди, которых они встречали, выглядели соответственно. Брент невольно сравнивал их с Ширкухом. Этот человек гордился своими кровавыми преступлениями и был настоящим варваром, но отличался от этих людей, как волк от паршивых шавок.

Ширкух оглядывал все, что они встречали, полупонимая, полуподозрительным взглядом. Он по-мальчишески всем интересовался, но никому не уступал дорогу, готовый вступить в драку из-за сущей безделицы. Он был воплощением юности мира — доверчивый, веселый, вспыльчивый, сильный, жестокий и самонадеянный. И Брент признавал, что его жизнь полностью зависит от изменчивых прихотей молодого дикаря.

* * *

Высокие стены окружали Руб-аль-Харами — город, спрятавшийся в узкой каменистой долине. Батарея полевых орудий могла бы разрушить его стены десятком залпов, но армия никогда не дошла бы сюда, а тем более не дотащила бы пушки по дороге, которая шла через перевал Надир-Хан. Мрачные стены города нависали над серой необработанной землей маленькой долины. Холодный ветер с северных вершин при-

носил запах снега и поднимал пыль, клубами носившуюся в воздухе. Кое-где на равнине виднелись срубы колодцев, и возле каждого теснилась кучка убогих хижин. Крестьяне в лохмотьях гнули спины над бесплодными клочками земли, дававшими скудный урожай, — грязные пятна на пыльном пространстве. Низко опустившееся солнце превратило пыль в кровавый туман, когда отряд на истощенных лошадях потащился через равнину к мрачному городу.

По обеим сторонам ворот стояли квадратные сторожевые башни, тяжелые створки с железными запорами были открыты. Въезд в город охраняли около десятка головорезов с кинжалами за кушаками. Они щелкнули затворами немецких винтовок и нахально прицелились, как будто только и ждали удобного момента, чтобы пустить их в ход по живой мишени.

Отряд остановился. Начальник стражи с важным видом выступил вперед. Это был высокий человек с могучим торсом. Его выкрашенная хной борода отливала красной медью в лучах закатного солнца.

— Ваши имена и занятие! — рявкнул он.

— Мое имя ты знаешь так же хорошо, как свое собственное, — проворчал Мухаммед ас-Захир. — Я везу пленника в город по приказу Абд аль-Хафида.

— Проходи, Мухаммед ас-Захир, — разрешил начальник стражи. — А кто этот курд?

Мухаммед по-волчьи усмехнулся, как будто тайной шутке.

— Он надеется, что его примут... Ширкух из Джебель-Джавар.

Во время их разговора из ворот выехал богато одетый, мощного сложения человек на белой кобыле и остановился, незамеченный, рядом со стражниками. Великан с крашеной бородой повернулся к Ширкуху, который спешился и держал на поводу своего жеребца, беспокойно бьющего копытами по щебенке.

— Ты состоишь в клане? — требовательно спросил он. — Знаешь тайный знак?

— Я еще не принят,— ответил, повернувшись к нему, Ширкух.— Мне сказали, что я должен предстать перед советом имамов.

— Ну, если ты доберешься до него! Кто в городе может за тебя поручиться?

— Я чужестранец,— коротко ответил Ширкух.

— Мы в Руб-аль-Харами не любим чужаков,— заявил начальник стражи.— Чужестранец может войти в город тремя способами: в качестве пленника, как вон тот неверный, или если за него поручится какой-нибудь вождь, или...— Желтые зубы его оскалились в злобной усмешке,— ногами вперед, после того как его убьет один из воинов города.

Он поднял винтовку. Окружавшие их люди разразились грубым издевательским смехом. Они знали, что в борьбе между чужестранцем и жителем города допускалось любое нарушение правил. Для новичка, не имеющего покровителя в городе, единоборство с Черным Тигром означало верную смерть. Брент понял это по их злобному хохоту.

Однако Ширкух не смутился.

— Это древний обычай? — спросил он наивно, опуская руку на пояс.

— Древний, как ислам,— заверил огромный стражник, возвышаясь над ним, как гора.— Опытный воин с оружием в руках, ты должен умереть!

— Ну, тогда...

Ширкух засмеялся и нанес удар. Его движение было молниеносным, как смертельный бросок кобры. Мгновенно выхватив из-за пояса кинжал, он вонзил его под бородатым подбородком стражника.

Афганец не успел защитить себя и упал прежде, чем понял намерение Ширкуха. Струя крови хлынула через перерезанную яремную вену.

Молчание, возникшее на мгновение, взорвалось диким хохотом. Такая шутка пришлось по душе горячим горцам. Они высоко ее оценили, хохоча над комичной, с их точки зрения, ситуацией. Однако страж-

ники злобно закричали и бросились вперед, щелкая затворами винтовок. Ширкух стремительно выхватил винтовку из седельного чехла. Мухаммед и его люди равнодушно наблюдали, чем кончится дело.

Все это их не касалось. Они повеселились над жестокой шуткой Ширкуха и точно так же готовы были посмеяться над тем, как его прикончат товарищи убитого. Однако прежде чем стражники успели нажать курки, человек на белой кобыле выехал вперед и ударил кнутом по стволам винтовок.

— Стойте! — приказал он. — Курд прав. Он убил по всем правилам. Ваш начальник опытный воин и в руках у него было оружие.

— Но его убили без предупреждения! — закричали они.

— Значит, он еще больший дурак! — последовал бессердечный ответ. — Я ручаюсь за курда. Я, Алаф-даль-хан из Вазиристана.

— Да, мы знаем тебя, господин! — Стражники низко поклонились.

— Аллах любит храбрых, — засмеялся Ширкух, запрыгивая в седло.

Мухаммед ас-Захир въехал под арку ворот, и отряд с пленником посередине последовал за ним. Они двинулись по короткой узкой улице, тянувшейся между глинобитными и деревянными стенами, где нависающие над грязной дорогой балконы почти касались друг друга. Брент увидел женщин, смотревших на них через решетки. Кавалькада въехала на площадь, точно такую же, как площадь других горных городов. Вдоль нее тянулись открытые лавки, возле которых толпился народ. Площадь была заполнена красочной толпой, у которой было одно отличие — выставленное напоказ богатство. Золото и шелк, сверкавшие на босоногих головорезах, которым пристало носить лохмотья, казались безмолвными свидетелями убийства и разбоя. Это был действительно город воров.

Толпа, незаконная и буйная, слонялась по площади; ее настроение менялось, как порывы ветра. На врытых в землю кольях висели человеческие черепа, а в железной клетке, приделанной к стене, Брент увидел скелет. Он почувствовал, как холод пробежал по телу. Его собственная судьба могла быть такой же... медленно умирать от голода в железной клетке под взглядами глумящейся толпы. Тошнотворный ужас и ненависть к этому городу охватили его.

Алафдаль-хан сразу после въезда в город направил свою белую кобылу рядом с жеребцом Ширкуха. Вазир¹ был крупным и широкоплечим человеком.

— Ты мне нравишься, курд, — сказал он. — Ты настоящий горный лев. Иди ко мне служить. Человек без хозяина в Руб-аль-Харами запросто может пропасть.

— Я думал, что в Руб-аль-Харами хозяин Абд аль-Хафид, — заметил Ширкух.

— Да, но город разделен на клики, и каждый человек следует за тем или иным вождем. Только немногие избранные составляют собственное войско Абд аль-Хафида. Остальные служат своим господам, и каждый вождь несет за них ответственность перед эмиром.

— Я сам по себе! — гордо заявил Ширкух. — Но ты поручился за меня у ворот, и я тебе обязан. Скажи, что это за дьявольский обычай, когда чужестранец должен убить человека, чтобы войти в город?

— Он был установлен в старые времена, чтобы проверить мужество чужестранца и убедиться, что каждый человек, который приходит в Руб-аль-Харами, опытный воин, — объяснил Алафдаль. — Но со временем этот обычай превратился в предлог для убийства новичков, ведь многие приходят сюда без приглашения. Ты должен был заручиться покровительством какого-нибудь вождя, прежде чем прийти сюда. Тогда ты мог бы мирно войти в город.

¹ Вазир — одно из крупных племенных объединений в Афганистане.

— Я не знаю ни одного человека из клана, — тихо произнес Ширкух. — В Джебель-Джавар нет Черных Тигров. Но мне сказали, что общество пробуждается после спячки...

Волнение на площади заставило его прервать разговор. Люди столпились вокруг отряда, замедляя его продвижение, и угрожающе ворчали при виде Брента. Они выкрикивали ругательства, швыряли в него чем попало, а какой-то шинвари¹ выбежал вперед и бросил в ненавистного белого человека камень, который слегка задел ему ухо. У Брента потекла кровь.

Ширкух с проклятием направил коня на дерзкого горца и ударил его кнутом. Глухой ропот раздался в толпе, и она угрожающе надвинулась. Ширкух вытащил свою винтовку из чехла, но Алафдаль-хан схватил его за руку.

— Нет, брат! Не стреляй. Оставь этих собак мне.

Он усилил свой голос до бычьего рева, который заполнил всю площадь:

— Мир, дети мои! Это Ширкух из Джебель-Джавар. Он пришел, чтобы стать одним из нас. Я ручаюсь за него... Я, Алафдаль-хан!

Одобрительные восклицания послышались из толпы, чей дух был таким же изменчивым и свободным, как лист, сорванный ветром. Очевидно, вазир был популярен в Руб-аль-Харами. Брент понял — почему, когда увидел, как Алафдаль запустил руку в кошель, который держал за поясом. Но прежде чем вождь успокоил толпу пригоршней монет, на противоположной стороне площади показался человек, при виде которого все пришли в волнение.

Он направил своего коня в сторону Алафдаль-хана. Это был стройный, но высокий и широкоплечий гилзай². На голове у него красовался розовый тюрбан,

¹ Шинвари — выходец из афганского племени шинвари.

² Гилзай — выходец из афганского племени гилзай.

богатый пояс перетягивал тонкую талию, кафтан блестя золотой вышивкой. За ним следовал конный отряд его сторонников.

Он остановился перед Алафдаль-ханом. Вазир выставил бороду вперед и выпучил большие глаза. Ширкух быстро заменил винтовку на саблю.

— Этот курд наехал на моего человека, — заявил гилзай. — Ты что, натравливаешь своих людей на моих, Алафдаль-хан?

В толпе наступило напряженное молчание. Люди забыли обо всех своих нуждах и страстях из-за соперничества двух вождей. Даже Брент понял, что это была застарелая вражда, продолжение неугасающей ссоры. Гилзай держался насмешливо и вызывающе. Алафдаль-хан казался непримиримым и злобным, но все же несколько смущенным.

— Твой человек это начал, Али-шах, — проворчал он. — Посторонись, мы возьмем пленника к Чертову Логову.

Брент чувствовал, что Алафдаль-хан уклонился от вопроса. Вазир был один, без своих сторонников. А тем временем со всех сторон через толпу устремились вооруженные люди. С угрожающим видом они окружили его. Алафдаль не был трусом, но в сложившейся ситуации не решался обострять отношения.

После заявления вазира, ставившего его в положение человека, который занимается делом эмира, — заявления, на которое Мухаммед ас-Захир ехидно усмехнулся, — Али-шах был в нерешительности, и напряжение спало бы само собой, если бы не один из людей гилзай — худой оракзай¹ с безумными от гашиша глазами. Он положил винтовку на плечо человека, стоявшего перед ним, и выстрелил в Алафдаль-хана. Вазира спасло только то, что плечо, на котором был ствол винтовки, дернулось; пуля пробила только его тюрбан, не задев головы.

¹ Оракзай — выходец из афганского племени оракзай.

Прежде чем оракзай успел выстрелить снова, Ширкух, рванувшийся к нему на коне, ударил его с такой силой, что разрубил голову до зубов.

Это было все равно что бросить спичку в пороховой погреб. Площадь мгновенно превратилась в поле битвы, где приверженцы враждующих вождей прыгали друг на друга и вцеплялись в глотки со всем пылом, на какой способны люди, вступающие в борьбу за интересы своих лидеров. Мухаммед ас-Захир, который не мог пробить дорогу сквозь массу сражавшихся, поставил свой отряд плотным кольцом вокруг Брента. Ему нужно было доставить феринги к своему хозяину живым и способным говорить, а в этой свалке неверного вполне могли убить, поэтому его люди встали лицом к толпе, отражая удары и пресекая попытки отбить пленника. Они не принимали участия в стихийной свалке. Эта ссора между вождями, довольно обычная для Руб-аль-Харамы, не касалась Мухаммеда.

Брент наблюдал за сражением, как зачарованный. Такой же бунт мог быть в древнем Вавилоне, Кавире или Ниневии... та же подозрительность, те же страсти, то же стремление простолюдина взять верх над каким-нибудь господским приспешником. Он видел ярко одетых всадников, кони которых прыгали и вставали на дыбы в то самое время, как они секли друг друга саблями, горевшими, словно дуги огня, в свете предзакатного солнца. Он видел оборванных мошенников, колотивших друг друга палками и булыжниками. Не прозвучал ни один выстрел. Боеприпасы были слишком ценны для них, чтобы тратить их друг на друга.

Но драка была достаточно кровавой, и за короткое время площадь усеялась оглушенными и истекающими кровью людьми. Многие из них с разможенными головами падали под ударами лошадиных копыт и уже не вставали. Приспешники Али-шаха превосходили числом сторонников Алафдаль-хана, но большинство людей из толпы было на стороне вазира — это подтверждалось градом камней и обломков, которые

свистели над головами его врагов. Один из таких снарядов чуть не погубил самого их предводителя. Черепок, брошенный изо всех сил в Али-шаха, пролетел мимо и врезался в бородатый подбородок Алафдаля с такой силой, что на глазах у вазира выступили слезы. Когда он пошатнулся в седле и его рука, сжимающая саблю, упала, Али-шах замахнулся ятаганом. Смерть нависла над ослепленным великаном, который ошеломленно оглядывался, чувствуя опасность. Но Ширкух, ринувшийся через толпу, оказался между ними. Он перехватил взметнувшийся ятаган на свою саблю и оттолкнул назад, поднявшись на стремянах, чтобы придать силы удару. Его клинок ударил плащом и обрушился на тюрбан Али-шаха. Вождь, окровавленный и бесчувственный, упал на землю.

Вопль благодарности раздался из толпы. Люди Али-шаха, смущенные и растерянные, отступили. Неожиданно раздался стук множества копыт. Отряд, построенный правильным порядком, въехал на площадь и, врезавшись в толпу, пронзил ее насквозь. Всадники в черных кольчугах и остроконечных шлемах безжалостно топтали людей, попавших под копыта коней. Предводителем у них был чернобородый юсуфзай¹, великолепный в своей гравированной золотом кольчуге.

— Дайте дорогу! — приказал он с твердой самонадеянностью человека, наделенного властью. — Очистить рыночную площадь именем Абд аль-Хафида, эмира Руб-аль-Харами!

— Черные Тигры! — затрепетал народ, подаваясь назад, но вопросительно глядя на Алафдаль-хана.

Мгновение казалось, что вазир бросит вызов всадникам; его борода ошетичилась, глаза расширились... но он заколебался и, пожав широкими плечами, опустил саблю.

— Подчинимся закону, дети мои, — призвал он своих сторонников и, чтобы не разочаровывать их,

¹ Юсуфзай — выходец из афганского племени юсуфзай.

полез в свой объемистый кошель и бросил пригоршню золотых монет поверх их голов.

Они бросились собирать монеты, крича, радуясь и смеясь. Кто-то дерзко крикнул:

— Да здравствует Алафдаль-хан, эмир Руб-аль-Харами!

На лице Алафдаля комично отразилась смесь тщеславия и опасения. Поглаживая бороду, он искоса взглянул на юсуфзая с торжеством, но в то же время несколько смущенно.

Начальник отряда резко сказал:

— Нужно положить конец этому безобразию. Если случится еще одна драка, эмир заставит тебя держать ответ. Ему надоел этот раздор.

— Али-шах первый затеял ссору! — взревел вазир.

Толпа позади него угрожающе заворчала, люди украдкой наклонялись за камнями и палками. И снова наполовину ликующее, наполовину испуганное выражение пробежало по бородавтому лицу Алафдаля-хана.

Юсуфзай засмеялся.

— Слишком большая популярность может стоить человеку головы, — с издевкой заметил он. Затем повернул коня и наехал на толпу, крича, чтобы все расходились.

Сборище оборванцев неохотно и недовольно подалось назад, бормоча в бороды угрозы. Брент понял, что единственное, чего им не хватает, чтобы поднять восстание, — это смелый предводитель. Люди Али-шаха, посадив своего бесчувственного вождя в седло, покинули площадь. Алафдаль смотрел им вслед с беспомощной злобой. Затем он заревел, как медведь, и поехал прочь со своими людьми. Ширкух последовал вслед за ним и, проезжая мимо Брента, бросил на него короткий взгляд, который означал, что он его не забыл.

Мухаммед ас-Захир повел свой отряд и пленника с площади, а затем по кривой улочке, иронично ворча в бороду:

— Алафдаль-хан, честолюбивый и трусливый, оказался в жалком положении. Он ненавидит Али-шаха и все же боится обострять вражду. Ему хотелось бы стать эмиром Руб-аль-Харами, но он сомневается в своих силах. Никогда вазир ничего не добьется, только и остается ему пить вино да бросать деньги толпе. Дурак! Но дерется он все же, как голодный медведь, потревоженный в берлоге.

Один из афганцев вытолкнул Брента вперед и повел к зданию с окнами, закрытыми железными решетками.

— Это Чертово Логово, феринги! — проворчал он злобно. — Никто отсюда никогда не бежал, и никто не проводил здесь больше одной ночи.

У дверей тюрьмы Мухаммед сдал своего пленника под ответственность одноглазого судозая¹ с отрядом звероподобных чернокожих, вооруженных дубинками. Они провели его через тускло освещенный коридор к камере с решетчатой дверью и втолкнули туда. Затем на пол был поставлен кувшин с тухлой водой и брошен кусок заплесневелого хлеба. Ключ повернулся в замке с холодным резким лязгом.

Последние лучи заката проникали через узкое, густо зарешеченное окошко под самым потолком.

Брент машинально поел, охваченный тяжелыми предчувствиями. Все его будущее зависело теперь от Ширкуха, а значит, балансировало на острие меча. Устало растянувшись на брошенном в углу ворохе соломы, засыпая, он подумал: «А существовал ли вообще когда-нибудь преуспевающий, прекрасно одетый человек по имени Стюарт Брент, который спал в мягкой постели, пил прекрасные напитки из запотевших стаканов, танцевал с красивыми женщинами в белорозовых нарядах? Была ли та, другая жизнь? Если да, то все, что с ним произошло, — какой-то дурной сон». Брент открыл глаза и огляделся. Нет, это не сон. Это

¹ Судозай — выходец из афганского племени судозай.

страшная реальность — кишашая насекомыми, гнилая солома, тухлая вода, заплесневелый хлеб и запах крови, который, казалось, впитался в его одежду после сражения на площади.

4

Брент проснулся от слепящего света факела. Когда его глаза привыкли к его колеблющемуся свету, он увидел, что факел вставлен в гнездо в стене, а перед ним стоит высокий человек в длинном шелковом халате и зеленом тюрбане, заколотом спереди золотой брошью. Тот презрительно его рассматривал. Взгляд больших серых глаз был холодным как лед.

— Вы Стюарт Брент. — Это было утверждение, а не вопрос. Человек говорил по-английски с едва заметным акцентом.

Брент не ответил. Он понял, что перед ним Абд аль-Хафид, который появился, словно облаченный в плоть персонаж из сказки. Абд аль-Хафид и Аль-Борак стали принимать в утомленном мозгу Брента образы несуществующих двойников, влекущих его к гибели. Сейчас перед ним был один из них. Возможно, и Аль-Борак окажется в конце концов таким же реальным.

Брент почти беспристрастно изучал стоявшего перед ним человека. В этом наряде он выглядел настоящим азиатом. Черная борода еще более усиливала сходство. Однако кисти его рук были слишком велики для высокородного мусульманина — мускулистые, безжалостные руки, которым, скорее, пристало сжимать рукоять меча. Сам он казался сильным и ловким, хотя и не таким по-тигриному гибким, как Ширкух.

— Мои шпионы следили за вами всю дорогу от Сан-Франциско, — сказал Абд аль-Хафид. — Они узнали, на какой пароход вы купили билет. Их доклады

были переданы в Кабул, а оттуда — сюда. У меня широкая тайная сеть соглядатаев и шпионов в каждой азиатской столице, а в горах есть рация. В городе ее держать невозможно: люди не потерпят такого нарушения обычая. Руб-аль-Харами — город традиций, временами утомительных, но в основном полезных.

Я понял, что вы не поехали бы сразу в Индию, если бы Ричард Стоктон не рассказал вам что-то перед смертью. Я собирался отдать распоряжение убить вас, как только вы сойдете с корабля, но затем решил подождать и выяснить, как много вы знаете. Шпионы донесли мне, что вы направились на север, — и это указывало на то, что англичанин просил вас найти Аль-Борака, чтобы рассказать, кто я на самом деле. Стоктон был хорошей ищейкой, но только из-за неосторожности слуги ему удалось узнать эту тайну.

Он знал, что Аль-Борак — единственный человек, который может мне помешать. Здесь я спасся от англичан и скрылся от эмира. Аль-Борак может доставить мне большие неприятности, если узнает, кто я. Он не стал бы мешать настоящему Абд аль-Хафиду, фанатичному мусульманину из Самарканда, но если он узнает, кто я в действительности, то заинтересуется, зачем я здесь и что я намерен делать. Итак, я позволил вам перейти Хайберский перевал беспрепятственно. К тому времени стало очевидно, что вам сказано доставить сведения прямо Аль-Бораку. Шпионы донесли мне, что Аль-Борак исчез в горах. Мне было известно, когда вы покинули Кабул, чтобы его разыскать. Я послал Мухаммеда ас-Захира захватить вас и доставить ко мне. Бас легко было выследить... феринги бродит в горах с отрядом кабульской солдатни. Итак, вы вошли наконец в Руб-аль-Харами единственным путем, которым может войти неверный, — как пленник, предназначенный для рабского помоста.

— Вы ведь тоже неверный, — возразил Брент. — Если я расскажу вашим людям, кто вы на самом деле... Абд аль-Хафид пожал плечами:

— Имамы знают, что я родился в России. Они знают также, что я правоверный мусульманин... что я отрекся от христианства и принял ислам. Я порвал все нити, связывавшие меня с Ферингистаном. Меня зовут Абд аль-Хафид. Я по праву ношу этот зеленый тюрбан. Я хаджи после того, как совершил паломничество в Мекку. Если вы скажете людям Руб-аль-Харами, что я христианин, они посмеются над вами. Для толпы я мусульманин, такой же, как они сами, для совета имамов я истинный обращенный.

Брент ничего не ответил. Он был в ловушке, из которой не мог выбраться.

— Вы муха, залетевшая в мою паутину, — презрительно сказал Абд аль-Хафид. — Поэтому я без опасения могу рассказать вам о моих планах. Кроме того, это хорошая практика в английском; я почти забываю европейские языки.

Черные Тигры — очень древнее общество, первоначально — телохранители Чингисхана. После его смерти они поселились в Руб-аль-Харами, который даже тогда был городом вне закона, и стали правящей кастой. Общество выросло и обзавелось последователями во всех азиатских странах, но ставка его всегда находилась в этом городе. Вскоре оно стало мусульманским кланом, который фанатично ненавидел феринги, и эмиры Руб-аль-Харами продавали мечи Черных Тигров многим правителям для ведения джихада — священной войны против неверных.

Какое-то время клан процветал, а затем наступил период упадка. Сто лет назад он был почти полностью истреблен в междоусобной борьбе, вызванной обычаем кровной мести. Эта некогда всемогущая организация стала призраком, сохранившим правление только в Руб-аль-Харами. Десять лет назад я покинул свою страну, отрекся от христианства и стал мусульманином сердцем и душой. В своих скитаниях я узнал о Черных Тиграх, понял их возможности и отправился в Руб-аль-Харами. Здесь я столкнулся с тайной, завладевшей мною всецело.

Однако продолжаю по порядку. Только три года назад я удостоился быть принятым в клан. Этому предшествовали семь лет скитаний, борьбы и плетения заговоров по всей Азии. И не раз за это время мне пришлось столкнуться с Аль-Бораком. Я узнал, как опасен этот человек, и понял, что мы будем всегда врагами — слишком противоположны наши интересы и идеи. Итак, когда я скрылся в Руб-аль-Харами, я просто исчез для Аль-Борака и всех других авантюристов, которые, как он и я, бродили по обширным просторам Азии. Прежде чем прийти в город, я потратил несколько месяцев, чтобы замести свои следы. Владимир Жакрович, известный также как Акбаршах, исчез. Даже Аль-Борак не связывал его с Абд аль-Хафидом, мусульманином из Самарканда. Я вступил в совершенно новую роль и стал другой личностью. Если Аль-Борак увидит меня, он может засомневаться, но он никогда меня не увидит, если только не станет моим пленником.

Без всяких препятствий с его стороны я стал заново строить клан, сначала как рядовой член, а затем как князь — положение, которое я занял год назад; не буду вас посвящать, с помощью каких интриг. Я преобразовал общество, расширил его до прежних размеров, внедрил своих шпионов в каждую страну.

Конечно, Аль-Борак не мог не слышать, что Черные Тигры активизировались, но для него это означало, вероятно, лишь то, что отряд каких-то фанатиков развернул лихорадочную деятельность. Вряд ли он предполагает, что Черные Тигры могут повлиять на судьбы многих стран Востока. Но он поймет истинное значение клана, если узнает, что Абд аль-Хафид — это человек, с которым он боролся во всех пределах Азии еще год назад! — Глаза Абд аль-Хафида сверкали, голос дрожал. В своем непомерном эгоизме он находил глубокое удовлетворение даже от такой малости, как разговор со своим пленником. — Вы когда-нибудь слышали про золотую пещеру шайтана — Аль-Кабир? Она

находится на расстоянии дня пути верхом от города и так тщательно скрыта, что целая армия может искать ее вечно и не найдет. Но я видел ее! Это может свести человека с ума... от пола до потолка она заполнена слитками золота! Это приношения шайтану — обычай, дошедший из глубины веков. Каждый год сто килограммов золота, собираемых с жителей города, переплавляются в маленькие слитки. Имамы и эмиры носят их в пещеру.

— Вы рассказываете мне, что такое огромное сокровище находится где-то рядом с городом? — недоверчиво спросил Брент.

— Почему бы нет? Разве вы не слышали об обычаях города, нерушимых, как заветы Пророка? Только имамы знают тайну пещеры. Это знание передается от имама к имаму, от эмира к эмиру. Народ ничего не знает. Люди считают, что шайтан забирает золото в свое дьявольское жилище. Даже узнав, где находится пещера, они не притронутся к нему: взять золото, предназначенное шайтану? Вы плохо знаете азиатское мышление. Ни один мусульманин в мире не прикоснется к нему, не возьмет, даже если будет умирать с голоду.

Но я свободен от такого суеверия. Дар шайтану переносится в пещеру в течение нескольких дней. Имамы посетят пещеру снова только в следующем году, и до того, как наступит это время, я осуществлю то, что задумал. Я тайно извлеку золото, расплаблю его и перелью в другие формы. О, я знаю, как это сделать, потому что занимался этим раньше. После того как я закончу, никто не сможет узнать в нем золото шайтана.

На него я смогу прокормить и экипировать целую армию! Я смогу купить винтовки, боеприпасы, пулеметы и аэропланы, а также заплатить наемникам, которые будут летать на них. Я смогу вооружить всех головорезов в Гималаях! Горные племена составят самую мощную армию в мире... все, в чем они нужда-

ются, — это снаряжение. И я снабжу их всем, что необходимо. В Европе есть множество мест, где мне продадут все, что я захочу. И золото шайтана будет служить мне! — Абд аль-Хафид вспотел, глаза его безумно горели, как будто расплавленное золото попало в его вены. — Мир не смел мечтать о таком сокровище! Принижения золотом за сотни лет! И это мое!

— Имамы убьют вас! — пробормотал Брент.

— Они ни о чем не узнают в течение ближайших нескольких месяцев. Я изобрету ложь, которая объяснит мое огромное богатство. Они ничего не заподозрят, пока не откроют пещеру в следующем году, но тогда уже будет поздно. Мне не потребуются Черные Тигры. Я стану императором! Моя огромная новая армия спустится с гор на равнины Индии. Я соберу орды афганцев, персов, пушту, арабов, турок, количество и жестокость которых компенсируют недостающую дисциплину. Восстанут индийские мусульмане! Я выгоню англичан из этой страны. Я буду единолично править от Самарканда до Игольного мыса!

— Зачем вы все это мне рассказываете? — спросил Брент. — Вы не боитесь, что я выдам вас имамам?

— Вы никогда не увидите ни одного имама, — последовал злобный ответ. — Я позабочусь об этом. Однако хватит. Я позволил вам прийти живым в Рубаль-Харами только потому, что хочу узнать, какой тайный пароль дал вам Стоктон, чтобы пользоваться услугами английских чиновников. Я знаю, что именно он помог вам с такой легкостью и скоростью проследовать в Кабул. Этот пароль мне необходим для того, чтобы послать одного из моих шпионов в самое сердце британской секретной службы. Скажите мне его.

Брент иронично засмеялся:

— Вы собираетесь убить меня. Так позвольте мне не лишать себя удовольствия хоть чем-то отплатить за ваше преступление. Я не дам еще одно оружие в ваши грязные руки.

— Вы безмозглый глупец! — воскликнул Абд аль-Хафид с неожиданным всплеском злобы, который свидетельствовал о том, что этот человек был на грани срыва и не так уверен в себе, как могло показаться с первого взгляда.

— Без сомнения, — согласился Брент спокойно. — Ну и что?

— Отлично! — Абд аль-Хафид с трудом сдерживал себя. — Я не могу прикасаться к вам сегодня ночью. Вы собственность города, согласно вековому обычаю, который даже я не могу нарушить. Но завтра вы будете проданы с помоста за самую высокую предложенную цену. Никто не захочет купить раба-феринги, разве что для удовольствия над ним поиздеваться. Вы слишком изнежены для тяжелой работы. Я куплю вас за несколько рупий, и тогда ничто не помешает мне заставить вас говорить. Вы скажете мне все, что я хочу знать, а потом я брошу ваше искромсанное тело на корм стервятникам.

Он резко повернулся и вышел из темницы. Брент слышал отзвук его шагов по каменным плитам коридора. Свет факела погас за поворотом, слабо донесся обрывок разговора. Затем дверь захлопнулась, и не было больше ничего, кроме тишины и звезд, смутно блистающих через решетку окна.

* * *

В другой части города Ширкух сидел развалившись на шелковом диване под светом бронзовых ламп, отражавшемся сверкающими бликами в дорогом вине, наполнявшем позолоченные кубки... Он сделал большой глоток и облизнул губы, отдавая должное угощению, как это полагалось по правилам вежливости, ибо ничто, казалось, его не заботило, кроме утоления жажды. Но Алафдаль-хан, сидевший на другом диване, озабоченно хмурил брови, сбитый с толку. Он был удивлен открытием, которое сделал совсем недавно. У этого

юного воина с западных гор оказался острый ум и твердый характер.

— Почему ты хочешь купить этого феринги? — требовательно спросил вазир.

— Он нам необходим, — заявил Ширкух. Лицо его с одной стороны было освещено светом лампы, другая половина оставалась в тени. Мальчишеское выражение исчезло. Взгляд стал прямым и суровым. — Я куплю его завтра. Он поможет тебе стать эмиром Рубаль-Харами.

— Но у тебя нет денег! — возразил вазир.

— Ты мне их дашь.

— Но Абд аль-Хафид сам хочет купить феринги, — настаивал на своем Алафдаль-хан. — Он послал Мухаммеда ас-Захира его захватить. Глупо торговаться с эмиром.

Прежде чем ответить, Ширкух опустошил свой кубок.

— Из того, что ты рассказал мне о городе, я узнал следующее. Черные Тигры составляют только небольшую часть жителей. У эмира непрерываемая власть, кроме тех случаев, которые определяются обычаями, корни которых затерялись в веках. Черные Тигры являются правящей кастой и чем-то вроде полиции для поддержания власти эмира. Они держат в узде буйное и незаконное население, состоящее из преступников, которые стекаются сюда со всех концов Азии.

— Это верно, — подтвердил Алафдаль-хан.

— Но в прошлом народ не раз восставал, смещал правителя, который нарушал традиции, и заставлял Черных Тигров выбирать другого князя. Очень хорошо. Ты говорил, что Черных Тигров сейчас в городе сравнительно мало. Многие посланы в качестве шпионов и эмиссаров в другие места. Ты сказал, что сам занимаешь высокое положение в клане.

— Пустая честь, — произнес Алафдаль с горечью. — К моим предложениям в совете никогда не прислушиваются. У меня нет власти. Я могу приказывать

только своим личным сторонникам. А у меня их меньше, чем у Абд аль-Хафида и Али-шаха.

— Мы должны опереться на уличную толпу, — ответил Ширкух. — Люди тебя любят. Они почти готовы восстать под твоим руководством, стоит тебе о себе заявить. Но это будет позже. Им нужен предводитель и повод для бунта. Мы предоставим им и то и другое. Но сначала нужно заполучить феринги. Его спасение в наших руках. А потом мы придумаем следующий ход в нашей игре.

Алафдаль-хан насунился, сжимая сильными пальцами тонкую ножку кубка; его обуревали противоречивые чувства: тщеславие, страх, честолюбие.

— Красиво говоришь, — сказал он уныло. — Ты, нищий авантюрист, говоришь, что сделаешь меня эмиром города! Откуда мне знать, что ты не мешок с ветром? Разве тебе под силу сделать меня князем Черных Тигров?

Ширкух поставил кубок и встал. Он мрачно посмотрел сверху вниз на удивленного вазира. Наивность и беззаботность исчезли с его лица. Он произнес единственную фразу, которая заставила Алафдаля приглушенно воскликнуть и вскочить на ноги; он качнулся, как пьяный, хватаясь за диван, и устремил расширенные от изумления глаза на смуглое неподвижное лицо.

— Ты веришь теперь, что я могу сделать тебя эмиром Руб-аль-Харами? — спросил Ширкух.

— Кто может сомневаться в этом? — ответил Алафдаль, тяжело дыша. — Разве вы не возводили королей на троны? Но, с вашей стороны, сумасшествие — прийти сюда! Одно слово толпе, и они разорвут вас на куски!

— Ты не скажешь это слово, — убежденно произнес Ширкух. — Ты не откажешься от власти в Руб-аль-Харами.

Алафдаль-хан медленно кивнул. Огонь честолюбия зажегся в его глазах.

Восход, проливший серый свет через решетку окна, разбудил Брента. Он задумчиво отметил про себя, что, возможно, это последний восход, который он видит как свободный человек. Он горько засмеялся над этой мыслью. Свободный? Но, в конце концов, он был все еще пленником, а не рабом, а между тем и другим было огромное различие — бушующий пролив, пересекая который мужчина или женщина должны были забыть себя навсегда.

Вскоре пришел черный раб, который принес кувшин дешевого кислого вина и еду — рисовые лепешки и сушеные финики. Королевский завтрак по сравнению со вчерашним ужином. Таджик-цирюльник побрил его и подстриг волосы. Ему позволили роскошь вымыться в тюремной ванне — деревянной бадье с холодной водой. И хотя он был рад такому случаю, однако все происходящее казалось ему отвратительным. Он чувствовал себя призовым животным, которое готовят к выставке.

Одноглазый судозай и огромный черный раб вывели его, одетого только в нижнее белье и сандалии, из тюрьмы. Лошади ожидали их у ворот, ему приказали сесть в седло. Он тронул коня и поехал по улице между двумя тюремщиками. Солнце еще не поднялось, а толпа уже собралась на площади. Продажа белого человека была событием. В воздухе висело ожидание, обостренное происшедшим накануне событием.

Посреди площади стоял помост, построенный из прочных каменных блоков, около четырех футов в высоту и тридцати в ширину. Судозай занял на нем свое место, держа в руке веревку, конец которой был обвязан вокруг шеи Брента. Позади них стоял флегматичный черный суданец с обнаженной кривой саблей на плече.

С одной стороны помоста толпа оставила свободное место. Там расположился Абд аль-Хафид верхом

на коне, окруженный отрядом Черных Тигров, выглядевших причудливо в своих церемониальных кольчугах, которые, конечно, могли защитить от клинка, но пуля пробита бы их запросто. Это был еще один из удивительных обычаев города, где традиции занимали место закона: телохранители всегда надевали черные кольчуги. Ими командовал Мухаммед ас-Захир. Другой обычай предписывал присутствие Абд аль-Хафида — не разрешалось вместо себя посылать слугу для покупки раба. Даже эмир обязан был участвовать в торге.

Брент услышал одобрительные восклицания, раздавшиеся в толпе. Алафдаль-хан и Ширкух верхом направлялись к помосту. За ними следовали тридцать пять воинов, хорошо вооруженных и на отличных конях. Али-шаха с его сторонниками не было видно.

Вазир явно нервничал, но Ширкух выступал перед восхищенными взглядами толпы с важным видом, как павлин. На бледном лице Абд аль-Хафида мелькнуло раздражение, когда со всех сторон раздались приветствия. Суровый, мрачный взгляд эмира не сулил ничего хорошего вазиру и его союзникам.

Торг начался внезапно и обиденно. Судозай начал монотонно перечислять достоинства пленника, но Абд аль-Хафид грубо прервал его и предложил пятьдесят рулий.

— Сто! — немедленно выкрикнул Ширкух. Абд аль-Хафид бросил на него раздраженный и угрожающий взгляд. Ширкух нагло усмехнулся. Толпа завоновалась в предвкушении ссоры.

— Триста! — рявкнул эмир, рассчитывая напав сразить этого непочтительного бродягу.

— Четыреста! — бросил Ширкух, пожав плечами.

— Тысяча! — запальчиво выкрикнул Абд аль-Хафид.

Ширкух рассмеялся эмиру в лицо, и толпа засмеялась вместе с ним. Абд аль-Хафид почувствовал себя в дурацком положении. Он не ожидал такого наглого

противодействия и поэтому потерял терпение. Это не укрылось от пристрастных глаз толпы, ведь в таких случаях волчья стая немедленно и безжалостно судит своего вожака. Она отдала свои симпатии смеющемуся молодому незнакомцу, сидевшему в седле с легкой беззаботностью.

У Брента сердце упало в пятки, когда он услышал, что Ширкух вступил в торг. Если этот человек намеревался ему помочь, то выкуп был самым действенным способом это сделать. Но надежда снова оставила его, когда он увидел злобное лицо Абд аль-Хафида. Эмир не упустит свою добычу, и хотя русский еще не заполучил сокровища шайтана, у него, без сомнения, больше денег, чем у Ширкуха.

Заключение Брента отличалось от того, что думал Абд аль-Хафид. Эмир бросил взгляд на Алафдаль-хана, невольно поднявшегося в седле, когда разгорелся торг. Он увидел бусины пота над широкими бровями вазира и понял, что между ним и разодетым молодым чужестранцем сговор. В глазах эмира сверкнула злоба.

По своей натуре Абд аль-Хафид был скупым. Он мог бы расточать золото, как воду, на главное дело, но его раздражала необходимость платить непомерную цену для достижения малой цели. Но каждый в толпе знал, что Алафдаль-хан ссудил деньги Ширкуху и что вазир был одним из самых богатых людей города, к тому же большой транжира. Ноздри Абд аль-Хафида раздулись от ярости, когда он понял, что может оказаться побежденным безрассудной расточительностью Алафдаля, если Ширкух будет упорствовать в своем дерзком противодействии его желанию. Он еще не успел прибрать к рукам сокровища шайтана, а его личный фонд был истощен постоянными тратами на шпионскую сеть и всевозможные интриги. Абд аль-Хафид поднимал цену резким злобным голосом.

Брент наблюдал за происходящим с живым интересом. Обладая интуицией игрока, он понял, что положение эмира пошатнулось. Ширкух во всех от-

ношениях нравился толпе. Люди смеялись над его остроумными репликами, солеными и сверкающими всей стародавней непристойностью Востока, и, прячась за спинами соседей, посмеивались втихомолку над эмиром.

Предложенная цена выросла до невообразимой величины. Абд аль-Хафид чувствовал возрастающую враждебность толпы, в то время как Ширкух крутился в седле, хлопал себя по бедрам и, звонко выкрикивая свою цену, демонстративно размахивал кожаным мешочком, издающим мелодичный звон.

Волнение толпы дошло до предела. В криках людей слышалась свирепость. Брент, взглянув вниз на волнующееся людское море, пришел в замешательство от темных, искаженных яростью лиц, сверкающих глаз и пронзительных голосов. Алафдаль-хан вспотел, но не вмешался в торг, даже когда цена поднялась выше пятидесяти тысяч рупий.

Теперь всем стало ясно, что это был не просто спор из-за предложенной цены, а упорная борьба двух волей, твердых и гибких, как закаленная сталь. Абд аль-Хафид понял, что если он сейчас уступит, его авторитету придет конец. Но, не в силах справиться с овладевшей им яростью, он сделал первую ошибку.

Поднявшись на стремянах, он хлопнул в ладоши и крикнул:

— Давайте прекратим это безумие! Ни один белый раб столько не стоит! Объявляю торг закрытым! Я покупаю этого пса за шестьдесят тысяч рупий! Надсмотрщик, доставь его в мой дом.

Из толпы поднялся рев протеста. Ширкух, подъехав к помосту, прыгнул на него, бросив поводья одному из людей вазира.

— Разве это справедливо? — крикнул он. — Разве это по обычаю? Люди Руб-аль-Харами, я требую справедливости! Я предлагаю шестьдесят одну тысячу рупий и готов предложить больше, если потребуются! Когда это эмиру позволялось пользоваться своей

властью, чтобы грабить и обманывать людей? Да, мы воры, но разве мы грабим друг друга? Кто такой Абд аль-Хафид, чтобы попирает обычаи города! Если они будут нарушены, что удержит вас вместе? Руб-аль-Харами существует так долго только потому, что соблюдает древние традиции. Вы хотите, чтобы Абд аль-Хафид их разрушил. Хотите?

Ему ответил шквал яростных воплей.

— Повинуйся обычаям! — крикнул Ширкух. Толпа подхватила его призыв.

— Повинуйся обычаям! — Это был грохот морских волн о скалы, рев ветра, пронесившегося через ледяные перевалы. Люди выкрикивали эту фразу, вздымая лес рук и потрясая кулаками. Во все времена толпа сходила с ума из-за какого-нибудь лозунга. Завоеватели сметали империи, пророки устанавливали мировые религии благодаря нескольким словам, выкрикнутым в подходящий момент. Все на площади повторяли фразу как ритуальную формулу, покачиваясь, потрясая кулаками, с пеной на губах. Они не рассуждали. Это было море слепых человеческих эмоций, бушующих под штормовым ветром выкрикиваемых слов, которые вызывали ярость и побуждали к действию.

Абд аль-Хафид потерял голову. Он поднял саблю и ударил человека, схватившегося за его стремя с криком: «Повинуйся обычаям, эмир!» Брызнувшая кровь вызвала у людей страсть к убийству. Но толпа все же была только взбесившимся чудищем без головы.

— Очистите площадь! — приказал Абд аль-Хафид. Черные Тигры, опустив копья, двинулись вперед. Их встретил град камней. Ширкух прыгнул на край помоста и, подняв руки, крикнул, прорезая рев толпы своим пронзительным воплем:

— Долой Абд аль-Хафида! Да здравствует Алафдаль-хан, эмир Руб-аль-Харами!

— Да здравствует Алафдаль-хан! — донеслось из толпы, как удар грома.

Абд аль-Хафид поднялся на стремянах:

— Дураки! Вы все сошли с ума! Я позову своих воинов и прикажу очистить площадь!

Ширкух закинул голову и завопил:

— Зови! Ты не успеешь собрать их по тавернам и притонам! Мы зальем площадь твоей кровью! Докажи свое право на власть! Ты нарушил один обычай и ответишь за это, выполняя другой! Люди Руб-аль-Харами, разве не было установлено с древних времен, что эмир должен мечом доказать свое право на титул?

— Да! — взревела в ответ толпа.

— Тогда позвольте Алафдаль-хану сразиться с Абд аль-Хафидом! — крикнул Ширкух.

— Пусть сражается! — загремела толпа. Глаза Абд аль-Хафида покраснели от ярости. Он был уверен в своей военной доблести, но этот бунт довел его до умопомешательства. Город был средоточием его власти. Здесь он до сих пор чувствовал себя в полной безопасности, как паук в центре своей паутины.

Сейчас у него было слишком мало верных людей; многие из них находились вдали, другие были в городе, но не могли ему помочь в этот момент, а маленький отряд телохранителей не сможет защитить его от толпы. Мысленно он решил устроить массовые казни, как только соберет в Руб-аль-Харами значительные силы. Он проучит Алафдаля за его дерзкие притязания.

— Создатель эмиров, да? — прорычал Абд аль-Хафид в лицо Ширкуху, прыгнув с коня на помост. Он выхватил саблю и взмахнул над головой. — Я повешу твою голову на ворота, когда покончу с этим лупоглазым дураком!

Ширкух засмеялся и отступил назад, оттесняя надсмотрщиков и пленника подальше от края помоста. Алафдаль-хан уже взбирался туда с саблей в руке. Но не успел он выпрямиться, как Абд аль-Хафид налетел на него, как смерч. Толпа охнула, испугавшись, что эмир одолеет могучего, но медлительного вазира за

счет своей вихревой скорости. Однако быстрота и погубила русского. В своей дикой ярости Абд аль-Хафид потерял здравый смысл.

Удар, который он метил Алафдалю в голову, мог бы обезглавить и быка, но он начал замах в середине броска и пролетел дальше того расстояния, с которого надо было рубить. Он согнулся, его клинок рассек воздух, когда Алафдаль уклонился, и тогда сабля вазира вонзилась ему в грудь.

Абд аль-Хафид фактически сам себя насадил на клинок Алафдаль-хана. Бросок, удар, встречный выпад — и эмир расстался со своей жизнью, как оскалившаяся крыса, — все это произошло буквально за одно мгновение, в течение которого толпа затаила дыхание.

Ширкух прыгнул вперед, как пантера, воспользовавшись моментом молчания. Алафдаль стоял, раскрыв от удивления рот, и тупо глядел на окровавленную саблю и мертвого человека у своих ног.

— Да здравствует Алафдаль-хан, эмир Руб-аль-Харам! — завопил курд, и толпа грохнула в ответ.

— На коня, дружище, быстро! — буркнул Ширкух в ухо Алафдалю, подталкивая его к краю помоста.

Толпа бушевала с жестокой радостью шайки, получившей такого главаря, какого ей хотелось. Когда вазир, все еще растерянный, сел на коня, Ширкух повернулся к ошеломленным Черным Тиграм.

— Собаки! — загремел он. — Постройтесь и сопроводайте своего нового хозяина во дворец, как положено по его титулу! Он отправляется в совет имамов!

Они неохотно двинулись вперед, опасаясь стихийной расправы. Однако в это время на площади возникла суматоха. Али-шах в сопровождении вооруженных сторонников прокладывал себе путь через толпу. Он остановился перед отрядом всадников в кольчугах. Толпа оскалила зубы, вспомнив вражду гильзай со своим новым эмиром. И все же Али-шах был тверд как

сталь. Он не отступил, а у Алафдаля при виде врага в глазах мелькнула прежняя нерешительность.

Ширкух повернулся к Али-шаху с тигриной подозрительностью, но прежде чем кто-либо что-то успел сказать, из окружения гильзай вынырнул человек и прыгнул на помост. Это был шинвари, на которого Ширкух наехал накануне. Указав пальцем, он крикнул:

— Это обманщик, братья! Я узнал его! Я вспомнил! Он не курд.

Ширкух выстрелил в него в упор. Шинвари покачнулся и, ухватившись за ограждение на краю помоста, медленно сполз вниз. Он приподнялся на локте и снова ткнул в Ширкуха пальцем. Его голос четко прозвучал во внезапно наступившем молчании:

— Клянусь Аллахом, он не мусульманин! Это Аль-Борак!

Трениет прошел по толпе.

— Подчиняйтесь обычаям! — с издевкой крикнул Али-шах. — Вы убили своего эмира из-за безделицы. Здесь стоит человек, который попрам самый важный обычай. Аль-Борак, неверный, пробрался в наш город!

В его голосе звучала такая убежденность, что никто не усомнился в правдивости сказанного. Ошеломляющее открытие поразило всех немотой. Но только на мгновение. Напряженная тишина разорвалась лавиной криков:

— Долой неверных! Смерть Аль-Бораку! Смерть Алафдаль-хану!

Брент увидел, как толпа поднялась, словно пенящийся поток, и перелилась через край помоста. Грохот револьвера в руке Аль-Борака заглушил ее глухой рев, брызнула кровь, и в тот же момент помост усеялся мертвыми телами, о которые спотыкались ринувшиеся к Аль-Бораку люди.

Воспользовавшись свалкой, тот прыгнул к Бренту, свалил его стража ударом рукояти револьвера и, схватив ошеломленного пленника, потащил его к чер-

ному жеребцу, поводья которого были все еще в руке у одного из вазиров. Озверевшие люди толпились, как стая волков, вокруг Алафдаля и его воинов. Черные Тигры и Али-шах старались пробиться через их гущу. Алафдаль орал что-то отчаянно Аль-Бораку и бешено махал саблей, отбиваясь от наседавших врагов. Вазир обезумел. Минуту назад он был эмиром Руб-аль-Харамии, и толпа приветствовала его, а теперь те же самые люди пытались выбить его из седла.

— Беги, Алафдаль! — крикнул Аль-Борак.

Он прыгнул в седло в тот момент, когда человек, державший лошадь, упал с пробитой булыжником головой. Головорез, убивший его, рванулся вперед и схватил всадника за ногу. Аль-Борак резко ударил серебряным каблуком ему в глаз, и тот, обливаясь кровью, упал на землю. Он безжалостно рубанул чью-то руку, схватившуюся за повод, и отбросил назад наседающих на него людей взмахом сабли.

— Садитесь позади меня, Брент! — приказал он, удерживая рвущегося коня рядом с помостом.

И только услышав английскую речь с родным юго-западным акцентом, Брент понял, что все это не сон и он действительно встретил человека, которого так долго искал.

Отбившись кулаками от наседающих людей, Брент прыгнул на жеребца позади седла и ухватился за заднюю луку, удерживаясь от естественного порыва схватиться за человека, сидевшего впереди.

Жеребец подобрался и устремился вперед, сбивая всех, кто попадался ему на пути. Кости трескали под его копытами. Взглянув поверх голов, Брент увидел, что Али-шах и его всадники, яростно отбиваясь от толпы мечами, стараются добраться до Алафдаль-хана. Али-шах был уже не так невозмутим, как раньше; лицо его перекосилось от ярости.

Жеребец пробивался через людское море; его всадник ударял саблей направо и налево, прокладывая себе кровавую дорогу. Брент чувствовал, как множе-

ство рук цеплялись за них, чтобы стащить с коня, видел, как безжалостные копыта размалывают падающие тела. Перед ними Алафдаль-хан вместе со своими людьми прорубал дорогу к западной стороне площади. Около десятка его сторонников были стащены с седел и разорваны на куски.

Аль-Борак вытащил винтовку из седла и выстрелил в рычащие лица. Он направил жеребца туда, где плотное кольцо людей сжималось вокруг Алафдаль-хана. Наконец оно было разорвано с внешней и внутренней стороны. Черный конь продолжал двигаться вперед в то время, как его всадник кричал:

— Давай за мной! Нужно укрыться в твоём доме, Алафдаль-хан!

Вазир ехал вплотную за ним. Он отказался бы от Аль-Борака, если бы у него был выбор. Но люди объединили их в своей слепой ярости против нарушителей обычаев. Когда они пробивались, Черные Тигры позади них в первый раз пустили в ход свои винтовки. Град пуль усеял площадь, опустошив половину вазирских седел. Спасшиеся устремились в кривую узкую улочку.

Масса рычащих людей перекрыла им дорогу. С силой брошенный камень попал Бренту в плечо. Аль-Борак пользовался разряженной винтовкой как дубинкой. Бросившись вперед, они пробились через толпу, заполнившую улицу.

Огромный черный жеребец заржал и ринулся по улице, стуча копытами, как деревянными молотками, а его всадник бешено размахивал расколотым и залитым кровью прикладом. Но позади них конь Алафдаль споткнулся и упал. Распущенный тюрбан вазира и его сабля показались на мгновение над морем голов и поднятых рук. Его люди бросились вперед, чтобы спасти своего предводителя, но были окружены плотной толпой, которая хлынула с площади и заполнила улицу. Покалеченная лошадь, храпя и заливаясь ржанием, металась среди кричащих людей. Аль-Борак повер-

нул своего жеребца назад к свалке, спеша на выручку Алафдалю. Их снова окружила толпа. Один из нападавших, схватив Брента за ногу, стащил с лошади. Когда они покатались в пыль, афганец подмял Брента под себя и, по-обезьяньи визжа, вытащил кривой нож. Лезвие молнией сверкнуло в солнечном свете. Брент замер, понимая, что это смерть. Но в этот момент Аль-Борак, натянув поводья, крутанул своего жеребца, наклонился с седла и ударил афганца по голове прикладом винтовки. Тот упал на Брента, придавив его своей тяжестью.

Вдруг из сводчатого дверного проема старинного дома грохнул выстрел. Жеребец громко заржал — половина его головы была снесена выстрелом. Аль-Борак упал удачно. Вскочив на ноги, как дикий кот, он швырнул разбитую винтовку в надвинувшихся на него людей, а затем отпрыгнул назад, вытаскивая саблю. Она сверкнула, как молния, и три человека упали с расчеченными головами. Но остальные обезумели от крови и, не обращая внимания на упавших, бросились на него, потрясая палками и булыжниками. Они оттеснили его в сводчатый проем. Тонкие доски вдавлились внутрь под напором множества тел. Аль-Борак скрылся в доме. Толпа хлынула за ним.

Брент сбросил с себя обмякшее тело афганца и поднялся. Он взглянул на свалку, крутившуюся вокруг поверженного вождя, где Али-шах и его всадники рубили толпу мечами. Мелькнул брошенный кем-то булыжник, и Брент с пробитой головой упал в пыль.

* * *

Сознание медленно возвращалось к Стюарту Бренту. Голова у него разламывалась от боли; проведя по ней рукой, он ощутил под пальцами слипшиеся от застывшей крови волосы. Брент с трудом приподнялся на локтях и, через силу подняв голову, осмотрелся. Он лежал на каменном полу, замусоренном гнилой

соломой. Свет лился из зарешеченного окна под самым потолком. Дверь была забрана толстыми металлическими прутьями. Рядом с ним лежал еще один человек. Он сел, скрестив ноги, и посмотрел на Брента в упор. Это был Алафдаль-хан. Всклопоченная борода его была запачкана кровью, бритая голова и распухшее лицо покрыты синяками и ссадинами, расплющенное ухо кровоточило. В камере лежали еще трое, один из них стонал. Все были ужасно избиты. У стонущего человека, вероятно, была сломана рука.

— Они не убили нас! — удивленно произнес Брент. Алафдаль-хан помотал головой, морщась от боли, и простонал:

— Проклят тот день, когда я доверился Аль-Бораку!

Один из лежавших в стороне людей прополз в сторону Брента.

— Я Ахмет, сагиб¹, — сказал он, сплевывая кровь через разбитые зубы. — А там лежат Хасан и Сулейман. Али-шах и его люди отбили нас у толпы, но искалечили так, что все умерли, кроме тех, кого вы видите. Аллах спас нашего господина.

— Мы в Чертовом Логове? — спросил Брент.

— Нет, сагиб. Мы в общей тюрьме, которая стоит у западной стены.

— Почему они спасли нас от толпы?

— Чтобы предать более изощренной смерти. — Ахмет содрогнулся. — Знает ли сагиб о той казни, к которой Черные Тигры приговаривают изменников?

— Нет. — У Брента вдруг пересохла губы.

— Завтра ночью с нас сдерут кожу. Это старый языческий обычай. Руб-аль-Харам — город обычаев.

— Да, я это знаю, — мрачно сказал Брент. — А что с Аль-Бораком?

— Он исчез в каком-то доме. За ним бросилась целая толпа. Они, наверное, схватили его и убили.

¹ Сагиб — господин (хинди).

Гордон упал в темную, устланную коврами прихожую, когда дверь сломалась под напором его твердого, как железо, плеча. Преследователи, ринувшиеся следом, застряли в узком проеме, образовав давку, быстро превратившуюся под ударами сабли Аль-Борак в груды окровавленных тел. Прежде чем живые смогли очистить проход от мертвых, он бросился в глубь дома.

Повернув за угол, Гордон пробежал через комнату, где при его появлении женщины подняли страшный визг, затем выпрыгнул через окно в узкий переулок, перемахнул низкую ограду и оказался в небольшом саду. Позади слышались крики сбитых с толку преследователей. Он пересек сад и через полуоткрытую дверь вбежал в коридор. Крутом не было ни души, только слышалась заунывная песня раба, да раздавался яростный лай собак с той стороны, где шла погоня. Гордон двинулся по коридору, стараясь не стучать серебряными каблуками. Вскоре он добрался до винтовой лестницы и бесшумно поднялся наверх, осторожно ступая по ступеням. Оказавшись на втором этаже, он увидел занавешенную шелковой портьерой дверь и услышал за ней слабый мелодичный звон. Гордон глянул из-за занавеси в полуоткрытую дверь. В богато обставленной комнате, спиной к нему, сидел осанистый седобородый человек и, вынимая монеты из кожаного мешочка, считал и бросал их в черный сундук. Он был так поглощен своим занятием, что не замечал громких криков, доносившихся снизу, а может быть, просто не обращал на них внимания, поскольку уличные схватки в Руб-аль-Харами были слишком привычны и не могли заинтересовать зажиточного купца, занятого подсчетом своего богатства.

На лестнице послышался быстрый топот. Гордон нырнул в полуоткрытую дверь и спрятался в складках занавеси. Богато одетый молодой человек с саблей в

руке взбежал наверх и влетел в комнату. Откинув занавесь в сторону, он задержался на пороге, задыхаясь от спешки и волнения.

— Отец! — крикнул он. — Аль-Борак в городе! Разве ты не слышишь, что творится внизу? Его ищут по домам! Он может скрываться у нас. Люди сейчас обыскивают нижние комнаты...

— Пускай ищут, — ответил старик. — Останься здесь со мной, Абдулла. Закрой и запри дверь. Аль-Борак опасен, как тигр.

Юноша, повернувшись к двери, вместо мягкой ткани занавеси почувствовал что-то твердое. В тот же миг сильная рука обхватила его за шею, прерывая вскрик. Ощувив легкий укол ножа в спину, он оглянулся и замер от страха. Сабля выскользнула из ослабшей руки, ударившись о порог. Старик обернулся на звук и выронил мешок с монетами.

Не ослабляя хватки, Гордон толкнул юношу в комнату.

— Не двигайся, — предупредил он старика и потащил своего дрожащего пленника в устланную коврами нишу. Прежде чем скрыться в ее глубине, он коротко сказал купцу:

— Они уже поднимаются по лестнице. Встреть их у двери и заставь уйти. Не пробуй подмигиванием или жестом выдать меня, если тебе дорога жизнь сына.

Глаза старика расширились от ужаса. Гордон хорошо знал силу родительской любви. Очень часто это чувство побеждало ненависть, вероломство и жестокость. Купец мог пренебречь своей собственной жизнью, если бы был один, но американец знал, что он не рискнет жизнью своего сына.

По ступеням застучали сандалии, и послышались грубые голоса. Спотыкаясь, старик торопливо направился к двери. Он просунул голову через занавеску и раздраженно закричал:

— Аль-Борак? Собаки! Убирайтесь отсюда! Если он в доме Нуреддина аль-Азиза, то только не здесь.

Ищите внизу! Ступайте, ищите везде! Будьте вы прокляты!

Снова слышался топот. Шаги и голоса постепенно затихли. Гордон вытолкнул Абдуллу в комнату.

— Запри дверь, — приказал американец.

Нуреддин подчинился с ненавистью во взгляде и с перекошенным от страха лицом.

— Я останусь пока в этой комнате, — заявил Гордон. — Если ты обманул меня... если кто-нибудь пересечет этот порог, первый удар будет Абдулле в сердце.

— Что тебе надо? — взволнованно спросил Нуреддин.

— Дай мне ключ от двери. Нет, положи его на стол. А сейчас иди на улицу и узнай, жив ли феринги и кто-нибудь из вазиров. Потом возвратись ко мне. И держи язык за зубами, если любишь своего сына.

Купец молча покинул комнату. Американец связал Абдулле кисти рук и лодыжки узкими полосами ткани, оторванной от занавеси. Юноша, побелевший от страха, не сопротивлялся. Гордон, толкнув его на диван, перезарядил свой револьвер, затем сбросил с себя халат, превратившийся в лохмотья; белая шелковая рубашка под ним была разорвана, штаны запачканы кровью.

Вскоре вернулся Нуреддин. Он постучал и назвал себя. Гордон открыл дверь и отступил назад, держа револьвер в нескольких дюймах от уха Абдуллы. Но старик был один. Поспешно шагнув внутрь, он вздохнул с облегчением, увидев сына невредимым.

— Люди прочесывают город. Али-шах сам себя объявил князем Черных Тигров. Имамы его утвердили. Толпа разграбила дом Алафдаль-хана и убила всех вазиров, которых нашла. Но феринги живы, а также Алафдаль-хан и еще три человека. Они сидят в общей тюрьме. Этой ночью они умрут.

— Твоих людей удивило, что я у тебя?

— Нет. Никто не видел, как ты вошел.

— Хорошо. Принеси вина и еды. Имей в виду, что Абдулла все попробует, прежде чем я стану есть.

— Моим рабам покажется странным, если они увидят, что я сам несу еду.

— Иди на лестницу и прикажи им сверху. Пусть поставят еду у двери, а потом вернутся вниз.

Когда все было сделано, Гордон с удовольствием пообедал, не переставая держать револьвер у головы Абдуллы.

Время шло. Аль-Борак сидел без движения; ни один мускул не дрогнул у него на лице. Афганцы наблюдали за ним с ненавистью и страхом. Наступил вечер. После многочасового молчания Аль-Борак обратился к Нуреддину:

— Иди, достань мне халат и плащ из черного шелка, а также черный шлем, как у Черных Тигров. Еще принеси сапоги с низкими каблуками и маску, какую члены клана надевают, когда идут на свои тайные собрания.

Старик посмотрел на него косо и нахмурился:

— Одежду я могу принести из своей лавки. Но как мне раздобыть шлем и маску?

— Это твое дело. Говорят, золото может открыть любую дверь. Ступай!

Как только Нуреддин ушел, Гордон сбрил усы, используя острый кинжал вместо бритвы. Вместе с усами исчез и последний след курда Ширкуха.

Сумерки опустились на Руб-аль-Харами. Комната, казалось, наполнилась синим туманом, размывшим очертания предметов. Гордон зажег бронзовую лампу, когда Нуреддин вернулся с вещами.

— Положи все это на стол и сядь на диван,— скомандовал он. Когда купец выполнил приказание, американец связал ему запястья рук и лодыжки. Потом надел сапоги и халат, водрузил черный блестящий шлем на голову и запахнулся в черный плащ. Сунув маску за пазуху, он повернулся и спросил у Нуреддина:

— Похож я на Черного Тигра?

— Сохрани нас Аллах! Ты похож на Дхира Азраила, палача Черных Тигров, когда он идет казнить по приказу эмира.

— Хорошо. Я много слышал об этом человеке, который убивает тайно и движется в ночи, как черный джинн. Говорят, немногие видели его лицо.

— Упаси Аллах его увидеть! — воскликнул Нуреддин.

Гордон взглянул в окно. Звезды мерцали на темном небе.

— Я уйду из твоего дома, Нуреддин, — сказал он. — Но, чтобы ты не перебудил домочадцев после моего ухода, я заткну рот тебе и Абдулле.

— Мы задохнемся, — жалобно простонал Нуреддин. — Мы умрем от голода в этой комнате.

— Ничего с вами не случится, — заверил его Гордон. — Ни один человек не задохнулся от того, что ему заткнули рот. Разве Аллах не дал тебе нос, чтобы дышать? Слути найдут вас утром и освободят.

Ловко заткнув им рты, Гордон сказал купцу:

— Смотри, я не прикоснулся к твоему мешку с деньгами, и будь благодарен!

Закрыв за собой дверь на замок, он покинул комнату, рассчитывая, что пройдет несколько часов, прежде чем его пленники смогут выплюнуть кляпы и поднять домочадцев своими криками.

Двигаясь по слабо освещенным коридорам, как черное привидение, Гордон спустился по лестнице и вышел в прихожую. Чернокожий раб, свесив голову на широкую грудь, сидел на полу у последней ступеньки; его храп разносился по всему дому. Он не видел и не слышал, как мимо него промелькнула черная тень. Гордон осторожно снял задвижку на двери и выскользнул в сад. Широкие листья деревьев и нежные лепестки цветов недвижно застыли под светом звезд. В городе стояла тишина. Люди рано скрылись за закрытыми на запоры дверьми. Лишь бездомные бродяги

слонялись по улицам, да рыскали патрули, продолжавшие искать Аль-Борака.

Гордон перелез через стену и спрыгнул в узкий переулок.

Он знал, где находилась тюрьма, так как еще в роли Ширкуха познакомился с общим планом города, и уверенно шел, держась ближе к стене, но не крадучись: его поведение должно было показать случайному наблюдателю, что у него нет причин скрываться, но он предпочитает оставаться неузнанным.

Улица казалась пустынной. Из какого-то сада слышались поющие голоса и бречание зурны. Где-то раздавались сдавленные стоны и звуки ударов по голому телу.

Однажды Гордон услышал перед собой звон стали и быстро нырнул в темный переулок, чтобы пропустить патруль. Это были солдаты в черных кольчугах, шагавшие строем с винтовками в руках.

Воины внимательно всматривались в темноту и держались близко друг к другу; на их лицах читался страх перед добычей, за которой они охотились. Когда Черные Тигры свернули за угол, Гордон вышел из своего укрытия и поспешно двинулся дальше.

Он должен был полагаться на свою маскировку, пока не достигнет тюрьмы. Впереди недалеко от него из-за угла снова показался отряд вооруженных людей. Прятаться было поздно. Замедлив шаг, Гордон пошел размеренно и величественно. Плащ закрывал его полностью. Голова оставалась слегка опущенной, будто он пребывал в мрачной задумчивости. Он двигался, не обращая внимания на солдат, и они отпрянули, перешептываясь:

— Аллах сохрани нас! Это Дхира Азраил. Рука ангела смерти! Приказ уже отдан!

И поспешно двинулись дальше, боясь оглянуться назад.

Вскоре Гордон достиг низкой арки тюремной двери. Под ней толпилось около десятка стражников.

Стволы их винтовок поблескивали синевой в свете факела, закрепленного в нише стены. Винтовки мгновенно повернулись в сторону человека, вынырнувшего из темноты. Затем стражники заколебались, глядя расширенными от страха глазами на мрачную черную фигуру, молча остановившуюся перед ними.

— Простите! — виноватым голосом сказал начальник стражи. — Мы вас сразу не узнали в темноте... Не знали, что приказ уже отдан.

Рука черного призрака, наполовину укрытая плащом, указала на дверь. Стражники открыли створки, спотыкаясь второпях и низко кланяясь. Когда черная фигура прошла мимо них, они закрыли дверь и стали в ряд.

— Их казнят в тюрьме. Никто ничего не увидит, — шепнул один другому на ухо.

7

В камере, где сидели Брент и вазирь, время тянулось медленно. Хасан стонал от боли в сломанной руке, Сулейман проклинал монотонным голосом Али-шаха. Ахмет не прочь был поговорить, но в его разговорах не было и просвета надежды. Алафдаль-хан сидел молча, подавленный всем случившимся.

Еды им не дали, только тухлую вонючую воду, большую часть которой они использовали, чтобы обмыть раны. Брент предложил вправить и перевязать Хасану руку, но остальные не проявили к этому никакого интереса. Ведь у Хасана оставался лишь один день жизни. Зачем беспокоиться? К тому же не из чего было сделать лубки.

Брент сидел, прислонясь спиной к стене, и смотрел через зарешеченное окно на маленький клочок голубого гималайского неба. К концу дня тот поблек, затем порозовел от заката, а в наступивших сумерках стал темно-красным. Вскоре на квадрате темно-синего бар-

хата появился рой белых звезд. Снаружи, в коридоре, который тянулся между камерами, зажгли бронзовые лампы, и он безотчетно подумал о том, из какой дали было привезено масло, питавшее горящие фитили.

В их тусклом, мерцающем свете появился человек, закутанный в плащ. Он приблизил лицо, покрытое шрамами и перекошенное издевательской улыбкой, к прутьям двери. Ахмет вскрикнул; его глаза расширились от страха.

— Ты узнал меня, собака? — спросил незнакомец. Ахмет кивнул, облизнув вдруг пересохшие губы.

— Значит, мы умрем сегодня ночью? — спросил он.

Тот качнул головой.

— Держи язык за зубами. Пока не отдан приказ, остальным не обязательно знать, кто я. Мне велено сторожить вас. Али-шах боится, что Аль-Борак попытается проникнуть в тюрьму.

— Значит, Аль-Борак жив! — воскликнул Брент, для которого все в этом разговоре, кроме последней фразы, было непонятно.

— Пока жив, — засмеялся незнакомец. — Но если он в городе, его поймают, а если сбежал, то далеко не уйдет. Перевал закрыт усиленной стражей, всадники прочешут равнину и горы. Если он придет сюда, тем лучше. Али-шах послал меня его здесь встретить. Я сделаю это лучше, чем отряд солдат.

Когда страж отправился в другой конец коридора, Брент спросил:

— Кто этот человек?

Ахмет не желал ни о чем говорить. Он пожал плечами, отошел в угол и сел там, опустив голову. Его плечи время от времени вздрагивали, как будто он видел змею или какую-то нечисть.

Брент вздохнул и растянулся на соломе. Его избитое тело болело. Он хотел есть.

Вскоре послышался стук открываемой внешней двери, донеслись неразборчивые голоса, и снова бряк-

нули засовы. Брент лениво отметил про себя, что, должно быть, поменялась стража. Затем послышались шаги. По коридору шел какой-то человек. Вот он приблизился к решетке настолько, что его можно было рассмотреть. Брент похолодел. Подошедший был одет в черное с головы до ног. Он был плотно закутан в плащ, остроконечный шлем делал его неестественно высоким, но наиболее зловещей деталью в его облике казалась черная маска, спадающая свободными складками до груди.

По телу Брента пробежала дрожь. Почему этот закутанный в плащ человек появился здесь во мраке ночи? Остальные тоже смотрели испуганно. Даже Алафдаль вышел из своего оцепенения. Хасан прошептал:

— Это Дхира Азраил!

Удивление, смешанное со страхом, появилось в глазах Ахмета. Человек с иссеченным шрамами лицом вдруг вышел из глубины коридора и столкнулся с незнакомцем в маске как раз перед дверью камеры. Свет лампы осветил его лицо, на котором играла смутная циничная улыбка.

— Что тебе нужно? Я здесь сторожу.

Голос человека в маске прозвучал приглушенно:

— Я Дхира Азраил. Приказ отдан. Открой дверь. Тот низко поклонился и тихо произнес:

— Слушаю и повинуюсь, мой господин!

Он повернул в замке ключ, открыл тяжелую дверь и поклонился снова, подобострастным жестом приглашая войти. Человек в маске двинулся вперед. Потрясенный Ахмет наконец пришел в себя.

— Аль-Борак! — воскликнул он. — Берегись! Это он Дхира Азраил!

Человек в маске мгновенно обернулся. Нож палача, нацеленный ему в голову, скользнул по шлему. Настоящий Дхира Азраил зарычал, как дикий зверь, но, прежде чем он успел ударить снова, Аль-Борак нанес ему сокрушительный удар кулаком по скуле. Палач свалился на пол без чувств.

Когда Гордон прыгнул в камеру, ошеломленные пленники медленно поднялись на ноги. Все были поражены, кроме Ахмета, который, зная, что человек со шрамами на лице и был Дхира Азраил, догадался, что незнакомец в маске — это Аль-Борак, и действовал соответственно. Остальные поняли, что произошло, только когда Гордон снял маску.

— Все в состоянии идти? — торопливо спросил он. — Хорошо! Нам придется проделать долгий путь. Я не смог приготовить лошадей.

Алафдаль-хан тупо посмотрел на него.

— Зачем мне идти? — пробормотал он. — Вчера я был богат и имел власть, а сейчас я голодранец. Стоит мне покинуть Руб-аль-Харами, как эмир схватит меня и отрубит голову. Я встретил вас, Аль-Борак, в несчастливый день. Вы воспользовались мной для своих интриг.

— Да, это действительно так, Алафдаль-хан, — ответил Гордон, прямо глядя ему в глаза. — Я сделал бы тебя эмиром, если бы обстоятельства не сложились против нас. Но мы ведь остались в живых. Смелый человек всегда может заново построить свою жизнь. Обещаю, если нам удастся бежать, верховный эмир простит тебя и этих людей.

— Аль-Борак не бросает слов на ветер, — убежденно сказал Ахмет. — Он пришел и освободил нас, хотя мог бежать один. Мужайтесь, господин!

Гордон разоружил палача, у которого оказалось два немецких револьвера, сабля и кривой нож. Один револьвер он вручил Бренту, другой — Алафдаль-хану. Ахмет получил саблю, Сулейман — нож, а свой кинжал Гордон отдал Хасану. Он предложил Бренту, который был почти голым, надеть одежду палача.

Короткая борьба не произвела никакого шума, и они надеялись, что стража ничего не слышала. Гордон вел свой отряд по коридору между рядами пустых камер, пока они не дошли до дверей. Снаружи не доносилось ни звука. Значит, отряд солдат, пропустив в тюрьму палача, ушел. Возможно, они решили, что

охранять больше некого, возможно, понадеялись на прочную дверь. Считалось, что ее не возьмет даже артиллерия. Она была из сплошного металла и закрывалась огромным засовом, вставленным в железные скобы, намертво вбитые в каменную стену. Понадобилась вся сила Гордона, чтобы вытащить засов из скоб. Дверь тихо открылась в темноту узкого переуллка, и пленники оказались на свободе.

Гордон плотно закрыл дверь. Он не знал, сколько времени у них в распоряжении. Стражники, вероятно, что-то заподозрят, если долго не увидят возвращения Дхира Азраила, но он рассчитывал, что караул не сможет преодолеть свой сверхъестественный страх перед палачом и не отправится проверять, в чем дело. Что касается самого Дхира Азраила, то он уже никогда не встанет. Аль-Борак позаботился об этом.

Тюрьма располагалась недалеко от западной стены. Они никого не встретили, торопливо пробираясь по кривому вонючему переулку, пока не достигли стены в том месте, где ряд узких ступеней вел наверх. Беглецы притаились в тени под лестницей, прислушиваясь к шагам двух часовых, которые, встречаясь на карнизе, обменивались паролем и двигались дальше. Когда шаги затихли в отдалении, маленький отряд крадучись стал подниматься по ступеням. Гордон задержался, снимая веревку с шеи верблюда, бродившего поблизости от стены. Догнав своих спутников, он сделал свободную петлю, которую можно было закрепить на поясе. Один за другим они быстро заскользили вниз. Гордон, покинув стену последним, сорвал веревку и свернул ее кольцом. Она могла еще пригодиться.

Ветер, носившийся по равнине, трепал волосы на голове у Брента. Наконец они свободны, вооружены и за пределами дьявольского города. Но внереди их ждали самые большие трудности. Не говоря ни слова, люди двинулись за Гордоном через темную равнину.

Отойдя на безопасное расстояние, он остановился, остальные столпились вокруг него.

— Все дороги, которые ведут из Руб-аль-Харами, для нас закрыты, — резко объявил Аль-Борак. — Перевал забит солдатами. Единственное направление, где мы можем надеяться на спасение, — восток.

— Большой хребет перережет нашу тропу на востоке, — тихо произнес Алафдаль-хан. — Пересечь его можно только по перевалу Надир-Хан.

— Есть другой путь, — ответил Гордон. — Это перевал, который находится далеко на севере от Надир-Хана. К нему нет ни одной дороги. Многие сотни лет им не пользовались. Но название его сохранилось — Сабельный перевал. Думаю, он где-то на востоке. Я никогда не был по другую сторону хребта, но надеюсь, что смогу провести вас через этот забытый перевал. До него много дневных переходов, путь ведет в дикие горы. Но это единственная возможность спасения. Нам нужно достать лошадей и пищу. Кто из вас знает, где за стенами города можно достать лошадей?

— Вон там, на северном краю равнины, где начинается ущелье, — сказал Ахмет. — Там в деревне, я знаю, есть лошади. Только они не верховые.

— Ничего, стодятся. Веди нас туда.

Идти было нелегко через усеянную камнями и перерезанную лощинами равнину. Они так ослабели от побоев, что с трудом поспевали за своим проводителем. Сломанная рука причиняла Хасану режущую боль, и он едва удерживался от стонов. Прошло почти два часа мучительного путешествия, прежде чем они добрались до загона, сделанного из камней, скрепленных глиной, и услышали, как внутри топают и ржут лошади, встревоженные их приближением. Кучка домов рассыпалась в широком устье неглубокого ущелья, выделяясь светлыми пятнами на фоне темных гор.

Гордон опередил остальных. Когда крестьянин вышел из своей хижины, высматривая волков, кото-

рые, как он думал, испугали его лошадей, позади мелькнула тень и железные пальцы сомкнулись на его шее. Угроза, которую прошипели ему в ухо, заставила его замереть, хотя он и отважился издать протестующий вопль, увидев, как неизвестные люди выводят и седлают его лошадей.

— Сагиб, я бедный человек! Эти лошади не господские, они мои! Аллах мне свидетель!

— Проломи ему голову, — предложил Хасан, которого боль сделала кровожадным.

Но Гордон успокоил хозяина пригоршней золота, на которое можно было купить втрое больше лошадей, чем у него забрали. Крестьянин, ошеломленный столь щедрой наградой, прекратил свои причитания, обругал выбежавших жен и детей, заставив всех замолчать, и по приказанию Гордона принес всю еду, какая нашлась в доме, — лепешки, вяленую баранину, соль и яйца. Ничтожно мало для предстоящего тяжелого пути. Мешки с кормом для лошадей привязали позади каждого седла, а также нагрузили на запасную лошадь.

Пока седлали лошадей, Гордон при свете лампы, которую принесла под навес дрожавшая от страха женщина, вырезал лубки, разорвал рубашку для повязки и, вправив Хасану руку, привязал ее к груди раненого. С чужой помощью Хасан смог сесть на лошадь, хотя вскрикнул и позеленел от боли.

Покинув селение, они двинулись в ущелье, которое вело в горы, где не было троп. Хасан настаивал, что необходимо перерезать глотки всему семейству крестьянина, но Гордон запретил это делать.

— Да, я знаю, что, как только мы скроемся из виду, он пойдет в город и предаст нас. Но ему придется идти пешком. Мы будем уже далеко в горах, пока он доберется до городских стен.

— В Руб-аль-Харами людей натаскивают, как охотничьих собак, — сказал Ахмет. — Они могут выследить волка в голых камнях.

Восход солнца застал путников высоко в горах. Они прокладывали себе дорогу по вероломным, усеянными камнями склонам, пересекали сухие русла рек и постоянно смотрели на солнце, чтобы не потерять направление. Брент уже запутался. Ему казалось, что они заблудились в лабиринте скал, только покрытые снегом вершины Большого хребта постоянно маячили перед ними.

Всю дорогу Брент присматривался к Гордону. В его поведении ничто не напоминало курда Ширкуха. Исчезли и курдский акцент, и мальчишество, и веселое щегольство, и павлинье тщеславие в одежде, и даже широкий, вразвалочку, шаг кавалериста. Настоящий Гордон был полной противоположностью человеку, чью роль он блестяще играл. Вместо важничающего, разнаряженного, хвастливого юноши он видел зрелого мужчину с твердым взглядом, скупого на слова, в котором не замечалось и следа эгоизма или бахвальства. И ничего восточного в чертах лица. Гордон стал другим и выражением лица, и манерой держаться. Брент понял, что совершенное преображение Гордона в курда не зависело от каких-то искусственных средств: одежды или усов. Он перевоплотился в Ширкуха благодаря тому, что полностью постиг дух персонажа, которого играл. Он так изумительно изобразил человека, совершенно отличного от него по характеру и свойствам личности, что трудно было поверить, что Ширкух и Гордон — одно лицо. Только глаза его не изменились — блестящие черные глаза, отражающие варварскую жизненную силу и твердый характер.

Гордон не склонен был к разговорам и не нарушил бы молчания, если бы Брент не стал его расспрашивать.

— Я выехал из Кабула один, — начал он свой рассказ, отвечая на настойчивые вопросы Брента, — а потом прихватил по дороге полдесятка афридиев. Нет необходимости занимать ваше время рассказом, куда

и зачем я направлялся. Я стал курдом после того, как основательно утлубился в горы, вот почему вы потеряли мой след. Никто не знал, кроме афридиев, что Ширкух — это я. Но прежде чем я завершил свою миссию, до меня дошел слух, что какой-то феринги с эскортом из Кабула разыскивает Аль-Борака. Новость быстро разнеслась среди племен. Я вернулся, чтобы разыскать вас, и вскоре увидел, что вы попали в плен. Я не знал, кто вас захватил, но видел, что их было слишком много для сражения. Единственным выходом были переговоры. Подъехав к отряду и увидев Мухаммеда ас-Захира, я понял, кто они, и солгал, что потерялся в горах и хочу вместе с ними ехать в Руб-аль-Харам. А потом я подал сигнал своим людям — вы их видели. Это они обстреляли караван, когда мы въехали в долину, где был источник.

— Но вы застрелили одного из них.

— Я стрелял поверх голов. Они тоже намеренно мазали. Мои выстрелы — один, пауза, затем еще три подряд — являлись сигналом, услышав который они должны были вернуться на место нашей встречи у Калат-аль-Джеханджир и ждать меня там. Когда один из них упал на шею лошади — это означало, что афридии поняли приказ. У нас целый набор различных сигналов.

Я собирался оставить вас в первую же ночь, но когда вы передали мне послание Стоктона, то решил остаться. Мне сразу стало ясно, какую опасность представляет собой новый князь Черных Тигров. Воображаю себе Индию под управлением такой свиньи, как Жакрович!

Я знал, что в Руб-аль-Харам новый эмир, но, конечно, не предполагал, что это Жакрович. Меня никогда не интересовали Черные Тигры — я просто не придавал им значения. Но, узнав от вас о Жакровиче, я понял, что он охотится за золотом из пещеры шайтана. В этом не было сомнения. О да, я знал об обычае дарить каждый год золото дьяволу. Мы со Стоктоном

однажды обсуждали, какая опасность будет грозить миру в Азии, если оно попадет в руки какому-нибудь белому авантюристу.

Итак, я должен был ехать в Руб-аль-Харами. Было крайне рискованно открыться вам, кто я, — слишком много людей шпионили вокруг нас. Когда мы прибыли в город, Судьба послала мне Алафдаль-хана. Истинный мусульманский эмир не был бы опасен для Индии. Настоящий житель Востока не прикоснется к золоту шайтана даже для того, чтобы спасти свою жизнь. Я задумал сделать Алафдаля эмиром и вынужден был рассказать ему правду о себе, иначе бы он не поверил, что у меня есть возможности это осуществить.

Я не собирался преднамеренно разжигать бунт на базарной площади — просто воспользовался им. Нужно было вырвать вас из рук Жакровича. И я убедил Алафдаль-хана, что вы нам необходимы в нашем заговоре. Это он дал мне денег для вашего выкупа. Затем во время торга Жакрович потерял голову и сыграл мне на руку. Все сложилось бы отлично, если бы не Али-шах и его человек, этот шинвари!

Конечно, рано или поздно кто-нибудь все равно узнал бы меня, но я надеялся свергнуть Жакровича и укрепить власть Алафдаля до того, как это произойдет. Тогда дорога для побега была бы открыта для нас обоих.

— В конце концов, Жакрович мертв — сказал Брент.

— Мы там не проиграли, — согласился Гордон. — Али-шах не станет угрозой для мира. Он не прикоснется к золоту шайтана. Внешняя организация, построенная Жакровичем, разрушится; останется только сравнительно безобидное ядро Черных Тигров, как это было до его прихода. Мы выдернем им клыки, как только безопасность Индии окажется под угрозой. Платой за все это могут стать наши жизни. Впрочем, я настолько эгоистичен, что хочу их сохранить.

Брент хлопал окоченевшими руками, чтобы хоть как-то согреться. Вот уже несколько дней они пробились через горы. Истощенные лошади спотыкались и шатались даже от временами налетавших сильных порывов ветра. Всадники садились в седла, когда можно было проехать, но чаще шли рядом, ведя лошадей на поводу. По ночам они сбивались все вместе в одну кучу, люди и животные, под защитой какой-нибудь скалы. Скучный огонь разводили, только когда случайно находили топливо. Выносливость Гордона была удивительной. Он шел впереди, прокладывая дорогу, находил воду, запутывал их слишком заметные следы, заботился о лошадях, когда другие были слишком измучены тяжелым переходом. Он отдал свой плащ и халат раздетым вазирам, как будто его самого не жал холодный ветер и не жгло палящее солнце.

Запасная лошадь сдохла; для остальных осталось совсем мало корма. Для людей еды — еще меньше. Сейчас они поднялись в более высокие пределы. Перед ними маячили сквозь дымку вершины Большого хребта. Жизнь казалась Бренту болезненным сном, в котором все было словно в тумане. Однажды, взглянув с высоты на только что пройденную обширную долину, они увидели в утренней дымке, далеко позади, движущиеся белые точки.

— Они вышли на наш след, — тихо произнес Алафдаль-хан. — У них хорошие лошади и полно еды.

С этого момента беглецы время от времени видели далеко внизу позади эти зловещие движущиеся точки, которые медленно и неуклонно сокращали большое расстояние между ними. Гордон прекратил попытки замести следы. Они направились прямо к позвоночнику хребта, который, как огромный крепостной вал, поднимался перед ними — люди, похожие на пугала, на некоем подобии лошадей, следующие за своим суровым вождем.

В полдень, когда небо сияло синевой, как холодная сталь, они пробились к очень высокому уступу и увидели впереди выемку, которая разбивала цепь снежных гор — за ней маячила остроконечная вершина.

— Сабельный перевал, — пояснил Гордон. — Гора за ним — это Калат-аль-Джеханджир. Там меня ждут мои люди. Оттуда кто-нибудь из них постоянно осматривает все вокруг в сильный полевой бинокль. Не знаю, смогут ли они увидеть дым на таком расстоянии, но я все же пошлю им сигнал, чтобы они встретили нас у перевала.

Вместе с Ахметом он взобрался по склону горы. Там они нашли достаточно зеленого топлива, чтобы устроить костер. Вскоре клубы густого черного дыма поднялись в голубизну неба. Это был старый способ передачи сигнала, который применяли индейцы в родных местах Гордона, и Брент надеялся, что горцы, у которых глаза как у ястребов, его заметят. Они спустились с уступа и потеряли перевал из виду. Затем снова стали взбираться дальше по склонам, скалам, по краям глубоких пропастей. На одном из карнизов лошадь, на которой ехал Сулейман, споткнулась, заржала и свалилась в пропасть, разбившись вместе со своим всадником на огромной глубине, в то время как остальные беспомощно смотрели на опустевшее место, где только что был человек на коне.

К перевалу заморенные лошади достигли предела своей выносливости. Беглецы забили одну из них. Куски жилистой конины, сваренные на скудном огне, почти не утолили голод. Утомленным и истощенным людям требовался отдых и сон. Брент цеплялся за одну мысль: если афридии видели сигнал, они будут ждать их у перевала со свежими лошадьми, на которых они смогут оторваться от своих преследователей.

Они пробирались по крутому ущелью, таща за собой измученных лошадей. Ночь застала их в пути, но они не остановились и к рассвету вышли из устья ущелья на широкий склон, который шел наклонно

вверх к проходу через стену гор. Он был пуст. Афридиев там не было. Позади них белые точки неумолимо двигались вверх по ущелью.

— Мы сделаем последнюю остановку при входе на перевал, — сказал Гордон.

Он оглядел призрачную компанию своих спутников со странным выражением лица. Стоявшие вокруг него люди напоминали мертвецов. Они еле держались на ногах, покачиваясь от изнурения и головокружения.

— Мне очень жаль, что так случилось, — произнес он. — Простите, Брент.

— Стоктон был моим другом, — ответил Брент. Он выругался бы, если бы у него оставались силы. Сказанное им звучало так банально и мелодраматично.

— Алафдаль-хан, я очень сожалею, — обратился Гордон к вазиру. — Я чувствую себя виноватым перед тобой и твоими людьми.

Алафдаль поднял голову, как лев, встряхивающий гривой.

— Нет, Аль-Борак! Ты сделал меня эмиром. Я был обжорой и пьяницей, мечтал о власти, но был слишком робок и ленив, чтобы сделать попытку ее захватить. Ты подарил мне момент славы. Он стоит остатка моей жизни.

С трудом они поднялись к перевалу. Брент полз последние несколько ярдов, пока Гордон не помог ему встать на ноги. В устье огромного коридора, который тянулся между высокими скалами, на них налетел ледяной ветер. Взглянув назад на путь, который был ими проделан, они увидели своих преследователей. Теперь это были уже не точки. Одна группа всадников приблизилась к ним на расстояние мили, отряд побольше только что вошел в ущелье. Самые выносливые воины на лучших лошадях далеко оторвались от остальных.

Беглецы лежали за валунами. У них было три револьвера, сабля, кинжал и нож. Они видели, как всадники, подстегивая коней, обогнули выступ. Брент за-

метил среди них самого Али-шаха с рукой на перевязи, Мухаммеда ас-Захира и чернобородого юсуфзая, командира отряда Черных Тигров; еще несколько свирепых воинов следовали за ними по пятам. Они двигались безостановочно и, приблизившись, начали стрелять. Однако первые понесли потери.

Алафдаль-хан, зная, что он палкой стрелок, поменялся с Ахметом, отдав ему револьвер и взяв у него саблю. Ахмет прицелился, выстрелил и выбил всадника из седла. Он торжествующе вскрикнул и неосторожно приподнял над валуном голову. Ответный залп осыпал камень градом свинца, и одна пуля поразила Ахмета между глаз. Алафдаль схватил револьвер, как только Ахмет упал, и открыл огонь. Его глаза налились кровью, прицеливался он в спешке, но тем не менее попал в лошадь, которая, упав, придавила своего седока.

Заглушая треск люгера, загремел кольт Гордона. Али-шаха спасло только то, что его конь вскинул голову. Предназначавшаяся ему пуля попала в лошадь. Али-шах успел соскочить при ее падении и покатился за укрытие. Остальные повернули своих коней и последовали его примеру. Стреляя на ходу, они поднялись вверх по склону и засели в укрытии.

Брент понял, что он стреляет, только тогда, когда услышал стон. В голове мелькнула смутная мысль, что он убил еще одного человека. Алафдаль-хан разряжал свой револьвер без ощутимой пользы. Брент стрелял и мазал, чувствовал толчок от выстрела и мазал снова: его рука дрожала от слабости, глаза подводили. Но Гордон не промахнулся ни разу. Бренту казалось, что каждый раз, когда гремел кольт, кто-нибудь вскрикивал и падал. Склон был усеян телами их врагов.

Возможно, разреженный воздух высокогорья подействовал на Али-шаха, вызвав приступ яростного безумия. Во всяком случае, он не стал дожидаться остальных своих людей и с горсткой воинов пошел в атаку. Они продвигались вперед и падали под пулями Гордона, пока склон не усеялся их телами. Но остав-

шиеся в живых неумолимо подбирались все ближе и ближе, а затем вдруг выскочили из-за укрытия и понеслись, как порыв горного ветра.

Гордон промахнулся в Али-шаха последней пулей, убив человека позади него. И затем беглецы, как призраки, поднялись и схватились со своими преследователями.

Брент послал последнюю пулю прямо в перекошенное яростью лицо человека, который бросился на него, замахнувшись винтовкой, как дубинкой. Смерть остановила его бросок, но винтовка ударила Брента по плечу и свалила на землю. Оттуда он, не в силах встать, наблюдал короткое безумие сражения, бушевавшее вокруг него.

Он увидел Хасана, рычащего, словно раненый волк, поверженного гильзай, который, стоя одной ногой у него на шее, пронзил его пикой.

Брент увидел, как Али-шах прострелил Алафдальхана, когда они столкнулись лицом к лицу, и вазир, умирая, ударил своего врага саблей по голове. Они упали вместе. Брент видел, как Гордон зарубил чернобородого юсуфзая и прыгнул к Мухаммеду ас-Захиру с ненавистью, слишком сильной, чтобы предложить своему врагу достойную смерть. Он отразил удар Мухаммеда и ударил его гардой своей сабли в лицо.

Гордон был охвачен такой яростью, что просто убить этого человека было для него недостаточно. Он жаждал предать его собачьей смерти и наносил удары гардой и рукоятью сабли, отказав в чести поразить его клинком, пока Мухаммед не упал с пробитой головой.

Шатаясь, Гордон прошел вперед и посмотрел на склон; он был единственным, кто остался на ногах. Он стоял среди мертвых покачиваясь и стирал кровь с лица. Глаза его были красны, как отблески пламени, пляшущие на черной воде. Он снова сжал окровавленную рукоять сабли, увидев всадников, взбиравшихся по склону, пьяный от кровопролития, охваченный

только одной страстью — убивать и убивать до тех пор, пока сам не умрет в кровавом месиве своей последней битвы.

Неожиданно позади него раздался громкий стук копыт. Подняв клинок, он обернулся, моментально приготовившись к броску.

— Аль-Борак!

Перевал заполнился криками. Брент сквозь туман, обволакивающий его сознание, увидел всадников и услышал вопль Гордона:

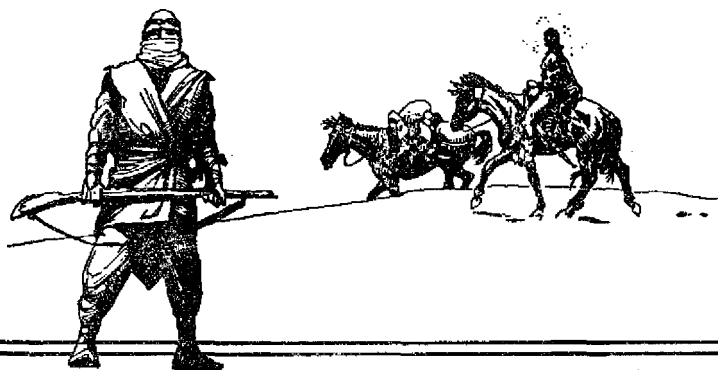
— Яр Али-хан? Ты все же увидел мой сигнал! Угости их залпом!

Выстрелы винтовок наполнили перевал грохотом. Брент, с трудом приподняв голову, видел, как были сломлены Черные Тигры. Одни из них попадали с седла, другие бросились назад по ущелью. Измученные долгим преследованием, обескураженные смертью своего эмира, опасаясь ловушки, они повернули назад.

Брент очнулся от того, что наклонившийся над ним Гордон потряс его за плечо, и услышал, как он сказал высокому афридию, которого называл Яр Али-ханом, чтобы тот осмотрел остальных. Через некоторое время Яр Али-хан доложил, что все мертвы. Затем, как во сне, Брент почувствовал, что его посадили в седло, а за ним сел человек, чтобы его придерживать. Ветер трепал его волосы и гриву несущегося коня. Звон копыт эхом отражался от каменных стен, когда они галопом мчались по перевалу. Гордон скакал рядом с ним на жеребце одного из афридиев, который пересел к своему товарищу.

— Пусть гонятся за нами, если хотят! Им никогда не догнать нас на своих заморенных клячах! — крикнул он.

Погружаясь в спасительное забытие, Брент услышал его смех — громкий, раскатистый, неукротимый смех Аль-Борака.

ДОЧЬ ЭРЛИК-ХАНА

— Говорю тебе, Ормонд, пик, расположенный к западу отсюда, — именно тот, что мы ищем. Смотри, я нарисую карту. Вот здесь наш лагерь, а вот это пик, который нам нужен. — Пемброук, высокий англичанин, быстро водил по земле охотничьим ножом, поясняя карту напряженным голосом, выдававшим его крайнее волнение. — Мы уже достаточно прошли к северу, и теперь отсюда нам надо повернуть на запад...
— Тише! — резко прервал его Ормонд, приложив палец к губам. — Сотри скорее карту — сюда идет Гордон.

Пемброук быстро стер рукой тонкие линии, а затем для пущей уверенности как следует затоптал следы карты ногами. Когда в палатку вошел третий участник экспедиции, Гордон, они с Ормондом уже неприужденно болтали и смеялись.

Гордон был ростом пониже двух остальных своих товарищей, но крепостью телосложения не уступал ни мускулисту Пемброуку, ни более широкоплечему Ормонду, а кроме того, выделялся среди них своей удивительной кошачьей гибкостью. В нем чувствовалась огромная сила, но не грубая и неповоротливая,

как у многих силачей, — все его движения были точно рассчитаны и казались необыкновенно легкими.

Хотя он был одет почти так же, как и двое англичан, только еще в арабской головной накидке, Гордон куда лучше соответствовал окружающей среде, чем его спутники. Он, американец, казался такой же частью этой холмистой местности, как и дикие кочевники, пасущие своих овец на склонах Гиндукуша. В его спокойном взгляде чувствовалась уверенность, в движениях не было ничего лишнего, что говорило о его тесном единении с природой.

— А мы с Пемброуком сейчас говорили об этом пике, Гордон. — Ормонд махнул рукой в сторону горы, заснеженная вершина которой возвышалась вдали на фоне чистого голубого неба за длинной цепью поросших травой холмов. — Мы гадали, есть ли у нее какое-нибудь название.

— Здесь у всего есть свое название, — отозвался Гордон. — Правда, не все из них отмечены на картах. Эта вершина называется гора Эрлик-хана. Немногим белым людям доводилось ее увидеть.

— Никогда о ней не слышал, — заметил Пемброук. — Если бы мы так не спешили найти бедного старого Рейнольдса, было бы интересно подобраться к ней поближе, правда?

— Если можно назвать интересным то, что вам при этом непременно вспорют животы, — усмехнулся Гордон. — Гора Эрлик-хана находится в стране Черных Киргизов.

— Киргизов? Тех, что поклоняются дьяволу? Это их святыня — город Иолган, о котором говорят, что там живет дьявол?

— Дьявол там не живет, — ответил Гордон. — Сейчас мы почти у самых границ их страны. Вообще эта земля ничья, и за нее воюют друг с другом киргизские и мусульманские кочевники из восточных краев. Нам повезло, что до сих пор мы ни на кого из них не наткнулись. Эти киргизы являются отделившейся

ветвью от главного стебля, который сосредоточен вокруг Иссык-Куля. Хочу вам сказать, что белых людей они ненавидят больше всего на свете. Мы подошли слишком близко к их стране. Теперь нам надо отсюда повернуть на север и постараться пройти мимо них незамеченными. По моим расчетам, самое большее через неделю мы сможем добраться до территории узбекского племени, которое, как вы считаете, захватило в плен вашего друга.

— Надеюсь, что бедняга еще жив, — вздохнул Пемброук.

— Когда вы нанимали меня в Пешаваре, я сразу сказал вам о своих опасениях, что поиски могут быть напрасными, — покачал головой Гордон. — Если это племя действительно захватило вашего друга, то вряд ли он еще жив. Теперь я хочу вас еще раз предупредить, чтобы вы были не слишком разочарованы, если не найдете его.

— Мы это понимаем, дружище, — отозвался Ормонд. — И мы не знали никого, кроме тебя, кто мог бы провести нас туда живыми и невредимыми.

— Туда мы еще не дошли, — многозначительно произнес Гордон, перекладывая винтовку из левой в правую руку. — Я видел летавших птиц недалеко от лагеря и собираюсь пойти туда, чтобы попробовать подстрелить какую-нибудь из них. Может быть, я не вернусь до темноты.

— Ты собираешься пойти пешком? — спросил Пемброук.

— Да, и, если мне повезет, я принесу к ужину дичь.

И, не говоря больше ни слова, Гордон повернулся и зашагал вниз по склону. Его спутники молча смотрели ему вслед.

Казалось, он растворился из виду еще до того, как вошел в густую рощицу у подножия холма. Оба англичанина повернулись и молча посмотрели на слуг, занятых своими обязанностями по лагерю: четверых

могучих патханцев и одного стройного пенджабца, который был личным слугой Гордона.

Лагерь, с его трепещущими на ветру палатками и привязанными лошадьми, казался единственным пятном человеческой жизни посреди огромной пустынной местности, окутанной ничем не нарушаемой, пугающей тишиной. На юге над горизонтом возвышалась плотная гряда холмов, на севере поднималась такая же гряда, только более прерывистая, и между обоими естественными барьерами простиралось огромное пространство ровной, с небольшими возвышенностями, местности, прерываемое лишь отдельными разрозненными горами и поросшее множеством небольших лиственных рощиц. Сейчас, в начале короткого лета, склоны холмов обильно поросли сочной густой травой, но нигде не было видно ни одного стада и охраняющих его кочевников в тюрбанах, и гигантский пик, возвышавшийся над пустынной местностью, казалось, указывал на то, что здесь и есть край земли.

— Пойдем в мою палатку!

Пемброук тотчас обернулся и увидел, что Ормонд делает ему знак рукой. Никто из них не заметил, с какой мрачной подозрительностью посмотрел на англичан пенджабец Ахмед. Они были слишком заняты своими мыслями. В палатке они сели друг против друга, склонившись над низеньким складным столиком, и Пемброук, вытащив карандаш и бумагу, принялся рисовать точно такую же карту, которую он недавно стер с земли.

— Мнимый Рейнольдс сыграл свою роль, так же как и Гордон, — сказал он. — Взять его сюда было слишком рискованно, но ничего не поделаешь — он единственный человек, который мог беспрепятственно провести нас через Афганистан. Просто поразительно, как легко этот американец общается с мусульманами. Но с киргизами он так общаться не сможет, поэтому теперь он нам больше не нужен. Это действительно тот самый пик, который описал таджик, и называл он его так же, как и Гордон. Если мы использу-

ем его как ориентир, то должны обязательно найти Иолган. Мы пойдем строго на запад, затем от горы Эрлик-хана возьмем немного на север. Теперь нам не нужно сопровождение Гордона, как не нужно оно будет и при возвращении назад, потому что мы вернемся через Кашмир, где нам нечего бояться. Весь вопрос только в том, как лучше всего избавиться от него?

— Ну это просто, — махнул рукой Ормонд; из них двоих он был куда более решительным. — Мы просто подстроим так, чтобы между нами возникла ссора, после которой мы откажемся продолжать дальнейший путь в его обществе. Он заявит нам, чтобы мы убирались к черту, возьмет своего глупого пенджабца и двинется обратно в Кабул, а может быть, еще в какую-нибудь глушь. Для него тут все привычно, так что он спокойно придет туда, куда захочет.

— Прекрасно! — одобрил Пемброук. — Ведь мы не хотим вступать с ним в схватку — он дьявольски ловок и быстр, особенно когда у него в руках ружье. Недаром афганцы называют его Аль-Борак, что значит Стремительный! Когда я придумывал предлог, чтобы нам сделать остановку здесь среди бела дня, то уже все решил, как будем действовать дальше. Как видишь, я сразу узнал эту гору, так что дальше идем одни, а он пусть думает, что мы направились к узбекам. Он ни в коем случае не должен знать, что нам нужен Иолган...

— Что это? — внезапно вздрогнул Ормонд, потянувшись рукой к пистолету.

В это мгновение он словно преобразился — его глаза сузились, а ноздри раздулись, — перед Пемброуком был совсем другой человек, зловеще сверкавший злобными глазами в полумраке палатки.

— Продолжай говорить, как будто обращаешься ко мне, — еле слышно прошептал он. — Нас кто-то подслушивает снаружи.

Пемброук громким голосом произнес какую-то ничего не значащую фразу, между тем как Ормонд, бесшумно отодвинув походный стул, на котором си-

дел, резко выскочил из палатки и навалился на кого-то со злорадным возгласом удовлетворения. Через мгновение он снова вошел, таща за собой пенджабца Ахмеда; худощавый индеец тщетно пытался высвободиться из железной хватки англичанина.

— Эта крыса нас подслушивала! — злобно зарычал Ормонд.

— Теперь он все доложит Гордону, и сражения не избежать! — Такая перспектива, казалось, ужасно встревожила Пемброука. — Что же теперь мы будем делать? Что ты предлагаешь?

Ормонд дико рассмеялся:

— Я забрался в такую даль не для того, чтобы рисковать получить пулю в лоб и все потерять. А людей мне приходилось убивать и за меньшую провинность передо мной.

Пемброук невольно вскрикнул, когда увидел, что Ормонд вскинул холодно блеснувшее ружье. Ахмед вскрикнул тоже, но его крик тотчас потонул в грохоте выстрела.

— А теперь мы должны убить Гордона! — спокойно сказал Ормонд.

Пемброук неуверенно взглянул на него, пытаясь унять легкую дрожь в руках. Снаружи слышалось невнятное бормотание на пушту слуг, столпившихся вокруг палатки.

— А впрочем, он уже сам распорядился собой, — вдруг ухмыльнулся Ормонд, вешая на плечо все еще дымившееся ружье. Ногой, обутой в кованый сапог, он брезгливо пошевелил распростертое на полу неподвижное тело, как будто это была змея. — Он без коня, и при себе у него лишь горсть патронов. Так что американец сам невольно сыграл нам на руку.

— Что ты имеешь в виду? — тупо спросил Пемброук, все еще, видимо, не опомнившийся от происшедшего.

— Мы просто сейчас снимаемся с лагеря и исчезаем отсюда. Пусть он догоняет нас пешком, если ему

захочется, но я думаю, у каждого человека есть предел возможностей, каким бы сильным и выносливым он ни был. Оставшись в этих горах без коня, еды, одежды и снаряжения, он протянет недолго, так что вряд ли кто-нибудь из белых людей когда-либо снова увидит Фрэнсиса Хавьера Гордона!

* * *

Когда Гордон, выйдя из лагеря, спускался по склону, он ни разу не оглянулся. Ему и в голову не могла прийти мысль о каком-либо вероломстве, готовившемся против него. У американца не было никаких оснований предполагать, что англичане, нанявшие его в качестве проводника, его обманывают. Гордон ни на миг не усомнился в том, что два этих человека действительно горят желанием найти своего товарища, затерявшегося где-то в не отмеченных на карте горах или равнинах.

После того как он покинул лагерь, прошло около часа. Сейчас Гордон расположился на краю поросшей травой гряды и пристально вглядывался вперед — туда, где увидел стройную антилопу, неторопливо бредущую вдоль опушки небольшой рощицы. Ветер дул от антилопы в его сторону, что было весьма благоприятно для удачной охоты, и Гордон начал осторожно подкрадываться к ней, когда легкий шорох в кустах позади него заставил американца заподозрить, что к нему самому кто-то подкрадывается.

Он успел заметить притаившуюся в густом кустарнике фигуру, когда пуля просвистела у самого его уха, и Гордон в то же мгновение выстрелил в направлении дыма и огня. Листья тревожно всколыхнулись, а затем все стало тихо. Подождав немного, Гордон приблизился к кустарнику и склонился над бездыханным телом в причудливом пестром наряде.

Американец увидел, что это был худощавый жилистый человек, совсем еще молодой, в подбитом ме-

хом халате, меховом колпаке и в сапогах с серебряными подковами. На поясе у него висело несколько ножей, а возле руки валялась многозарядная современная винтовка. Пуля Гордона попала ему прямо в сердце.

— Туркмен, — прошептал Гордон. — Судя по всему, он был тут один. Интересно, давно ли он выслеживал меня?

Он знал, что появление здесь человека подразумевает две вещи: где-то поблизости была остальная туркменская шайка и где-то, вероятно совсем рядом, должен был быть его конь. Кочевник никогда не ходит далеко пешком, даже когда выслеживает жертву. Гордон взглянул на холм, у подножия которого стоял, и решил, что мусульманин заметил его с вершины, а затем привязал коня с той стороны холма и спустился вниз, чтобы подстеречь американца, пока тот подкрадывался к антилопе.

Гордон поднялся на холм осторожно, хотя считал, что вряд ли там есть другие туркмены, — иначе они немедленно откликнулись бы на звук выстрелов, — и почти сразу же наткнулся на коня. Это был крупный туркменский жеребец с красным кожаным седлом, с широкими серебряными стремянами и тяжелой, отделанной золотом, уздечкой. У седла висела кривая восточная сабля в украшенных орнаментом ножнах.

Вскочив в седло, Гордон огляделся по сторонам и увидел в южной стороне слабую полоску дыма, едва заметную в надвигавшихся сумерках. Его черные глаза были острыми, как у ястреба, — немногие смогли бы различить столь призрачное пятно на горизонте.

— Туркмены — значит, разбойники, — пробормотал он. — Дым — значит, лагерь. Они идут по нашим следам, неотвратимые, как судьба.

Натянув поводья, Гордон прищипорил коня и помчался в свой лагерь. Охота увела его на несколько миль к востоку, но теперь он был верхом и поэтому быстро преодолел расстояние. Сумерки еще не успели сгуститься, когда американец остановился у опушки ли-

ственной рощицы и молча стал вглядываться в пологий склон холма, на котором стоял их лагерь. Там было пусто. Не было никаких следов палаток, людей и коней.

Он внимательно осмотрел окружающие холмы и заросли деревьев, но не увидел ничего подозрительно-го. Тогда Гордон стал медленно подниматься по склону, держа наготове винтовку. Он увидел пятно крови на том месте, где раньше стояла палатка Пемброука, но никаких других следов нападения больше не было видно, и даже трава не была примята копытами. Очевидно, не шайка диких всадников напала на лагерь.

Теперь Гордон не сомневался, что уход из лагеря был поспешным, но организованным. Он видел все признаки того, что его компаньоны просто сложили палатки, навьючили их на спины животных и уехали. Но почему? Столь поспешное бегство могли вызывать дикие всадники, показавшиеся вдали, и испуганные англичане предпочли побыстрее скрыться. Но Ахмед — он ни за что не бросил бы своего хозяина и друга...

Пока Гордон ехал по следу, оставленному конскими копытами, его удивление возрастало — англичане отправились на запад! А ведь место их назначения, как они уверяли его, находилось к северу от этих гор, и они знали это так же хорошо, как и он. Но ошибки не было — по каким-то причинам, вскоре после того как Гордон отправился на охоту, они быстро снялись с лагеря и направились на запад, к загадочной стране, называемой гора Эрлик-хана.

Ему пришла в голову мысль, что их вынудила к тому какая-то необходимость и они оставили американцу знак, который он сразу не заметил. Повернув коня, Гордон вернулся к месту, где был разбит лагерь, и начал медленно объезжать его со всех сторон, пристально вглядываясь в землю в поисках какого-либо знака. Наконец он увидел примятую полосу травы — след от тела, которое по ней волочили.

След был не очень отчетливым — люди и кони основательно затоптали его, но взгляд Гордона был слишком острым, натренированным за долгие годы странствий и полудикой жизни. Он вспомнил о пятне крови на том месте, где стояла палатка Пемброука, и поскорее спустился с южного склона в рощицу. Через несколько мгновений Гордон уже стоял на коленях рядом с распростертым на земле человеческим телом.

Это был Ахмед, и в первый момент Гордону показалось, что тот мертв. Но затем он увидел, что, несмотря на то что ранение было, несомненно, смертельным, жизнь еще теплилась в нем. Гордон приподнял голову своего слуги и поднес к его губам фляжку с вином. Ахмед застонал, и в его помутневших глазах появились признаки понимания и узнавания.

— Кто это сделал, Ахмед? — в отчаянии спросил Гордон.

— Сагиб Ормонд, — с трудом произнес Ахмед. — Я подслушивал их разговор, стоя у палатки, потому что подозревал, что они замышляют какое-то гнусное коварство против вас. Я никогда не доверял им. Они застрелили меня и уехали, оставив вас одного умирать в холмах.

— Но почему? — еще больше, чем раньше, удивился Гордон.

— Они направляются в Иолган, — задыхаясь, прошептал Ахмед. — Сагиб Рейнольдс, которого мы искали, никогда не существовал. Это была ложь, которую они выдумали, чтобы ввести вас в заблуждение.

— Но почему в Иолган? — спросил Гордон. Но глаза Ахмеда расширились — он уже видел приближение смерти, — и через мгновение его тело дернулось и обмякло на руках американца; кровь струйкой потекла из его рта, и бедняга испустил дух.

Гордон поднялся, молча глядя на Ахмеда. Привыкший к тяготам дикой одинокой жизни, он давно уже перестал хоть как-то выражать свои эмоции. Американец просто соорудил пирамиду из камней поверх

тела Ахмеда, чтобы оно не досталось волкам и шакалам. Много дорог проехал с ним этот пенджабец, который был для Гордона скорее другом, чем слугой.

Когда последний камень был водружен на вершину пирамиды, Гордон вскочил в седло и, больше не оглядываясь назад, поскакал на запад. Он был один в дикой стране, без снаряжения. Но удача подарила ему коня, а годы странствий дали ему опыт и познакомили с этой чужой страной так, как никогда не познакомился бы с ней ни один белый человек. Поэтому Гордон не сомневался, что сможет проехать по этой земле живым и невредимым, пока не доберется до ближайших границ цивилизованного мира.

Но он даже не допускал для себя такой возможности. Его понятия о долге и расплате были такими же прямолинейными и ясными, как у варваров, среди которых он жил долгие годы. Ахмед был его другом и умер, служа ему, и теперь Гордон знал одно — кровь за кровь.

В сознании Гордона эта мысль была такой же отчетливой, как чувство голода в сознании волка. Он не знал, зачем убийцы поехали в недоступный для белых людей Иолган, но это его больше и не волновало. Теперь его задачей было проводить их в ад, отомстить за пролитую кровь. Выбора у него не было.

На землю между тем опустилась ночная мгла, и в небе засияли первые звезды, но Гордон продолжал ехать вперед, не останавливаясь. Для него по-прежнему не составляло труда даже при бледном свете звезд видеть след, проложенный в высокой траве. Туркменский конь оказался замечательным и полным могучих сил. Гордон не сомневался, что вскоре сможет догнать приземистых лошадок с навьюченной на них поклажей, несмотря на то что англичане, должно быть, отъехали уже достаточно далеко.

Тем не менее прошло уже много времени, а ему еще не удалось догнать их, и Гордон решил, что англичане тоже мчатся без остановок, чтобы сделать как

можно большим расстояние между ними и их преследователем. Убийцы полагали, что Гордон идет за ними пешком, и, вероятно, сейчас посмеивались, думая, что он никогда их не догонит. И все же почему они так старательно скрывали от него истинную цель своего путешествия?

Внезапная мысль заставила его помрачнеть; он помотал головой и прищипорил коня, непроизвольно нащупав рукоятку кривой туркменской сабли, висевшей у седла. Взгляд Гордона нашел белую вершину горы Эрлик-хана, безмолвно возвышавшуюся на фоне ночного неба, затем скользнул туда, где, как он знал, должен был находиться Иолган. Он уже бывал там раньше и слышал глубокие ясные звуки, издаваемые длинными бронзовыми трубами, в которые на рассвете дули бритоголовые жрецы.

Перевалило уже за полночь, когда Гордон увидел огни возле поросших ивами берегов небольшой речушки. С первого взгляда он понял, что это лагерь не тех людей, за которыми он гнался, — огней было слишком много. Это был лагерь киргизов-кочевников, рыскавших по стране между горой Эрлик-хана и неопределенными границами мусульманских племен. Киргизский лагерь расположился как раз на пути к Иолгану, и Гордон призадумался, могли ли знать об этом англичане, чтобы благополучно обойти его. Дикари-киргизы ненавидели чужеземцев, и когда Гордон в прошлый раз ехал в Иолган, ему пришлось изменить внешность и одежду, замаскировавшись под местного жителя.

Перейдя ручей в стороне от лагеря, Гордон теперь осторожно приближался к нему, укрываясь в тени раскидистых ив, пока наконец не разглядел неясные очертания часовых, сидевших на спинах коней. И тут он заметил кое-что еще — три белые европейские палатки, находившиеся внутри кольца, очерченного круглыми войлочными кибитками. Гордон вырутался сквозь зубы: если Черные Киргизы убили белых людей, втор-

гихся в их владения, это значило конец его кровной мести! Он подкрался еще поближе.

И тут неожиданно огромная, похожая на волка, собака со злобным лаем вылетела на него откуда-то из темноты, мгновенно разбудив обитателей лагеря, которые тотчас начали выскакивать из шатров. Конные часовые помчались на лай, на скаку выпуская град стрел.

У Гордона не было ни малейшего желания получить стрелу в спину, если бы он бросился бежать. Поэтому он выскочил из ивовых зарослей и смешался с толпой всадников, не сразу различивших его в темноте. Выхватив турецкую саблю, американец принялся рубить ею врагов направо и налево. Вокруг него загудели и завывали лезвия, но киргизы явно отставали от него в искусстве фехтования. Почувствовав, как его сабля с хрустом вошла в чью-то плоть, Гордон бросил быстрый взгляд и увидел справа от себя расколотый череп киргиза. Воспользовавшись замешательством, американец прищпорил коня и рванул напролом через беснующихся кочевников и вскоре исчез в темноте.

Знакомый голос, прозвучавший позади Гордона, заставил американца облегченно вздохнуть — по крайней мере Ормонд был жив. Гордон на скаку оглянулся и увидел в неясных отблесках пламени высокую фигуру Пемброука, застывшего с поднятым клинком в руках. То, что англичане оказались при оружии, говорило о том, что их не держали в качестве пленников, хотя он никак не мог себе объяснить подобную снисходительность со стороны кровожадных кочевников.

Они не стали слишком долго преследовать его; спрятавшись в тени густой рощицы, Гордон услышал, как киргизы, гортанно переключаясь друг с другом, повернули назад, к своим шатрам. Больше этой ночью спать в орде никто не ложился, и вокруг лагеря начали кружить всадники с обнаженными саблями в руках. Подкрасться к предателям-англичанам теперь

было бы крайне трудно, но Гордон и не торопился их убивать. Сначала он хотел узнать, зачем им понадобилось ехать в Иолган.

Продолжая крепко сжимать рукоятку кривой туркменской сабли, Гордон снова повернул на восток и поскакал по той же дороге, по которой приехал сюда. Он мчался во весь опор, чувствуя, как его конь уже выбивается из сил. И все же, пока еще не взошло солнце, он успел найти то, что сейчас ему было нужно, — еще один лагерь, стоявший примерно в милях десяти от того места, где был убит Ахмед. Догорающие огни бросали тусклые отблески на единственную палатку и фигуры людей, которые, завернувшись в плащи, лежали на земле.

Гордон не стал слишком близко подходить к ним. Когда он смог различить едва заметные на фоне ночного неба, медленно двигавшиеся ряды неясных силуэтов, он понял, что это кони, находившиеся внутри загона, а затем его глаз различил и другие силуэты — то были всадники, стерегущие ночной лагерь. Тогда Гордон отступил еще дальше назад и, укрывшись в густой рощице, слез с коня и распряг его.

Пока животное жадно щипало траву, Гордон сел на землю, скрестив ноги и прислонившись спиной к широкому стволу дерева. Положив винтовку на колени, американец закрыл глаза и принялся терпеливо ждать. В этот момент он напоминал впавшего в транс или погруженного в медитацию коренного жителя Востока, чья душа прониклась очарованием древних загадочных легенд.

Восход едва окрасил небо бледно-серыми красками, когда лагерь, неподалеку от которого находился Гордон, пришел в движение. Тлеющие костры вновь ожили, взвившись в небо яркими языками пламени, и через несколько мгновений воздух наполнился аппетитным запахом жарящейся баранины. Сухопарые жилистые люди в шапках из лисьего меха и подпоясанных кушаками кафтанах засуетились вокруг лоша-

дей или засновали возле котлов с готовящейся пищей, пытаясь выудить оттуда немытыми руками какой-нибудь лакомый кусочек. Женщин среди них не было, так же как почти не было и никакой утвари или другой поклажи. То, что они путешествовали налегке, могло означать только одно — это разбойничья шайка.

Солнце поднялось еще совсем невысоко, когда они начали седлать коней и вешать на ремни сабли. Гордон выбрал именно этот момент, чтобы внезапно появиться перед ними, неторопливо спустившись со склона им навстречу.

Раздался общий громкий злорадный вой, и в сторону американца вскинулось несколько винтовок. Однако неожиданность и дерзость поступка белого человека привели обитателей лагеря в некоторое замешательство, и их пальцы так и застыли на спусковых затворах. Гордон не медлил, хотя его движения были столь размеренными и неторопливыми, что со стороны казалось, будто он никуда не спешит. Главарь шайки уже сидел верхом на коне, и Гордон подъехал к нему, приблизившись почти вплотную. Туркмен молча смотрел на него злобными глазами. С ястребиным носом и рыжеватой, окрашенной хной бородой, он казался похожим на самого дьявола. Внезапно лицо его перекосилось, и глаза загорелись диким пламенем — он узнал Гордона. По его воины не сделали ни единого движения.

— Юзеф-хан, — небрежно обратился к нему американец, — неужели я все-таки нашел тебя, суннитская собака?

Юзеф-хан выпятил вперед рыжую бороду и зарычал, словно волк.

— Ты что, спятил, Аль-Борак?

— Это Аль-Борак!

В толпе разбойников поднялся возбужденный шум, позволивший Гордону выиграть время.

Они придвинулись к нему ближе — любопытство взяло верх над жаждой крови. Имя Аль-Борака было

у всех на устах от Стамбула до Бутана, оно повторялось во множестве самых невероятных легенд и преданий, обрастая самыми фантастическими подробностями.

Юзеф-хан, пришедший в полное замешательство от столь неожиданной встречи, бросил зоркий взгляд на вершину холма, по которому спустился американец. Он боялся непредсказуемой хитрости этого белого человека почти так же сильно, как и ненавидел его. Подозрительность, ненависть и страх, что Аль-Борак готовит ему ловушку, делали туркменского главаря опасным и коварным, словно раненая кобра.

— Что тебе здесь надо? — злобно спросил он. — Говори быстрее, пока мои воины не содрали с тебя шкуру!

— Поквитаться кое с кем, — спокойно ответил Гордон.

Когда он еще спускался с холма, каких-либо определенных планов у него не было. Неожиданно встретив здесь своего личного врага, американец даже не удивился. Впрочем, чему удивляться — личные враги в Центральной Азии у него были повсюду.

— Да ты просто глупый осел... — начал было Юзеф-хан, презрительно усмехаясь, но, не дав ему договорить, Гордон внезапно наклонился вперед и влепил главарю увесистую пощечину, прозвучавшую словно удар хлыста. Юзеф-хан, сильно качнувшись, едва не вылетел из седла. Взыв, как волк, он принялся шарить у себя на поясе, но замешкался, выбирая между ножом и пистолетом. Гордон легко мог пристрелить его, но это не входило в замысел американца.

— Стоять! — резко крикнул он, обернувшись к туркменам, хотя они и так еще не решились вмешаться в ход событий. — К вам у меня нет вражды. Я свожу счеты лишь с вашим главарем.

Если бы эти слова произнес кто-нибудь другой, они не возымели бы должного действия. Да другой человек просто был бы уже давно мертв. Но эти дикие

головорезы знали, что с Аль-Бораком нельзя поступать так, как они поступали с любым белым человеком.

— Хватайте его! — завопил Юзеф-хан. — Он будет заживо сожжен!

Туркмены двинулись к нему, но Гордон вдруг оглушительно расхохотался.

— Моя смерть не сотрет того оскорбления, которое я нанес вашему главарю! — крикнул он. — Все кругом будут говорить, что вами командует хан, у которого на лице отметина от руки Аль-Борака. Как можно избавиться от такого позора? Юзеф-хан не думает об этом, он просто призывает своих воинов отомстить за него. Неужели он трус?

Туркмены вновь в нерешительности остановились, вопросительно поглядывая на своего главаря, у которого от ярости на губах уже выступила пена. Они знали, что такое оскорбление можно смыть лишь кровью того, кто его нанес, но только в поединке. Если бы эта волчья стая заподозрила кого-нибудь в трусости, то это было бы равносильно смертному приговору. Если бы Юзеф-хан не принял вызов Гордона, туркмены повиновались бы своему предводителю и подвергли бы американца мучительной пытке, но при этом они никогда не забыли бы о несмытом позоре, и с этого момента Юзеф-хан был бы обречен.

Юзеф-хан знал это; он знал и то, что Гордон хитростью вынуждает его вступить в поединок, но применить какую-нибудь ответную хитрость, чтобы избежать его, он уже не мог — дикая ярость лишила главаря разбойников способности размышлять. Его глаза налились кровью, и он уже не вспоминал о своих подозрениях, что за вершиной холма могут прятаться вооруженные винтовками люди Аль-Борака. Он не испытывал уже никаких чувств, кроме безумного желания вырвать зубами эти черные, полные презрительной насмешки глаза своего врага.

— Собака! — взревел Юзеф-хан, выхватывая свою кривую саблю. — Ты сдохнешь от моей руки!

В развевающемся плаще и с грозно поднятой саблей, туркмен устремился на Гордона, подобно тайфуну. Его воины тут же освободили широкое пространство, в центре которого спокойно сидел в седле американец, поджидая противника.

Конь у Юзеф-хана был великолепен, и главарь, казалось, слился с ним. К тому же он был свежим и отдохнувшим. Правда, конь Гордона тоже успел получить небольшую передышку, пока американец ожидал пробуждения лагеря. Противники закружили вокруг друг друга, делая быстрые выпады и неожиданные развороты, их клинки сверкали и звенели без малейшего перерыва. В бешеном ритме их поединка было похоже, что борются не два человека, сидящие на спинах коней, а два кентавра, сцепившиеся между собой в смертельной схватке.

— Собака! — дико вопил Юзеф-хан, отчаянно вращая саблей и выкатив налитые кровью бешено горящие глаза, как будто в него вселился дьявол. — Я вывешу твою поганую голову на шесте моего шатра, чтобы все видели... а-а-а!

Из сотни столпившихся людей едва ли дюжине удалось увидеть, как сабля Гордона молниеносно раскроила череп их главаря, но все услышали страшный хруст и пронзительный предсмертный вопль. Конь Юзеф-хана дико заржал и вскинулся на дыбы, сбросив на землю своего мертвого, залитого кровью седока.

Туркмены глухо зарычали, но ни злобы, ни радости не слышалось в этом глухом бессловесном рычании. Гордон закружился на коне, вращая саблей над головой, так что брызги крови с лезвия окропили лица и одежду зрителей.

— Юзеф-хан мертв! — крикнул Гордон. — Кто хочет смыть его позор и продолжить поединок?

Туркмены в замешательстве смотрели на него, гадая, что замышляет непобедимый Аль-Борак. Но прежде чем они оправились от потрясения, вызванного видом их мертвого главаря, Гордон сунул саблю об-

ратно в ножны, давая понять, что инцидент исчерпан, и с улыбкой взглянул на них.

— Ну, а теперь, кто поедет со мной за богатством, какого вы и во сне не видели? — весело спросил он.

Глаза разбойников на мгновение загорелись от жадности, на смену которой тут же пришла подозрительность.

— Что еще за богатство? — раздались недоверчивые голоса. — Покажи нам его, пока мы тебя не прикончили!

Ни говоря ни слова, Гордон соскочил с коня и сунул поводья в руки ближайшему всаднику, опешившему от такой наглости, а сам решительно шагнул к аппетитно дымящемуся котлу с мясом и, наклонившись над ним, начал вылавливать куски баранины и жадно поглощать их. Он давно был голоден, и теперь ничто его так не занимало, как еда.

— Неужели я буду показывать вам звезды при дневном свете? — спросил Гордон, вынимая очередную порцию мяса. — Вы ничего не увидите, хотя звезды никуда не исчезли, — просто они будут доступны вашим глазам в свое время. Если бы это богатство было у меня с собой, разве я пришел бы к вам и предложил бы разделить его? Никто из нас не сможет захватить его без помощи другого.

— Он врёт! — воскликнул вдруг туркмен, которого остальные называли Узун-бек. — Надо убить его и продолжать идти за караваном, который мы преследуем.

— А кто будет вашим главарем? — насмешливо спросил Гордон.

По рядам разбойников пронесся глухой гул и неясное бормотание; те, кто давно мысленно готовил себя на место главара, начали с тревогой оглядываться, подозрительно всматриваясь в других возможных кандидатов. Затем все они взглянули на Гордона, безмятежно поглощающего мясо через пять минут после убийства одного из самых опасных головорезов Востока.

Однако его беззаботный вид вряд ли мог кого-нибудь из них ввести в заблуждение. Они знали, что Аль-Борак опасен, как кобра, которая может метнуться, как молния, в любой момент и в любом направлении. Они знали, что не смогут убить его так быстро, как он сначала убьет кого-нибудь из них, и никто не хотел умирать первым.

Правда, одно это их бы не остановило, но к их недоверию подмешивались любопытство и алчность, загоровшаяся в душах разбойников при упоминании о богатстве. Они смутно догадывались, что Аль-Борак не стал бы подвергать себя смертельной опасности, в одиночку приехав в стан врагов, если бы у него не было или мощного подкрепления, или твердой уверенности в том, что он им предлагает. Кроме того, их души раздирала подозрительность друг к другу, как к возможному главарю.

Узун-бек между тем, внимательно осмотрев коня Гордона, внезапно в ярости воскликнул:

— Да у него же жеребец Али-хана!

— Точно, — спокойно отозвался Гордон. — Более того, у меня еще и сабля Али-хана. Он выстрелил в меня из кустов, поэтому и лежит теперь там мертвым.

Ответа на эти слова не последовало. Стая разбойников не испытывала сейчас никаких чувств, кроме ненависти и страха, но и невольного уважения к храбрости, ловкости и непобедимости.

— И куда ты нас поведешь? — спросил наконец один из них, которого звали Орхан-шах, тем самым негласно признав подчинение Аль-Бораку. — Не забывай, что мы свободные люди и сыновья острого клинка!

— Вы сыновья шелудивых псов, — невозмутимо отозвался Гордон. — Мужчины, которые живут без жен и спят на голой земле, изгнанники, от которых отказался собственный народ, отщепенцы, у которых нет своей жизни, — нет ничего, кроме этих холодных

пустынных гор! Вы следовали за этим дохлым псом туда, куда он вам велел, не задавая никаких вопросов и бездумно подчиняясь ему. А теперь вы вдруг спрашиваете меня, куда я вас поведу!

Вновь глухой гул прокатился между ними, но Гордон, казалось, уже перестал обращать внимание на разбойников, опять целиком сосредоточившись на еде. В его поведении, однако, не было ничего фальшивого, так же как развязного и самонадеянного, — в каждом движении и взгляде американца сквозила лишь твердая уверенность человека, прекрасно осознающего ситуацию. Со стороны даже могло показаться, что этот белый человек находится сейчас не в гуще своих врагов — диких и злобных головорезов, — а среди друзей, с безмолвным уважением внимавших своему товарищу.

Глаза многих между тем были прикованы к пистолету, висевшему в кобуре у него на бедре. В этих краях поговаривали, что искусство обращения с оружием у Аль-Борака поистине колдовское; обычный револьвер в его руках превращался в живой механизм уничтожения, извергавший смерть прежде, чем кто-либо успевал заметить, что рука Гордона хоть чуть-чуть шевельнулась.

— Говорят, что ты всегда держишь свое слово, — осторожно вновь подал голос Орхан. — Покажись, что ты приведешь нас к богатству, и тогда мы подумаем.

— Я не даю никаких клятв, — ответил Гордон, поднимаясь и вытирая руки о попону. — Я сказал, и этого достаточно. Вы пойдете со мной, и многие из вас погибнут; они отправятся на корм шакалам, и вы забудете их имена. Но тем, кто останется в живых, богатство покажется золотым дождем, который Аллах прольет на их головы.

— Ладно, хватит слов! — нетерпеливо воскликнул один из разбойников. — Веди нас к этим несметным богатствам!

— А вы не побойтесь пойти за мной? — прищурился Гордон. — Ведь нам придется пройти через страну Черных Киргизов.

— Не побоимся, Аллах тому свидетель, — разом загудели они. — Мы уже находимся в стране Черных Киргизов. Мы выслеживаем здесь караван неверных, который отправим в ад еще до следующего рассвета!

— На все воля вашего Аллаха, — отозвался Гордон. — Но многие из вас наглотаются стрел и умоются своей кровью прежде, чем мы доберемся до места назначения. Но если вы не боитесь рискнуть своими жизнями ради неслыханного богатства — больше, чем сокровища индусов, — то идите со мной. Путь у нас еще далекий.

Несколько минут спустя вся шайка в боевой готовности уже двигалась в западном направлении. Гордон ехал впереди, однако по обе стороны от него ехали молчаливые всадники с хищными ястребиными лицами, вид которых показывал, что американец все-таки в большей степени пленник, чем предводитель, что, впрочем, Гордона совершенно не смущало. Он был уверен в своем предназначении, и то, что у него пока еще не было никаких идей относительно того, как выполнить свое обещание привести туркмен к сокровищам, меньше всего беспокоило американца. Он знал, что каким-либо образом все разрешится, и думал сейчас совсем о другом.

* * *

Гордон знал страну лучше, чем сами туркмены, и это помогло ему подчинить их своей воле. Он вел довольно тонкую политику: то советовался с ними, то отдавал приказания, то делал уступки, то требовал прекословного подчинения.

Больше всего Гордон заботился о том, чтобы отряд ехал как можно ниже уровня горизонта. Скрыть от бдительных кочевников продвижение сотни чело-

век было делом нелегким, но они кружили далеко отсюда, и Гордон надеялся, что те киргизы, которых он видел, — единственная шайка, находившаяся между ним и Иолганом.

Американец, однако, усомнился в этом, когда они напали на следы, проложенные уже после того, как он прошлой ночью проскакал по этой местности на восток. Следы свидетельствовали о том, что здесь проехало много всадников, и Гордон велел своему отряду прибавить скорость, зная, что если их заметят киргизы, то мгновенного преследования не избежать.

После полудня они наконец увидели орду, расположившуюся вдоль поросшего ивами берега ручья. Возле лагеря паслись кони, за которыми приглядывали мальчики, а чуть дальше всадники охраняли стада овец, щипавших густую сочную траву.

Гордон оставил своих людей, за исключением шестерых, в поросшей густыми деревьями лощине за ближайшим гребнем горы и залег среди огромных валунов, которыми был покрыт склон. Американец внимательно оглядел всю долину. Лагерь был прямо под ним, прекрасно различимый во всех деталях. Гордон нахмурился — ни одной белой европейской палатки он не увидел. Англичане были в киргизском лагере прошлой ночью, но теперь бесследно исчезли. Может быть, хозяева убили их паконец, а может быть, Пемброук и Ормонд продолжили путь одни?

Туркмены, уверенные в том, что вождь енная добыча находится там, в повозках киргизов, нетерпеливо поглядывали на Гордона, ожидая от него сигнала к атаке.

— У них меньше воинов, чем у нас, — заметил Узун-бек, — и они ничего не подозревают. Слишком много времени прошло с тех пор, как чужеземцы в последний раз нападали на страну Черных Киргизов. Надо послать кого-нибудь в лощину за остальными, и тогда мы набросимся на них, как ураган, и уничтожим! Ты обещал нам добычу!

— Какую добычу? — презрительно взглянул на него Гордон. — Женщин с плоскими лицами и овец с кривыми ногами?

— Женщины у них бывают очень даже неплохие, — нахмурился туркмен. — А у овец неважно, какие ноги, — лишь бы мясо было сочным! Но не это главное — киргизы возят в своих повозках золото, чтобы продать его кашмирским купцам. Они добывают его в горе Эрлик-хана.

Гордон вспомнил, что он слышал рассказы о золотой жиле в этой горе и даже видел несколько необработанных слитков, владельцы которых клялись, что раздобыли их у Черных Киргизов. Но золото сейчас не интересовало горевшего чувством мести американца.

— Все это детские сказки, — сказал он, наполовину обращаясь к самому себе. — А богатство, к которому я вас веду, существует в действительности. Так неужели вы откажетесь от него ради выдумки? Возвращайтесь к остальным и скажите им, чтобы продолжали там сидеть тихо и не высовываться. Я пока еще немного понаблюдаю, но скоро тоже вернусь.

Их лица выразили крайнюю подозрительность, и Гордон заметил это.

— Поезжай один, Узун-бек, — сказал он, — и передай остальным мое сообщение. А мы тут останемся вместе.

Его слова немного успокоили подозрительность пятерых туркмен, и лишь один Узун-бек, искоса взглянув на американца, злобно прорычал что-то себе в бороду. Затем он повернулся и зашагал прочь, вниз по склону, а там вскочил на коня и поскакал в долину, а Гордон и пятеро туркмен, тоже сев на коней, поехали по извилистой тропе в юго-западном направлении.

Тропинка заканчивалась в отвесных скалах, склоны которых были будто срезаны ножом, но от постороннего взгляда Гордона и его спутников скрывали густые заросли деревьев. Они благополучно миновали

пространство, лежавшее между утесами и следующим гребнем, спускавшимся к ручью, в миле вверх по течению от киргизского лагеря.

Этот гребень был значительно выше, чем тот, который они оставили позади, и, прежде чем они достигли места, откуда начинался спуск к реке, Гордон осторожно выглянул из-за камня и еще раз осмотрел лагерь с помощью бинокля, до недавнего времени принадлежавшего Юзеф-хану.

Поведение кочевников говорило о том, что они совершенно не подозревали о присутствии врага, и Гордон направил бинокль дальше на восток, глядясь в перевал, за которым в долине должны были оставаться его туркмены. К своему удивлению, он не заметил никого из них, но чуть в стороне увидел нечто другое.

В нескольких милях к востоку, там, где на высоком гребне скалы было словно вырезано небольшое углубление, Гордон увидел ряд маленьких черных точек, быстро двигавшихся через эту впадину. Они были так далеко, что даже достаточно мощный бинокль не помог американцу определить, кто это. Наверняка он знал одно — это были всадники, много всадников.

Обернувшись к своим пяти туркменам, Гордон ничего не сказал и лишь махнул рукой. Через несколько мгновений они уже стремительно мчались к ручью, скрытые от лагеря высоким перевалом. Все дороги, ведущие в Иолган, должны были пересекаться здесь, поэтому Гордон знал, что вскоре он увидит, что это за всадники и куда они направляются.

Вылетев на берег, он заметил ясно различные в полосе мокрого песка отпечатки конских подков и один след, оставленный европейским сапогом. Значит, англичане были здесь; скорее всего, они перешли ручей вброд и направились дальше на запад, по бескрайней холмистой равнине.

Гордон вновь пришел в замешательство. Он никак не мог понять, почему все-таки дикие, злобные

кочевники приняли с миром белых людей. Можно было предположить, что Ормонд — он умел убеждать — внушил дикарям, что они должны сопроводить его до Иолгана. Но, с другой стороны, — и Гордон прекрасно знал это — дикари враждовали между собой, и если одно племя и приняло бы к себе чужого, то другое никогда бы с этим не смирилось.

Гордон никогда не слышал о том, чтобы кочевники в этих местах проявляли дружелюбность к белым. Но, как бы то ни было, оставалось лишь принять факт — англичане попали в лагерь к дикарям и остались живы. Более того — они вместе уверенно и смело начали двигаться вперед.

Из этих раздумий его вывел винтовочный выстрел — звук его прогремел вдалеке, но пуля просвистела совсем рядом. Гордон нырнул в ручей, как можно дальше проплыл под водой, затем выскочил на берег и быстро взбежал на холм, закрывавший его от врага. Затаившись на вершине холма, он взглянул вниз и увидел в едва надвигавшихся сумерках отчетливую картину.

Туркмены атаковали лагерь киргизов. Сначала они взобрались на гребень холма, а затем скатились оттуда, как снежный холм, дико рыча и поражая противника внезапно и жестоко. Это была скорее бойня, чем атака. Пастухи, охранявшие стада далеко на выпасах, даже не успели предупредить своих. Они погибли, как погибли и остальные кочевники, еще пытавшиеся соорудить некое подобие защитных укреплений из повозок и палаток.

Ответом туркменской атаке был залп стрел и отдельные разрозненные выстрелы из нарезных винтовок. Несколько туркмен были сбиты с седла, но это не уменьшило ярость их нападения. Киргизам было хуже — град свинца из ружей туркмен вырывал из их рядов значительное число защитников. Туркмены напали на киргизский лагерь, как саранча. Они скатились по склону совершенно незаметно и почти так же

незаметно оказались в гуще растерявшихся от неожиданности врагов. Впрочем, внешняя охрана успела дать сигнал тревоги, но он оказался бесполезным для лагеря, который не сразу очнулся от безмятежного сна.

Туркмены, конечно, не рассчитывали, что их атака пройдет совсем без жертв, — они получили ответную порцию стрел и свинца, — но у них было преимущество внезапности нападения, скорости и неожиданности атаки. Киргизов защищали заросли кустарников и деревьев, но это не спасло их от града свинца, мгновенно превратившего их лагерь в суший ад.

Гордон пришпорил коня и помчался через долину, размахивая сверкающей на солнце саблей. Его врагов не было в лагере, и потому у него не было причин нападать на киргизов, как он собирался раньше, но от туркмен его отделяло слишком большое расстояние, чтобы они могли услышать хоть какую-нибудь его команду.

Туркмены увидели, как он приближается к ним, размахивая саблей, и неправильно истолковали его намерения. Они решили, что Гордон собирается своим личным участием завершить столь удачно начатую атаку, и уже предвкушали радость близкой и легкой победы. Среди киргизов началась паника, они стали беспорядочно палить из всех своих ружей, лишь бесполезно растратив патроны. Гордон еще не успел вмешаться в ход событий, когда туркмены радостными воплями огласили долину. Исход атаки был предрешен.

С дикими криками туркмены рубили головы киргизам, теперь даже не пытавшимся сопротивляться. В этой кровавой бойне пощады не получили ни женщины, ни дети. Те, кто мог ускользнуть, попытались прорваться к реке, но туркмены мгновенно настигали их. Берег уже был залит кровью, когда туда на взмыленном коне ворвался Гордон.

Взбешенный бессмысленной резней, он с такой яростью дернул за уздечку коня первого же попавше-

гося туркмена, что животное не устояло на ногах и рухнуло, сбросив своего седока. Следующего туркмена Гордон свалил на землю ударом сабли плашмя по голове; тогда остальные, еще не понимая, что происходит, прекратили добивать уцелевших киргизов и в недоумении уставились на американца. Обернувшись в сторону лагеря, откуда все еще доносились крики и стоны людей, Гордон увидел, что к берегу мчатся все новые и новые всадники, догоняющие своих жертв. Так же, как и те, кто не был на берегу, они осадили коней при виде грозно сверкавшего глазами американца и растерянно переглянулись.

— Кто отдал приказ атаковать лагерь? — резко крикнул Гордон. В своей ярости он был страшен, и несколько мгновений туркмены подавленно молчали, не решаясь ответить.

— Узун-бек, — произнесли наконец вразнобой несколько голосов, и все невольно повернулись в сторону ухмылявшегося зачинщика нападения. — Он сказал, что ты собирался выдать нас киргизам, и мы должны опередить их и напасть первыми. Мы поверили ему, потому что...

Но Гордон уже не слушал. Издав страшный крик, от которого у всех кровь застыла в жилах, он молнией метнулся к Узун-беку, и туркмен рухнул с коня с раскроенным черепом, даже не успев попытаться защититься. Остальные в ужасе попятились, не сводя глаз с окровавленной сабли Аль-Борака.

— Шакалы! Поганые псы! Безмозглые обезьяны! — в ярости выкрикивал Гордон, и туркмены съеживались от его слов, как от ударов хлыста. — Тупоголовые ослы! Разве я не велел вам оставаться в укрытии? Разве мое слово для вас ничего не значило, если вы с такой готовностью послушались поганого Узун-бека? А вы знаете, что теперь будет? Думаете, напились бесполезной крови, и это вам сойдет с рук? Да теперь против вас поднимется вся эта страна! Вас разорвут на куски и сотрут в порошок! Ради чего вы все

это натворили? Где ваша добыча? Где то золото, которым будто бы набиты повозки киргизов?

— Там не было золота, — опутив голову, пробормотал один из туркмен. Гордон хрипло рассмеялся:

— Вы псы, которые роются в навозных кучах! Теперь вы все сдохнете, и я пальцем не пошевелищу, чтобы вас спасти!

— Убейте его! — вдруг крикнул один из разбойников. — Мы убьем его и вернемся туда, откуда пришли. В этой проклятой стране нет никакой добычи!

Нельзя сказать, чтобы это предложение было встречено с энтузиазмом. Ружья туркмен были разряжены, и если бы хоть кто-нибудь шевельнулся, чтобы подтянуть к себе поближе сумку с патронами, его немедленно настигла бы меткая пуля Гордона. Разбойники прекрасно знали, что ружье Аль-Борака всегда заряжено, так же как и висевший у него на бедре пистолет. Никто из них не решился бы также попытаться дотронуться до американца саблей — кривая сабля Гордона в его руках казалась живой.

Он увидел их нерешительность и презрительно усмехнулся, обведя туркмен не предвещающим ничего хорошего взглядом. Аль-Борак не стал ни убеждать, ни уговаривать туркмен, как сделал бы кто-нибудь другой на его месте, иначе они непременно убили бы его. Он просто угрозами, оскорблениями и проклятиями сломал их сопротивление, и они подчинились, потому что были волчьей стаей, а он оказался самым сильным и свирепым волком из них.

— Ладно, давай расстанемся мирно, — произнес наконец туркмен, предложивший убить Гордона. — Иди своей дорогой, а мы пойдем своей.

Это была последняя слабая попытка еще как-то воспротивиться непостижимой власти Аль-Борака, но она ни к чему не привела. Гордон лишь рассмеялся своим хриплым лающим смехом.

— Ваша дорога приведет вас лишь в адское пекло, — презрительно сказал он. — Вы пролили кровь,

которая будет теперь требовать отмщения. Неужели вы думаете, что те, кому удалось спастись от вас бегством, не поспешат добраться до ближайших племен, чтобы рассказать им о том, что вы натворили? И тогда все киргизы, как один, поднимутся против вас! Да еще до восхода солнца вас растопчут копыта коней тысячи киргизских всадников!

— Послушай, отведи нас на восток, — вдруг спешно сказал один из туркмен, в страхе озираясь. — Пока они не подняли тревогу, нам надо как можно скорее убраться из этой проклятой страны!

Гордон вновь рассмеялся так, что все поежились.

— Болваны! На восток вы не сможете вернуться. Я видел в бинокль большой отряд всадников, следующий за нами оттуда по пятам. Если вы вздумаете вернуться или остаться здесь, то никто из вас не доживет до завтра. Надо ехать только вперед, но без меня вы не сможете это сделать.

Туркмен охватила самая настоящая паника, справиться с которой оказалось несколько сложнее, чем с их сопротивлением. Они ерзали в седлах своих коней, скрипя зубами и яростно ругаясь.

— Это ты заманил нас в ловушку! — истерично выли они. — Теперь мы все погибнем. Тебя сам дьявол прислал к нам!

— Молчите, тупорылые псы! — вдруг звонко крикнул Орхан-шах, один из тех пятерых, что отправились с Гордоном в разведку. — Не он заставил вас нападать на киргизов! Но зато именно он может привести нас к той добыче, о которой говорил! Он знает эту страну, а мы нет, и если мы сейчас его убьем, то мы убьем единственного человека, который может нас спасти!

Туркмены внезапно словно очнулись, их взоры обратились на Гордона, словно на какое-то божество.

— О, мудрейший из мудрых! — заголосили они. — Мы действительно псы, роющиеся в навозной куче! Спаси нас от нашей глупости! Мы целиком и полно-

стью подчиняемся тебе! Выведи нас из этой страны смерти и покажи нам золото, о котором ты говорил!

Гордон вложил саблю в ножны и принялся отдавать команды, ничего не поясняя, и туркмены безропотно ему подчинялись. Они понимали, что Аль-Борак использует их для осуществления каких-то своих планов, но в волчьей стае приказы вожака не обсуждают.

Немедленно едой и утварью из разгромленного лагеря было нагружено столько киргизских коней, сколько удалось быстро поймать. Подюжины туркменов погибли в схватке, еще дюжина была ранена. Мертвых оставили там, где они лежали, а наиболее тяжело раненных привязали к седлам коней. Их стоны были ужасны, но еще более ужасными были стоны киргизских женщин, спрятавшихся в зарослях кустарника. В надвигавшейся ночи они звучали, как погребальная песнь.

Гордон не стал отыскивать след англичан ни среди холмов, ни в зарослях деревьев. Его целью был Иолган, и он не сомневался, что найдет их там. Поэтому сейчас больше всего его беспокоило, как уйти от преследовавших их киргизов. Кочевники давно шли по следам туркмен, но сейчас их ярость многократно увеличилась, — остатки разгромленного лагеря, на которые они явно должны были наткнуться, несомненно привела их в дикое бешенство.

Поэтому вместо того, чтобы направиться через равнину, Гордон со своим отрядом свернул к холмам, окружавшим ее с юга, и начал петлять вдоль них, держась западного направления. Около полуночи один из раненых, привязанных к седлу, умер, а остальные впали в полубредовое состояние. Тело спрятали в узкой расщелине и, не задерживаясь, продолжили путь. Они двигались во тьме между холмами, словно призраки, и лишь цокот копыт и стоны раненых нарушали ночную тишину.

За час до рассвета они подъехали к ручью, извиравшемуся среди известняковых рифов, — широкому,

но мелкому, с твердым каменным дном. Около трех миль они шли по ручью вброд, а затем выбрались на берег вновь на той же стороне.

Гордон знал, что киргизы, вынюхивавшие их след, словно волки, выйдут за его отрядом на берег и решат, что туркмены пересекли ручей,— во всяком случае, американец надеялся, что киргизы не раскроют его хитрость. Он рассчитывал, что они ринутся в горы на противоположном берегу и будут кружить там, отыскивая его след, тем самым дав ему возможность выиграть время.

Теперь Гордон направлялся на запад уже более прямой дорогой. Он знал, что киргизы не успокоятся и рано или поздно вновь нападут на его след, но при этом потеряют время, за которое он сможет оторваться от них достаточно далеко. Они будут искать его сначала не в направлении Иолгана, а в других. Поэтому Гордон, уже почти не петая, мчался прямо в Иолган, рассчитывая настигнуть своих врагов не по дороге, а прямо там.

Восход застал обессиленный отряд в горах, и только там Гордон приказал своим людям остановиться и отдохнуть. Пока они распрягали усталых коней и доставали из сумок запасы еды, он взобрался на самый высокий утес, который только мог найти, и начал внимательно рассматривать в бинокль окрестные скалы и ущелья. Пожевав кусок вяленого мяса, американец закрыл глаза и подремал с четверть часа, а затем вновь приложил бинокль к глазам, выискивая какие-нибудь признаки погони. Так он повторял несколько раз, подобно дикому зверю, чередуя короткий сон и бодрствование.

Он дал своим людям отдохнуть столько, сколько счел нужным, а затем, когда солнце стояло уже высоко, спустился со скалы и разбудил их. Закаленные в скитаниях и походах туркмены мгновенно поднялись, за исключением одного из раненых, который умер во сне. Его тело спрятали в глубокую трещину в скале и,

не мешкая, отправились дальше, правда уже более медленно, потому что кони устали куда больше, чем люди.

Весь день они пробирались по диким узким ущельям, окруженным высокими холодными скалами. Туркмены подавленно молчали, напуганные видом этой безмолвной мрачной местности, а также ощущением близости несущейся по их следам орды разъяренных, жаждущих крови киргизов. Они не задавали Гордону ни единого вопроса, покорно следуя за ним. Цепью, один за другим, они взбирались на головокружительные высоты и вновь спускались вниз, в темные бездонные ущелья.

Гордон использовал все свои знания и опыт, всю свою хитрость и интуицию, чтобы уйти от погони и в то же время как можно быстрее добраться до цели. Он не боялся столкнуться в этих диких, почти неприступных горах ни с одним местным племенем, так как знал, что они пасут свои стада на равнинах или на гораздо более низких и пологих горных склонах. Но все же он не так уж хорошо знал эту дорогу, как думали молча следовавшие за ним туркмены.

Гордон скорее инстинктивно чувствовал нужное направление, как человек, привыкший к дикой жизни, но все же несколько раз он бросил взгляд на виднеющуюся вдали гору Эрлик-хана, чтобы убедиться, что они едут правильно. По мере продвижения на запад он увидел, что пейзаж начал постепенно меняться, и вот уже перед самым закатом перед ним открылся вид на широкие, поросшие соснами склоны, за которыми замаячили стены Иолгана.

Иолган располагался у подножия горы, возвышаясь над равниной, по которой, извиваясь среди зарослей камыша и ивняка, протекал прозрачный ручей. Город был надежно защищен от внешнего мира естественными укрытиями: с юга и запада его окружали высокие, почти отвесные скалы с возвышавшимся над ними пиком горы Эрлик-хана, на севере тянулась длинная горная цепь, а на востоке равнину окаймляли

многочисленные неровные и труднодоступные склоны холмов. Сделав несколько поворотов, отряд Гордона вышел к Иолгану с южной стороны.

Аль-Борак увел своих людей с более высоких скал, спрятав их в одном из многочисленных ущелий, расположенном на склоне пониже. Теперь они находились не более чем в полутора милях от города. Ущелье заканчивалось тупиком и вполне могло быть ловушкой, но выбора не было — кони уже едва не падали от усталости, а людей мучила жажда. Увидев бьющий из камней источник, Гордон решил остановиться возле него.

Он нашел небольшую расщелину, отвесившуюся от ущелья, и разместил часть людей возле нее, а остальных — у входа в ущелье. Усевшись на землю, все принялись торопливо поедать остатки пищи или перевязывать раны. Когда Аль-Борак сказал им, что в одиночку отправляется в разведку, туркмены отрешенно взглянули на него. Глаза их не выразили ничего, кроме покорности судьбе. Фатализм вообще был свойствен туркменам, как давно заметил Гордон, но сейчас его спутники явно испытывали его в полной мере.

Не то чтобы они не доверяли ему — им уже было все равно, они чувствовали себя почти мертвыми. В своих грязных рваных одеждах, перепачканных запекшейся кровью, с пустыми запавшими глазами они и в самом деле походили на мертвецов. Завернувшись в свои лохмотья, они неподвижно лежали на земле, не произнося ни слова.

Гордон был настроен куда более оптимистично. Даже если киргизы и не прекратили их преследовать, то им потребуется еще немало времени, чтобы напасть на след туркмен. Также Аль-Борак не боялся и нападения со стороны жителей Иолгана — он знал, что они редко ходят в горы.

Гордон не ел и не спал столько же, как и его люди, но его закаленный организм был куда более выносливым, чем у них, а его дух — несравненно более силь-

ным и мужественным. Его сознание всегда оставалось ясным, а тело сохраняло способность двигаться даже тогда, когда вокруг никто не мог уже и пальцем пошевелить.

Начинало темнеть, когда Гордон вышел из ущелья; первые звезды неярко засияли у него над головой, как крошечные серебристые льдинки. Прямо через долину он не пошел. Стараясь держаться поближе к горам, он бесшумной тенью заскользил вдоль них, вслушиваясь в малейшие шорохи и вглядываясь в сгущающуюся тьму. Он не удивился, когда через некоторое время обнаружил пещеру с прятавшимися в ней людьми.

Она была расположена в каменистом выступе, опускавшемся почти до самой долины; вход в нее маскировали густые заросли тамариска, но, несмотря на это, зоркий взгляд Гордона различил еле заметные отблески огня, тускло мерцавшего внутри. Бесшумно прокрадываясь сквозь заросли, американец замер и начал вглядываться вперед. Пещера оказалась больше, чем можно было судить по крошечному входу в нее. В дальнем углу горел небольшой очаг, вокруг которого расположились три человека, жевавших пищу и разговаривавших на гортанном пушту. Гордон мгновенно узнал трех слуг англичан, с которыми они начали свое путешествие в эти края. Еще дальше в пещере он увидел лошадей и снаряжение из лагеря. Разговор был приглушенным, и Гордон не мог разобрать ни слова, так же как и определить, где находится четвертый слуга.

Он уже собирался подкрасться еще ближе, как вдруг услышал шаги. Кто-то приближался к пещере, и американец, метнувшись в тень, стал ждать, пока не увидит, как на фоне звездного неба появилась высокая фигура. Это и был тот самый четвертый слуга, несший в руках охапку дров.

Он подошел к естественной изгороди, закрывавшей вход в пещеру, оказавшись так близко от амери-

канца, что тот мог коснуться его рукой. Но Гордон не стал протягивать руку — он просто прыгнул на слугу, словно пантера на антилопу.

Дрова полетели на землю, а два человека, сцепившись, покатались вниз по низкому травянистому склону. Но это длилось всего несколько мгновений, и вот наконец железные пальцы Гордона крепко сдавили бычью шею афганца, не давая ему никакой возможности крикнуть, чтобы позвать на помощь. Борьба была короткой и бесшумной, и хотя противник превосходил Гордона ростом и телосложением, это ему не помогло — стальные мускулы и ловкость Аль-Борака взяли верх. Навалившись на азиата всем телом, Гордон продолжал душить его и ослабил хватку только тогда, когда тот перестал сопротивляться и затих.

Когда глаза слуги вновь обрели осмысленное выражение, он узнал того, кто на него напал. Решив сначала, что из темноты на него навалился неведомый злой дух, теперь он немного успокоился и начал дышать более ровно.

— Где англичане? — зловещим шепотом спросил Гордон. — Говори, собака, а не то я переломаю тебе шею!

— Они пошли к городу дьяволов, как только стемнело! — со страхом ответил слуга.

— Одни?

— Нет, их сопровождал какой-то бритоголовый. Они взяли с собой оружие.

— Что они здесь делают?

— Клянусь Аллахом, я не знаю!

— Рассказывай все, что знаешь! — потребовал Гордон. — Но только говори тихо. Если твои собаки услышат и выскочат сюда, тебе конец! Начинай с того момента, как я ушел подстрелить дичь. После этого Ормонд убил Ахмеда — это я уже знаю.

— Да, это был именно Ормонд-сагиб. И я не мог ничего сделать! Я увидел, как Ахмед крутится возле палатки другого сагиба, а потом вдруг оттуда выско-

чил Ормонд-сагиб и потащил его в палатку. Раздался выстрел, и мы подошли посмотреть. Ахмед лежал мертвый на земле. Затем сагибы приказали нам сложить палатки и нагрузить поклажу на лошадей. Мы все сделали и ни о чем их не спрашивали. Потом мы спешно поехали в сторону запада и уже ночью наткнулись на лагерь неверных. Я и мои братья очень испугались, но сагибы пошли вперед, они ничего не боялись. Язычники направили на нас луки со стрелами, но тогда Ормонд-сагиб поднял какую-то эмблему, которая вся так и засверкала при свете факелов. И тут вдруг язычники соскочили с коней и стали кланяться до земли.

В ту ночь мы остались в их лагере. Потом в темноте кто-то туда ворвался, началась борьба, и один язычник был убит. Ормонд-сагиб сказал, что это был туркменский шпион, и, значит, тут будет сражение. Поэтому на рассвете мы уехали из лагеря и быстро помчались на запад. Там мы встретили других неверных, Ормонд-сагиб тоже показал им талисман, и они принялись оказывать нам всяческие почести. Затем мы опять быстро помчались, так что чуть не загнали лошадей, и, даже когда наступила ночь, мы не остановились, а Ормонд-сагиб был словно безумный, поэтому еще до рассвета мы уже приехали в эту долину, и сагибы спрятали нас в эту пещеру.

Здесь мы оставались, пока какой-то неверный не прошел утром мимо пещеры, гоня овец. Тогда Ормонд-сагиб позвал его и показал ему талисман, а потом объяснил, что хочет поговорить со жрецом. Тот человек ушел, но потом вернулся вместе со жрецом, который умел говорить по-кашмирски. Он и сагибы долго разговаривали, но о чем — я не знаю. А Ормонд-сагиб убил того человека, который ходил звать жреца, а потом они со жрецом завалили его тело камнями. Потом они опять о чем-то говорили, а затем жрец ушел, а сагибы просидели в пещере целый день. Но в сумерках за ними пришел другой человек, с бритой головой, закутанный в верблюжью шкуру, и они пошли с ним к

городу. Они велели нам поесть, покормить коней и запрячь их, чтобы очень быстро выехать ночью, пока не рассветет. Вот все, что я знаю, и да будет Аллах мне свидетелем.

Гордон молчал, обдумывая услышанное. Он верил, что слуга говорит правду, но его недоумение только возрастало. Пока американец размышлял над этим запутанным клубком событий и невольно разжал хватку, слуга, воспользовавшись моментом, вдруг резко дернулся, сбросив с себя тяжелую руку Гордона и одновременно выхватив из-за пазухи кинжал. С коротким злорадным выдохом он выкинул руку с кинжалом вперед, но Аль-Борак молниеносно отклонился, и лезвие лишь слегка задело его. В ярости он вцепился обеими руками в горло азиата, вложив в эту дикую хватку всю свою силу. Шейные позвонки могучего мусульманина хрустнули, как сухая ветка, и в то же мгновение Гордон уже нырнул в густую тень кустарника, услышав шум у входа в пещеру. Человек, появившийся там, тревожным приглушенным голосом что-то спросил, но Гордон не стал дожидаться дальнейшего развития событий и исчез во мраке, словно призрак.

Человек, вышедший из пещеры, повторил свой вопрос, но, не получив ответа, взволнованным голосом позвал своих товарищей. С оружием в руках они начали пробираться сквозь заросли тамариска, пока наконец один из них не наткнулся на тело своего товарища. Они наклонились над ним, испуганно бормоча.

— Точно, это проклятое место, — дрожащим голосом произнес один из них. — Акбара убили злые демоны!

— Нет, — возразил другой. — Его убили люди из этой долины. Может быть, они собираются и всех нас убить, одного за другим. — В испуге он сжал винтовку и попятился. — Они заколдовали сагибов и увели их, чтобы убить!

— Мы будем следующими, — прошептал третий. — Сагибы, должно быть, уже мертвы. Надо быст-

ро уезжать отсюда! Лучше умереть в горах, чем ждать, как овцы, когда нам перережут горло.

Несколько минут спустя они уже мчались на восток, рассеявшись среди ночи, словно зайцы, преследуемые гончими псами.

Об этом Гордон уже не знал. Отбежав от пещеры, он направился не в ущелье, где оставались его люди, а прямо через сосны к огням города Иолгана. Туда вела узкая тропинка, извивавшаяся между деревьями и едва заметная в темноте.

Впереди уже показались массивные городские стены и ворота, стоявшие почему-то открытыми. Гордон увидел часовых, беспечно прогуливавшихся вдоль стен.

В Иолгане не опасались нападения — самые могущественные из мусульманских племен суеверно боялись даже близко подходить к городу поклонников культа дьявола. До слуха Гордона доносились обрывки праздных разговоров и шутиливых споров.

Где-то здесь, в Иолгане, — американец был в этом уверен — находились люди, которых он искал. Они собирались вернуться в пещеру, и Гордон мог бы встретить их там. Но у него были свои причины, почему он хотел войти в город, и причины эти не имели ничего общего с мстью двум англичанам. Спрятавшись в непроницаемой тени деревьев уже совсем близко от города, он принялся размышлять о том, как действовать дальше, и тут услышал негромкий звук копыт на дорожке позади себя. Он скользнул в глубь зарослей, но затем внезапная мысль остановила его, и он повернул обратно к дороге и стал ждать.

Наконец Гордон увидел вереницу нагруженных тюками мулов и четырех человек, охранявших их с двух сторон. У них не было факелов, они двигались как люди, хорошо знающие дорогу. Зоркие глаза Гордона хорошо различили в неясном свете звезд их очертания! Это были киргизские пастухи. Он бесшумно подкрался еще ближе и отчетливо увидел их круглые ша-

почки и длинные плащи, а в нос ему ударил свойственный киргизским скотоводам запах.

Когда человек, замыкавший процессию, поравнялся с Гордоном, американец железной рукой схватил его за горло, сдавив так сильно, что пастух не издал даже хрипа, бесчувственно обмякнув в руках Гордона. Остальные уже исчезли из виду, скрывшись за поворотом тропинки, а мерный топот копыт мулов и поскрипывание нагруженной на них поклажи заглушили негромкие звуки короткой борьбы.

Гордон оттащил свою жертву в сторону и быстро раздел ее, сбросив свои ботинки и надев на себя одежду киргиза, надежно закрепив на поясе пистолет и саблю, скрытые длинным плащом. Несколько минут спустя он уже шел позади колонны, опустив голову, как будто устал от дальнего перехода. Гордон знал, что пастух, чьим нарядом он воспользовался, не придет в сознание по крайней мере еще несколько часов.

Американец держался достаточно близко к каравану, чтобы ни у кого не возникло сомнений, что он свой, но в то же время чуть отставал, плетясь усталым шагом. В его планы не входило, чтобы кто-нибудь заговорил с ним, — тогда Гордона немедленно разоблачили бы. Но остальные пастухи, видимо, тоже на самом деле устали, поэтому процессия двигалась в полном молчании. Когда они проходили через ворота, их никто не окликнул. Стража не заметила подмены — даже при свете факелов, горевших над огромным арочным входом в город, Гордон выглядел совсем как киргизский пастух, в таком же, как они, длинном плаще и мерлушковой шапке, с такими же, как и у них, заостренными чертами загорелого обветренного лица.

Они двинулись по освещенной факелами улице, шумной от голосов многочисленных прохожих и торговцев, не обращавших на караванщиков никакого внимания. Здесь Гордон и отстал от каравана окончательно, затерявшись среди таких же пастухов

в длинных плащах, бродивших по улицам и глазевших на город, казавшийся им непостижимо величественным.

Иолган не был похож на другие города Азии. Много лет назад, говорится в легенде, его построили последователи культа дьявола, изгнанные со своей далекой родины. Они нашли прибежище в этой дикой, не отмеченной ни на каких картах стране, фактическими хозяевами которой были Черные Киргизы, являвшиеся наиболее дикой ветвью среди родственных им племен. Население Иолгана было смешанным и состояло из потомков тех самых переселенцев и киргизов.

Гордон увидел бродивших по улицам монахов — правящую касту в Иолгане — высоких бритоголовых людей с монгольскими чертами лица, чье этническое происхождение ему не было известно. Они не походили на тибетских монахов, и религия их даже отдаленно не напоминала буддизм — это действительно был чистейший культ дьявола. Архитектура их храмов, алтарей и гробниц тоже резко отличалась от любой другой культовой архитектуры, которую когда-либо видел Гордон.

Но он не тратил времени ни на размышления о природе культа дьявола, ни на бесцельное блуждание по городу, а сразу направился к огромному каменному зданию, расположенному почти у той самой горы, у подножия которой и стоял Иолган. Гордона никто не останавливал, никто не пытался заговорить с ним. Беспрепятственно дойдя до здания, он поднялся по ступеням, поражающим своей необыкновенной — не меньше ста футов — шириной, низко опустив голову, чтобы как можно больше походить на утомленного долгим путешествием пилигрима. Большие бронзовые двери храма, никем не охраняемые, были открыты, и Гордон, скинув сандалии, вошел в огромный зал, едва освещенный тусклыми медными лампами, в которых горело растопленное масло.

По залу бесшумно сновали бритоголовые монахи, похожие на темных призраков. Они не обратили на Гордона никакого внимания, приняв его за рядового поклонника культа, пришедшего принести скромные дары к гробнице Эрлик-хана, князя седьмого круга ада.

Часть зала была скрыта от обзора огромным кожаным занавесом, расшитым золотом, который свисал до пола с самого потолка. Перед занавесом, к которому вели шесть ступенек, сидел скрестив ноги и склонив голову неподвижный, как статуя, монах, явно пребывающий в общении с неведомыми духами. Гордон остановился у ступенек, будто для того, чтобы пасть перед ними ниц, а затем, словно его охватил внезапный ужас, попятился, закрыв руками лицо. Монах продолжал сидеть неподвижно, не обратив на мнимого пастуха никакого внимания. Он уже не раз видел таких кочевников, пришедших издалека, чтобы поклониться гробнице Эрлик-хана, которые испытывали сверхъестественный ужас, приблизившись к занавесу, скрывавшему от их глаз нечто страшное. Робкие киргизы часами бродили по храму, собираясь с духом, прежде чем подойти к занавесу и совершить ритуальное поклонение, поэтому никто из находившихся в храме даже не взглянул в сторону человека в плаще, испуганно отпрянувшего от алтаря.

Убедившись, что никто за ним не наблюдает, Гордон проскользнул в темный дверной проем неподалеку от золоченого занавеса и ощупью двинулся по широкому неосвещенному коридору, пока не наткнулся на ведущую вверх лестницу. Бесшумно и быстро поднявшись по ней, он оказался в длинном коридоре, едва освещенном слабыми мерцающими бликами огней.

Гордон знал, что эти блики отбрасывают тусклые лампы из крошечных келий, расположенных вдоль коридора. В них монахи проводят долгие часы, погружившись в размышления о тайнствах своего культа или сосредоточенно изучая черные книги, о существова-

нии которых остальной мир, находящийся за этими стенами, даже не подозревал. В конце коридора виднелась еще одна лестница. К ней и направился Гордон, стараясь, чтобы его не заметили монахи, сидевшие в кельях. Это ему удалось без особого труда, так как блики пламени масляных ламп освещали коридор так скудно, что заметить неясную тень, бесшумно проскользнувшую по коридору, вряд ли кто-нибудь смог.

Поднявшись по ступенькам до поворота, Гордон замер и прислушался. Он знал, что наверху должен быть стражник, но он также знал, что этот стражник может спать. Сделав еще несколько шагов, Гордон действительно увидел сидевшего на полу полутолого человека с кривой саблей на коленях, голова которого была низко опущена. Он еле слышно похрапывал, и у Гордона не осталось никаких сомнений, что стражник мирно спит.

Американец осторожно прокрался мимо него и вошел в верхний коридор, тускло освещенный лагунными лампами, находившимися на равном расстоянии друг от друга. По обеим сторонам коридора тянулись ряды тяжелых деревянных дверей, обитых бронзой. Гордон направился к одной из них, отличавшейся от других особым орнаментом и лепной аркой. Подойдя к двери, он замер и прислушался, а затем тихонько постучал девять раз, с паузой после каждого трех ударов.

Несколько мгновений царилла напряженная тишина, а затем за дверью раздался звук шагов, смягченный толстым ковром. Дверь тихо открылась, и на пороге возникла стройная фигура женщины, удивительно прекрасной и словно бы излучавшей какие-то магнетические волны. Сияние ее глаз было поистине волшебным — оно затмевало блеск драгоценных камней, украшавших ее пояс.

Она сразу узнала Гордона, несмотря на его маскарад, и порывисто бросилась к нему, крепко обняв его своими тонкими, но сильными руками.

— Аль-Борак! Я знала, что ты придешь!

Гордон вошел в комнату и закрыл за собой дверь. Кроме них двоих, там никого не было. Комната была обставлена богатыми шелковыми диванами, резными столиками и шкафчиками и задрапирована роскошными бархатными шторами, что резко контрастировало с остальными помещениями храма — мрачными и полупустыми. Окинув взглядом комнату, Гордон вновь повернулся к женщине, лицо которой выражало неподдельную радость.

— Откуда ты знала, что я приду, Ясмина? — спросил он.

— Ты никогда не бросал друга в беде, — тихо ответила она.

— А кто в беде?

— Я!

— Но ведь ты богиня!

— Я же все объяснила тебе в своем письме! — с некоторым недоумением произнесла она, пристально глядя на Гордона.

Американец так же недоуменно покачал головой:

— Я не получал никакого письма.

— Тогда почему же ты здесь? — воскликнула Ясмина, отступив от Гордона на шаг, словно проверяя, он ли перед ней.

— Это долгая история, — ответил он, еще раз окинув взглядом комнату. — Сначала расскажи мне, почему Ясмина, у ног которой лежал мир и которая от скуки отбросила его, чтобы стать богиней в чужой стране, говорит о себе как о человеке, попавшем в беду.

— Это правда, Аль-Борак. — Ясмина нервным движением откинула назад свои темные выующиеся волосы. Ее глаза чуть затуманились грустью и усталостью, но в них мелькнуло и что-то еще, чего Гордон никогда не видел прежде, — тень страха. — Но сначала поешь с дороги. Вот еда, которая тебе сейчас нужнее, чем мне.

Она села на диван и придвинула к Гордону маленький золотой столик, на котором стояло блюдо с

приправленным рисом и жареной бараниной и кувшин с кумысом. Вся посуда была из чистого золота.

Гордон молча сел рядом с ней и с нескрываемым аппетитом принялся за еду. В своем грубом одеянии кочевника он выглядел очень странно посреди роскоши и великолепия этой комнаты. Ясмина задумчиво смотрела на него, и в ее взгляде сквозила какая-то таинственность.

— Мир не лежал у моих ног, Аль-Борак, — наконец сказала она. — Но у меня было достаточно всего того, чем я пресытилась до отвращения. Знаешь, как будто хорошее вино потеряло свой вкус. Лесть стала казаться мне оскорблением, восхищение мужчин звучало для меня как пустые, заученные и лишённые всякого смысла слова. Я безумно устала от глупых лиц, вечно мельтешивших у меня перед глазами, — от их тупых бараньих взглядов и таких же бараньих мыслей. Я устала от всех, за исключением нескольких человек, таких, как ты, Аль-Борак. Вы были волками в овечьей стае. Я могла бы любить тебя, Аль-Борак, но в тебе слишком много ярости; твоя душа подобна дзвину, о которое я боюсь пораниться.

Ничего не ответив, Гордон взял золотой кувшин с кумысом и мощными глотками осушил его за один раз, отчего у любого другого человека тотчас помутилось бы в голове. Но Гордон слишком долго жил, как кочевник, и любой самый жгучий кумыс был для него привычен, как вода.

— Итак, я стала принцессой, женой кашмирского принца, — продолжала она. — И тут я узнала глубины человеческого свинства, и это знание досталось мне слишком дорогой ценой. Он был грязной скотиной, и я сбежала от него в Индию, и один англичанин защитил меня, когда головорезы моего мужа собирались отвезти меня обратно к нему. Но этот негодяй все еще предлагает огромные деньги тому, кто доставит меня к нему живой, и тогда он успокоит свое уязвленное самолюбие, замучив меня до смерти.

— Понятно, — сквозь зубы пробормотал Гордон. — До меня доходили кое-какие слухи об этом.

На его лицо набежала тень, и, хотя он даже не нахмурился, в его глазах появилось что-то зловещее.

— Этот опыт и вызвал у меня окончательное отвращение к жизни, — с горечью сказала Ясмина, — к той жизни, которую я знала. Но я вспомнила, что мой отец был жрецом в Иолгане, он покинул город ради любви к одной чужестранке. Иолган я помнила по рассказам отца, хотя я тогда была совсем маленькой, и во мне зрело огромное желание покинуть мир и прийти сюда, чтобы обрести свою душу. Все боги, которых я знала, доказали мне свою ничтожность. Теперь передо мной зажегся знак Эрлика. — Ясмина слегка раздвинула складки одежды и показала Гордону напоминающий звезду талисман, висевший у нее на груди. — Я пришла в Иолган, как ты уже знаешь, потому что именно ты и привел меня сюда, под видом киргизки с Иссык-Куля. Люди помнили моего отца и, хотя они и считали его предателем, все же приняли меня, главным образом из-за того, что есть одна старая легенда, которая рассказывает о женщине-богине со звездой на груди. Они приняли меня как воплотившуюся в дочь Эрлик-хана богиню. Когда ты ушел обратно, первое время я была всем довольна. Люди поклонялись мне с такой искренностью, которую я никогда не видела в том прежнем мире. Их странные ритуалы были необычными, но завораживающими. Сначала я воспринимала только их внешнюю сторону. Затем я начала проникать все глубже в суть их мистерий...

Ясмина замолчала, и Гордон вновь увидел в ее глазах страх. Он молчал, терпеливо дожидаясь, когда она продолжит свой рассказ. Ясмина взглянула на него и, вздохнув, опустила голову.

— Я мечтала о спокойном уединении, — наконец с трудом произнесла она, не глядя на Гордона. — Я думала, что этот город населяют мистики и философы,

но оказалось, что это логово безумцев, отрицающих все, кроме дьявола. Это не мистика, это черный шаманизм, отвратительный и мерзкий, как те тундры, которые породили его. Я увидела то, что привело меня в ужас. Да, я, Ясмина, никогда не ведавшая страха, теперь по-настоящему узнала, что это такое, и научил меня ему Йогок, верховный жрец. Ты знаешь его и, прежде чем покинуть Иолган, предостерегал меня, но тогда я не обратила на твои слова особого внимания. Он ненавидит меня. Он знает, что я не богиня, но боится моей власти над людьми. Он давно убил бы меня, если бы осмелился.

Я страшно измучилась. Эрлик-хан и его дьяволы оказались такой же иллюзией, как и боги Индии или Запада. Я не нашла здесь истинного пути, который искала, и теперь испытываю лишь безумное желание вернуться в тот мир, который покинула. Аль-Борак, я хочу вернуться обратно в Дели. По ночам мне грезятся шум и запахи улиц и базаров. Я наполовину индианка, и моя индийская кровь зовет меня. Как же я была глупа! Передо мной была вся жизнь, а я отвергла ее. Неужели я слишком поздно это поняла?

— Совсем не поздно, — спокойно сказал Гордон. — Конечно, надо вернуться. Ты вернешься и все забудешь.

— Нет! — с горечью воскликнула она. — Это невозможно. Боги Иолгана должны оставаться в Иолгане навсегда. Если хоть кто-нибудь исчезнет, люди уверены, что город должен погибнуть. Йогок был бы и рад, чтобы я исчезла, но он боится гнева людей, поэтому ни за что не решится ни убить меня, ни помочь мне убежать. Я знаю только одного человека, который мог бы помочь мне, поэтому я написала тебе письмо, которое отправила с одним таджикским торговцем. Вместе с письмом я отправила и священный талисман — золотую звезду, украшенную драгоценными камнями, благодаря которой ты должен был беспрепятственно пройти через страну кочевников. Они никогда не при-

чинят вреда человеку, у которого есть эта звезда. Он будет в безопасности — опасность угрожает ему только от жрецов города.

— Я не получил ни письма, ни талисмана, — покачал головой Гордон. — А сюда я попал, преследуя парочку негодяев, которых я вел через страну узбеков и которые по непонятным причинам убили моего слугу Ахмеда и сбежали от меня. Как бы то ни было, но теперь они в Иолгане.

— Белые люди? — изумленно спросила Ясмينا. — Это невозможно! Они никогда не смогли бы пройти через земли диких кочевников...

— Есть только один ключ к разгадке этой головоломки, — прервал он ее. — Каким-то образом твое письмо попало к ним в руки, и они использовали твою звезду, чтобы пройти по этим землям. Но они не собираются спасать тебя, потому что как только они пришли в долину, то сразу же вступили в контакт с Йогоком. Тут я могу предположить только одно — они собираются похитить тебя, чтобы продать твоему бывшему мужу.

Ясмина резко выпрямилась, ее руки судорожно вцепились в край дивана, так что костяшки пальцев побелели. В глазах ее вспыхнул огонь ярости, и она чем-то напомнила кобру, готовящуюся к прыжку. Гордону же в это мгновение она показалась особенно прекрасной.

— Опять к этой свинье? Опять к этим грязным псам, увивавшимся вокруг меня? Да стоит мне только сказать хоть слово людям Иолгана, как они разорвут этих негодяев на куски!

— Тогда ты сама себя выдашь, — покачал головой Гордон. — Люди, может быть, и убьют иноземцев, может быть, даже убьют Йогока, но они узнают, что ты пыталась сбежать из Иолгана. Ведь, наверное, и сейчас с тебя не спускают глаз — ты у всех на виду.

— Да, бритоголовые шпионы за мной повсюду, за исключением этого этажа. Отсюда вниз ведет един-

ственная лестница, которая постоянно охраняется. Но здесь я свободна.

— Лестница охраняется стражником, который все время спит, — заметил Гордон. — А ты не думаешь, что когда люди узнают, что ты хотела сбежать из Иолгана, они отнимут у тебя последнюю свободу и запретят тебе в келье до конца твоих дней? Люди ведь очень трепетно относятся к своим божествам.

Ясмина нахмурилась и несколько мгновений молча размышляла, затем взглянула на Гордона.

— И что же тогда делать? — спросила она, и в глазах ее вновь мелькнул страх.

— Не знаю. Пока не знаю, — задумчиво ответил Гордон. — Здесь недалеко в горах у меня спрятана сотня туркменских головорезов, но сейчас от них толку мало. Их слишком немного, чтобы устроить здесь хорошее сражение, и они почти уверены, что их обнаружат завтра же, если не раньше, поэтому напуганы до полусмерти. Я привел их с собой сюда, и я обязан их вывести отсюда — по крайней мере хоть часть. Сюда я пришел, чтобы убить тех двух англичан, Ормонда и Пемброука, но с этим можно подождать. Сначала надо вывести отсюда тебя, но для этого мне нужно узнать, где сейчас Йогок и англичане. Есть хоть один человек в Иолгане, которому ты можешь доверять?

— Любой человек в Иолгане отдал бы за меня жизнь, но они ни за что не отпустят меня. Нет, я не могу довериться никому из них.

— Ты сказала, что на этот этаж ведет единственная лестница?

— Да. Храм построен у горы, поэтому галереи и коридоры нижних этажей выходят прямо внутрь горы. Но это самый высокий этаж, и он оставлен исключительно для меня. Отсюда нет другого выхода, кроме той лестницы, ведущей прямо в храм, в котором кишмя кишат монахи. У меня тут ночью только одна служанка, но сейчас она спит в комнате неподалеку от этой, как всегда одурманенная гашишем.

— Это уже неплохо! — кивнул Гордон. — Вот что, возьми-ка этот пистолет. Запри дверь после того, как я уйду, и не открывай никому, кроме меня. Ты поймешь, что это я, когда услышишь, как обычно, девять ударов в дверь.

— А куда ты уходишь? — со страхом спросила она, осторожно беря оружие, которое Гордон протянул ей.

— Я должен произвести небольшую разведку, — ответил он. — Мне надо знать, что сейчас делают Йогок и другие жрецы. Если я попытаюсь вывести тебя сейчас, мы можем угодить прямо к ним в лапы.

Я не могу строить свои планы, пока не узнаю хоть что-то о планах Йогока. Если они собираются выкрасть тебя сегодня ночью — а я думаю, что это именно так, — то, может быть, неплохо позволить им это сделать, а затем напасть на них вместе с туркменами и отбить тебя у них, когда они отойдут уже достаточно далеко от города. Но так действовать будем лишь в том случае, если не будет другого выхода. Когда начнется стрельба, в тебя может попасть шальная пуля. В общем, сейчас я уйду — будь начеку!

* * *

Усердный страж все еще похрапывал, когда Гордон проскользнул мимо него. Оказавшись в нижнем коридоре, он увидел, что теперь ни одна лампа в кельях не горит. Гордон знал, что кельи теперь пусты, а монахи спят в комнатах ниже этажом. На мгновение он остановился в раздумье, как вдруг услышал шарканье сацдалий по коридору.

Шагнув в проем ближайшей кельи, Гордон дождал, пока невидимый человек поравнялся с ним, а затем тихо свистнул. Шаги замерли, и Гордон услышал неразборчивое бормотание.

— Это ты, Ятуб? — по-киргизски спросил Гордон. Он знал, что многие из низших монахов были киргизами по происхождению.

— Нет, — прозвучал в темноте ответ. — Я Оджух. А ты кто?

— Неважно, зови меня собакой Йогока, если хочешь. Я тут на страже. Белые люди уже пришли в храм?

— Да. Йогок провел их тайным путем, но люди подозревают, что они здесь. Если ты так близок к Йогоку, скажи мне — что он собирается делать?

— А ты что по этому поводу думаешь? — спросил Гордон.

В ответ прозвучал злобный смех, и Гордон почувствовал, как монах придвинулся к нему ближе.

— Йогок умен и хитер, — сказал монах. — Когда таджик, которого Ясмина попросила доставить ее письмо, показал его Йогоку, наш господин приказал ему сделать все так, как она велела. Когда человек, которого она звала, придет к ней, Йогок собирался убить их обоих, объяснив людям, что это белый человек убил богиню.

— Йогоку нет прощения, — наугад сказал Гордон.

— Скорее можно простить ядовитую змею! — вновь хрипло рассмеялся монах. — Ясмина много раз мешала ему в совершении обрядов, и он не позволит ей уйти с миром.

— Вот, значит, что он затеял! — выдохнул Гордон.

— Ты простой человек, стоишь тут на страже и ничего не знаешь. Письмо предназначалось Аль-Бораку. Но таджик оказался слишком жадным и продал его тем двум белым и рассказал им о Йогоке. Они не увезут ее в Индию — они продадут ее кашмирскому принцу, который забьет ее до смерти. Йогок сам проведет их через горы тайной дорогой. Он боится гнева людей, но его ненависть к Ясмине так велика, что он решился на это.

Гордон услышал все то, что хотел узнать, и решил немедленно действовать. Окончательно отбросив мысль о том, чтобы дать Ормонду вывести Ясмину из города, он понял, что надо попытаться сейчас же ее

спасти. Когда Йогок поведет англичан потайными ходами, их вряд ли можно будет найти.

Монах тем не менее не торопился заканчивать разговор. Он заговорил вновь, и тут Гордон увидел огонь, движущийся во мраке, словно светлячок, затем услышал шлепанье босых ног и чье-то тяжелое дыхание. Американец тотчас нырнул в глубь кельи и затаился.

Это был другой монах, несущий маленькую латунную лампу, освещавшую его широкое толстогубое лицо, похожее на маску монгольского божка. Увидев монаха, стоявшего у входа в келью, он торопливо заговорил:

— Йогок и белые люди пошли к комнате Ясмینی. Ее служанка, которая шпионит за ней, сказала нам, что белый дьявол Аль-Борак сейчас в Иолгане. Он разговаривал с Ясминой меньше чем полчаса назад. Служанка тотчас помчалась к Йогоку, но это было уже после того, как Аль-Борак ушел из комнаты Ясмینی, а до того времени она боялась и шевельнуться. Он где-то здесь, в храме. Я иду собирать людей, чтобы искать его. Пойдем со мной...

Он взмахнул лампой, и ее пламя осветило всю келью вместе с Гордоном, прижавшимся к стене. Пока монах изумленно хлопал глазами, увидев наряд пастуха вместо привычного монашеского одеяния, Гордон молниеносным ударом в челюсть сбил его с ног. Лампа со стуком упала на пол, и американец в полной темноте сцепился с другим монахом. Тот оказался довольно сильным и крепким, но Гордону хватило нескольких мгновений, чтобы стукнуть его головой о пол. Монах затих, и Гордон оттащил его в келью, положив рядом с другим бесчувственным телом.

В следующее мгновение Гордон уже несея вверх по ступеням лестницы, которая находилась всего в нескольких шагах от кельи, в которой он прятался, и он точно знал, что за время их разговора с монахом по ней никто не поднимался и не спускался. Но монах с

лампой сказал, что Йогок с англичанами уже направились в комнату Ясины, как только вероломная служанка доложила ему об Аль-Бораке.

Выхватив саблю, он забежал за поворот, но сидевшая на прежнем месте фигура даже не шелохнулась, чтобы преградить ему путь. Однако мимолетного взгляда Гордону хватило, чтобы заметить, что в позе спящего стражника теперь было что-то неестественное, — голова его запрокинулась назад под каким-то странным углом. Сомнений не было — его убили, одним ударом свернув ему шею.

Недоумевая, почему Йогок убил одного из своих слуг, Гордон, не мешкая, помчался дальше. Дурные предчувствия сжимали его сердце, и, в несколько прыжков оказавшись у нужной двери, он рывком распахнул ее. Комната была пуста. Подушки с дивана в беспорядке валялись по полу. Ясины нигде не было видно.

Словно статуя, Гордон застыл посреди комнаты, сжимая в руке саблю. Обведя комнату взглядом, он вдруг заметил небольшую выпуклость за одной из штор и понял, что там кто-то есть.

Гордон повернулся к двери, будто собирается уйти, а затем внезапно сделал резкий разворот и пролетел через всю комнату, как стрела. Острое лезвие его кривой сабли рассекло тяжелую бархатную штору, и оттуда со стоном вывалился окровавленный человек, который явно даже не успел сообразить, что произошло. Это был бритоголовый монах, который, рухнув на пол, попытался вытащить нож, но Гордон прижал его коленом к полу, и тот разжал пальцы и застонал.

— Где она? — рявкнул американец, вцепившись в горло монаху. — Говори, пес, где она?

Но монах лишь продолжал всхлипывать и стонать, и ни одного слова из него вырвать не удавалось. Бросив его, Гордон побежал вдоль стен, рубя и сдирая с них портьеры. Он знал, что где-то здесь должна быть потайная дверь, но все стены были гладкими, и ему не

удалось обнаружить даже малейшей щели. Он яростно колотил по ним, пиная их ногами, но ни одна из стен не поддавалась, несмотря на самые отчаянные попытки пробиться сквозь них. Гордон в бессильной злобе закрипел зубами — он понял, что ему не удастся догнать Ясмину, которую похитители увели каким-то потайным ходом. Теперь ему оставалось только вырваться из города и помчаться к пещере, где он обнаружил прятавшихся слуг его врагов и куда англичане, несомненно, должны были вернуться. Ярость настолько переполняла его, что он даже не думал об осторожности.

В бешенстве Гордон сорвал с себя плащ, который теперь показался ему неуклюжим и стесняющим движения. Еще раз в отчаянии окинув взглядом комнату, он посмотрел на корчившегося на полу монаха, и ему в голову пришла новая мысль. Одежда тех монахов, которых он оставил бесчувственными этажом ниже, могла бы послужить ему маскировкой и помочь незаметно выскользнуть из храма, где уже толпы бритоголовых убийц шарят по всем углам, разыскивая белого дьявола Аль-Борака.

Гордон выбежал из комнаты и помчался к лестнице. Пробежав мимо мертвого стражника, он спустился на несколько ступенек вниз, а затем резко остановился и осторожно заглянул за поворот лестницы. В нижнем коридоре горело множество ламп, а у самой лестницы стояла толпа монахов с факелами и саблями. В руках у некоторых Гордон увидел даже ружья.

Он инстинктивно сделал шаг назад, но в это мгновение монахи закричали и подняли ружья. Позади них Гордон увидел крадущуюся вдоль стены круглолицую девушку с раскосыми глазами. Она ухватила за веревку, свисавшую со стены, и с силой дернула за нее. В то же мгновение Гордон почувствовал, что лестница как будто вдруг поехала у него под ногами. Несколько ружей выстрелило одновременно, как раз в тот момент, когда он полетел в черную дыру, внезапно раз-

верзшуюся под ним, и пули просвистели уже у него над головой. Последнее, что он услышал, — это яростный победный вопль монахов, но перед глазами у него была теперь только непроницаемая тьма.

* * *

Когда Гордон ушел, Ясмина закрыла за ним дверь и вновь села на диван. Она принялась с интересом разглядывать огромный пистолет, который он ей оставил, невольно восхищаясь голубоватыми отблесками огня на его полированной стали.

Затем она отложила его в сторону и, закрыв глаза, откинулась на спинку дивана. Ясмина всегда была склонна к философии и мистике, что мешало ей серьезно с доверием относиться к материальному оружию. Будучи натурой утонченной, она не придавала большого значения физическим действиям. При всем ее восхищении Гордоном, он все же был для нее всего лишь дикарем, варваром, прокладывающим себе дорогу мечом и пулей.

Она недооценила роль оружия, которое теперь лежало где-то в стороне, поэтому не смогла даже дотронуться до него, когда внезапный шум отодвигаемой портьеры заставил ее вздрогнуть и открыть глаза. Ясмина повернулась и расширенными от ужаса глазами посмотрела на портьеру, за которой, как она знала — или думала, что знала, — была пустая каменная стена, примыкавшая к горе.

Но теперь портьеру поднимала чья-то желтая, похожая на когтистую лапу, рука, за которой показалось злобное хищное лицо с раскосыми глазами и низким узким лбом. Кривой, с толстыми губами рот плотоядно приоткрылся, обнажив ряд острых, как у змеи, зубов.

Ясмину охватил такой леденящий ужас, что она не могла даже пошевелиться. Не в силах дать никакого разумного объяснения этому явлению, она лишь

молча смотрела на хищно оскалившееся лицо, пока страшный незнакомец не вышел целиком из-за портьеры и не сделал ей навстречу несколько шагов, извиваясь, как рептилия. Ясмينا вышла из оцепенения и только теперь увидела, что за откинутой портьерой в стене зияет черное отверстие, в котором показались еще два лица — жесткие и неподвижные, словно каменные, лица двух белых людей.

Ясмينا вскочила и попыталась было дотянуться до пистолета, но он лежал слишком далеко от нее — на другом конце дивана. Она метнулась туда, но похожий на змею человек с невероятной скоростью подскочил к ней, с силой вцепившись в ее протянутую к пистолету руку. От ужаса она вскрикнула, но он тут же зажал ей рот рукой. Ему не стоило никаких усилий справиться с Ясминой, и, хотя она отчаянно сопротивлялась, он так крепко сдавил ее своими клешнями, что она застонала от боли.

— Скорее! — приказал он резким гортанным голосом. — Вяжите ее!

Двое белых вошли в комнату; один из них держал наготове пистолет. Вслед за ними в комнате появился монах, который тут же связал Ясмину, сунув ей в рот кляп.

— Иди к стражнику, что спит на ступенях лестницы, — приказал человек с раскосыми глазами. — Он не наш, его приставил народ, чтобы ее охранять. Он глухонемой, но даже они способны разговаривать жестами.

Монах низко поклонился и, открыв дверь, вышел из комнаты, сжимая в руке кинжал. У потайного хода Ясмينا увидела еще одного монаха.

— Ты не знала о потайном ходе, — усмехнулся человек с раскосыми глазами. — Ты очень глупа! Гора за храмом вся изрезана туннелями, и за тобой постоянно шпионили. Девица, про которую ты думала, что она спит, обкурившись гашишем, на самом деле сегодня наблюдала за твоей встречей с Аль-Бораком. Это

нисколько не меняет моих планов, не считая того, что я приказал своим монахам убить Аль-Борака. Затем мы покажем народу его тело и скажем, что ты вернулась к своему отцу в седьмой круг ада, потому что появление неверного осквернило Иолган. А между тем эти сагибы уже будут на пути в Кашмир и вскоре доставят тебя твоему мужу, моя дорогая богиня! Дочь Эрлихана! Ха!

— Мы теряем время, Йогок, — прервал его Ормонд. — Нам надо как можно скорее двигаться!

Жрец кивнул и сделал знак монаху, который шагнул вперед и поднял Ясмину на принесенные им носилки. За другой конец носилок взялся Пемброук. В этот момент в комнату, вытирая кровь с кривого лезвия, проскользнул первый монах. Йогок приказал ему спрятаться за портьерой — Аль-Борак может вернуться сюда раньше, чем его найдут.

Затем они двинулись через потайную дверь и оказались в темном туннеле, освещаемом лишь масляной лампой, которую держал Йогок. Жрец тотчас задвинул тяжелую каменную плиту, являвшуюся частью стены, и закрыл ее изнутри на огромный бронзовый засов. При тусклом свете лампы Ясмина увидела, что они находятся в темном коридоре, ведущем вниз до длинной узкой лестницы, вырезанной в камне.

Спустившись по лестнице, они вышли в ровный туннель, по которому двигались довольно долго, пока не уперлись в каменную стену, в центре которой был вбит рычаг. Йогок повернул его, и они вошли в пещеру, в дальней части которой виднелся краешек ночного неба.

Жрец задвинул плиту на место, и Ясмина увидела, что она ничем не отличается от остальной внутренней поверхности пещеры. Йогок задул лампу и, подойдя к наружному входу в пещеру, раздвинул маскировавшие его кусты. Они вышли наружу и оказались на берегу ручья, вдоль которого двинулись дальше, продираясь сквозь густые заросли кустарников. Справа

Ясмина увидела светящиеся точки — то были огни города Иолгана, находившегося в полумиле от них. Слева тянулась горная цепь, а прямо темной массой возвышалась сосновая роща. Туда-то они и направились.

Они прошли полмили. Никто не произнес ни слова, но нервозность и напряжение чувствовались в каждом движении идущих. И англичане, и Йогок думали о каре, которой их подвергнет народ Иолгана, если обнаружит, что они похитили его богиню. Йогок боялся, пожалуй, больше всех. За ним стелился кровавый след — сначала это был пастух, который привел его к Ормонду, а затем немой стражник, назначенный народом. Аль-Борак тоже, вне всякого сомнения, будет мертв — монахи непременно выполнят приказ, отданный верховным жрецом.

— Быстрее! Быстрее! — подгонял он своих спутников сдавленным от страха голосом, озираясь среди темного леса, окружавшего их со всех сторон. В завывании ночного ветра ему мерещились крики преследователей.

— Авоти пещера, — пробормотал Ормонд. — Она чуть выше на склоне. Опустите носилки, их незачем тащить наверх. Я схожу туда один и приведу слуг и лошадей.

Он сделал несколько шагов вверх по склону и тихо позвал:

— Охай, Акбар!

Ответа не последовало. Подойдя еще ближе, Ормонд увидел, что огонь в пещере не горит, оттуда веяло лишь черным безмолвием.

— Заснули они там, что ли? — в ярости прошипел Ормонд. — Вот сейчас я им покажу! Ждите меня здесь.

Он прошел через густой кустарник и исчез в черном чреве пещеры. Через несколько мгновений до остальных донесся его голос, эхом отозвавшийся в каменных сводах пещеры. В нем звучал неподдельный страх.

* * *

Провалившись под лестницу, Гордон упал с достаточно большой высоты на холодный каменный пол. Мало кто на его месте остался бы в живых, а уж если бы и выжил, то переломал все кости. Но Аль-Борак был гибким и пружинистым, как кошка, и приземлился на все четыре конечности. Тем не менее удар был таким сильным, что на какое-то время он потерял контроль над своим телом и тяжело рухнул на бок.

Некоторое время он лежал неподвижно, приходя в себя от шока, затем с проклятиями приподнялся, проверяя и ощупывая все тело в поисках ран или переломов. К счастью, таковых не оказалось, и тогда Гордон пошарил вокруг и нашел свою саблю, упавшую от него неподалеку. Отверстия, в которое он провалился, больше не было, ловушка над ним захлопнулась. Где он находится, Гордон не знал, но тьма была, как в стигийской пещере. Он не знал также и с какой высоты упал, но догадывался, что она гораздо больше, чем ему кажется. Изучив свою темницу, Гордон понял, что она представляет собой прямоугольную келью не очень большого размера, с одной дверью, крепко запертой снаружи.

Гордон принялся ощупывать дверь, пытаясь определить, можно ли ее открыть, как вдруг услышал какие-то слабые звуки с той стороны. Он отпрянул назад, надеясь, что те, кто сбросил его сюда, вряд ли так быстро придут сюда другим путем. Скорее всего, кто-то услышал шум падения и пришел удостовериться, что в келье лежит бездыханное тело.

Дверь открылась, и Гордона на мгновение ослепил яркий свет, но он, не теряя времени, бросился на неясную фигуру, появившуюся на пороге. Когда зрение вернулось к нему, Гордон увидел лежащего на полу монаха с типичной бритой головой. В узком, освещенном лампами коридоре не было никого, кроме мертвеца.

Коридор шел наклонно вниз, и Гордон решительно двинулся вперед. Если бы коридор вел наверх, это означало бы, что он неминуемо вернулся бы к своим врагам. Каждую секунду он ожидал услышать их крики у себя за спиной. Но все же надеялся, что они не сомневаются в его гибели и поэтому не будут слишком торопиться убедиться в этом. Очевидно было и то, что монах, которого он убил, специально заранее дежурил здесь, чтобы прикончить Аль-Борака, если тот еще подавал бы какие-нибудь признаки жизни.

Коридор резко сворачивал направо, но лампы вдоль стен там уже не горели. Гордон взял одну из ламп из первой части коридора и двинулся направо, почувствовав, что уклон вниз здесь стал намного круче, так что ему даже пришлось держаться рукой за стену. Стены были из цельного камня, и Гордон понял, что он находится в туннеле внутри горы, у которой стоял храм.

Гордон не был уверен, что кто-нибудь из жителей Иолгана, за исключением монахов, знает об этих туннелях. Ясмина, конечно, тоже ничего о них не знала. Мысль о ней заставила Гордона невольно содрогнуться. Одни небеса знают, где она сейчас, и он не сможет ей помочь, пока сам не выберется из этого крысиного подземелья.

Он дошел еще до одного поворота направо, за которым оказался более широкий и ровный туннель. Быстро, но осторожно Гордон направился по нему, держа лампу высоко над головой. Впереди он увидел, что туннель заканчивается грубой каменной стеной, в которой виднелась дверь в виде громоздкой квадратной плиты. Повернув рычаг, торчавший из него, Гордон легко открыл вход в пещеру.

Как Ясмина незадолго до него увидела звездное небо сквозь густой кустарник, закрывавший вход, так и Гордон, остановившись, взглянул на выход из пещеры, над которым слабо мерцали звезды. Он задул лампу, подождал немного, пока глаза привыкнут к темноте, а затем двинулся к выходу наружу.

Но как только он шагнул из пещеры, ему пришлось тотчас отступить назад. Кто-то продирался сквозь кустарники, тяжело дыша, и Гордон, вглядевшись, узнал хищное лицо Йогока. В следующее мгновение он уже прыгнул на жреца, повалив его на землю. Йогок коротко вскрикнул, но Гордон схватил его за горло, сдавив его своими железными пальцами.

— Где Ясмина? — грозно спросил он. Жрец лишь захрипел в ответ. Тогда Гордон ослабил хватку и повторил вопрос. Йогок явно обезумел от страха, подвергшись ночному нападению, но каким-то образом он догадался — по запаху или отсутствию его, — что он в руках у белого человека.

— Ты Аль-Борак? — с трудом выдохнул он.

— А кто же еще? Где Ясмина? — нетерпеливо рывкнул Гордон, снова сжав горло жреца, так что тот конвульсивно дернулся.

— Ее увели англичане! — задыхаясь, пробормотал Йогок.

— Где они сейчас?

— Не знаю! Я ничего не знаю! Ой! Пожалуйста, сагиб, я все расскажу!

В темноте глаза Йогока блеснули дикой злобой, и он попытался дернуться, но вновь ощутил железную хватку Гордона. Жрец мелко задрожал.

— Мы отвели ее к пещере, где прятались слуги сагибов, но они скрылись, забрав лошадей. Тогда англичане обвинили меня в вероломстве. Они сказали, что я увел их слуг и собирался их убить. Они лгут! Клянусь Эрликом, я ничего не знаю об их проклятых слугах! Англичане напали на меня, но я убежал, пока мой слуга боролся с ними.

Гордон рывком поставил его на ноги, повернул лицом к пещере и связал жрецу руки за спиной его же собственным ремнем.

— Мы идем обратно, — мрачно сказал он. — Попробуй только пискнуть, и я мигом выбью из тебя твою

змеиную душу. Веди меня к пещере Ормонда самым коротким путем, который ты только знаешь.

— Не могу, эти псы убьют меня!

— Скорее я убью тебя, если ты не сделаешь то, что я тебе приказываю, — произнес Гордон таким зловещим тоном, что Йогок затрясся от страха.

Поняв, что убежать ему не удастся, жрец покорился судьбе и из двух опасностей решил выбрать наиболее отдаленную. Обреченно кивнув, он двинулся вперед. Они пересекли ручей, а затем повернули направо.

— Теперь я знаю, где я, — сказал Гордон. — А также знаю, где пещера, — она вон в том выступе горы. Если здесь есть дорога через сосны, покажи мне ее.

Йогок с готовностью поспешил в сторону сосновой рощи, ни на миг не забывая о стальной хватке Гордона и о его широкой кривой сабле. Предрассветная тьма уже начала редеть, когда они подошли к пещере, вход в которую смутно проглядывался сквозь густые заросли.

— Они ушли! — Йогок вновь задрожал от страха.

— А я и не ожидал найти их здесь, — пробормотал Гордон. — Сюда я пришел, чтобы напасть на их след. Если они подумали, что ты натравишь на них своих людей, то сейчас уносят ноги как можно дальше отсюда. Меня беспокоит лишь то, что они сделали с Ясминой.

— Послушай! — Йогок конвульсивно вздрогнул, когда низкий глухой вой прорезал воздух.

Гордон швырнул жреца на землю и связал ему вместе руки и ноги.

— Чтоб ни единого звука от тебя не было! — сурово предупредил он и стал осторожно подбираться к пещере с саблей в руке.

У входа Гордон чуть помедлил и прислушался. Через несколько мгновений он вновь услышал этот странный звук, похожий то ли на вой, то ли на стон, и понял, что он не был притворным, — такой звук мог

исходить только от человека, находящегося в смертельной агонии.

Гордон на ощупь двинулся в темноту и вскоре наткнулся на что-то мягкое, что издало еще один стон. Гордон наклонился и на ощупь определил, что это человек в европейской одежде. Почувствовав, как его руки дотронулись до чего-то теплого и липкого, американец понял, что лежащий человек тяжело ранен. Пошарив у него в карманах, Гордон нашел коробок спичек и чиркнул одной из них.

На него смотрело мертвенно-бледное лицо с остекленевшими глазами.

— Пемброук! — пробормотал Гордон. Звук его голоса заставил умирающего вздрогнуть. Он с трудом приподнял голову, опираясь на локоть, и от этого усилия кровь хлынула у него изо рта.

— Ормонд! — задыхаясь, произнес он. — Ты вернулся? Будь ты проклят, я...

— Я не Ормонд, — прорычал американец. — Я Гордон. Кажется, кто-то освободил меня от необходимости убить тебя. Где Ясмина?

— Он увел ее, — едва слышно произнес англичанин. — Ормонд, эта грязная свинья! Мы увидели, что пещера пуста, и поняли, что старый шакал Йогок нас предал. Мы набросились на него, но он сумел убежать, а его проклятый монах вонзил в меня нож. Ормонд взял Ясмину и монаха и ушел. Он совершенно обезумел. Он собирается перейти через горы пешком, с девушкой и монахом, которого взял проводником. А меня он оставил тут умирать, свинья, грязная свинья!

Голос Пемброука сорвался до истерического визга, его глаза расширились, дыхание участилось; затем жуткая дрожь пробежала по его телу, и он умер.

Гордон поднялся, чиркнул другой спичкой и обвел взглядом пещеру. Она была абсолютно пуста. Ормонд забрал все, не оставив раненому компаньону даже пистолета. Он отправился через горы с пленной

женщиной и монахом, от которого можно ждать чего угодно, пешком и без провизии — действительно, он сошел с ума.

Вернувшись к Йогоку, Гордон развязал ему ноги, в двух словах передав рассказ Пемброука. Глаза жреца злорадно блеснули при свете звезд.

— Прекрасно! Они все сдохнут в горах! Так им и надо!

— Мы пойдем за ними, — сказал Гордон. — Ты знаешь путь, которым монах поведет Ормонда. И ты мне его покажешь.

— Нет! — отчаянно замотал головой Йогок. — Пусть они умрут!

Гордон с проклятием схватил жреца за горло и запрокинул его голову, так что глаза Йогока уставились в звездное небо.

— Будь ты проклят! — сквозь зубы прошипел Гордон, тряся его, как собака трясет крысу. — Если ты сейчас помешаешь мне, я убью тебя самым медленным способом, который знаю. Ты хочешь, чтобы я притащил тебя обратно в Иолган и рассказал народу, что ты замышлял против дочери Эрлик-хана? Они убьют меня, но с тебя они заживо сдерут кожу!

Йогок понимал, что американец этого не сделает, не потому, что боится смерти, а потому, что для него сейчас важнее всего найти Ямину. Но горящие глаза Гордона вселили в душу жреца панический ужас: этим белым человеком движет сейчас такая нечеловеческая ярость, что он смог бы разорвать Йогока на куски голыми руками. Да, в этот момент Гордон был способен на все.

— Стой, сагиб! — выдохнул Йогок. — Не убивай меня. Я тебя поведу.

— Но только води меня правильно! — с угрозой в голосе произнес Гордон, — Они ушли меньше чем час назад. Если мы не догоним их на рассвете, я пойму, что ты нарочно завел меня не туда, и тогда я привяжу тебя к скале, чтобы тебя заживо сожрали грифы.

В предрассветной мгле Йюгок повел Гордона в горы по узкой тропе, которая вилась среди ущелий и утесов. Негаснущие огни Иолгана остались позади них, становясь все меньше и бледнее.

Они уже отошли на полмили к востоку от того ущелья, где прятались туркмены. Гордон очень хотел вывести оттуда своих людей еще до рассвета, но сейчас он не мог терять на это время. Его глаза были воспалены от недостатка сна, временами голова кружилась так, что он едва удерживался на ногах, но огонь ярости, горевший в нем сильнее, чем когда-либо, не давал ему расслабиться ни на миг. Гордон поминутно подгонял жреца, заставляя его идти все быстрее, хотя тот уже задыхался и, весь в поту, еле волочил ноги.

— Он ведь фактически тащит на себе Ясмину, — вслух размышлял Гордон. — Она наверняка упирается и борется с ним на каждом шагу. Да еще монах, которого ему, должно быть, приходится бить, чтобы заставить вести их дальше! Судя по всему, мы должны очень скоро догнать их.

Солнце уже взошло, когда они начали подниматься вверх по высокому, почти отвесному выступу скалы. Добравшись до вершины, Гордон огляделся и вдруг услышал звук выстрела, донесшийся откуда-то издалека. Американец укрылся за большим камнем и начал пристально вглядываться в окрестные горы.

Он увидел Иолган, казавшийся издали скоплением игрушечных домиков. Посмотрев налево, он узнал ущелье, в котором укрывались его туркмены, — там мелькали крошечные черные точки, над которыми время от времени поднимались такие же крошечные белые струйки дыма.

Выстрелы звучали все чаще, и, еще до того, как он приложил к глазам бинокль, Гордон уже знал, что киргизы наконец все же выследили туркменов и сей-

час между ними завязалась ожесточенная схватка. Через некоторое время из города выехал большой отряд всадников и помчался по направлению к ущелью — несомненно, киргизы послали своих гонцов в Иолган с известием, что в горах прячутся туркменские убийцы.

Йогок вскрикнул и распластался на земле, спрятавшись за выступом скалы. Гордон почувствовал, что его шапку будто сорвала с головы чья-то невидимая рука. Он пригнул голову, и в это мгновение еще одна пуля просвистела совсем близко от него, едва не задев ухо. Выждав некоторое время, американец осторожно приподнял голову и начал пристально вглядываться в выступ скалы, находившийся в сотне шагов от него. Через несколько мгновений над выступом показалась голова и часть плеча, а затем вновь раздался ружейный выстрел, и пуля отколола кусок камня, за которым прятался Гордон.

Ормонд, оказывается, был совсем рядом. Гордон думал, что его враг ушел значительно дальше. Увидев, что его настигает преследователь, англичанин остановился и, спрятавшись за выступом, открыл по Гордону огонь. Не услышав ответных выстрелов, Ормонд злобно захохотал, и в его смехе явно чувствовались все признаки безумия.

Йогок дрожал от ужаса и все сильнее вжимался в землю, а Гордон между тем начал потихоньку подбираться к англичанину. Ормонд не знал наверняка, есть ли у его врага огнестрельное оружие или нет, и продолжал время от времени стрелять наугад, делая паузы между выстрелами и прислушиваясь.

Гордон пробирался между камнями и выступами, стараясь держаться так, чтобы еще низкое, но уже слепящее солнце было у него за спиной. Ормонд видел его, но солнце мешало ему прицелиться, и он начал в истерике палить куда попало, испытывая смертельный ужас при виде неумолимо надвигающейся на него черной на фоне яркого солнца фигуры. Такой ужас испы-

тывает человек при виде подбирающегося к нему леопарда.

Гордон не видел Ясмину, но наконец он заметил монаха, который, воспользовавшись моментом, когда Ормонд в очередной раз перезаряжал ружье, стремительно бросился прочь, петляя со связанными за спиной руками между камнями, как кролик. Заметив это, Ормонд в бешенстве вскинул пистолет и всадил монаху пулю между лопатками; тот зашатался и с пронзительным криком полетел с огромной скалы в пропасть.

Гордон тем временем вскочил и одним прыжком преодолел значительное расстояние, оказавшись уже совсем близко от Ормонда. Щурясь от солнца, бывшего ему прямо в глаза, англичанин в панике начал отступать, продолжая беспорядочную стрельбу. Наконец в его пистолете кончились патроны, и, отшвырнув его в сторону, он остановился и стал ждать Гордона, от которого его отделяло теперь всего лишь несколько шагов. Взглянув на сверкавшую на солнце саблю американца, Ормонд дико расхохотался.

— Проклятый оборотень, ты думаешь, что убьешь меня? Нет же, я все равно тебя перехитрю!

С этими словами англичанин шагнул к краю пропасти и, раскинув руки, полетел вниз, продолжая дико хохотать. Гордон подошел к краю и взглянул вниз, в наполненную жутким эхом темную бездну. Там ничего не было видно, и американец, с досадой выругавшись, разочарованно отвернулся.

Ясмину Гордон нашел за выступом скалы, лежащую на земле со связанными за спиной руками.

Ее мягкие туфли были изодраны в клочья, а многочисленные ссадины и кровоподтеки на ее нежной коже красноречиво говорили о том, какими жестокими мерами Ормонд заставлял ее на пределе сил подниматься все выше в горы. Гордон перерезал веревки, и она тотчас горячо обняла его.

— Они сказали, что ты мертв! — воскликнула Ясмина. — Но я знала, что они лгут! Они не могут убить

тебя, так же как не могут убить горы или ветер. Я ви-дела, с тобой пришел Йогок. Он знает потайные тро-пы лучше, чем тот монах, которого убил Ормонд. Пой-дем отсюда скорее, пока киргизы убивают туркмен! Неважно, что у нас нет никаких припасов и снаряже-ния. Сейчас лето, и мы, по крайней мере, не замерз-нем. А если придется какое-то время поголодать, то мы это выдержим. Идем!

— Я привел туркмен с собой в Иолган ради сво-их собственных целей, Ясмина, — ответил Гордон. — Даже ради тебя я не могу бросить их.

Она взглянула ему в глаза и кивнула:

— Я так и думала, Аль-Борак.

Ружье Ормонда валялось неподалеку, но теперь в нем не было патронов. Гордон ногой отшвырнул его прочь и, взяв Ясмину за руку, повел ее к тому месту, где скуля и дрожа, прятался Йогок. Рывком поставив жреца на ноги, американец указал ему на ущелье, от-куда раздавались выстрелы и поднимались белые струйки дыма.

— Можно ли добраться до того ущелья, не воз-вращаясь обратно в долину? — спросил он. — Говори, от этого зависит твоя жизнь.

— Во многих ущельях здесь есть потайные выхо-ды, — дрожа, ответил Йогок. — В том он тоже есть. Но я не могу вести тебя по этой дороге со связанными руками.

Гордон развязал ему руки, но обмотал веревку вокруг пояса жреца, один конец которой взял в руки.

— Веди! — кратко приказал он.

Йогок повел их обратно по тропе, затем свернул и начал карабкаться по огромному выступу. Взобрав-шись на головокружительную высоту вслед за ним, Гордон и Ясмина оказались на широком горном хреб-те, окаймлявшем каньон. Какое-то время они шли вдоль него, затем Йогок нырнул в узкое отверстие пе-щеры, находившейся под тропой. В пещере был полу-мрак, и лишь скудные лучи света пробивались сюда

сквозь трещины в камнях. Пол пещеры был ступенчатым, опускавшимся вниз, и, пройдя ее насквозь и выйдя наружу, они оказались в треугольной расщелине, окруженной отвесными скалами. Узкая щель, которая служила входом в пещеру, была видна только отсюда, и больше ни с какой другой точки увидеть ее было невозможно. Днем раньше Гордон видел эту расщелину в бинокль, но вход в пещеру ему обнаружить не удалось.

Как только они вышли из пещеры, звуки выстрелов стали намного громче, и эхо многократно усиливало их. Они прошли несколько шагов и повернули направо, увидев впереди себя такой же узкий просвет, в котором виднелось ущелье, где Гордон оставил своих туркмен. Он увидел их, прятавшихся за выступами и валунами и стрелявших в надвигавшихся на них с внешней стороны ущелья кочевников в меховых шапках.

Протиснувшись через этот узкий просвет, Гордон громко крикнул, и туркмены едва не застрелили его, прежде чем узнали своего вожака. Он шел им навстречу, таща за собой упиравшегося Йогока, и туркмены в немом изумлении уставились на дрожащего жреца и девушку в изодранном платье. Ясмина лишь мельком взглянула на них — они были волками, чьих клыков она не боялась, и все ее внимание целиком было сосредоточено на Гордоне.

Продолжая отстреливаться, туркмены начали все ближе подтягиваться к потайному выходу из ущелья.

— Они подкрались к нам в темноте, — хмуро сказал Орхан-хан, пытаясь перевязать кровоточащую рану на руке. — Они окружили ущелье, прежде чем наши часовые их заметили. Они перерезали горло часовым, которых мы поставили у самого входа в ущелье, и вошли в него. Они могли бы всем нам перерезать горло, пока мы спали, ведь мы не видели их, а они видят в темноте, как кошки! Но все же кто-то из наших заметил их и открыл огонь, но все равно они нас

уничтожат. Что нам делать, Аль-Борак? Мы в ловушке! Мы заперты со всех сторон! На скалы нам не подняться, а выход из ущелья закрыт. Мы могли бы здесь продержаться еще какое-то время — для коней тут есть и вода, и трава, но у нас уже почти кончились запасы еды, да и патронов осталось совсем немного.

Гордон взял ятаган из рук одного из туркмен и протянул его Ясмине.

— Следи за Йогоком, — сказал он ей. — И заруби его, если он попытается убежать.

По тому, как сверкнули ее глаза, Гордон догадался, что утонченная девушка поняла наконец значение и ценность реального действия. Йогок злобно взглянул на нее, но тут же опустил глаза — теперь он боялся Ясмину не меньше, чем Гордона.

Взяв ружье и горсть патронов, Аль-Борак подобрался к огромному валуну недалеко от входа в ущелье. Он увидел там лежавших среди камней троих мертвых туркмен, неподалеку стонало еще несколько раненых. Киргизы, перескакивая от камня к камню, подбирались все ближе, но соблюдали осторожность, не желая напрасно рисковать жизнью. А со стороны города тем временем к ущелью подтягивался отряд всадников, скачущих во весь опор среди сосен.

— Надо выскочить из этой ловушки прежде, чем монахи соединятся с киргизами! — крикнул Гордон. — Кочевники плохо знают эти горы. И нельзя допустить, чтобы монахи показали им тайные ходы.

Он увидел, как монахи уже начали карабкаться по скалам, крича что-то киргизам. Гордон позвал своих людей, и, быстро отобрав лучших коней, он приказал отвезти Ясмину и жреца в пещеру. Орхану он велел лично сопровождать Ясмину, и туркмен, уже всецело доверявший своему вожаку, молча повиновался, поступив целиком в распоряжение женщины.

С ними отправились трое, и еще трое остались с Гордоном у входа в ущелье. Его присутствие вселило дух в отчаявшихся туркмен, которые с новой силой

начали стрелять по подбиравшимся со всех сторон врагам.

Когда последний из сопровождавших Ясмину людей скрылся в пещере, Гордон знаком приказал остальным подтягиваться туда же. Продолжая стрелять, американец проследил за последним скрывшимся в пещере туркменом и кивнул тем троим, что были рядом с ним. Они поняли его без слов и молча, один за другим, исчезли в узком тоннеле. Гордон остался один.

Перескакивая от камня к камню и отстреливаясь, он добрался до потайного выхода. Оглянувшись в последний раз, он нырнул в полутемное чрево пещеры и через несколько мгновений оказался в треугольной расщелине, затем в пещере и, наконец, на краю огромного каньона, где его ждали остальные. Чертыхаясь про себя оттого, что не может быть в двух местах одновременно — в начале колонны, где были Ясмина и жрец, и в хвосте, где надо было поминутно оглядываться, ожидая преследования, — Гордон стал напряженно вглядываться вперед. К своему облегчению, он увидел, что Ясмина спокойно едет рядом с Йогоком, прижав нож к его горлу.

Видимо, она поклялась жрецу, что немедленно убьет его, как только киргизы высунутся из пещеры, и Йогок, вне себя от страха, визгливым голосом подгонял туркмен двигаться как можно быстрее. Гордон усмехнулся и тоже прикрикнул на плетущихся в хвосте туркмен.

Они уже прошли почти с полмили, и, когда свернули с хребта, Гордон задержался, оставшись один. Он увидел, как на пространство каньона из пещеры выскочили киргизы, и, вскинув ружье, дал по ним первый залп. Расстояние было слишком большим, и он промахнулся, что бывало с ним крайне редко: попал в лошадь вместо седока. Бедное животное взвилось на дыбы, огласив горы диким ржанием; еще несколько коней киргизов тоже вздыбились и в панике начали теснить друг друга.

Горный кряж был слишком узким, и кони вместе с всадниками один за другим начали падать в пропасть. Остальные киргизы тут же поспешили укрыться обратно в пещеру, выжидая более подходящий момент. Через некоторое время один из них осмелился выглянуть наружу, но выстрел из ружья Гордона сразу же пресек эту попытку.

Оглянувшись, Гордон увидел, что его люди уже преодолели узкий хребет вдоль каньона и поднялись по тропе на выступ. Он прищепил коня и помчался вслед за ними. Это было очень рискованно, но у Гордона не было выбора — если бы он ехал медленнее, у киргизов было бы время высунуться из укрытия и обнаружить, что никто им больше не препятствует. Получить пулю в спину американец не хотел и гнал своего коня во весь опор, рискуя каждый миг свалиться в пропасть. Но конь его не подвел — он чувствовал себя в горах не хуже горных овец, безо всякого страха уверенно преодолевая самые головокружительные переходы.

Большинство туркмен шли пешком, ведя коней под уздцы. Они то и дело оглаживались на Гордона, стремительно приближавшегося к ним, со страхом ожидая, что он вот-вот свалится с обрыва в бездну. Но Аль-Борак, несмотря на то что глаза его закрывались от смертельной усталости и недостатка сна, быстро преодолев опасную тропу, подъехал к ним живой и невредимый, а киргизы за это время так и не успели еще выглянуть из пещеры.

Ясмина стояла неподвижно, не отрывая глаз от Гордона и судорожно сжимая кулаки. Он улыбнулся ей, и она ответила ему слабой улыбкой. Гордон окинул взглядом своих туркмен и увидел, что многие из них едва держатся на ногах от голода и усталости. Он и сам устал не меньше их, но усилием воли заставлял себя двигаться дальше, не давая ни себе, ни другим ни малейшей передышки.

Они продвигались все дальше и дальше, слыша позади себя приглушенные расстоянием крики, — кир-

гизы наконец осмелились выйти из укрытия и пуститься в погоню за своими врагами. Но они не были столь безрассудны и отчаянны, как Гордон и его люди, и рисковать жизнью понапрасну не хотели, поэтому двигались черепашным шагом, стараясь все же не упустить врага из виду.

Заснеженная вершина горы Эрлик-хана становилась все ближе, величественно возвышаясь над остальными горами, и Йогок, когда Гордон спросил его о дальнейшем направлении, ответил, что путь к спасению лежит именно через эту гору. Больше он из себя выдавить не мог — серый от страха, он думал лишь о том, как спасти свою жизнь. Он в равной степени боялся и Гордона с его свирепыми туркменами, и монахов с киргизами, которые если догонят их, то узнают, что жрец предал богиню.

Люди и кони едва брели, шатаясь от изнеможения и стараясь удержаться на ногах под сильными порывами ветра, едва не сносившего их в пропасть. Теперь они уже спускались вниз по извилистой тропе, прямо к подножию горы Эрлик-хана. Надвигалась вечерняя мгла, и ехать становилось все труднее, но цель уже была близка.

Гора казалась невероятно огромной, и остальные горы в сравнении с ней выглядели просто карликовыми. Преодолев последний отрезок пути, отряд Гордона остановился у массивной бронзовой двери, которую украшали вырезанные на ней непонятные надписи. Дверь была столь мощная, что спокойно могла выдержать даже натиск тяжелой артиллерии.

— Это святилище Эрлик-хана, — сказал Йогок и принялся кланяться, как мусульманин. — Толкните дверь. Не бойтесь. Клянусь жизнью, здесь нет никакой ловушки.

— Посмотрим, Йогок, насколько ты ценишь свою жизнь, — мрачно отозвался Гордон и, подъехав вплотную к двери, навалился на нее плечом, едва не вывалившись из седла.

Огромная дверь открылась внутрь так легко, что стало ясно: древние петли недавно смазывали. Горевший у входа факел освещал длинный туннель, вырубленный в камне.

— Этот туннель ведет прямо через гору, — пояснил Йогок. — К рассвету мы уже далеко оторвемся от преследователей, и если даже они найдут через гору самую короткую дорогу, то им придется идти пешком, и на это у них уйдет вся ночь и весь следующий день. Если же они решат обогнуть гору и поедут по окружающим склонам и горным тропам, то затратят еще больше времени; а ведь их кони уже устали, да и они сами тоже. Я собирался вести Ормонда тоже кружным путем, путь через гору я не хотел ему показывать. Но сейчас это единственный путь к спасению. Здесь есть еда, так что вы сможете подкрепиться. Здесь периодически работают монахи, поэтому вы сможете найти все необходимое. Вон в той келье есть лампы, чтобы освещать дорогу.

Йогок указал на маленькую комнату неподалеку от входа. Взяв несколько масляных ламп, Гордон зажег их и отдал туркменам. Он не хотел вести своих людей наугад в незнакомое место и уже собирался было произвести разведку в одиночку, чтобы изучить обстановку. Но преследователи нагоняли их, поэтому медлить было нельзя, и, взглянув на Йогока, все еще дрожавшего от страха, Гордон решил, что жрец не предполагал такого развития событий и вряд ли приготовил здесь ловушку.

Йогок объяснил, как запирать дверь изнутри, указав на огромные замки — каждый величиной с человеческую ногу. Чтобы поднять хоть один из них, потребовались усилия шестерых человек, но, зато когда замки оказались на месте, Гордон убедился, что дверь заперта надежно и сможет выдержать любую осаду.

Велев Йогоку ехать между ним и Орханом, Гордон двинулся вперед. Он все еще не доверял жрецу, несмотря на его клятвы. Слишком хорошо было известно коварство Йогока, ненависть которого к Ясмине не только не остыла, но и еще усилилась. Гордон несколько раз замечал его полные ядовитой злобы взгляды, брошенные на богиню.

Они молча двигались по огромному туннелю, и американец, при всей своей усталости, все же находил силы изумляться тому, что видел вокруг. Он никогда даже и не подозревал о существовании подобного места. Туннель был настолько широким, что по нему могли проехать в ряд не менее тридцати всадников, а потолок поднимался так высоко, что иногда его просто не было видно. Во многих местах с потолка свисали сталактиты, и свет от лампы, которую держал в руках Орхан, отражался в них тысячами переливающихся сверкающих искр.

Стены были отполированы до зеркального блеска, и Гордон поражался, сколько веков потребовалось, чтобы проделать всю эту работу. По обе стороны туннеля располагались монашеские кельи, но все они были пусты. И тут наконец американец увидел сначала следы кирки на стенах, а затем и тусклые желтые отблески.

Легенда о горе Эрлик-хана оказалась правдой. То тут, то там вдоль стен тянулись золотые прожилки, и достаточно было поковырять ножом стену, чтобы достать золота, сколько угодно.

Туркмены, чуявшие добычу, как грифы падаль, внезапно встрепенулись, и от их усталого вида не осталось и следа. Раздувая ноздри и цокая языком, они пожирали глазами стены, готовые вгрызться в них зубами.

— Так вот где монахи берут золото! — не в силах сдерживаться, воскликнул Орхан. — Аль-Борак, позволь мне потрясти старикашку за ноги, чтобы он показал мне, где они прячут то, что выудили из стен!

Но «старикашку» трясти не потребовалось. Он указал на довольно большую прямоугольную комнату, где лежали груды необычной формы предметов, оказавшихся слитками чистого золота. В других, еще больших по размеру комнатах стояли приспособления и печи, в которых золото плавили и отливали в различные изделия.

— Берите все, что хотите, — с видом полного безразличия сказал Йогок. — Даже тысяча лошадей не сможет вывезти золото, которое мы добыли, а ведь мы еще совсем неглубоко вскрыли эти залежи.

Туркмены, столпившись вокруг Гордона, вопросительно поглаживали на него, алчно облизываясь и сверкая глазами.

— Только пожалейте коней, — усмехнулся Гордон. Эти слова своего предводителя они поняли как разрешение.

Теперь туркмен уже никто не смог бы убедить в том, что все здесь случившееся было для Гордона такой же неожиданностью, как и для них. Они полагали, что Аль-Борак просто-напросто выполнил свое обещание и в Иолган их привел исключительно ради золота. Они начали нагружать слитки на лошадей, пока у тех не стали от тяжести подгибаться ноги, и тогда Гордону пришлось вмешаться, чтобы спасти животных. Они набивали золотом сумки, пояса и карманы, но груды слитков даже как будто не уменьшались. Им некуда уже было складывать добычу, и они начали выть от отчаяния, увидев, сколько богатства придется здесь оставить.

— Мы сюда вернемся, — лихорадочно бормотали туркмены. — Мы вернемся с повозками и тысячами лошадей, чтобы вынести отсюда все до последней крошки, видит Аллах!

— Собаки! — разъярился наконец Гордон. — Вы уже и так отхватили себе золота столько, сколько вам и не снилось! Вы что, собираетесь теперь его глотать, пока не лопнете? Да вы просто шакалы, обезумевшие

от вида падали! Вы собираетесь тут копать, пока киргизы не обогнут гору и не перережут нас всех! Зачем вам тогда понадобится ваше золото?

У самого Гордона гораздо больший интерес вызвала комната, где в кожаных мешках хранилось зерно, и он заставил туркмен разгрузить от золота несколько лошадей и навьючить на них мешки с провиантом. Они недовольно заворчали, но все же повиновались своему вожаку. Они беспрекословно подчинились бы ему теперь, даже если бы он приказал им ехать с ним прямо в ад.

Его тело ныло от усталости, голова кружилась от голода, но он сжевал горсть сырого зерна, подкрепив тем самым свои утасаживающие силы. Ясмина прямо и неподвижно сидела в седле, глаза ее не были затуманены усталостью и изнеможением. Они ярко сияли в свете ламп, и у Гордона к чувству восхищения ею прибавилось глубокое уважение.

Они вновь двинулись вперед по этому сказочному, сверкающему золотыми бликами подземному дворцу; туркмены жевали ячмень и возбужденно обсуждали, какие радости жизни они смогут купить теперь за свое золото. Наконец они подъехали к бронзовой двери, являвшейся точной копией той, что была позади них, на другом конце туннеля. Она была не заперта — Йогок был уверен, что никто, кроме монахов, не подойдет даже близко к горе Эрлик-хана. Дверь мягко открылась, и они выехали наружу, навстречу бледному тревожному рассвету.

Они вышли из пещеры в небольшое ущелье, окруженное со всех сторон отвесными скалами. Впереди они увидели чистый ключ, бивший из расщелины в камне.

— Тебе дарована жизнь, Аль-Борак, — внезапно сказал Йогок. Он перестал дрожать от страха и посмотрел на Гордона впервые за это время открытым взглядом. — В трех милях отсюда есть тропа, которая приведет тебя прямо к сочным пастбищам для коней,

к чистой воде для них, — тебе сейчас надо свернуть к югу, и через три дня ты приедешь в страну, которую хорошо знаешь. Она населена дикими племенами, но они никогда не осмелятся напасть на тебя. Ты можешь проехать через эту страну прежде, чем киргизы обогнут гору, а дальше они ни за что не осмелятся последовать за тобой. Их страна не отмечена на карте, но у нее все-таки есть свои границы. Теперь все зависит от вас, но мне уже можно уйти. Аль-Борак, позволь мне уйти!

— С радостью, но не сейчас, — ответил Гордон, подозрительно глядя на Йогока. — Ведь на обратном пути ты неминуемо столкнешься с киргизами, которые спросят тебя, что случилось с богиней. Интересно, что ты им скажешь?

Йогок не ответил; бросив быстрый взгляд на Гордона, он опустил голову и засопел.

Американец был вне себя от ярости. С презрением взглянув на Йогока, он обвел взглядом своих туркмен. Они шатались от усталости, но смотрели на Аль-Борака преданными глазами. Все они были простыми грубыми людьми, и Гордон знал, что они не всадят ему нож в спину из-за угла, но жрец, который вел их этими тайными тропами, по-прежнему не вызывал у него доверия. Он может ударить ножом из-за угла.

Кивнув Орхану, Гордон выехал на тропу и посмотрел в ту сторону, откуда должны были появиться преследователи.

Американец велел Орхану ехать вперед, а сам остановился в тени выступа и стал внимательно наблюдать за дорогой. Внезапно сверху на дорогу свалился камень, затем еще один, и конь Гордона, вскинувшись на дыбы, попятился, едва не угодив в пропасть. Гордон спрыгнул с коня и, укрывшись за большим валуном, смотрел, как сверху падают камни. Он понимал, что это не случайный камнепад, но чувствовал себя беспомощным. Его одолевали мучительные мысли о Ясмине; он слышал ее слабые крики и вопли туркмен,

вступивших в схватку с киргизами. Он ничего не видел, и лишь звуки выстрелов говорили ему о том, что в нижнем ущелье завязалась борьба не на жизнь, а на смерть.

Гордон прищипорил коня и помчался в самое пекло. Его туркмены были подобны волкам, попавшим в капкан. Они выли от ярости и рубили своими кривыми саблями всех, кто встречался им на пути.

— Жреца надо убить! Убейте его! Он заманил нас в ловушку!

Лицо Йогока было серым; он уже не мог владеть собой и трясся от страха, но, услышав эти слова, он вытянул руки вперед, словно защищаясь.

— Нет! Все это время я вел вас быстро и самой прямой дорогой! Киргизы не могли бы за это время обогнуть гору.

— А монахи прятались в этих горах? — спросил Гордон. — Увидев нас, они могли выскочить и убивать, не глядя, кто идет. Говори, есть там монахи или нет!

— Нет! Клянусь Эрлик-ханом, три месяца в году мы добываем золото в этой горе, а все остальное время мы даже близко к ней не подходим. Я не знаю, кто это может быть!

Гордон оглянулся на тропу и в этот миг услышал голос, заставивший его невольно поежиться.

— Ты, американская собака! Сейчас посмотрим, как ты у меня поплянешь! Ты думал, что я улетел в пропасть? Я не такой дурак и нашел место, где смог вовремя приземлиться. Я видел, как ты плюнул и пошел прочь, и я смеялся над тобой. Я не хотел умирать хотя бы по той причине, что сначала должен убить тебя.

— Ормонд! — воскликнул Гордон.

— Ты думал, что я поступил опрометчиво, убив того монаха? — усмехнулся англичанин. — Нет, он рассказал мне все о тропах вокруг горы Эрлик-хана. Я давно уже брожу здесь и наконец увидел тебя и Йогока, когда вы выходили из горы. Когда я понял ваши

планы, я запер на замок дверь с той стороны. Я видел, как Йогок повел вас к горе Эрлик-хана, и я постарался вас опередить. Теперь вы в ловушке. У вас один выход — уйти обратно в пещеру, но дверь заперта, и вы будете метаться там, как насекомые, которых я передавлю пальцами. Я в гораздо более выигрышном положении, чем ты, Гордон. Ты даже не видишь меня, а я тебя прекрасно вижу. И я собираюсь держать тебя здесь, пока не появятся киргизы и не раздавят вас.

— Почему ты так надеешься на киргизов? Ведь я скажу им, что ты пытался похитить богиню, и они убьют тебя. Они увезут ее обратно, так что тебе не на что надеяться.

Гордон подался назад к дверям пещеры и крикнул своим людям то, что сказал англичанин. Йогок, бледный от страха, молча смотрел на Аль-Борака. Гордон взглянул на него, и жрец затрясся всем телом.

— Отсюда есть другой выход? — свистящим шепотом спросил Гордон.

Не в силах вымолвить ни слова, Йогок лишь отчаянно замотал головой.

— Нет никакого пути, по которому могли бы пройти люди или кони.

— Что ты имеешь в виду?

Вместо ответа жрец нырнул в темноту и взял лампу, осветив ею выход из туннеля.

— Здесь была лестница, — сказал он. — Она вела к выступу в скале, на котором когда-то был устроен сторожевой пост для защиты от вторжения. Но никто никогда даже близко не подходил к Иолгану, и мы сняли сторожевые посты, не думая ни о какой опасности. Путь есть, но вряд ли он тебе поможет — с той стороны тебя ждут отвесные скалы.

— Это не твоя забота, — пробормотал Гордон, напряженно глядя в ту сторону, откуда раздавался голос Ормонда.

Прошептав Орхану команду, он чуть отступил и бросил последний взгляд на Ясмину. Туркмены нача-

ли медленно отступать, и Гордон, убедившись, что последний человек скрылся в пещере, задержался у входа, глядя на приближавшихся врагов.

Они дико вопили; стрелять в них было бесполезно: патронов все равно не хватило бы. Гордон отступил в глубь пещеры, не спуская взгляда с ущелья. Его глаза еще не успели привыкнуть к темноте, но он уже знал, что его люди с ружьями наготове уходят в глубь пещеры. Он хотел последовать за ними, как вдруг увидел человека, выбежавшего из-за гребня горы и спрятавшегося за выступ скалы. Гордон вскинул ружье и стал ждать.

Пот заливал его глаза; усталость и недостаток сна валили его с ног, но Гордон знал, что он должен уничтожить врага. Тень между камнями еще раз метнулась, спрятавшись за огромным валуном, но Гордон не нажал на курок, выжидая более подходящего момента.

Над скалами царила тишина, и Гордон, не выдержав, выстрелил, целясь в камень, за которым прятался его враг. Пуля отколола кусок скалы, и в то же мгновение за камнем показалась ухмыляющаяся физиономия Ормонда. Он злобно расхохотался, но не выстрелил в ответ, и Гордон понял, что у него нет огнестрельного оружия.

Американец слышал вопли своих туркмен, но сейчас его главной задачей было вскарабкаться на уступ, чтобы занять более выгодную позицию, откуда он мог бы взять на мушку Ормонда.

Перед его глазами плыл красный туман, но все же он увидел, как Ормонд вновь высунулся из своего укрытия, держа в руках кривую саблю, которую он, должно быть, нашел в пещере. Увидев Гордона с ружьем в руках, англичанин замер и попятился, но тут внезапно нога Гордона соскользнула с крошечного выступа, и он неминуемо полетел бы в пропасть, если бы в последний момент не успел ухватиться руками за камень. Для этого ему пришлось пожертвовать ружьем, которое улетело в пропасть. Это внезапное потрясение

вновь вернуло ясность его сознанию и силу его мышцам. Сделав последнее усилие, Гордон взобрался наверх выступа и увидел англичанина с занесенной над головой саблей всего в нескольких шагах от себя. Последним рывком Гордон вскочил на ноги, приготовившись к схватке.

— Значит, теперь мы поговорим на языке стали, Аль-Борак! — злобно ухмыльнулся Ормонд. — Посмотрим, так ли ты умело владеешь саблей, как о тебе говорят.

Они сражались на узкой горной тропе, опасно балансируя над пропастью; несколько раз то один, то другой замирал на ее краю, едва удерживая равновесие.

Ормонд совершенно обезумел. В его глазах горела ярость дикаря, хотя умение владеть оружием он явно получил от лучших учителей своей родной Англии. У Гордона не было учителей фехтования, сражаться на саблях он научился в диких степях и горах, в пустынях. Его научила сражаться сама жизнь, и в этом он был подобен диким кочевникам.

Вложив всю свою мощь и ненависть в удары сабли, Гордон не давал англичанину ни на дюйм продвинуться вперед, заставляя его понемногу отступать. Удары его сабли стали подобны ударам молота по наковальне.

— Свинья! — задышавшись, выкрикнул Ормонд и, собрав последние силы, плюнул в лицо врагу.

— Это за Ахмеда! — проревел Гордон, обрушивая на голову англичанина страшный удар.

Издав последний звериный крик, Ормонд с залитым кровью лицом еще мгновение пытался удержаться на ногах, но затем качнулся и полетел в пропасть.

Гордон без сил опустился на камень, внезапно заметив, как страшно дрожат все его мышцы. Выпустив саблю из рук, он уронил голову на руки и начал уже впадать в забытие, когда вдруг крики, раздавшиеся откуда-то снизу, вернули его к реальности.

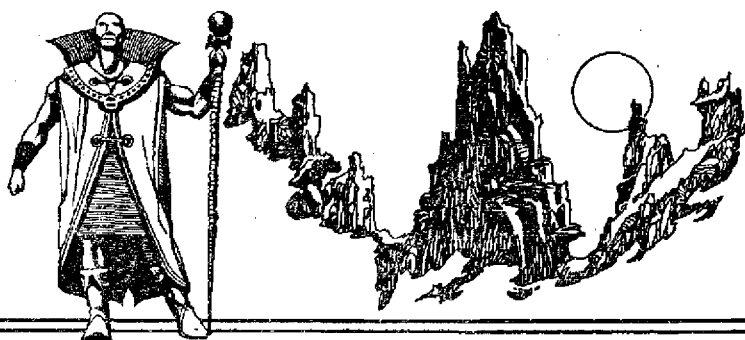
— Эй, Аль-Борак! Сейчас только что мимо нас пролетел человек с разрубленной головой! Ты его убил! А сам ты цел или ранен? Что нам делать? Мы ждем твоих приказов!

Гордон поднял голову и взглянул на солнце, которое как раз поднималось над восточными пиками, окрашивая малиновым цветом снежную вершину горы Эрлик-хана. Он отдал бы все золото монахов Иолгана за то, чтобы ему позволили сейчас лечь и поспать хотя бы час. Но его работа еще не была завершена, и он не имел права отдыхать. Поэтому, с трудом поднявшись на ноги, Аль-Борак подошел к краю пропасти и, держась за выступ, наклонился над ней.

— Садитесь на коней и скачите, собачьи дети! — с трудом выговаривая слова, крикнул он. — Скачите вперед, а я пойду вдоль гребня. Отсюда я вижу место за следующим выступом, где я смогу спуститься на тропу. Йогока возьмите с собой; он заработал свою свободу, но он получит ее не сейчас.

— Поторопись, Аль-Борак! — раздался снизу нежный голос Ямины. — До Дели еще так далеко и столько гор еще лежит впереди!

Гордон вложил саблю в ножны и засмеялся, и эхо многократно повторило его смех. Туркмены сели на коней и выехали на тропу, затянув тут же сложенную песню в его честь, называя в ней Гордона «сыном меча», а человек, которому посвящалась эта песня, смеясь, шел по гребню горы и не щурясь смотрел на солнце.

ЗАТЕРЯННАЯ ДОЛИНА ИСКАНДЕРА

Слабый звук клинка, лязгнувшего о камень, разбудил Гордона. Из тусклого света звезд возник силуэт — кто-то тихо склонился над ним, и в поднятой руке блеснула сталь. Будто отпущенная пружина сработала внутри — Гордон перехватил руку с изогнутым кинжалом и в ту же секунду вскочил на ноги, сжав пальцами волосатую глотку противника. Наемный убийца едва успел вскрикнуть, как вопль его перешел в клочкотание. Он судорожно глотал воздух, пытаясь отбиваться ногами, но Гордон не оставлял своей жертве никакой надежды. Наконец он схватил и поднял противника, а затем бросил его на землю. Оба дрались бесшумно, лишь глухие звуки наносимых ударов да хруст костей слышались в тишине. Как и всегда, Гордон сражался молча, с утрюмым выражением лица. Из уст противника тоже не вылетало ни звука. Его правая рука извивалась, намертво перехваченная Гордоном, а левой он тщетно пытался освободить горло, но железные пальцы все глубже и глубже входили в него, будто масса переплетенных

стальных проводов. Гордон не менял положения, направляя всю свою силу в руку, душившую противника. Американец прекрасно знал, что выбора нет: или его жизнь, или жизнь того, кто подкрался к нему в ночной темноте, чтобы вонзить кинжал. Этого уголка афганских гор нет даже на картах, но все схватки здесь смертельны. Рука, пытавшаяся оторвать от горла пальцы американца, наконец расслабилась. По огромному напрягшемуся телу пробежала судорога, а потом оно обмякло.

* * *

Гордон оставил труп и перебрался ближе к скале, где было темнее. Привычным жестом он нащупал под мышкой ценный пакет, ради которого рисковал жизнью. Пакет — плоская пачка бумаг, завернутых в промасленный шелк, — лежал там, где и должен был лежать. От него зависели жизнь или смерть для тысяч и тысяч людей, населяющих землю. Гордон прислушался. Ни один звук не нарушал тишину. Над его головой вздымались черные скалы, нависали отдельные гигантские валуны, освещаемые лишь слабым светом звезд. До рассвета оставалось совсем недолго.

Но американец знал, что вокруг него среди скал движутся люди. За многие годы жизни в дикой местности его уши привыкли улавливать самые тихие звуки, будь то шорох одежды, скользнувшей по камням, или шаги, приближавшиеся украдкой. Пока никого не было видно. Гордон знал, что ни один из противников не видит и его самого, спрятавшегося до рассвета среди нагромождения валунов.

Он протянул левую руку к винтовке, а правой вытащил из-за пояса револьвер. Короткая смертельная схватка произвела не больше шума, чем если бы в спящего человека воткнули нож. Но, конечно, его преследователи ждали какого-то сигнала от подосланного убийцы.

Гордон знал этих людей и знал так же, что их предводитель идет по его следу уже несколько сотен миль и намерен не дать ему добраться до Индии с водонепроницаемым пакетом. Слава о Фрэнсисе Хавьере Гордоне распространилась от Стамбула до Южно-Китайского моря. Мусульмане прозвали его Аль-Борак, или Стремительный. Они боялись его и уважали. Однако Густав Хуньяди, ренегат и авантюрист международного масштаба, оказался не хуже его — в нем Гордон встретил равного противника. И теперь американец знал, что Хуньяди не случайно оказался так близко этой ночью в сопровождении нанятых турок-убийц. Наконец им удалось его разыскать.

Гордон тихо проскользнул мимо огромных валунов, издавая не больше шума, чем дикая кошка. Даже горец, рожденный среди этих скал, не смог бы более умело и осторожно выбирать дорогу. Гордон шел на юг: именно там лежала конечная цель.

Он не сомневался, что враги окружают его со всех сторон.

Его мягкие сандалии — такие же, как у жителей этих мест, — не создавали никакого шума, а в темной одежде горцев он сливался с чернотой ночи. Оказавшись в кромешной тьме под нависающей скалой, он внезапно почувствовал присутствие другого человека. Затем раздался шепот — европеец пытался произнести турецкие слова:

— Али? Это ты? Он мертв? Почему ты не подал сигнала?

Гордон обрушил удар туда, откуда слышался голос. Ствол пистолета попал по чьей-то голове. Человек застонал и рухнул на землю. Со всех сторон тут же раздались другие голоса, по камню зашуршали сандалии. Кто-то в панике закричал.

Забыв про осторожность, Гордон с силой отбросил в сторону скорчившееся у его ног тело, загородившее дорогу, и пустился вниз по склону. За его спиной тут же раздался хор голосов: теперь, разглядев в при-

зрачном свете звезд, как кто-то несется по склону, сидевшие в засаде кричали все одновременно. Темноту прорезали оранжевые вспышки, но пули прошли высоко или далеко от Гордона. Летящая его фигура была видна только одно мгновение, потом ее поглотила ночь. Враги неистовствовали в отчаянной панике, как сбившиеся со следа волки: добыча снова не досталась им, словно угорь, проскользнувший сквозь пальцы.

Именно так думал Гордон, бежавший что есть мочи по плато. Он понимал, что враги тут же бросятся за ним, к тому же среди преследователей были местные горцы, которые умели идти по следу волка по голым камням, но американцу удалось выиграть какое-то время... Внезапно он увидел перед собой зияющую пропасть: земля кончилась. Его не спасла даже мгновенная реакция, обычно срабатывающая, подобно стальному капкану. Он бросился вперед, но его руки ухватились лишь за воздух, а мгновение спустя он сильно ударился головой о дно.

Когда он пришел в себя, уже рассветало. Было прохладно. Гордон сел, и у него тут же закружилась голова. Дотронувшись до огромной шишки на затылке, покрытой запекшейся кровью, американец понял, что ему крупно повезло — он не сломал себе шею. Однако потеряно драгоценное время, за которое можно было уйти далеко от этих мест — время, когда он лежал без сознания на дне пропасти среди камней и валунов.

Запустив руку под рубашку — такую же, как носили здешние жители, — он в очередной раз ощупал пакет под мышкой. Гордон знал, что пакет прочно привязан к телу, но должен был вновь убедиться в этом. Секретные бумаги являлись теперь его смертным приговором, и спасти американца могли лишь навыки и ум. Над Фрэнсисом Хавьером Гордоном смеялись, когда он предупреждал о происходящем в Центральной Азии: сам дьявол готовил тут себе жаркое — авантюрист Хуньяди мечтал создать империю зла.

Чтобы доказать свою правоту, Гордон отправился в Туркестан, замаскировавшись под странствующего афганца. Он провел много лет на Востоке, а поэтому знал, как сойти за аборигена в любой восточной стране. И на этот раз все вышло вполне убедительно, но в конце концов его узнали. Он бежал, спасая свою жизнь, и даже больше, чем жизнь. А Хуньяди, строящий планы всеобщего разрушения, уже наступал ему на пятки. Хуньяди следовал за Гордоном через степи, предгорья и, наконец, поднялся в горы, где американец тщетно надеялся от него отделаться. Этот венгр — гончая в человеческом обличье — был очень осторожен; под покровом ночи он подослал к Гордону своего самого лучшего наемного убийцу, чтобы нанести смертельный удар.

Гордон нашел винтовку и стал взбираться вверх. Под его левой рукой находились доказательства, которые заставят официальных лиц очнуться и принять меры по предотвращению зверских преступлений, планируемых Густавом Хуньяди. Это были письма к вождям и правителям Центральной Азии, подписанные самим венгром и заверенные его личной печатью. В них заключался план вовлечения Центральной Азии в религиозную войну — орды орущих фанатиков предполагалось послать на индийскую границу. Масштабы операций трудно было вообразить. Пакет просто необходимо доставить в форт Али-Масджид! Фрэнсис Хавьер Гордон поклялся, что он приложит все силы для достижения цели. Но Густав Хуньяди готов был приложить не меньше усилий, чтобы этого не случилось. При столкновении двух таких неукротимых темпераментов сотрясаются королевства, а смерть собирает кровавый урожай.

Пока Гордон взбирался вверх, галька скатывалась в пропасть, а комья земли отваливались и рассыпались под его руками и ногами. Но вскоре он оказался на узком плато, втиснутом между огромными, мрачно возвышающимися склонами. Гордон быстро огляделся по сторонам. К югу брало начало узкое ущелье с

острыми скалами по обеим сторонам. Именно в этом направлении он и поспешил.

Не успел он пройти и дюжины шагов, как за спиной раздался выстрел. Пуля пролетела рядом со щекой, обдав жарким ветром. Гордон рухнул на землю за валуном, и в его сердце закралось отчаяние. Ему никогда не удастся уйти от Хуньяди. Эта гонка закончится только после того, как один из них погибнет. Становилось все светлее, и американец видел среди валунов, к северо-западу от плато, движущихся людей. Шанс скрыться под покровом ночи упущен, и теперь, казалось, пришло время его последней схватки.

Он поднял винтовку. Глупо надеяться, что тот ночной удар вслепую убил Хуньяди. Венгр живуч, как кошка. Рядом с локтем Гордона в валун попала пуля. Американец успел заметить оранжевую вспышку — там, откуда она вылетела, притаился снайпер. Гордон стал неотрывно следить за тем местом среди скал, а когда показалась часть руки с винтовкой, выстрелил. Расстояние было большим, но противника выбросило из укрытия, и он упал лицом вперед, на скалу, за которой прятался.

В Гордона снова стреляли — теперь уже со всех сторон. Вокруг сыпались пули. Наверху, на склонах, где огромные валуны стояли на самом краю, готовые сорваться вниз и сокрушить все на своем пути, враги сновали взад и вперед, подобно муравьям. Они располагались неровным полукругом, стараясь занять те же позиции, что и прошлой ночью. У американца было недостаточно боеприпасов, чтобы остановить их. Он осмеливался стрелять только в том случае, когда не сомневался в успехе. Не было у него и возможности отступления: до входа в узкое ущелье не добежать, его изрешетят пули. Похоже, наступил конец пути. Гордону не раз приходилось смотреть в лицо смерти. Нельзя сказать, что он сильно ее боялся, но мысль о бумагах, которые никогда не попадут по назначению, наполняла его отчаянием.

От валуна, за которым он прятался, отскочила очередная пуля — но уже под другим углом. Гордон пригнулся пониже, пытаясь найти стрелка. Он заметил высоко на склоне белый тюрбан. Оттуда укрытие Гордона легко простреливалось.

Американец не мог сменить позицию — он находился под прицелом дюжины винтовок, но оставаться на прежнем месте тоже было сложно. Одна из летящих сверху пуль рано или поздно достигнет цели. К счастью, стрелок-турок решил перебраться на другое место. Он не знал Гордона так, как его знал Хуньяди, который, мгновенно оценив ситуацию, резко прокричал приказ, но турок уже начал движение, направляясь к другому выступу. Его одежда развевалась на ветру. Пуля Гордона настигла его на полпути. Турок издал истошный крик, пошатнулся и упал головой вниз. Его грузное тело ударилось о валун, стоящий на краю. Камень покатился вниз, увлекая за собой другие. Вокруг поднялась пыль.

Враги в панике начали покидать укрытия. Гордон заметил Хуньяди, выпрыгнувшего из засады. Он мчался по склону, пытаясь увернуться от валунов. Несмотря на турецкие одежды, Гордон сразу узнал высокую гибкую фигуру венгра. Американец выстрелил и промахнулся — так было всегда, когда он стрелял в этого человека. Второй выстрел он сделать не успел. Теперь весь склон, казалось, пришел в движение. Валуны, комья земли, мелкая галька — все с грохотом летело вниз, увлекая за собой новые и новые куски горной породы. Турки бежали вслед за Хуньяди с воплями: «Спаси, Аллах!»

Гордон тоже вскочил и помчался без оглядки к входу в ущелье. Сквозь грохот падающих камней прорывались дикие крики людей — одного за другим его врагов настигала несущаяся лавина. Гордон бросил винтовку: лишний груз был теперь совершенно не к стати. В ушах стоял оглушающий рев. Наконец американец достиг ущелья, бросился внутрь и скорчился

там, прижавшись спиной к стене. Снаружи продолжали падать камни, пыль застилала все вокруг. Но рядом с ущельем, в котором спрятался Гордон, было не так опасно, как на склоне горы, где оставались его враги.

* * *

Гордон с трудом выбрался из ущелья. Он стоял по колено в грязи, среди обломков камней. Один из летящих вниз осколков порезал ему лицо. Грохот лавины сменился неестественной тишиной. Миновав скалу, под которой прятался, американец взглянул назад. Окровавленные и изуродованные жертвы, пойманные каменным потоком в капкан, остались там навсегда среди толстого слоя камней, комьев земли и глины. Хуньяди и спасшихся турков нигде не было видно.

Но Гордон был фаталистом, особенно когда дело касалось этого дьявола-венгра. Он не сомневался, что Хуньяди выжил и снова выйдет на его след, как только сможет собрать своих приспешников. Вероятно, он попытается призвать аборигенов этих гор к себе на службу. Власть Хуньяди среди последователей ислама была просто фантастической.

Гордон решительно повернул назад к ущелью. Он потерял и винтовку, и мешок с припасами, остались лишь одежда да пистолет за поясом. Он понимал, что даже если удастся избежать встречи с дикими племенами, населяющими эти безжизненные горы, то он все равно рискует умереть от голода. Шанс выйти отсюда живым — один из тысячи, но Гордон с самого начала знал, что рискует. К тому же расстановка сил в пользу противника никогда не останавливала Фрэнсиса Хавьера Гордона родом из Эль-Пасо штата Техас — солдата фортуны, много лет прослужившего во всех горячих точках.

Ущелье спускалось вниз, извиваясь среди высоких каменных стен. Лавина прошла стороной, но и

здесь все было завалено камнями. Внезапно Гордон остановился и выхватил пистолет.

На земле перед ним лежал человек, непохожий ни на кого из тех, с кем ему доводилось встречаться в афганских горах, да и где-либо в других местах. Молодой, высокого роста и крепкого сложения, он был одет в короткие шелковые бриджи до колен, тунику и сандалии; на широком поясе держался изогнутый меч.

Внимание привлекали волосы юноши. Голубые глаза, смотревшие на Гордона, были обычными для жителей гор, но густые золотистые волосы, схваченные куском красной ткани и ниспадающие почти до плеч, здесь не встречались. Юноша, определенно, не был афганцем. Гордон вспомнил рассказы о каком-то племени, живущем в этих горах, не относящемся ни к афганцам и ни к кому из мусульман. Неужели он наткнулся на представителя этого легендарного племени?

Прижатый к земле огромным валуном, парень тщетно пытался вытащить меч. Скорее всего он попал в эту ловушку, когда бежал в укрытие.

— Убей меня и покончи с этим, мусульманский пес! — выдавил юноша. Он говорил на пушту — языке афганцев.

— Я не причиню тебе зла, — ответил Гордон. — Я не мусульманин. Лежи спокойно. Я помогу тебе, если смогу. Я ничего не имею против тебя.

Тяжелый камень лежал на ноге юноши, накрепко прижав ее к земле.

— Нога сломана? — спросил Гордон.

— Думаю, нет. Но если ты только сдвинешь камень с места, ты раздавишь мне кость.

Гордон понял, что молодой человек прав. Углубление под камнем спасло ногу, но оказалось ловушкой — валун нельзя откатить.

— Мне придется его поднять, — пробормотал Гордон.

— У тебя это не получится, — в отчаянии ответил юноша. — Даже самому Птолемею это было бы не под силу, а ты значительно слабее его.

Гордон не стал выяснять, кто такой Птолемей, как и объяснять, что о силе человека не следует судить только по его внешнему виду. Мышцы Гордона были словно переплетенные стальные канаты, но он все-таки сомневался, что сможет поднять этот валун.

Камень был не самым большим из скатившихся вниз во время лавины, но, похоже, одним из самых увесистых, что осложняло задачу. Гордон встал, широко раздвинув ноги, так, что тело юноши оказалось под ним. Обеими руками он взялся за огромный валун, напряг мышцы и вспомнил все, что знал о поднятии тяжестей.

Его пятки вошли в слой пыли и грязи, вены на висках набухли, мускулы на руках напряглись до предела. Но главное — огромный камень поднимался вверх, не качаясь и не дрожа, а человек, лежавший на земле, наконец смог вытащить из-под него ногу и откатиться в сторону.

Гордон дал камню упасть и отступил назад, вытирая пот с лица. Молодой человек осторожно разминал ногу, покрытую ссадинами и синяками. Затем он поднял голову и протянул Гордону руку совсем не по-восточному.

— Меня зовут Бардилис. Я из Аталуса, — представился он. — Моя жизнь принадлежит тебе!

— Люди называют меня Аль-Борак, — ответил Гордон, пожимая протянутую руку.

Они были так не похожи друг на друга: высокий, стройный юноша в странном наряде, белокожий, с золотистыми волосами — и загорелый американец среднего роста, плотного телосложения, в потрепанном афганском одеянии. У Гордона были прямые черные волосы и черные глаза, как у индейца.

— Я охотился на скалах, — пояснил Бардилис. — Потом прозвучали выстрелы, и я хотел посмотреть, что

происходит, но тут же услышал грохот лавины. Со всех сторон посыпались камни. — Бардилис помолчал и заметил: — Ты не из афганского племени патанов, несмотря на твое имя. Пойдем ко мне в деревню. Ты похож на усталого человека, сбившегося с пути.

— А где находится твоя деревня?

— Вон там, за ущельем и за скалами. — Бардилис показал рукой на юг, затем, взглянув через плечо Гордона, вскрикнул. Американец резко обернулся. Высоко из-за выступа каменной стены показалась голова в тюрбане. Полные ужаса глаза на темном лице со страхом смотрели вниз. Гордон с яростью выхватил пистолет, но голова исчезла, и тут же послышался голос — кто-то закричал по-турецки. Ему ответили другие, среди которых американец сразу узнал голос Хуньяди. Стая снова вышла на его след. Несомненно, они видели, как Гордон прятался в ущелье. Как только обвал прекратился, они перебрались по разрушенному склону и пошли дальше по скалам, чтобы воспользоваться преимуществом над человеком, находящимся внизу.

Но Гордон недолго стоял на месте, погрузившись в раздумья. Как только голова в тюрбане исчезла из виду, американец приказал юноше держаться рядом и бросился к ближайшему повороту в каньоне. Бардилис последовал за ним, не задавая вопросов, прихрамывая на одну ногу, но передвигаясь довольно проворно. Гордон слышал, как его преследователи что-то кричали позади него, как они прорывались сквозь низкорослые кустарники и скользили по осыпающейся гальке, как безрассудно неслись вниз со скал, забыв обо всем, кроме желания загнать дичь.

У Хуньяди имелось одно преимущество, у беглецов — другое: они могли передвигаться по ущелью несколько быстрее, чем те, кто пробирался по скалам с изрезанными краями и неровными выступами. Людям Хуньяди приходилось перелезать через огромные камни, и Гордон вскоре заметил, что их злобные вы-

крики за его спиной становятся все тише. Выбравшись из ущелья, они с Бардилисом поняли, что значительно опережают наемных убийц Хуньяди.

Но Гордон знал, что это только временная передышка. Он огляделся по сторонам. Узкое ущелье переходило в тропинку, идущую вдоль каменной стены с одной стороны и обрыва с другой. Обрыв спускался на триста футов в долину, окруженную со всех сторон горами. Гордон взглянул вниз и увидел петляющий среди густых зарослей ручей; за деревьями, как ему показалось, возвышались каменные дома.

Именно на них и показал Бардилис.

— Вон моя деревня! — взволнованно сообщил он. — Если нам удастся спуститься в долину, мы спасены! Эта тропинка ведет к югу, где есть спуск, но до него пять миль!

Гордон покачал головой. Тропинка шла вдоль отвесной стены, не имеющей выступов, а значит, укрыться здесь будет совершенно негде.

— Они догонят нас и убьют, как крыс, если мы отправимся этим путем.

— Но есть еще один! — воскликнул Бардилис. — Вниз по скале. Спуск лучше начать именно здесь. О нем никто не знает, но люди моего племени пользуются им в случаях крайней необходимости. В камне выбиты углубления для рук. Ты сможешь спуститься вниз по отвесной скале?

— Попытаюсь, — ответил Гордон, убирая пистолет за пояс.

План Бардилиса казался ему самоубийством, но и попытка уйти от Хуньяди по открытой тропинке, где их легко можно расстрелять из винтовок, обрекала на верную смерть. Гордон ожидал появления врагов в любую минуту.

— Я пойду первым и буду указывать тебе дорогу, — быстро заговорил Бардилис, сбрасывая сандалии.

Гордон сделал то же самое и последовал за юношей. Держась за острый край, под которым начина-

лась пропасть, Гордон увидел множество небольших углублений, выбитых в камне. Он начал медленно спускаться, зависая, подобно мухе на стене. Волосы вставали дыбом при мысли о том, к чему может привести одно неверное движение, но беглецам помогал небольшой уклон скалы в этом месте. За время своей службы Гордону не раз приходилось взбираться на скалы, но никогда еще так не напрягались его нервы и мышцы. Каждую секунду смерть была на расстоянии пальца, цепляющегося за новый выступ. Под ним пыхтел Бардилис, направляя и подбадривая его, пока наконец не спрыгнул на землю. Посмотрев вверх, на Гордона, которого от ровной площадки отделяли еще фунтов двадцать, юноша отчаянно закричал, и в его голосе отчетливо прозвучал страх. Американец поднял голову и увидел бородатое лицо — турок смотрел на него со скалы, победно улыбаясь, а потом начал целиться из пистолета. Затем он отложил пистолет, взял тяжелый камень и склонился над обрывом, чтобы поточнее запустить его. Цепляясь за камни одной рукой и пальцами ног, Гордон резко выхватил пистолет, выстрелил вверх и тут же плотно прижался всем телом к скале.

Турок закричал и полетел со скалы вниз головой. Камень тоже полетел с обрыва, задев плечо Гордона. Извивающееся тело пронеслось мимо и с силой ударилось о землю внизу. Гневный голос, раздавшийся сверху, принадлежал самому Хуньяди. Гордон преодолел оставшийся участок, не раздумывая о мерах предосторожности, которым следовал ранее, и они с Бардилисом бросились к спасительным деревьям.

Американец оглянулся и увидел Хуньяди, который, пристроившись на краю пропасти, целился из винтовки. Но через секунду Гордон с Бардилисом уже скрылись из виду, а Хуньяди, явно опасавшийся выстрела из зарослей деревьев, поспешно удалился вместе с четырьмя турками, оставшимися от отряда наемников.

— Ты спас мою жизнь, когда показал мне тот путь,— заявил Гордон.

Бардилис улыбнулся:

— Этот путь тебе мог показать любой житель Аталуса. Мы называем его Дорогой Орлов. Но пройти по нему может только герой. А откуда ты прибыл, брат?

— С запада,— ответил Гордон.— Из земли под названием Америка, расположенной далеко за морем.

Бардилис покачал головой.

— Никогда про нее не слышал,— признался он.— Но пойдем со мной. Теперь мои соплеменники — это и твои соплеменники.

Пока они пробирались среди деревьев, Гордон осматривал скалы, окружавшие долину со всех сторон, ожидая появления своих врагов. Он не сомневался, что ни Хуньяди, несмотря на всю его смелость, и ни один из его наемников не решится пойти тем путем, который только что преодолели они с Бардилисом, этой самой Дорогой Орлов. Но они не были скалолазами и гораздо увереннее чувствовали себя в седле, чем на горной тропе. Они попытаются найти другой способ спуститься в долину. Гордон поделился своими соображениями с Бардилисом.

— Тогда они умрут,— с мрачным видом заявил юноша.— Путь Царей в южной части долины — это второй способ попасть сюда, а его круглосуточно охраняют люди моего племени. В долину Искандера могут попасть только торговцы и купцы, но они всегда идут с навьюченными мулами. Других путей нет.

Гордон с любопытством посмотрел на нового товарища и вдруг увидел в нем знакомые черты, не в силах вспомнить, где встречал их раньше.

— А кто такие люди твоего племени? — спросил он.— Ты не афганец и совсем не похож на восточного человека.

— Мы — дети Искандера,— ответил Бардилис.— Когда много лет назад Великий Завоеватель прошел через эти горы, он построил город, который мы на-

зывает Аталусом, и оставил в нем несколько сотен своих солдат с женами. Искандер снова двинулся на запад, и через какое-то время пришло сообщение, что он погиб, а его империя распалась. Но люди Искандера в нашем поселении остались свободными. Много раз мы резали афганских псов, пытающихся нас покорить.

И тут Гордона осенило — он понял, что именно показалось ему знакомым. Искандер — Александр Великий, завоевавший эту часть Азии и оставивший после себя колонии. Профиль юноши был классическим греческим, таким, какие Гордону доводилось видеть только высеченными в мраморе, да и имена, которые произносил Бардилис, имели греческое происхождение. Он был потомком какого-то македонского солдата, последовавшего за Великим Завоевателем, когда тот пытался покорить Восток.

Чтобы проверить догадку, Гордон обратился к Бардилису на древнегреческом, одном из множества языков — современных и мертвых, — которые он успел выучить за время своей долгой карьеры. Юноша воскликнул от изумления.

— Ты разговариваешь на нашем языке! — ответил он также на древнегреческом. — За тысячу лет здесь не появлялось ни одного чужеземца, который знал бы наш язык. Мы говорим с мусульманами на их языке, но они не знают ни слова из нашего. Значит, ты тоже сын Искандера?

Гордон покачал головой, пытаясь придумать, как объяснить свое знание языка юноше, ничего не ведающему о мире за пределами этих гор.

— Мои предки были соседями людей Александра, — наконец заявил он. — Так что многие из представителей моего народа говорят на твоём языке.

Они приближались к каменным строениям, поблескивающим сквозь деревья, и Гордон понял, что «деревня» Бардилиса — это внушительных размеров город, окруженный стеной. Несомненно, город явля-

ся работой каких-то давно умерших греческих архитекторов, и у Гордона создалось впечатление, что он внезапно оказался в прошлом и увидел наяву то, что изучал в книгах по Древней Греции.

За стенами города крестьяне возделывали землю примитивными сельскохозяйственными орудиями, пасли овец и крупный рогатый скот. Вдоль берега ручья, петляющего по долине, паслись кони. Все мужчины оказались высокими и светловолосыми, как Бардилис. Они бросили работу и побежали навстречу приближающейся паре, с враждебностью и удивлением поглядывая на черноволосого незнакомца, пока Бардилис их не успокоил.

— Впервые за много столетий в долину входит человек, который не является ни пленником, ни торговцем, — пояснил Бардилис Гордону. — Пожалуйста, не произноси ни слова, пока я не скажу тебе. Я хочу поразить своих соплеменников твоими знаниями. Они откроют рты от удивления, когда услышат, что чужеземец разговаривает на нашем родном языке!

Ворота в стене были открыты, их никто не охранял. Гордон обратил внимание, что сама стена находится в плачевном состоянии. Бардилис пояснил, что стражников у южного входа в долину достаточно, чтобы защитить город, и что враги еще ни разу не добились до него. Юноша повел Гордона по широкой вымощенной улице. Мимо них по своим делам спешили светловолосые мужчины, женщины и дети, одетые точно в такие же туники, как у греков, живших две тысячи лет назад; их окружали точные копии сооружений, стоявших в древних Афинах.

Вскоре вокруг прибывших собралась толпа, но преисполненный важности Бардилис не сразу удовлетворил любопытство соплеменников. Он направился к огромному зданию в центре города, поднялся по широким ступеням и вошел в просторный зал, где несколько человек, одетых в более богатые одежды, чем простолюдины, сидели за маленьким столиком, играя

в кости. Вслед за Гордоном и Бардилисом вошла толпа и остановилась в предвкушении какого-то важного сообщения. Вожди прекратили игру, и один из них — великан, весь вид которого свидетельствовал о привычке управлять, — спросил:

— Чего ты хочешь, Бардилис? И кто этот незнакомец?

— Друг Аталуса, Птолемей, — ответил Бардилис царю. — Он говорит на языке Искандера!

— Что за сказки? — властным голосом переспросил вождь.

— Пусть они послушают тебя, брат! — с победным видом повернулся Бардилис к Гордону.

— Я пришел с миром, — коротко сказал Гордон на древнегреческом. — Меня зовут Аль-Борак, но я не мусульманин.

По толпе прокатилась волна удивления, Птолемей почесал подбородок и нахмурился, подозрительно поглядывая на чужеземца. Царь был великолепно сложен, чисто выбрит и, как все его соплеменники, имел золотистые волосы и голубые глаза.

Он нетерпеливо слушал рассказ Бардилиса о встрече с Гордоном, а когда юноша сообщил о том, как американец поднял камень, освободив его от капкана, Птолемей нахмурился и непроизвольно напряг мышцы. Казалось, он недоволен восторгом соплеменников и их одобрительными возгласами, с которыми те восприняли рассказ. Очевидно, эти потомки греческих атлетов с таким же восхищением относились к физическому совершенству, как и их древние предки, а Птолемей был тщеславен.

— Как он мог поднять такой камень? — заметил царь. — Он же небольшого роста. Его голова едва достигает моего подбородка.

— Он гораздо сильнее, чем можно судить по его внешности, царь, — ответил Бардилис. — Эти синяки и ссадины на моей ноге подтверждают, что я говорю правду. Он поднял камень, который я не смог даже

сдвинуть с места, а затем спустился по Дороге Орлов, на что решится не каждый житель Аталуса. Он пришел издалека и сражался с врагами, а теперь ему нужно поест и оглохнуть.

— Тогда дай ему еду и место для отдыха, — презрительно проворчал Птолемей, поворачиваясь спиной, чтобы снова вернуться к игре в кости. — Если он окажется мусульманским шпионом, то ты ответишь за это головой.

— Я с радостью отдам свою голову, чтобы доказать его честность, царь! — с гордостью ответил Бардилис, затем взял руку Гордона в свою и тихо добавил: — Пойдем, мой друг. Птолемей нетерпелив и строг. Не обращай на него внимания. Я отведу тебя в дом моего отца.

Когда они проходили сквозь толпу, Гордон увидел лицо, сильно отличающееся от светлых открытых лиц горожан, — худое и смуглое, с черными глазами, полными подозрительности, внимательно оглядывающими американца. Это был таджик с мешком за спиной. Заметив, что его рассматривают, таджик ухмыльнулся и резко вскинул голову. В этом жесте было что-то знакомое.

— Кто этот человек? — спросил Гордон.

— Абдулла, мусульманский шакал, один из тех, кому мы разрешаем заходить в долину с бусами, зеркалами и другими безделушками, которые нравятся нашим женщинам. Мы меняем на них руду, вино и шкуры.

Теперь Гордон вспомнил, что встречал этого изворотливого типа, обычно болтающегося в Пешаваре, и его подозревали в контрабандной торговле винтовками. Но когда американец оглянулся, смуглое лицо уже затерялось в толпе. У Гордона не было причин опасаться Абдуллу, даже если тот и вспомнил его. Таджик не мог знать про бумаги, которые нес американец. Гордон чувствовал, что граждане Аталуса с симпатией относятся к другу Бардилиса, несмотря на яв-

ную ревность тщеславного Птолемея, вызванную восхвалением силы чужеземца.

Бардилис провел Гордона по улице к большому каменному дому с портиком, украшенным колоннами, где с гордостью представил нового друга отцу, почтенному мужчине по имени Пердикка, и матери, уже немолодой, но высокой и статной женщине. Гордон увидел младшего брата Бардилиса и его сестер — цветущих красавиц. Аталусцы явно не держали своих женщин взаперти, как мусульмане. Американец испытывал странное чувство, будто вдруг оказался в семье, жившей две тысячи лет назад. Очевидно, что эти люди явно не были варварами. Несомненно, они стояли на более низком культурном уровне, чем их предки-эллины, но тем не менее оказались гораздо более цивилизованны, чем их воинственные соседи-афганцы.

Они искренне заинтересовались своим гостем, но, за исключением Бардилиса, никто больше не проявил любопытства к миру, находящемуся за пределами долины. Вскоре юноша проводил Гордона во внутренние покои и поставил перед ним еду и питье. Американец тут же осушил кубок вина и с жадностью набросился на еду, внезапно осознав, сколько дней поста предшествовали этому пиру. Пока Гордон ел, Бардилис развлекал его беседой, не упоминая о людях, преследующих американца. Он предполагал, что это афганцы с окрестных гор, чья враждебность стала уже легендарной. Гордон узнал, что никто из аталусцев никогда не уходил за пределы долины более чем на день пути. Воинственность горных племен, окружающих долину, полностью изолировала аталусцев от мира.

Когда Гордон наконец изъявил желание поспать, Бардилис оставил его одного, пообещав, что гостя никто не побеспокоит. Американца встревожило отсутствие дверей в отведенных ему покоях; здесь была только занавеска, висящая в арочном проеме. Бардилис заверил, что в Аталусе нет воров, но осторожность

вошла в привычку Гордона, и его не оставляло беспокойство. Комната открывалась в коридор, который, как догадался чужеземец, вел к входной двери. Граждане Аталуса явно не считали необходимым охранять свои жилища. Но если местные жители могли спокойно спать, чувствуя себя в полной безопасности, к гостю это не относилось.

В конце концов Гордон отодвинул свое ложе — единственный предмет мебели; убедившись, что никто не следит за ним, он нашел в стене неплотно прилегающий камень и вынул его. Затем Гордон достал из-под мышки водонепроницаемый пакет, засунул его в отверстие, поставил камень на место и вернул ложе в изначальное положение.

Потом он вытянулся на ложе и стал думать, как живым добраться до цели с документами, которые так много значили для мира в Азии. Здесь он был в безопасности, но не сомневался, что Хуньяди поджидает его за пределами долины с терпением кобры, стерегущей свою добычу. Гордон не может оставаться здесь вечно. Когда-нибудь ночью ему придется уйти в горы; Хуньяди, несомненно, направит за ним все горные племена. Но Гордон верил в свою удачу и твердую руку, как раньше. Вино, которое он выпил, было крепким, к тому же он здорово устал после долгого путешествия. Размышления перешли в сон. Он спал глубоко и долго.

* * *

Гордон проснулся от шороха занавески в арочном проеме. В доме стояла ночная тишина. Американец понял, что проспал много часов.

Он сел на ложе в кромешной тьме и спросил:

— Это ты, Бардилис?

— Да, — пробормотали в ответ.

Гордон мгновенно понял, что это не его юный друг, но в ту же секунду его стукнули по голове чем-

то тяжелым; в глазах замелькали искры, и он отключился.

Когда Гордон пришел в себя и открыл глаза, его ослепил свет факела. Вокруг стояли трое крупных светловолосых граждан Аталуса, лица которых оказались тупыми и жестокими, в отличие от тех, что ему уже довелось здесь увидеть.

Потом он очнулся со связанными руками на каменной плите. Факел бросал неровный свет на полуразрушенные стены пустой комнаты, покрытые паутиной. Внезапно послышался звук открываемой двери, что заставило Гордона вытянуть шею. Он тут же увидел человека, чем-то похожего на стервятника. Это оказался таджик Абдулла.

Абдулла посмотрел сверху вниз на американца. Крысиные черты лица исказила злобная гримаса.

— Страшный Аль-Борак лежит передо мной! — насмеялся таджик. — Дурак! Я сразу же узнал тебя во дворце Птолемея.

— Ты не должен держать на меня зла, — заметил Гордон.

— Я и не держу, мой друг, — ответил таджик. — Мне лично ты не нужен, но ты принесешь мне прибыль. Это правда, что ты никогда не делал мне зла, но я всегда боялся тебя. Как только я увидел тебя в городе — сразу собрал пожитки и ушел, не зная, что ты намерен здесь делать. У входа в долину мне повстречался Густав Хуньяди, который сильно интересуется тобой. Он спросил, не видел ли я тебя случайно в Аталусе, куда ты сбежал, украв у него документы. Я, конечно, ответил, что видел, а он попросил меня помочь пробраться в долину. Я отказался, — ведь эти аталусские дьяволы убьют меня, если я попытаюсь провести в долину Искандера незнакомца. Хуньяди отправился назад в горы с четырьмя турками и ордой потрепанных афганцев, которых он нанял, а я вернулся в долину, объяснив стражникам, что испугался патанов. Эти трое парней согласились помочь мне

тебя захватить. Никто не узнает, что с тобой случилось, а Птолемей не станет из-за тебя беспокоиться, потому что рассказ о твоей силе вызвал его ревность. По древней традиции царь Аталуса должен быть самым сильным мужчиной в городе. Птолемей сам убил бы тебя со временем, но этим займусь я. Не хочу, чтобы ты гнался за мной, когда я заберу у тебя бумаги. В конце концов Хуньяди получит их — если готов заплатить!

Таджик засмеялся каким-то трескучим смехом, а затем повернулся к могучим аталанцам.

— Вы обыскали его?

— Мы ничего не нашли, — ответил один из гигантов.

— Вы не знаете, как искать! Я сам займусь этим.

Абдулла умело провел рукой по телу пленника, но и его попытки не увенчались успехом. Таджик нахмурился и попытался залезть под мышки американца, но руки Гордона были плотно привязаны к телу, так что задача оказалась невыполнимой.

Абдулла с беспокойством вынул из-за пояса кривой кинжал.

— Разрежьте веревки, — приказал он. — А затем вы все трое будете держать его. Это леопард, которого опасно выпускать из клетки.

Гордон не оказывал сопротивления, когда двое аталусцев схватили его за руки, а третий обхватил ноги. Аталусцы держали Гордона крепко, но к словам Абдуллы о могучей силе чужеземца они отнеслись скептически.

Таджик снова приблизился к пленнику и уже собрался было убрать кинжал за пояс, как вдруг Гордон, подобно спущенной стальной пружине, напрягая все мышцы, рывком освободил ноги и с силой ударил Абдуллу пятками в грудь. Если бы на ногах Гордона были ботинки, то он сломал бы таджику ребра. Но на этот раз торговец просто отлетел назад, взыв от боли, а затем стукнулся спиной об пол.

Гордон не останавливался. Рванувшись еще раз, он высвободил левую руку, приподнялся и с размаху ударил кулаком в челюсть державшего его аталусца. Кулак Гордона был подобен молоту, и аталусец рухнул, как забитый бык. Остальные бросились на американца. Гордон перекатился на пол, отгородившись плитой от нападавших. Один из них подобрался к Гордону, но тот схватил запястье аталусца, завернул ему руку за спину и перекинул его через голову. Противник ударился головой об пол с такой силой, что тут же потерял сознание.

Уцелевший стражник оказался более осторожным. Увидев, какой огромной силой обладает чужестранец и с какой поразительной ловкостью он двигается, гигант вытащил из-за пояса длинный нож и стал медленно приближаться к Гордону, выбирая момент для решающей атаки. Гордон отступил назад таким образом, чтобы от блестящего лезвия его отделяла плита. Противник стал огибать ее. Внезапно американец нагнулся и выхватил такой же нож из-за пояса лежащего на полу стражника. Но стоило ему наклониться, как аталусец зарычал, будто лев, обогнул плиту и занес руку с ножом.

Гордон согнулся еще ниже — и блестящее лезвие просвистело прямо у него над головой. Потеряв равновесие, противник свалился на пол, затем покатился вперед и наткнулся на выставленный Гордоном нож. Когда длинное лезвие вошло в тело аталусца, из его глотки вырвался приглушенный крик, и гигант потянул чужеземца за собой на пол.

Американец вырвался из слабеющих рук противника и поднялся на ноги. Его одежда была перепачкана кровью аталусца, в руке он все еще держал окровавленный нож. Абдулла, шатаясь, тоже поднялся, все время постанывая, с позеленевшим от боли лицом. Гордон зарычал и в ярости бросился на таджика. Вид ножа, с которого капала кровь, и лицо Гордона, искаженное дикой гримасой, заставили таджика дей-

ствовать мгновенно. С воплем ужаса он бросился к двери, по пути выбив факел из подставки. Факел упал на пол, рассыпая искры в разные стороны, быстро потух, и комната погрузилась в темноту. Гордон врезался в стену.

Когда он наконец нащупал дверь, в комнате оставались только аталусцы — мертвые или лишившиеся чувств.

Выйдя из дома, американец оказался на узкой пустынной улочке. Звезды уже гасли на небе, а значит, близился рассвет. Похоже, дом, в котором его держали, был давно заброшен. В конце улицы Гордон узнал дом Пердикки. Значит, его унесли недалеко. Очевидно, похитители не ожидали никакого вмешательства. Гордон размышлял, участвовал ли в этом заговоре Бардилис. Американцу не хотелось думать, что юноша его предал. Но в любом случае ему придется вернуться в дом Пердикки, чтобы забрать спрятанный в стене пакет. Он двинулся вниз по улице. Теперь, когда битва была позади и кровь в венах уже не так бурлила, он чувствовал легкое головокружение и тошноту от удара, после которого лишился сознания.

Приближаясь к дому Пердикки, американец внезапно заметил бегущую к нему фигуру. Это оказался Бардилис, тут же бросившийся в объятия Гордона с криком облегчения, который просто не мог быть фальшивым.

— Брат мой! — воскликнул юноша. — Что случилось? Я только что заходил к тебе в комнату и обнаружил, что она пуста. Твое ложе испачкано кровью. Ты не ранен? О, я вижу рану у тебя на голове!

В нескольких словах Гордон объяснил, что произошло, не упоминая о спрятанных документах. Он представил все таким образом, что Бардилис считал Абдуллу давним врагом Гордона, жаждавшим отмщения. Теперь американец доверял юноше, но все равно необходимости открывать правду о пакете не было.

Бардилис побелел от гнева.

— Позор моему дому! — воскликнул он. — Вчера вечером этот шакал Абдулла сделал подарок моему отцу — большой кувшин с вином, — и мы все его пили, за исключением тебя: ты уже отдыхал. Теперь я знаю, что в него было добавлено снотворное, потому что мы спали, как убитые. Вчера ты стал нашим гостем, и я поставил по слуге у каждого входа в дом, но они тоже заснули, выпив вина Абдуллы. Несколько минут назад я отправился искать тебя и обнаружил, что горло одного слуги перерезано. Именно того, который дежурил у выхода на эту улицу: сюда открывается дверь из коридора, проходящего мимо отведенной тебе комнаты.

Наконец они вернулись в дом. Пока Бардилис ходил за чистой одеждой, Гордон достал пакет из тайника и снова спрятал у себя на теле. На рассвете Гордон предпочитал уже держать его при себе: скоро все должны проснуться.

Вскоре вернулся Бардилис с бриджами, сандалиями и туникой — традиционной одеждой аталусцев. Пока американец переодевался, юноша с восхищением разглядывал загорелое тело чужеземца, на котором не было ни одной складки жира — только мускулы.

Не успел Гордон переодеться, как в доме раздались громкие голоса, потом послышался приближающийся топот ног, и в арочном проеме показалась группа вооруженных мечами светловолосых воинов. Их предводитель показал на Гордона и заявил:

— Птолемей приказал немедленно доставить этого человека во дворец, в зал правосудия.

— В чем дело? — воскликнул Бардилис. — Аль-Борак — мой гость.

— Я выполняю только приказы царя, — ответил воин. — Я не спрашиваю объяснений.

Гордон положил руку на плечо Бардилиса, пытаясь его успокоить.

— Я пойду с ними. Мне интересно узнать, что хочет от меня Птолемей.

— В таком случае я тоже пойду с тобой, — заявил Бардилис, стиснув зубы. — Я не знаю, что может означать этот приказ, но ты — мой друг.

Солнце только поднималось над горизонтом, когда они шли ко дворцу, но по белой улице уже сновали люди, многие из которых пристраивались к процессии.

Поднявшись по широкой дворцовой лестнице, они вошли в огромный зал, украшенный лепными колоннами. В противоположном конце был еще один ряд широких ступеней, ведущих к возвышению, где на мраморном троне восседал царь Аталуса. Как обычно, он был мрачен. Несколько вождей расположились на каменных скамьях по обеим сторонам возвышения, а простомыдины устроились вдоль стен, оставив свободной середину зала.

На этом свободном месте перед тронем скрючилась фигура, напоминающая стервятника. У ног Абдулы, глаза которого горели от страха и ненависти, лежал труп аталусца, убитого Гордоном в заброшенном доме. Двое других незадачливых похитителей стояли рядом, покрытые синяками от ударов американца. Аталусцы явно чувствовали себя неловко.

Гордона провели к возвышению, стражники заняли места за его спиной. Без всяких церемоний Птолемей обратился к Абдулле:

— Выступай со своим обвинением.

Абдулла тут же прыгнул вперед и показал костлявым пальцем на Гордона.

— Я обвиняю этого человека в убийстве! — закричал он скрипучим голосом. — Сегодня перед рассветом он набросился на меня и на моих товарищей, пока мы спали, и зарезал того, кто сейчас лежит перед вами. Остальные с трудом спаслись.

По толпе пробежал возглас удивления. Птолемей с суровым видом обратился к Гордону:

— Что ты можешь сказать в ответ?

— Он врёт, — нетерпеливо заявил американец. — Я убил вот этого, да...

Его заглушил дикий рев толпы. Люди стали угрожающе приближаться к Гордону, но их оттеснили стражники.

— Я только защищал свою жизнь, — разозленно продолжал Гордон, которому совсем не нравилось положение обвиняемого. — Этот таджикский шакал в компании с тремя сообщниками — мертвецом и двумя, стоящими рядом с ним, — прошлой ночью проскользнул в дом Пердикки, в отведенную мне комнату. Меня ударили по голове чем-то тяжелым, я потерял сознание, а затем они отнесли меня в заброшенный дом, чтобы ограбить и убить.

— Да! — в гневе закричал Бардилис. — И они перерезали горло одному из слуг моего отца.

При этих словах настроение толпы изменилось. Теперь люди стояли в нерешительности.

— Ложь! — завизжал Абдулла, предпринимая отчаянные и безрассудные шаги, на которые его толкали алчность и ненависть. — Бардилис околдован! Аль-Борак — колдун! Как еще он мог выучить ваш язык?

Толпа быстро отреагировала на эти слова — люди украдкой стали делать знаки, предохраняющие от дурного глаза. Аталусцы оказались такими же суеверными, как и их предки. Бардилис выхватил меч, вокруг него сгрудились его молодые друзья, готовые к схватке, подобно охотничьим собакам.

— Для меня неважно, кто он: колдун или человек, — заявил Бардилис. — Он — мой брат, и я не позволю никому до него дотронуться, не рискнув головой.

— Он — колдун! — продолжал кричать Абдулла, брызгая слюной. — Я давно его знаю. Будьте осторожны! Он принесет безумие и разрушение в Аталус. Он носит на теле свиток с магическими письменами, и именно в нем заключается его колдовская сила. Отдайте мне этот свиток — я унесу его подальше от Аталуса

и уничтожу там, где он никому не принесет зла. Позвольте мне доказать, что я не вру. Подержите Аль-Борака, пока я его обыскиваю, и я докажу вам, что говорю правду.

— Я не позволю никому прикоснуться к Аль-Бораку! — бросил вызов Бардилис.

Тут страна поднялся Птолемей — смуглый и мрачный, внушающий благоговейный страх. Не спеша, великан спустился по ступенькам со своего возвышения. Стражники мгновенно расступились, опасаясь встретиться с ним взглядами. Бардилис не сдвинулся с места, готовый бросить вызов даже своему царю, но Гордон отстранил юношу. Аль-Борак был не из тех, кто тихо стоит в стороне, позволяя другим защищать свою честь.

— Это правда, — спокойно сказал он, — что у меня на теле спрятан пакет с бумагами, но так же правда и то, что он не имеет никакого отношения к колдовству и что я убью любого, кто попытается отнять его у меня.

В эту секунду величавое спокойствие Птолемея будто испарилось, и он воскликнул в ярости:

— Ты посмеешь противостоять даже мне? — Голос царя звучал громкоподобно, глаза горели, а огромные кулаки сжимались и разжимались. — Ты уже считаешь себя царем Аталуса? Ты, черноволосый шакал, и убью тебя голыми руками! Все назад, освободите нам место!

Разбрасывая в стороны всех попадавших на пути, Птолемей бросился на Гордона, словно разъяренный бык. Атака оказалась такой быстрой и неистовой, что Гордон не успел остановить натиск противника. Они столкнулись грудь в грудь, и американца, который был гораздо меньше ростом, откинуло назад; он упал на колени. Птолемей продолжал атаковать, разозленный тем, что кто-то посмел оспорить его право считаться самым сильным человеком Аталуса. Мужчины сцепились в смертельной схватке, а окружавшие их зрители кричали и подбадривали противников.

Эль Бораку нечасто доводилось встречать соперников, превосходящих его по силе, но царь Аталуса, казалось, состоял из китовых костей и железа. В то же время он мог действовать с поразительной для такого крупного человека быстротой. Ни один из противников не имел оружия. Это была рукопашная схватка, они боролись, как их предки, прародители расы. Птолемей понятия не имел о современных приемах и правилах борьбы, сражаясь, как лев или тигр, с неистовством первобытного человека. Гордону пока удавалось уворачиваться от его объятий, которые могли бы сломать позвоночник, как сухую ветку. Удары американца, обычно сокрушительные, постоянно достигали цели, но огромный царь Аталуса только шатался и содрогался под ними, подобно дереву на сильном ветру. Он крепко стоял на ногах, снова и снова атаковал, пускаясь вперед, словно тайфун, желая поскорее расправиться с чужестранцем, разорвав его на части мощными руками.

Пока Гордона спасали лишь умение перемещаться с поразительной скоростью да навыки, полученные во время боксерских тренировок, которые он уже столько раз за свою жизнь применял на практике. Обнаженный до пояса, покрытый синяками и ссадинами, он отражал атаку за атакой. Его истерзанное тело сотрясало от ударов, но и огромная грудь Птолемея тяжело вздымалась. Лицо гиганта напоминало кусок сырого мяса, а на его теле появились следы ударов, которые уже давно убили бы кого угодно.

Издав вопль — что-то среднее между ругательством и рыданием, — Птолемей бросился всем телом на американца, пытаясь задавить его своим весом. Когда они оба рухнули на пол, царь Аталуса хотел ударить противника коленом в пах, но Гордон успел увернуться, и колено гиганта проскользнуло мимо, а сам американец ужом выскользнул из-под царя Аталуса.

Пошатываясь, они одновременно поднялись на ноги. Глаза Гордона слепил пот, смешанный с кровью,

но он все равно видел возвышающуюся над ним фигуру царя, расставляющего руки. Кровь текла по груди Птолемея. Царь втянул живот, набирая воздух в легкие, и именно в живот противника Гордон направил свой коронный удар левой, вложив в него всю силу. Сжатый кулак вошел точно в солнечное сплетение. Царь выпустил воздух, издав невнятное рычание. Его руки опустились, и он зашатался, как дерево, по которому только что ударили топором. Гордон не терял ни секунды и на этот раз направил удар правой прямо в челюсть гиганта. Послышался хруст костей, Птолемей рухнул вниз лицом и больше не шевелился.

* * *

В наступившей тишине все глаза, округлившись от неожиданности и удивления, смотрели на распростертое тело гиганта и на окровавленного темно-волосого чужестранца, стоявшего над ним. Тишину прорезал стук копыт и голос задыхающегося человека, доносившиеся с улицы все громче и громче. Лошадь встала перед ступенями дворца, и все собравшиеся повернулись к двери. В зал, шатаясь, вошел воин, кашляющий кровью.

— Это стражник из охраняющих вход в долину! — воскликнул Бардилис.

— Мусульмане! — прохрипел вновь прибывший, зажимая рукой рану на плече, из которой сквозь пальцы лилась кровь. — Триста афганцев. Они атаквали проход. Их ведут чужестранец и четверо турок с оружием, бьющим много раз подряд, без перезарядки! Они расстреляли нас с большого расстояния, когда мы только заняли боевые позиции, чтобы охранять проход. Афганцы вошли в долину...

Он покачнулся и упал, а изо рта у него пошла кровь. В плече, у самого основания шеи, зияла рана от пули.

Ужасная новость была встречена без криков ужаса. В полнейшей тишине, снова воцарившейся в зале, все глаза устремились на Гордона, который стоял, приклонившись к стене и хватая ртом воздух. У него кружилась голова.

— Ты одолел Птолемея, — заявил Бардилис. — Он мертв или лежит без чувств. Пока он беспомощен, ты — царь. Таков наш закон. Приказывай, что делать.

Гордон с трудом собрался с мыслями и воспринял ситуацию как должное — без возражений и вопросов. Если афганцы уже в долине, то нельзя терять ни секунды. Ему показалось, что он слышит отдаленный грохот выстрелов.

— Сколько человек в состоянии держать оружие? — спросил он.

— Триста пятьдесят, — сообщил один из вождей.

— Тогда пусть берут оружие и следуют за мной. Стены города обветшали. Если мы останемся внутри, а осадой будет руководить Хуньяди, мы окажемся в ловушке, как крысы. Мы должны разбить их одним ударом — только в этом случае мы сможем победить.

Кто-то принес ему кривую турецкую саблю в ножнах, прикрепленных к поясу, который Гордон тут же застегнул вокруг талии. У него продолжала кружиться голова и ныло все тело, но он все-таки сумел собраться с силами. Перспектива решающей схватки с Хуньяди заставляла кровь бурлить в жилах.

По приказу чужеземца аталусцы поднимали бесчувственного Птолемея и опустили на ложе. Царь еще ни разу не пошевелился, и Гордон посчитал вполне вероятным, что он получил сотрясение мозга. Во-первых, нанесенный американцем удар просто сломал бы череп любого менее слабого противника, а во-вторых, падая, царь ударился головой о каменный пол.

Гордон вспомнил про Абдуллу и огляделся вокруг в поисках таджика, но тот уже успел испариться.

Во главе воинов Аталуса Гордон направился по улицам города к массивным воротам. Все были вооружены длинными кривыми мечами, некоторые — тяжеловесными фитильными ружьями — древним оружием, захваченным у горных племен. Американец знал, что оружие афганцев ничуть не лучше, но из-за винтовок Хуньяди и турок аталанцы могут понести большой урон.

Затем Гордон увидел орду, заполняющую долину. Правда, противники пока еще находились на значительном расстоянии и шли пешком. К счастью для аталанцев, у одного из стражников, охранявших проход в долину, была лошадь. В противном случае о нападении они узнали бы только тогда, когда афганцы уже добрались бы до стен города.

Атакующие были пьяны от возбуждения и оставались, чтобы поджечь одиноко стоящие на пути хижины, подстрелить пасущийся скот, растоптать посадки. Ими двигало одно желание — нести разрушение. За спиной Гордона послышался гул, и, оглянувшись назад, он увидел напрягшиеся тела и горящие гневом голубые глаза. Американец понял, что руководит отрядом смельчаков, готовых сражаться до последнего.

Он повел их к длинной неровной каменной стене, пересекающей равнину. Это были остатки древнего укрепления, давно покинутого и разрушившегося за века, но оно обеспечивало хоть какую-то защиту. Когда они добрались, завоеватели все еще находились вне досягаемости огня. Афганцы ускорили шаг, перестали отвлекаться на уничтожение всего живого на своем пути и завывали как волки.

Гордон приказал своим воинам лечь за камни и подозвал к себе тех, у кого имелись фитильные ружья. Таких оказалось около тридцати.

— Не обращайтесь внимания на афганцев, — наставлял их американец. — Стреляйте в людей с винтовками. Тщательно целитесь и ждите моего приказа, затем стреляйте все одновременно.

Орда, одетая в лохмотья, растягивалась по мере приближения. За полуразрушенной стеной их молча ждали суровые воины, готовые стоять не на жизнь, а на смерть. Аталусцы дрожали от нетерпения, но Гордон пока не давал сигнала. В середине приближающейся людской массы он увидел высокую худощавую фигуру Хуньяди и турок в тюрбанах. Противники невозмутимо шли вперед, уверенные, что у аталусцев нет современного оружия и что Гордон потерял свое: они видели, как тот спускался по отвесной каменной стене без винтовки. Гордон ругал последними словами Абдуллу, из-за предательства которого он лишился и пистолета.

Когда афганцы находились еще вне досягаемости фитильных ружей, Хуньяди выстрелил — и воин, стоявший рядом с Гордоном, рухнул на землю: пуля пробила ему голову. По линии защитников пробежали возгласы ярости и нетерпения, но Гордон успокоил их, приказав пониже пригнуться за камнями. Хуньяди выстрелил снова, его примеру последовали турки, но пули отскочили от камней. Афганцы приближались, подвывая от жажды крови и нетерпения. Они быстро превращались в неуправляемую толпу.

Гордон выжидал, чтобы заманить Хуньяди поближе, но внезапно с сотрясающим землю криком афганцы понеслись вперед мимо венгра. Их ножи блестели, как блики солнца на воде. Хуньяди громко заорал, не в состоянии больше видеть и целиться в своих врагов из-за спин союзников. Несмотря на его крики и приказы остановиться, они продолжали нестись вперед.

Прячущийся за камнями Гордон с ненавистью смотрел на бегущих к нему врагов, пока не увидел их глаза, горящие фанатичным огнем.

— Пли! — приказал американец.

Громоподобный звук тридцати выстрелов сотряс долину. Фитильные ружья на таком расстоянии били уже смертельно. Волна свинца накрыла надвигающихся врагов, и афганцы попадали на землю. Забыв про

осторожность, аталусцы перескочили через стену и бросились на шатающихся врагов, еще не оправившихся от выстрелов. Ругаясь, как только что ругался Хуньяди, Гордон выхватил из ножен кривой меч и последовал за ними.

Теперь не оставалось времени для приказов. Аталусцы сражались с афганцами, как бились люди тысячелет назад, в беспорядке, без какого-либо плана. Они напрягали все силы, кричали, изрыгали проклятия. Это была толпа, среди которой то и дело, подобно молниям, сверкали клинки. Афганские ножи длиной в ярд скрещивались с кривыми мечами аталусцев. Когда ножи или мечи рассекали плоть и кость, звуки напоминали те, что доносятся из сараев забойщиков скота. Умиравшие тянули за собой живых, воины падали, спотыкаясь о трупы. Стороны сражались без передышки, не прося пощады и не рассчитывая на нее. Тысячелетия вражды и ненависти вылились в бойню.

За все время схватки не прозвучало ни выстрела, но вскоре Гордон заметил, что толпу пытается обойти Хуньяди со своими турками, стреляя с поразительной точностью в спины аталусцев. В рукопашной схватке крепкие аталусцы были достойными соперниками волевым афганцам и по численности немного превосходили нападавших, но они утратили преимущество изначальной позиции. А теперь еще винтовки венгра и его ближайших приспешников вносили разлад в их и без того расстроенные ряды. Двое турок вышли из игры: в одного попал кусок свинца во время залпа из фитильных ружей, а второму вспорол живот умирающий аталусец.

Гордон пробирался сквозь массу сражающихся, уворачиваясь от клинков, пока не столкнулся лицом к лицу с одним из оставшихся в живых турок. Противник наставил на него дуло винтовки, нажал спусковой крючок, но обойма оказалась уже пустой, а в следующую секунду кривой меч Гордона проткнул соперника насквозь и вышел на целый фут из спины. Не успел

американец извлечь клинок из тела противника, как последний турок выстрелил в него из пистолета, промахнулся и в негодовании отбросил пистолет в сторону. Турок бросился вперед, размахивая саблей, надеясь снести Гордону голову. Аль-Борак парировал удар зазвеневшим клинком, потом его кривой меч рассек воздух, подобно голубому лучу, и прошел сквозь череп турка до подбородка.

Наконец он увидел Хуньяди. Венгр искал что-то на поясе — Гордон понял, что у противника кончились патроны.

— Мы уже много раз стреляли друг в друга, Густав! — крикнул Гордон. — И мы оба до сих пор живы. Иди сюда, давай сразимся холодными клинками!

С диким смехом венгр вырвал из-за пояса стальной клинок, ярко сверкнувший в лучах утреннего солнца. Густав Хуньяди был высоким мужчиной, происходившим из благородной семьи мадяров, гибким и вертким, как пума, с бегающими глазами и жестко очерченным ртом.

— Я ставлю свою жизнь против небольшого пакета документов, Аль-Борак! — засмеялся венгр, когда их клинки встретились.

Сражение, минуту назад бушевавшее вокруг, прекратилось, наступила тишина. Воины отступили назад, их груди вздымались, с мечей капала кровь. Они наблюдали за своими предводителями, решившими помериться силами.

Кривые мечи сверкали на солнце, встречались, отлетали в стороны, терлись друг о друга, подобно живым существам.

К счастью для Аль-Борака, его запястье было прочнее стали, взгляд острее и увереннее, чем у сокола, мозг работал в унисон с мышцами, и весь он являл собой грозное оружие, словно отточенный клинок. Хуньяди включил в свою игру все мастерство людей, сражающихся мечами, все навыки, которым обучают наставники в Европе и Азии, и всю хитрость дикаря,

которую он усвоил в смертельных схватках на окраинах земли.

Венгр был выше Гордона, а его рука длиннее. Снова и снова его меч почти касался горла американца, один раз даже скользнул по его руке, и на ней тут же появилась алая струйка. Тишину нарушали только топот их ног, свист клинков, рассекающих воздух, и тяжелое дыхание двух мужчин. Гордону было труднее: сказывалась недавняя схватка с Птолемеем. У него уже дрожали ноги, в глазах темнело. Словно сквозь туман он увидел победную улыбку, появившуюся на тонких губах Хуньяди.

Собрав последние силы, Гордон предпринял решительный выпад, на который его толкнуло отчаяние, — словно умирающий волк неожиданно пришел в ярость. Как молния, мелькнул стальной клинок — и Хуньяди оказался на земле, пронзенный узким кривым мечом Гордона.

Венгр поднял горящие глаза на победителя, и его губы исказила жуткая улыбка.

— Слава повелительнице истинных авантюристов! — прошептал он, захлебываясь собственной кровью. — Слава госпоже Смерти!

Его голова упала на землю, и Хуньяди затих, поперхнувшись бледное лицо к небу; из его рта струилась кровь.

Афганцы стали потихоньку отступать, их дух был сломлен. Они напоминали стаю волков, потерявшую своего вожака. Словно очнувшись от сна, аталусцы с победным криком ринулись за ними. Неудачливые завоеватели нестройными рядами бросились наутек, а разъяренные аталусцы преследовали их, рассекая клинками им спины, прогоняя из своей долины.

Гордон смутно видел, что рядом с ним остался Бардилис, заляпанный кровью, но возбужденный и радостный. Юноша поддерживал старшего товарища, который, казалось, в любую минуту может рухнуть без сознания. Американец стер со лба пот, смешавшийся

с кровью, а потом дотронулся до пакета у себя на теле. Из-за этого пакета уже погибло много людей, и еще многие погибли бы, включая беззащитных женщин и детей, если бы тот не был спасен.

Бардилис что-то прошептал, предупреждая Гордона. Американец поднял голову и увидел царя Аталуса, неторопливо идущего к ним от города. От ударов железных кулаков Гордона у Птолемея опухло лицо и заплаыл глаз. Царь перешагивал через трупы, устилающие долину, и наконец остановился, подойдя к Гордону и его молодому другу.

Бардилис схватился за окровавленный меч, но Птолемей, заметив этот жест, улыбнулся разбитыми губами. Он держал что-то за спиной.

— Я пришел с миром, Аль-Борак, — спокойно сказал он. — Человек, способный сражаться так, как сражался ты, — не колдун, не вор и не убийца. А я не глупец, чтобы ненавидеть того, кто победил меня в честной схватке и спас мое царство, пока я лежал без чувств. Ты пожмешь мою руку?

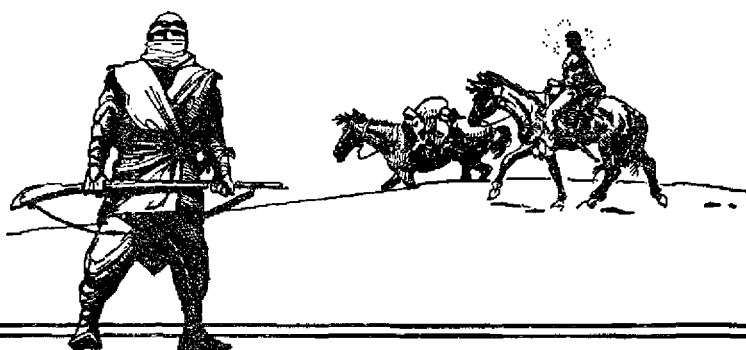
Гордон пожал протянутую руку, испытывая самые лучшие чувства к этому великану, которого он с радостью назвал другом. Ведь его единственным недостатком было тщеславие.

— Я пришел в себя слишком поздно, чтобы участвовать в битве, — продолжал Птолемей. — Я видел только ее конец. Но если я не успел вовремя на поле брани, чтобы бить мусульманских шакалов, то, по крайней мере, избавил нашу долину от одной крысы, прятавшейся во дворце.

С такими словами он бросил что-то к ногам Гордона. Это оказалась отсеченная голова Абдуллы. Его черты навсегда застыли от ужаса, а невидящие глаза смотрели на американца.

— Ты останешься жить в Аталусе и станешь моим братом, как и братом Бардилиса? — спросил Птолемей, глядя вдаль, на проход, через который воины гнали афганцев.

— Благодарю тебя, царь, — ответил Гордон, — но я должен вернуться к своему народу, а впереди меня ждет еще долгий путь. После того как я отдохну несколько дней, я должен буду вас покинуть. Единственное, чего я прошу от граждан Аталуса, — это немного еды в дорогу. Твои люди такие же сильные и отважные, как их древние предки.

СЫН БЕЛОГО ВОЛКА

1

Командир турецкого аванпоста в Аль-Ашрафе был разбужен на рассвете стуком лошадиных копыт и звоном оружия. Он сел в постели и позвал ординарца, но тот не явился. Поспешно натянув на себя одежду, он вышел из грязной хижины, служившей ему штаб-квартирой.

Командир остановился в изумлении, увидев, что его отряд, верхом и в полном вооружении, выстроился недалеко от железной дороги, той самой, которую ему приказано было охранять. Равнина, где раньше располагался лагерь, опустела. Тягловые верблюды, навьюченные палатками и другим скарбом, стояли за отрядом, готовые тронуться в путь. Комендант удивленно смотрел на все это, не веря своим глазам, пока его взгляд не остановился на флаге в руках одного из солдат.

На развевающемся полотнище не было знакомого полумесяца. Побледнев, комендант повернулся в сторону подходившего к нему лейтенанта Османа и крикнул:

— Что это значит?

Офицер, высокий, крепкий как сталь и гибкий, со смутным лицом и пронзительным взглядом, подошел к нему совсем близко и тихо сказал:

— Мятаж, эфенди. Мы устали воевать для Германии. Мы устали от Джемаль-паши и других дураков из «Единения и прогресса»¹. И от вас, в частности. Мы уходим в горы, чтобы создать там свое племя.

— Безумие! — воскликнул комендант, хватаясь за револьвер, но не успел даже поднять руку. Осман выстрелил ему в голову.

Убрав револьвер в кобуру, лейтенант повернулся к отряду. Солдаты преданно смотрели на человека, добившегося своей цели прямо под самым носом у командира, который лежал теперь перед ними с разmozженной головой.

— Слушайте! — приказал Осман.

В наступившей тишине все услышали глухой отзвук канонады, доносившейся с запада.

— Британские орудия! — воскликнул Осман. — Они разнесут империю на куски! Младотурки² проиграли. Азии нужна не новая партия, а новая раса! Тысячи воинов от сирийского побережья до персидских гор готовы пойти за новым словом, за новым пророком! Восток спит. Наш долг — его пробудить! Вы все поклялись следовать за мной в горы. Давайте же пойдем по стопам наших языческих предков, которые поклялись Белому Волку до того, как приняли веру Магомета! Близится конец исламской эпохи. Мы отречемся от веры в Аллаха как от суеверия, выдуманного припадочным погонщиком верблюдов из Мекки. Наш

¹ «Единение и прогресс» — турецкая буржуазно-помещичья националистическая партия. С 1913 г. — правящая. Во главе правительства стояли члены партии: Джемаль Паша, Энвер Паша и Талаат Паша.

² Младотурки — европейское название членов партии «Единение и прогресс». Они проводили захватническую пантюркистскую политику, втянули Турцию в Первую мировую войну на стороне австро-германского блока.

народ слишком долго подражал арабам. Но мы турки! Мы сожжем Коран и не будем слепо верить их лживому пророку. Мы не в Мекку пойдем, а в горы, укрепимся там на удобной позиции и захватим арабских женщин себе в жены.

— Но наши сыновья будут наполовину арабами, — запротестовал кто-то.

— Мужчина — сын своего отца, — возразил Осман. — Мы захватывали в свои гаремы женщин со всего мира, но наши сыновья всегда были турками.

Вперед! Под нами кони, в руках у нас оружие. Если мы промедлим, нас уничтожат: англичане наступают от побережья, а с юга арабы во главе с Лоуренсом¹.

Вперед, на Аль-Авад! Меч для мужчин, плен для женщин!

Когда Осман отдавал приказания, его голос звучал, как удары кнута. Отряд в полном строевом порядке двинулся к гряде зубчатых гор, видневшихся вдали. Позади слышался отдаленный грохот британской артиллерии. Над ними развевалось полотнище с головой Белого Волка посередине — боевое знамя древнего Турана.

2

Когда фройлейн Ольга фон Брукман, немецкий секретный агент, приехала в маленькое арабское горное селение, моросил мелкий дождь и сгущались сумерки.

Вместе со своим проводником, арабом по имени Ахмед, она ехала по грязной улице, и местные жители с порогов своих хижин со страхом разглядывали всадников. Многие из них впервые в жизни видели белую женщину.

¹ Т. Э. Лоуренс (Аравийский) — английский разведчик. В 1912—1918 гг. вел разведывательную работу в Сирии, Палестине, Египте и Аравии. Известен своей закулисной дипломатической деятельностью в странах Ближнего и Среднего Востока.

Ахмед сказал несколько слов шейху, и тот поприветствовал женщину на своем языке. Он предоставил ей лучший дом в деревне. Лошадей увели, чтобы покормить. Ахмед шепнул своей спутнице:

— Аль-Авад на стороне турков. Не бойтесь, что бы ни случилось, я буду рядом.

— Постарайтесь достать свежих лошадей, — попросила она. — Я должна выехать как можно быстрее.

— Шейх клянется, что у него нет хороших лошадей. Возможно, он лжет, но наши успеют отдохнуть до следующего утра. Даже со свежими лошадьми не имеет смысла продолжать путь ночью. Мы поедем через горы, а там можно столкнуться с бедуинами Лоуренса.

Ольга везла важные секретные документы из Багдада в Дамаск. Ахмед знал о ее миссии, но она на опыте убедилась, что ему можно доверять. Утомленная долгой дорогой, девушка сняла мокрый плащ и сапоги для верховой езды и вытянулась на грязных одеялах, которые служили постелью. Она была первой белой женщиной, пытавшейся проехать из Багдада в Дамаск.

Только протекция, оказанная доверенному секретному агенту турецким правительством, а также ловкость и усердие проводника помогли ей проделать большую часть пути без приключений.

Засыная, Ольга думала о долгих утомительных милях, которые ей предстоит проехать, об еще больших опасностях, которые ждут впереди: она достигла мест, где арабы воевали против своих завоевателей.

Турки еще удерживали страну, но этим летом арабы стали устраивать молниеносные набеги, взрывая поезда, перекрывая пути сообщения и убивая солдат на отдаленных постах.

Лоуренс вел племена на север, и с ним был таинственный американец Аль-Борак — тот, чьим именем пугали детей.

Она вдруг проснулась и села в страхе и замешательстве, не зная, как долго спала. Дождь все еще стучал по крыше, но с его стуком слышались крики боли

и ужаса, вопли женщин и отрывистый треск винтовочных выстрелов. Вскочив, Ольга зажгла свечу.

Только она успела натянуть сапоги, как дверь резко распахнулась. Ахмед, шатаясь, вбежал в дом. Смуглое лицо его было мертвенно-бледным, между пальцами, прижатыми к груди, струилась кровь.

— На деревню напали! — крикнул он задыхаясь. — Люди в турецкой форме! Это какая-то ошибка! Они должны знать, что Аль-Авад на их стороне! Я пытался сказать офицеру, что мы друзья, но он начал в меня стрелять. Нам нужно как можно быстрее уходить отсюда!

Позади него раздался выстрел, и вспышка огня прорезала темноту. Ахмед застонал и упал. Ольга в ужасе вскрикнула и с удивлением посмотрела на стоявшего перед ней человека. Высокий офицер в турецкой форме преградил ей путь. Он отличался самобытной хищной красотой и смотрел на нее так, что кровь прилила к ее щекам.

— Почему вы убили этого человека? — спросила она. — Он был верным слугой вашей страны.

— У меня нет страны, — ответил тот, шагнув к ней. Снаружи выстрелы затихли, но вопли женщин стали громче и жалобнее. — Я собираюсь создать свою, как мой предок Осман.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — сказала Ольга, — но если вы не дадите мне сопровождающих, которые проведут меня до ближайшего поста, я доложу вашему начальству и...

Он захохотал.

— У меня нет начальства, глупая женщина! Говорят вам, я создатель империи. В моем распоряжении сотня вооруженных человек, и вместе с ними в этих горах я положу начало новой расе! — выпалил он, сверкая глазами.

— Вы сошли с ума! — воскликнула она.

— Сошел с ума? Это вы сошли с ума, потому что не понимаете, какие у меня возможности! Эта война

обескровит Европу. К тому времени, когда она закончится, все нации обессилят. И тогда настанет очередь Азии!

Если Лоуренс заставил арабов воевать на себя, то почему бы мне, турку, не создать государство из своих людей?

Тысячи турецких солдат дезертировали к англичанам. Еще больше перейдет ко мне, когда услышат, что турок воссоздает империю древнего Турана.

— Делайте что хотите, — сказала Ольга, решив, что он обезумел и потерял чувство реальности; такое часто случается во время войны, когда кажется, что мир рушится, и любая дикая идея выглядит легко выполнимой, — но, по крайней мере, не мешайте моей миссии. Если вы не дадите эскорт, мне придется ехать одной.

— Вы поедете со мной, — заявил он, глядя на нее с пылким восхищением.

Ольга была очень красива — высокая, хрупкая, гибкая, с копной непокорных золотистых волос. Она выглядела так женственно, что даже широкая арабская одежда не могла этого скрыть.

— Вы слышите эти крики? Мои люди запасаются женами, которые нарожают солдат для новой империи. Вам оказана особая честь быть первой в серале султана Османа!

До этого она полностью полагалась на Ахмеда, который взялся провести ее в целости и сохранности через пустыню, но теперь решительно выхватила пистолет из-под блузы.

— Вы не посмеете!

Прежде чем она успела прицелиться, турок вырвал оружие у нее из рук.

— Не посмею? — Он засмеялся над ее тщетными попытками освободиться. — Что я не посмею? Говорю вам, сегодня рождается новая империя! Идемте! У меня нет времени на уговоры. Утром мы должны быть на пути к Сулейманову укреплению. Восходит звезда Белого Волка!

Солнце совсем недавно поднялось над зубчатыми скалами на востоке, а жара уже окрасила безоблачное небо в цвет раскаленной стали. По туманной дороге, рассекавшей необъятную пустынную равнину, двигалась одинокая фигура. В жарком мареве она постепенно приняла очертания всадника на верблюде.

Это был не араб. Одежда цвета хаки, сапоги, а также винтовка, болтающаяся у колена, указывали на то, что этот человек прибыл с Запада. Однако смуглое лицо и черные глаза делали его похожим на жителя Востока. В это жаркое утро по пустынной дороге ехал Фрэнсис Хавьер Гордон Аль-Борак, которого люди в разных странах от Золотого Рога до истоков Ганга любили, боялись или ненавидели в зависимости от своих политических пристрастий.

Он провел в седле почти всю ночь, но его тело, закаленное во многих скитаниях по свету, не ощущало усталости. Проехав еще милю, Гордон увидел неясные следы, тянувшиеся от горной гряды на восток.

Кто-то шел по этой дороге... вернее, полз, потому что на горячих камнях оставались темные смазанные пятна. Через некоторое время Гордон соскочил с верблюда и склонился над человеком, который, тяжело дыша, лежал на земле. Это был молодой араб. Аба на его груди пропиталась кровью.

— Юсуф!

Гордон распахнул мокрый плащ, взглянул на голую грудь и снова прикрыл ее. Кровь струилась из голубоватой пулевой раны. Здесь он уже ничем не мог помочь. Глаза араба начали стекленеть. Американец оглядел дорогу, но нигде не увидел ни лошади, ни верблюда — только темные пятна на камнях.

— Господи, дружище, и долго ты так полз?

— Час... много часов... я не знаю, — выдохнул Юсуф. — Я потерял сознание и упал с седла. Очнулся уже на дороге, а лошади не было. Но я знал, что вы

приедете с юга, поэтому полз... полз. Аллах, какие твердые эти камни!

Гордон поднес флягу к его губам. Юсуф припал к ней и стал шумно пить, потом вцепился в его рукав негнушимися пальцами.

— Аль-Борак, я умираю, но это не так важно. Дело касается мести... не за меня, йя сиди¹, а за невинных. Я приехал на побывку в свою деревню Аль-Авад. Вы знаете — я единственный из Аль-Авада воюю за арабов. Все остальные на стороне турок. Но этой ночью турки сожгли мою деревню! Они пришли вечером, люди приветствовали их... в это время я прятался в сарае.

Турки стали стрелять без предупреждения. Люди в Аль-Аваде были безоружны и беспомощны. Я убил одного солдата, потом они подстрелили меня... Мне удалось оттуда сбежать — я нашел свою лошадь и укакал, чтобы рассказать об этом прежде, чем умру. О Аллах, этой ночью я узнал, что такое смерть!

— Ты знаешь их офицера? — спросил Гордон.

— Я его никогда раньше не видел. Турки называли своего вождя Осман-паша. На их флаге изображена голова белого волка. Я видел его в свете горящих домов. Жители деревни напрасно кричали, что они друзья... Там еще были женщина-немка и мужчина из Хаурана. Они приехали в Аль-Авад с востока. Мне кажется, они шпионы. Турки его убили, а женщину взяли в плен. Повсюду лилась кровь. Это было какое-то безумие.

— Действительно, безумие, — пробормотал Гордон.

Юсуф приподнялся на локте, вцепился в него и прошептал с отчаянной надеждой в слабеющем голосе:

— Аль-Борак, я хорошо воевал за эмира Фейсала, и за Лоуренса-эфенди, и за вас. Я сражался в Янбо

¹ Йя сиди — мой господин (арабск.).

и Веджхе, и у Акабы. И никогда не просил награды! А теперь прошу только справедливости и мести! Выполните мою просьбу, убейте турецких собак... которые вырезали мой народ!

— Они умрут, — ответил Гордон, не колеблясь.

Юсуф сурово улыбнулся, простонал: «Аллах акбар!»¹ — и умер.

Через час Гордон отправился на восток. Стервятники, страшные предвестники смерти, показались в небе и стали кружить над грудой камней, которую он сложил над умершим Юсуфом.

Дела на севере могли подождать. Одной из причин влияния Гордона на жителей Востока было его сходство с ними в некоторых чертах характера. Он не только понял просьбу Юсуфа, но считал, что месть необходима. И он всегда держал свое слово.

Однако Гордон был удивлен. Разгром дружественной деревни не такое уж обычное дело даже для турок, которые, конечно, не стали бы плохо обращаться со своими собственными шпионами. Если это дезертиры, то они действуют более чем странно, ведь большинство из них переходило к Фейсалу. И что означает голова волка?

Гордон знал, что некоторые фанатики из младотурков пытались вытравить все арабское из тюркской культуры, но это оказалось для них непосильной задачей. Еще он слышал, что в Стамбуле радикалы призывали турок отречься от ислама и вернуться к язычеству своих предков. Но он не верил этим рассказам.

Солнце опускалось к горам, когда Гордон приехал в разрушенный Аль-Авад — селение, окруженное со всех сторон голыми холмами. Он определил его местонахождение по черным точкам, падающим с неба вниз. Они не поднимались снова, и этот зловещий признак означал, что деревня пуста, если не считать мертвых.

¹ Аллах акбар! — Аллах велик! (арабск.).

Когда он проезжал по пыльной улице, несколько стервятников тяжело поднялись в воздух. Горячее солнце высушило темные, свернувшиеся в пыли лужи крови.

Гордон был хорошо знаком с повадками турок, поскольку видел много подобных сцен в сражениях от Средиземного моря до Джидды. Но сейчас даже его затошнило. Тела лежали на улице — обезглавленные, выпотрошенные, разрубленные на куски... тела детей, старых женщин и мужчин. Красный туман поплыл у него перед глазами, и на мгновение ему показалось, что все вокруг плавает в крови. Убийцы ушли, но оставили за собой отчетливые следы, по которым он сможет их найти.

Он догадался и о том, чего не показали следы: турки погрузили пленных женщин на верблюдов и ушли на восток, глубже в горы. Почему они отправились именно туда, он не мог понять, но знал, куда ведет эта дорога, — мимо источника Ахмета к заброшенному Сулейманову укреплению.

Гордон без колебания двинулся в том же направлении. Проехав много миль, он снова обнаружил следы их работы — тело младенца с разбитой головой. Вероятно, похищенная женщина прятала ребенка под покрывалом, пока его не вырвали у нее из рук и не ударили головой о камни.

Местность становилась все пустыннее. Гордон не стал останавливаться на привал, а только на ходу пожевал сушеные финики. Он не тратил время и на обдумывание своего безрассудного поступка — в одиночку преследовать по кровавому следу отряд турок.

Он не имел определенного плана; его последующие действия будут зависеть от того, как сложатся обстоятельства. Но Гордон понимал, что ступил на смертельно опасный путь и обратной дороги нет. Впрочем, он был не безрассуднее своего деда, который несколько дней в одиночку преследовал отряд апачей через Гваделупу и вернулся в Пекос с висящими на поясе скальпами.

Солнце село и сгустились сумерки, когда Гордон взойшел на вершину холма и взглянул на равнину — там находился источник Ахмета в окружении нескольких пальм. Справа от рощицы тянулись ряды палаток, коновязи лошадей и верблюдов, принадлежавших, по видимому, хорошо организованному отряду. Слева стояла хижина, в которой обычно отдыхали путники. Перед ее дверью топтался часовой. Из одной палатки вышел человек с блюдом в руках и, подойдя к хижине, отдал блюдо часовому.

Гордон догадался, что в хижине находится девушка-немка, о которой говорил Юсуф. Но зачем они схватили своего собственного шпиона? Вот одна из загадок этого странного происшествия! Он увидел и флаг отряда и смог различить белое пятно, которое, вероятно, было головой волка, а также заметил около сорока арабских женщин в загоне, огороженном тюками и седлами. Они молча сидели на земле, сложенные постигшим их несчастьем.

Спрятав своего верблюда за холмом у западного склона, Гордон затаился в кустах, дожидаясь темноты. Как только стемнело, он осторожно спустился вниз и сделал большой крюк, миновав конный патруль, который медленно объезжал лагерь. Он лежал ничком, пока не проехали солдаты, потом встал и прокрался к хижине. В темноте под пальмами сверкнул огонь. Оттуда слышались крики пленных женщин.

Часовой у двери не видел человека, подкравшегося как кошка и темной тенью метнувшегося к задней стене. Подобравшись поближе, Гордон услышал голоса. Говорили по-турецки. В задней стене хижины находилось окно с зарешеченной деревянной рамой.

Посмотрев между планками решетки, Гордон увидел хрупкую девушку в дорожном костюме, стоявшую перед смуглолицым человеком в турецкой форме без знаков отличия. Турок играл рукоятью кнута; его черные глаза сверкали в свете свечи, стоявшей на походном столе.

— Интересуют ли меня сведения, которые вы везете из Багдада? — пренебрежительно спросил он. — Ни Турция, ни Германия не имеют для меня никакого значения. Но, кажется, вы забыли подумать о своем собственном положении. Вы под моим командованием и обязаны мне подчиняться. Вы моя пленница, моя рабыня! У вас было время понять, что это означает. А самый лучший учитель, я знаю, — это кнут!

Он злобно прошипел последнее слово. Девушка побледнела.

— Вы не посмеете подвергнуть меня такому унижению! — слабо прошептала она.

Гордон уже понял, что перед ним Осман-паша. Он вытащил револьвер из кобуры, висевшей под мышкой, и через щель в решетке прицелился ему в грудь. Но как только палец лег на курок, он передумал стрелять. У двери стоял часовой. И еще сотня вооруженных человек прибежит на звук выстрела. Он ухватился за решетку окна и уперся ногами в землю.

— Я должен развеять ваши иллюзии, — пробормотал Осман, двинувшись к девушке, которая отступала до тех пор, пока не уперлась спиной в стену.

Ее лицо еще больше побелело. Часто рискуя, она имела дело со многими опасными людьми, и ее не так легко было запугать. Но ей никогда не приходилось встречать такого человека, как Осман. Лицо его казалось устрашающей маской жестокости. В свирепом взгляде сквозило злорадство над мучениями более слабого человека.

Он схватил ее за волосы и притянул к себе, засмеявшись, когда она вскрикнула от боли. В тот же момент Гордон сорвал решетку с окна. Громкий звук треснувшего дерева прозвучал, как выстрел. Когда Гордон впрыгнул в окно, Осман обернулся, выхватывая револьвер.

Но американец, подняв свое оружие, уже контролировал малейшее движение Османа. Турок замер, затем дуло его револьвера дрогнуло и нацелилось в

крышу. Из-за двери послышался голос часового, встревоженного шумом.

— Ответь ему, — тихо прошипел Гордон, сдерживая дыхание. — Скажи, что все в порядке, и брось оружие.

Когда револьвер упал на пол, девушка схватила его.

— Идите сюда, фройлейн!

Она стремительно перебежала к Гордону, но на мгновение оказалась на линии огня. В тот неуловимый миг, когда ее тело закрыло Османа, тот опрокинул стол. Свеча упала и погасла, а он стремительно бросился на пол. Револьвер Гордона грохнул, как только хижина погрузилась в темноту. В следующее мгновение дверь распахнулась, и в ее проеме показался часовой. Он тут же согнулся пополам, когда Гордон выстрелил снова.

Протянув руку, Гордон нашел в темноте девушку и подтолкнул ее к окну. Он поднял ее легко, как ребенка, помог перелезть, а потом сам последовал за ней. Осман где-то притаился, но у Гордона не было времени зажигать спичку и проверять, жив он или нет.

К тому времени, когда они достигли гребня горы, девушка совсем выбилась из сил. Только благодаря Гордону, который тащил ее за собой, обхватив за талию, она смогла преодолеть последние несколько ярдов по крутому склону. Внизу под ними металась и кричали люди. Осман выкрикивал приказания вперемежку с ругательствами. Его голос отчетливо был слышен с вершины холма.

— Берите их живьем! Прочешите все вокруг! Это Аль-Борак!

Немного позже он завопил с паническим страхом в голосе:

— Стойте! Вернитесь! Займите оборону и готовьтесь к атаке. С ним может быть отряд арабов!

— Он думает сначала о собственных желаниях и только потом о безопасности своих людей, — процедил сквозь зубы Гордон. — Вряд ли он добьется успеха. Пойдемте.

Подведя девушку к верблюду, он помог ей сесть в седло, затем поднялся сам. Команда, удар палки, и животное легко пошло вниз по склону.

— Я знаю, что Осман захватил вас в Аль-Аваде, — сказал Гордон. — Что он затеял?

— Он служил лейтенантом в Аль-Ашрафе, — ответила она. — Склонил подчиненных к мятежу, убил своего командира и дезертировал. Ближайшая его цель — занять Сулейманово укрепление. Он собирается создать новую империю. Я сначала думала, что он сумасшедший, но это не так. Он дьявол.

— Сулейманово укрепление. — Гордон стиснул зубы.

— А в ваши планы входит ночной рейд? — спросил он немного погодя.

— Куда угодно! Лишь бы подальше от Османа! — В ее голосе слышались истерические нотки.

— Не думаю, что наше бегство изменит его планы. Возможно, он всю ночь будет ждать нападения, но утром поймет, что я был один, и отправится к укреплению. Мне известно, что там находятся арабские войска и ждут приказа от Лоуренса, чтобы двинуться на Эгейли. Три сотни всадников на верблюдах из племени джухайна, присягнувшие Фейсалу. У них достаточно сил, чтобы уничтожить банду Османа. Посланник Лоуренса доберется до них не раньше заката и не позже полуночи. Если успеем, мы повернем их против Османа и уничтожим вместе с его бандой. Планы Лоуренса не нарушатся, если джухайна отправятся в Эгейли на день позже. Османа необходимо уничтожить. Это бешеный пес, вырвавшийся на волю.

— Его притязания звучат как бред, — прошептала она, — но, когда он говорит о них, воодушевленно сверкая глазами, легко поверить, что он может добиться успеха.

— Вы забыли, что в пустыне происходили еще более безумные вещи, — ответил он, поворачивая вер-

блюда на восток. — Здесь все перевернулось так же, как и в Европе. Не говоря уж о том, что может натворить Осман, если дать ему свободу действий. Империя турок распалась, а на руинах старых обычно возникают новые империи.

Но если мы сможем добраться до Сулейманова укрепления, прежде чем уйдут джухайна, мы его остановим. Если же их там не будет, мы окажемся в сложном положении. Это очень рискованное дело. Что вы решили?

— Я буду участвовать в этой игре до конца, — резко ответила она.

Его лицо неясно вырисовывалось в свете звезд, и она не столько увидела, сколько почувствовала, как он одобрительно улыбнулся. Верблюд шел беззвучным шагом. Они спустились по склону и на большом расстоянии обогнули турецкий лагерь. Как призраки, они скользили на верблюде по темной равнине под звездами. Волосы девушки развевались по ветру. Когда огни лагеря остались далеко позади, она сказала:

— Я вас знаю. Вы американец, которого арабы называют Аль-Борак — Стремительный. Вы прибыли из Афганистана, когда началась война, и были с королем Хусейном¹ до того, как Лоуренс приехал из Египта. А вы знаете, кто я?

— Да.

— В таком случае скажите — вы меня освободили или захватили? Я пленница?

— На какое-то время у нас общий враг, — сказал он. — Нет причин, мешающих нам участвовать в одном деле, не так ли?

— Ни одной! — согласилась она и, склонив белокурую голову ему на плечо, крепко заснула.

Взошла луна, заливая крутые склоны и песчаную равнину серебристым светом. Огромная пустыня,

¹ Хусейн ибн Али — правитель Хиджаза, поднявший восстание против Турции в 1916 году.

казалось, насмеялась над двумя всадниками на усталом верблюде, которые слепо двигались навстречу Судьбе.

4

Ольга проснулась на рассвете. Она окоченела от холода, несмотря на плащ, которым Гордон ее закутал, и очень хотела есть. Они ехали через сухое ущелье с каменистыми склонами, круто поднимавшимися с обеих сторон. Усталый верблюд стал спотыкаться. Гордон остановил его, прыгнул на землю, не ставя его на колени, и повел на поводу.

— Мы уже совсем рядом. Укрепление где-то впереди, недалеко отсюда. Там много воды... и еды, если джухайна не выступили на север. Возьмите финики в мешке, перекусите.

Если он и чувствовал усталость, шагая рядом с верблюдом, то не показывал вида. Ольга потирала замерзшие руки и с нетерпением ждала восхода солнца.

— Источник Харит, — указал Гордон на показавшееся впереди сооружение. — Турки построили эту стену в прошлом году, когда занимали Сулейманово укрепление. Позже они оставили обе позиции.

Стена, выложенная из камней, скрепленных глиной, была в хорошем состоянии. Внутри ограды стояла полуразрушенная хижина. Тонкая струйка воды журчала на дне мелкого источника.

— Мне лучше слезть и тоже идти пешком, — сказала Ольга.

— Ваши сапоги изорвутся о камни. Уже недалеко, а потом верблюд отдохнет и получит все необходимое.

— А если джухайна там нет... — Она не закончила фразу.

Он пожал плечами

— Может быть, верблюд успеет отдохнуть к тому времени, когда подойдет отряд Османа.

— Я уверена, что он идет форсированным маршем. — В ее голосе не было отчаяния. Она просто констатировала факт. — У него хорошие лошади и верблюды. Они будут здесь еще до полуночи. К этому времени наш верблюд не отдохнет настолько, чтобы нести нас двоих. А идти пешком по пустыне невозможно.

Гордон засмеялся. Он прекрасно понимал их положение.

— Что ж, — сказал он спокойно, — будем надеяться, что джухайна не ушли.

Если племя ушло — они пойманы в ловушку враждебной безводной пустыни, оцетинившейся винтовками хищных племен.

Через три мили долина сузилась, и поверхность ее, испещренная высохшим кустарником и валунами, стала постепенно повышаться.

Гордон вдруг заметил тонкую ленту дыма, поднимавшуюся в небо.

— Смотрите! Джухайна здесь!

Ольга вздохнула с облегчением. Только теперь она осознала, как отчаянно надеялась на подобный знак. Ей захотелось погрозить кулаком окружавшему их каменному поясу гор, как живому врагу, обозленному на ускользнувшую от него добычу.

Пройдя еще милю, они достигли вершины холма и увидели большую ограду, окружавшую несколько колодцев. У костров, на которых готовилась пища, на корточках сидели арабы. Через несколько сотен ярдов путники приблизились настолько, что их заметили. Бедуины с громким криком вскочили и бросились им навстречу. Гордон выдохнул сквозь стиснутые зубы:

— Это не джухайна. Это руалла! Союзники турков.

Отступать было слишком поздно. Сто пятьдесят бедуинов приближались к ним, свирепо сверкая глазами и потрясая ружьями.

Гордон пустился на хитрость и спокойно направился им навстречу. По его виду можно было подумать, что он специально приехал сюда, чтобы встре-

титься с ними, и ждет дружеского приема. Ольга пыталась сохранять спокойствие, хотя сознавала, что их жизнь висит на волоске. Предполагалось, что эти люди — союзники, однако ее печальный опыт учил недоверять жителям Востока. Вид сотни оскаленных лиц вызывал страх.

Бедуины остановились в нерешительности, не зная, что предпринять, а потом один из них вскрикнул: — Аллах! Это же Аль-Борак!

Ольга затаила дыхание, увидев, как палец крикнувшего воина дрожит на спусковом крючке. Только свойственное их расе желание помучить свою жертву удерживало его от выстрела.

— Аль-Борак! — Крик волной всколыхнул толпу. Не обращая внимания на угрожающие вопли и нацеленные на него винтовки, Гордон заставил верблюда опуститься на колени и помог Ольге сойти на землю. Она старалась скрыть свой страх перед этими дикими людьми, столпившимися перед ними, но вся дрожала, видя, как их глаза горели жаждой крови.

Винтовка Гордона висела в чехле у седла, а револьвер был спрятан под рубашкой. Он не стал вынимать винтовку — это движение вызвало бы град пуль, — а просто помог девушке спуститься. Спокойно оглядев бедуинов, он выделил среди них высокого статного человека в одежде шейха, который стоял немного поодаль.

У тебя плохая охрана, Миткаль ибн Али, — сказал Гордон. — Если бы я захотел напасть, твои люди уже лежали бы мертвыми.

Прежде чем шейх успел ответить, человек, который первым узнал Гордона, яростно прорвался вперед. С искаженным от ненависти лицом он злобно сказал:

— Ты ожидал, что найдешь здесь своих друзей, Аль-Борак? Но ты пришел слишком поздно! Триста собак-джухайна отправились на север еще до рассвета. Мы видели, как они ушли, и сразу поднялись сюда. Если они знали о твоем прибытии, почему же не остались?

— Занги-хан, ты курдский пес. Я не собираюсь говорить с тобой, — ответил Гордон презрительно. — Но руалла — люди чести и бесстрашные воины.

Занги-хан оскалился, как волк, и вскинул винтовку, но вождь бедуинов схватил его за руку.

— Подожди, — сказал он. — Пусть Аль-Борак говорит. Он не бросает слов на ветер.

Возгласы одобрения послышались из толпы арабов. Гордон затронул их непомерную гордость и самолюбие. Это не спасло бы ему жизнь, но они хотели послушать его, прежде чем убить.

— Если вы будете его слушать, он обманет вас коварной речью, — неистово крикнул разозленный Занги-хан. — Убейте его сейчас, пока он не причинил вам вреда!

— Неужели Занги-хан стал шейхом руалла и отдает приказы вместо Миткаля? — с убийственной иронией спросил Гордон.

Миткаль, как Гордон и предполагал, сразу же отреагировал на его насмешку.

— Пусть Аль-Борак говорит! — твердо заявил он. — Я приказываю здесь, Занги-хан! Не забывай это.

— Я не забыл, йа сиди, — заверил его курд, но глаза его полыхнули ненавистью. — Я сказал это только ради твоей безопасности.

Миткаль ответил ему неторопливым изучающим взглядом, по которому Гордон понял, что между ними нет расположения. Молодые воины уважали Занги-хана за силу и храбрость. Миткаль был скорее лисой, чем волком, и боялся влияния курда на своих людей.

Авторитет Занги — агента турецкого правительства — равнялся бы власти Миткаля в отряде руалла, а возможно, и превосходил бы ее, если бы не то обстоятельство, что соплеменники Миткаля выполняли приказы только своего шейха. Это и подталкивало Занги-хана к использованию своих личных качеств для достижения власти. Власти, которую Миткаль боялся упустить.

— Говори, Аль-Борак, — приказал Миткаль. — Но говори быстро. Может быть, это желание всемогущего Аллаха — дать тебе еще пожить.

— Прошлой ночью сотня турецких дезертиров вырезала жителей Аль-Авада, — резко сказал Гордон.

— Валлах! Аль-Авад был на стороне турок! — раздались голоса среди бедуинов.

— Ложь! — крикнул Занги Хан. — А если и правда, это дезертиры-собаки убили людей, чтобы снискать милость Фейсала.

— Чтобы прийти к Фейсалу с руками в крови убитых детей? — резко возразил Гордон. — Они нарушили законы ислама — похитили молодых женщин, а мужчин, детей и стариков убили, как собак.

Ропот гнева поднялся среди арабов. У бедуинов был незыблемый кодекс войны — они не убивали женщин и детей. Этот неписанный закон пустыни возник еще в ту пору, когда Авраам жил в Халдее. Но Занги-хан не понимал бедуинов, потому что у его народа не было такого запрета. Курды на войне убивали женщин так же, как и мужчин.

— Что вам за дело до женщин Аль-Авада? — насмешливо выкрикнул он, не замечая возмущенных взглядов.

Мне уже ясно, что ты за человек, — сказал Гордон с ледяным презрением. — Я это говорю для руалла.

— Это хитрость! — взвыл курд. — Ложь, чтобы обвести вас вокруг пальца!

— Это не ложь! — Ольга смело шагнула вперед. — Занги-хан, ты знаешь, что я агент германского правительства. Аль-Борак сказал правду. Осман-паша, предводитель этих предателей, прошлой ночью сжег Аль-Авад. Он убил Ахмеда ибн Шалаана, моего проводника. Осман такой же враг для нас, как и для Британии.

Она посмотрела на Миткаля, ожидая помощи, но шейх не выразил желания вмешаться в спор и стоял в стороне, как актер, наблюдающий пьесу, в которой у него не было реплик.

— Ну и что, даже если это правда? — Занги-хан несколько смешался. Он по-прежнему был опьянен ненавистью и боялся хитрости Аль-Борака. — Какое нам дело до Аль-Авада?

Гордон тотчас ухватился за его слова.

— Этот курд спрашивает, какое вам дело до разоренной деревни! Ему, конечно, никакого! А вам, бросающим свои стада и семьи без охраны? Если вы позволите банде бешеных псов рыскать по своей земле, как вы можете быть уверены в безопасности ваших жен и детей?

— Что ты предлагаешь, Аль-Борак? — требовательно спросил седобородый бедуин.

— Заманить этих турок в ловушку и уничтожить. Я научу вас, как это сделать.

Занги-хан окончательно потерял голову.

— Не слушайте его! — пронзительно крикнул он. — Через час мы выступаем на север! Турки дадут нам десять тысяч фунтов за его голову!

Жадность лишь на мгновение загорелась в глазах бедуинов при мысли о награде, обещанной за голову Аль-Борака. Однако они не двинулись с места. Миткаль по-прежнему стоял в стороне, наблюдая за происходящим, как будто все это его не касалось.

— Возьмите его голову! — крикнул Занги, почувствовав наконец враждебность бедуинов. Его охватил панический страх. Ироничный смех Гордона окончательно выбил его из колеи.

— Ты, кажется, единственный хочешь моей головы, Занги. Попробуй взять ее!

Занги бессвязно завыл, его глаза налились кровью. Он вскинул винтовку к бедру. Как только дуло поднялось, оглушающе прогремел револьвер Гордона. Он выстрелил так быстро, что никто не смог уследить за его движением. Занги-хан пошатнулся под ударом горячего свинца, повалился набок и замер.

В тот же момент сотня винтовок нацелилась в грудь Гордону. Смущенные противоречивыми чувствами, воины замерли в нерешительности на корот-

кое мгновение, которым и воспользовался Миткаль, чтобы крикнуть:

— Стойте! Не стрелять!

Он шагнул вперед с видом человека, который наконец готов выйти на середину сцены. Однако шейх не смог скрыть удовлетворения, явственно сквозившего во взгляде его хитрых глаз.

— Здесь нет никого, кто в родстве с Занги-ханом, — небрежно произнес он, — поэтому нет причины для кровной мести. Курд был нашим гостем, но он напал на нашего пленника, которого считал безоружным.

Миткаль протянул руку к револьверу, однако Гордон не собирался его отдавать.

— Я не пленник, — сказал он. — Я мог тебя убить — твои люди даже пальцем не успели бы шевельнуть. Но я пришел сюда не сражаться с тобой, а просить помощи, чтобы отомстить моим врагам за детей и женщин. Я рискую своей жизнью ради ваших семей. А вы разве собаки, чтобы сидеть сложа руки?

Вопрос повис в воздухе без ответа, но он задел чувствительную струнку в груди кочевников, которые всегда готовы проявить отвагу, если дело касается их чести. Загоревшимися глазами они вопросительно смотрели на шейха.

Миткаль был хитрым политиком. Резня в Аль-Аваде значила для него намного меньше, чем для его молодых воинов. Он достаточно долго общался с так называемыми цивилизованными людьми и изменился к худшему, утратив свойственную бедуинам наивность. Но он всегда следовал за общественным мнением и был достаточно хитер, понимая, что необходимо возглавить движение, чтобы его контролировать. И все же он старался не ввязываться в рискованные предприятия.

— Эти турки могут оказаться сильнее нас, — возразил он.

— Я научу вас, как уничтожить их с минимальным риском, — ответил Гордон. — Но мы должны заключить соглашение, Миткаль.

— Этих турок необходимо уничтожить, — заявил Миткаль, — но между нами слишком много крови, Аль-Борак, чтобы подать друг другу руки.

Гордон засмеялся:

— Без моей помощи вы не одолеете турок, и ты это знаешь. Спроси своих молодых воинов, что они хотят!

— Позволь Аль-Бораку вести нас! — закричали молодые бедуины. По всей толпе пробежал шепот одобрения. Арабы отдавали должное репутации Гордона, слывшего среди племен хорошим стратегом.

— Ладно, — Миткаль решил плыть по течению, — давай заключим перемирие... но с условием! Веди нас против турок. Если мы победим, ты вместе с женщиной будешь свободен. Если мы проиграем, ты заплатишься головой!

Гордон кивнул, и воины закричали, ликуя. Такая сделка вполне их устраивала. Гордон понимал — это было лучшее, на что он мог рассчитывать.

— Принесите хлеб и соль! — приказал Миткаль. Огромный черный раб отправился выполнять его приказание. — Между нами будет перемирие, пока не выяснится, победили мы или нет. Ни один из нас не причинит тебе вреда, если ты не прольешь кровь руалла.

Затем он задумался. Его брови сошлись на переносице, когда он грозно произнес:

— Где человек, который должен был наблюдать с гряды?

Вперед вытолкнули дрожащего от страха юношу — выходца из маленького племени, которое подчинялось более могущественным руалла.

— О, шейх, — пробормотал он, запинаясь, — я хотел есть и отошел за огнем, чтобы приготовить еду...

— Собака! — Миткаль ударил его по лицу. — Ты достоин смерти за нарушение приказа.

— Подожди! — вступился Гордон. — А не спросить ли тебе волю Аллаха? Не оставь парень своего поста, он увидел бы, как мы едем по равнине. Твои люди

убили бы нас, и вы ничего не узнали бы о турках — о том, что они ваши враги. Вы могли бы погибнуть. Отпусти его и давай возблагодарим Аллаха Всевидящего.

Такое замысловатое рассуждение вполне соответствовало представлениям арабов. Даже на Миткаля оно произвело глубокое впечатление.

— Кто знает мысли Аллаха? — согласился он. — Живи, Муса, но в следующий раз, исполняя волю Аллаха, не теряй бдительности и помни приказы. А теперь, Аль-Борак, обсудим наши планы, пока готовится еда.

5

Полдень еще не наступил, когда Гордон остановил отряд руалла у источника Харит. Разведчики, посланные на запад, доложили, что турок не видно, и арабы приступили к выполнению плана, разработанного Гордоном и принятого Миткалем. Прежде всего они собрали камни и закидали ими источник.

— Вода осталась внизу, под камнями, — объяснил Гордон Ольге. — Чтобы очистить источник, потребуется несколько часов тяжелой работы. Турки не смогут это сделать под нашим огнем. Если мы их разобьем, то очистим источник все вместе, так что путники не останутся без воды.

— Почему бы нам самим не укрыться за бруствером? — спросила она.

— Мы можем попасть в ловушку, которую сами им готовим. У нас нет шансов на победу в открытом бою. Если мы не устроим засаду, они просто сомнут нас. Но когда человек оказывается под пулями, он стремится воспользоваться ближайшим укрытием. Таким образом я надеюсь заманить их за ограду. Затем мы задержим их и с легкостью перестреляем. Без воды они долго не протянут, а мы не потеряем и десятка человек.

— Странно, вы заботитесь о жизнях этих руалла, хотя они, как-никак, ваши враги, — засмеялась она.

— Может быть, это инстинкт. Любой привыкший к свинцу человек не захочет потерять людей, которым он может помочь. Ведь сейчас руалла — мои союзники, поэтому мой долг по мере возможности их защищать. Согласен, мне лучше воевать вместе с джухайна. Посланник Фейсала, должно быть, отправился в укрепление на несколько часов раньше, чем я предполагал.

— А если турки сдадутся, что тогда?

— Я постараюсь доставить их к Лоуренсу... всех, кроме Осман-паши. — Лицо Гордона потемнело. — Если этот человек попадется мне в руки, он будет повешен.

— Как вы доставите их к Лоуренсу? Руалла не позволят.

— Не имею представления. Но давайте сначала поймем зайца, а потом уже будем его жарить, Осман может от нас ускользнуть.

— Это будет стоить вам головы, — сказала она с содроганием.

— Ну а туркам это будет стоить десять тысяч фунтов, — засмеялся он и отправился к полуразрушенной хижине, чтобы ее осмотреть. Ольга последовала за ним.

Миткаль, руководивший засыпкой источника, коротко взглянул в их сторону, затем, отметив, сколько человек было между ними и воротами, снова стал наблюдать за работой.

— Тс-с-с, Аль-Борак! — раздался тревожный шепот, как только Гордон и Ольга повернулись к выходу из хижины. Они увидели растрепанную голову, поднимающуюся над грудой камней. Это был Муса, проникший в хижину, вероятно, через отверстие в задней стене.

— Понаблюдайте из двери и предупредите меня, если увидите, что кто-то сюда идет, — попросил Гордон Ольгу. — Этот парень хочет мне что-то сказать.

— Да, эфенди! — Юноша дрожал от волнения. — Я слышал, как шейх тайком говорил со своим черным рабом Хасаном. Когда вы ели, я увидел, что они отошли к пальмам, и пополз за ними. Я сразу заподозрил, что они что-то замышляют против вас... А вы спасли меня.

— Аль-Борак, слушайте! Миткаль задумал вас убить, независимо от того, победим мы или нет! Он обрадовался, что вы убили курда, и решил воспользоваться вашей помощью, чтобы разделаться с турками. Но он жаждет золота от других турок, которые обещали заплатить за вашу голову. Шейх все же боится открыто нарушить свое слово и закон гостеприимства. Если мы победим, Хасан убьет вас и скажет, что вы погибли от турецкой пули.

Юноша торопливо продолжил:

— Потом Миткаль скажет своим людям: «Аль-Борак был нашим гостем и пользовался нашим гостеприимством. Но сейчас он мертв, хотя и не по нашей вине, поэтому нет причин отказываться от награды. Давайте отрежем ему голову и доставим в Дамаск, ведь турки дадут нам за нее десять тысяч фунтов».

Гордон сурово улыбнулся, заметив страх в глазах Ольги. Он не удивился — это была типичная арабская логика.

— А Миткалю не пришло на ум, что Хасан может промахнуться и не успеть выстрелить снова? — спросил он.

— Миткаль все обдумал, эфенди. Если вы убьете Хасана, он обвинит вас в том, что вы нарушили соглашение и пролили кровь руалла или слуги руалла, что то же самое, и прикажет вас обезглавить.

Гордон искренне рассмеялся:

— Спасибо, Муса! Ты оплатил мне за спасение своей жизни. А теперь иди, чтобы кто-нибудь не увидел, как ты говоришь с нами.

— Что же нам делать?! — воскликнула Ольга. Губы ее побелели.

— Для вас нет никакой опасности, — успокоил ее Гордон.

Она покраснела от гнева:

— Я не думаю о своей безопасности. Неужели вы считаете меня менее благодарной, чем этот арабский юноша? Шейх задумал вас убить, разве вы не

понимаете? Давайте украдем верблюдов и сбежим отсюда!

— Куда бежать? Они сразу же бросятся за нами в погоню, решив, что я их обманул. В любом случае мы не сможем спастись. Я хочу уничтожить Осман-пашу, а сейчас, как я понимаю, самый подходящий для этого случай. Давайте выйдем отсюда, пока Миткаль нас не заподозрил.

Как только источник был завален камнями, люди отступили к склонам холмов. Они спрятали верблюдов за грядой, а сами притаились за валунами и чахлыми кустами на склонах. Гордон предложил Ольге уехать назад к укреплению, обещая дать эскорт, но она отказалась и осталась с ним, заняв позицию за большим камнем с револьвером Османа. Они лежали, плотно прижавшись земле. Жар солнечных лучей быстро прожег их одежду.

Однажды, случайно повернув голову, она увидела черное лицо Хасана, наблюдавшего за ними сзади из-за кустов. Верный раб, не признававший никакого закона, кроме приказа хозяина, следил за американцем, чтобы не упустить его из виду.

Она шепнула об этом Гордону.

— Конечно, я его вижу, — ответил он. — Но Хасан не выстрелит в меня, пока не начнется сражение и пока он не будет в полной уверенности, что его никто не видит.

Ольга задрожала от ужаса. Если они проиграют сражение, разъяренные руалла разорвут Гордона на куски, если победят — его наградой будет предательская пуля в спину.

Время тянулось очень медленно. Люди замерли на склоне: ни мелькание одежды, ни приподнятая голова не выдавали засаду. Ольга почувствовала, что у нее сдают нервы. Ее сводили с ума сомнения и предчувствия.

— Мы слишком рано заняли позицию! Люди потеряют терпение. Осман доберется сюда только к полуночи. Ведь мы с вами всю ночь ехали до источника.

— Бедуины никогда не теряют терпения, когда чуют добычу, — ответил он. — Я считаю, что Осман будет здесь еще до захода солнца. Мы потратили больше времени, потому что последние несколько часов ехали на усталом верблюде. Думаю, Осман снял лагерь до рассвета и пустился во весь опор.

Ей пришла в голову еще одна вызвавшая опасения мысль.

— А что, если он вообще не придет? Что, если он изменит свои планы и отправится куда-нибудь еще? Тогда руалла решат, что вы им солгали.

— Смотрите!

Солнце, этот волшебный, ослепительно блистающий шар, опустилось совсем низко. Ольга прикрыла глаза рукой и сквозь прищуренные веки увидела караван, вырастающий из колеблющихся волн жара: ряды серых от пыли всадников и тяжело груженные тягловые верблюды, несущие на своих спинах захваченных женщин. Знамя висело в неподвижном воздухе, как тряпка, но на мгновение, когда подул странствующий порыв ветра — горячий, как дыхание погигели, — оно взметнулось, показав голову Белого Волка.

Откровенное доказательство языческого поклонения и ереси! Руалла, заволновавшись, чуть не обнаружили себя. Даже Миткаль побледнел.

— Аллах! Какое кощунство! Забывшие Бога! Гореть им в аду!

— Спокойно, — прошепел Гордон, чувствуя, как волнение охватило притаившихся бедуинов. — Ждите моего сигнала. Они должны остановиться, чтобы напоить верблюдов у источника.

Осман, похоже, вел людей без остановки весь день. Женщины сидели на верблюдах, понутив головы, лица солдат почернели от пыли, смешавшейся с потом, лошади шатались от усталости. Но скоро стало очевидно, что его целью был не источник, а Сулейманово укрепление. Когда голова колонны поравнялась с бруствером, Гордон выстрелил. Он целился в Осма-

на, но расстояние оказалось слишком большим, и солнечные лучи ослепляли, отражаясь от камней, поэтому он промахнулся. Человек, ехавший следом за Османом, упал. По этому сигналу холмы словно ожили от вспышек выстрелов.

Колонна дрогнула — всадники бросились врассыпную. Ошеломленные солдаты открыли ответный огонь, не причинивший никакого вреда арабам: они даже не видели противника — только мелькание белой одежды среди валунов.

Возможно, дисциплина ослабела во время этого тяжелого марша, или паника охватила усталых турок: колонна распалась, и люди бросились к брустверу, не дожидаясь приказа. Они оставили бы верблюдов под огнем, но Осман, метавшийся среди солдат и размахивавший саблей, заставил их ввести животных за ограду.

— Я надеялся, что они оставят верблюдов и женщин снаружи, — проворчал Гордон. — Может быть, они выведут их, когда обнаружат, что нет воды.

Турки заняли позицию в правильном порядке, спешившись и распределившись вдоль стены. Одни, стащив женщин с верблюдов, ввели их в хижину, другие наскоро соорудили загон для животных из жердей и веревок между изгородью и задней стеной дома. Седла они свалили в воротах, тем самым завершив заграждение.

Арабы, выкрикивая насмешки, поливали их градом свинца, а несколько человек принялись скакать, кривляясь и потрясая винтовками. Но когда какой-то турок пробил одному из них голову, они сразу же прекратили свой воинственный танец и уже не подставляли себя под выстрелы.

Тем временем турки открыли ответный огонь, экономя патроны и не обнаруживая паники, так как теперь они оказались в укрытии и сражались в привычных условиях. Стена служила хорошей защитой от пуль бедуинов, которые залегли прямо перед ними, но расстояние от склона до бруствера было слишком

большим, чтобы огонь арабов нанес осажденным значительный урон.

— Мы, кажется, не причиняем им вреда, — заметила Ольга.

— Жажда будет нашей козырной картой, — ответил Гордон. — Мы все сделали, чтобы их задержать. Возможно, на остаток дня у них есть вода во флягах. Но не дольше. Смотрите, они собираются идти к источнику.

Колодец находился посреди отгороженной бруствером площадки, на сравнительно открытом месте, и хорошо просматривался сверху. Ольга видела, как люди с флягами в руках направились к нему. Арабы со злорадным удовольствием открыли по ним огонь. Турки все же добрались до источника, а затем с ними произошло нечто невообразимое. Словно электрический шок поразил тех, кто был у колодца. Поднялся сумасшедший крик, перешедший в истерический визг. Люди, залегшие вдоль стены, открыли яростный огонь, остальные безумно метались, некоторые из них повалились, сраженные пулями, сыпавшимися с гряды.

— Что они делают? — Ольга встала на колени, но Гордон тут же заставил ее лечь.

Турки бежали к хижине. Если бы она посмотрела на американца, то поняла бы, что это означает, потому что его лицо вдруг помрачнело.

— Они выволакивают женщин! — воскликнула она. — Я вижу, как Осман замахнулся саблей. Что? О Боже! Они их режут!

Пронзительный визг и вызывающие отвращение надсадные выдохи убийц, наносивших удары, перекрыли звуки выстрелов. Ольга отвернулась и закрыла лицо ладонями. Осман понял, что его заманили в ловушку, и его реакция была как у бешеной собаки. Увидев, что источник завален камнями, он решил отомстить всей арабской расе — его честолюбивые планы потерпели крах.

Арабы подняли вой, доведенные до бешенства видом резни. Для них не имело значения, что эти жен-

щины были из другого племени. Строгое соблюдение неписанных законов составляло основу их общества так же, как у первооселенцев в Америке.

Руалла впали в неистовство, когда увидели, что женщины их расы падают под саблями турок. Яростный крик полетел к бронзовому небу, и арабы, безрасудно оставив укрытие, обрушились со склонов, вопя, как дьяволы. Ни Гордон, ни Миткаль не могли их удержать. На их крики никто не обращал внимания.

Бруствер покрылся дымом и пламенем, когда густые залпы обрушились на бегущую орду. Десятки человек упали, но остальные достигли стены и устремились через нее волной, которую не могли остановить ни свинец, ни сталь.

И Гордон был среди них. Увидев, что ему не остановить этот ураган, он бросился вместе со всеми. Миткаль бежал немного позади, проклиная своих людей. Шейх не имел ни малейшего желания участвовать в таком сражении, но был вынужден, потому что мог поплатиться своей властью: ни один человек, повернувший назад в этой атаке, никогда не смог бы командовать руалла.

Гордон был среди тех, кто первыми достиг стен. Он не стрелял, когда бежал вместе с бедуинами, чтобы не оказаться у бруствера с пустой обоймой. Он не стрелял до тех пор, пока пламя встречных выстрелов не опалило ему лицо, и только тогда разрядил винтовку, пробив кровавую брешь там, где был ряд страшных темных лиц. Прежде чем брешь закрылась, он перелетел через бруствер, и руалла последовали за ним.

Не успел он коснуться ногами земли, как был прижат к стене натиском противника; клинок, который метил в него, стукнулся о камень. Гордон нанес быстрый удар в оскаленное лицо, раздробив зубы насеившему на него турку. В следующий момент волна его людей перелилась через стену и заполнила пространство вокруг него. Он бросил свою разбитую винтовку и выхватил револьвер.

Турки были отброшены от бруствера в разные места, и теперь сражение шло по всей площадке, огороженной стеной. Пощады никто не просил и не давал. Бедуины, увидев залитую кровью хижину, превратились в сущих демонов. Оружие было у всех разряжено, кроме револьвера Гордона. Вопли перешли в рычание вперемежку с предсмертными криками.

В ход пошли кинжалы и винтовочные приклады, с силой опускаемые на головы. Бедуины понесли такой жестокий урон в своей безумной атаке, что турки теперь намного превосходили их числом и сражались с бешеным отчаянием.

Возможно, револьвер Гордона установил равновесие сил. Американец разрядил его не спеша, а на таком расстоянии он не мог промахнуться. Заметив зловещую тень где-то позади себя, он обернулся и увидел черного Хасана, следовавшего за ним и методично ударявшего направо и налево тяжелой, красной от крови саблей. Даже в неистовстве схватки Гордон не смог удержаться от смеха. Суданец дотошно выполнял приказ шейха, следуя за ним по пятам, и, пока исход битвы оставался неясным, был его защитником... готовый стать убийцей в тот момент, когда события обернутся к их славе.

— Преданный слуга! — крикнул ему с издевкой Гордон. — Заботишься обо мне? Боишься оставить этим турецким мошенникам мою голову!

Хасан, ничего не ответив, засмеялся. Вдруг кровь брызнула у него из рта, и он повалился на колени. Сражаясь с четырьмя турками, он не заметил еще одного, который, воспользовавшись свалкой, подбежал сбоку и ударил его по голове прикладом. Гордон убил турка последней пулей. Он не испытывал недоброго чувства к Хасану. Этот человек был хорошим солдатом — он выполнял приказ.

Бруствер стал похож на мясную лавку — сражавшихся оказалось меньше, чем лежавших на земле, и все были залиты кровью. Знамя с Белым Волком, сорванное с древка, валялось под ногами мстителей.

Вытащив саблю, Гордон огляделся, высматривая Османа. Он заметил Миткаля, бегущего к загону для лошадей, и предупреждающе закричал ему, потому что увидел, как Осман, отделившись от группы сражавшихся, бросился в том же направлении. Турок первый добежал до загона и перерезал веревки. Лошади, обезумевшие от криков и запаха крови, вырвались на свободу, сбивая на бегу людей. Осман с удивительным проворством поймал развевающуюся гриву бегущего скакуна и вскочил ему на спину.

С бешеным криком Миткаль подбежал к нему и нажал на спусковой крючок револьвера, но выстрела не последовало: в пылу сражения он не обратил внимания, что оружие разряжено. Стоя на пути несущегося всадника, шейх снова и снова нажимал на курок. Только в последний момент осознав опасность, он отпрыгнул назад. И даже тогда Миткаль мог бы спастись, если бы его сандалия не зацепилась за abu мертвого бедуина.

Он споткнулся, избежав удара копыт, но не сабли Османа. Руалла взревели, увидев, как шейх упал и его кафья окрасилась кровью. Осман был уже за воротами и пронесся, как ветер... прямо вверх по склону холма, где он заметил тонкую фигуру девушки.

Ольга, которая вышла из-за валунов и с ужасом наблюдала за сражением, теперь вдруг обнаружила, что ей самой угрожает опасность. Девушка подняла револьвер и открыла огонь. Но она была плохим стрелком. Три пули пролетели мимо, четвертая убила лошадь, а затем револьвер замолк.

Гордон неслись вверх по склону, как индеец на его родном Юго-Западе, а позади него бежала толпа бедуинов, потрясая разряженными винтовками.

Осман ударился при падении, когда под ним рухнула лошадь, но тут же поднялся, весь в крови. Гордон все еще был далеко. Турок кинулся к девушке и, схватив ее за волосы, бросил на колени, а затем на мгновение остановился, наслаждаясь ее отчаянием и ужасом.

Когда он поднял саблю, чтобы отсечь ей голову, сталь громко лязгнула о сталь. Его рука замерла, задрожала, и выбитая сабля покатила по горячим камням. Осман обернулся и увидел неумолимое лицо с прищуренными от ярости глазами. Американец стоял перед обезумевшим турком, сжимая свою саблю с такой силой, что мускулы у него на руке окаменели.

— Подними оружие, бешеный пес,— процедил он сквозь зубы.

Осман мгновение колебался, затем схватил саблю и, не выпрямляясь, ударил Гордона по ногам. Гордон отпрыгнул назад и снова подпрыгнул, как только носки его сапог коснулись земли. Поворот его был похож на смертельный бросок волка. Осман так и не успел распрямиться после того, как проткнул пустоту. Клинок Гордона просвистел, рассекая воздух, и заскрежетал по костям, разрубая плоть. Голова турка слетела с плеч и упала к его ногам, а обезглавленное туловище задергалось в конвульсиях. Все еще горя ненавистью, Гордон пнул голову, и она покатила вниз по склону.

— О! — Ольга отвернулась и спрятала лицо в ладонях. Она понимала, что Осман заслужил такую смерть. Вскоре девушка почувствовала, как рука Гордона легко легла ей на плечо. Она взглянула на него, стыдясь своей слабости.

Солнце уже коснулось западной гряды. Взбираясь по склону, к ним бежал Муса, весь залитый кровью, но сияющий.

— Мы убили всех собак, эфенди! — крикнул он, усердно тряся на бегу остановившиеся часы — единственную свою добычу. — Многие из наших живы, много раненых, но нет никого, кроме вас, кто мог бы командовать.

— Иногда проблемы разрешаются сами собой,— задумчиво произнес Гордон,— но страшной ценой. Если бы руалла не совершили этот бросок, который принес смерть Хасану и Миткалю... Впрочем, все в

руках Аллаха, как говорят арабы. Сегодня погибло много людей, но по воле слепой Судьбы я остался в живых.— Гордон повернулся к Мусе:— Нужно погрузить раненых на верблюдов,— приказал он,— и доставить в лагерь, где есть вода и тень. Пойдемте,— обратился он к Ольге.

Когда они спускались по склону, он сказал ей:

— Я должен остаться и проследить за размещением раненых в Сулеймановом укреплении, а затем мне нужно отправиться на побережье. Вы можете не бояться руалла. Они проводят вас до ближайшего турецкого сторожевого поста.

Она посмотрела на него с удивлением:

— Значит, я уже не пленница?

Он засмеялся:

— Думаю, вы больше поможете Фейсалу, выполняя ваши первоначальные инструкции по снабжению турок ложной информацией! Я не порицаю вас за то, что вы не доверились даже мне. Позвольте выразить вам глубочайшее восхищение. Вы вели очень опасную игру. Не всякая женщина на такое способна.

— О! — Она почувствовала прилив радости от того, что он знает, кто она на самом деле. Муса навострил уши. — Вы, вероятно, достаточно приближенный советник Фейсала, если знаете, что я...

— Глория Виллоби, самый умный и отважный секретный агент на службе британского правительства, — шепнул он.

Девушка порывисто пожала ему руку и, не выпуская ее, пошла рядом с ним вниз по склону холма.

КРОВЬ БОГОВ

1

Тонкие губы Хокстона кривились в злобной усмешке. Опасные огоньки, мелькавшие в глазах англичанина, вызвали у Дирдара страшное подозрение, превратившееся в уверенность, когда он перевел взгляд на лица других европейцев. Ненасытная алчность искажала черты белых мужчин.

Араб беспокойно оглядел грязные стены, кляня себя за то, что согласился прийти в этот заброшенный дом на окраине Аль-Азема. Стакан с бренди выпал у него из руки, смутное лицо посерело.

— Лах!¹ — вскричал он. — Вы обманули меня. Вы не друзья... вы привели меня сюда, чтобы убить...

Он попытался встать, но Хокстон, крепко схватив его за рубашку на груди, заставил снова сесть на стул. Араб отшатнулся, когда белый, резко наклонившись, приблизил к нему свое хищное лицо.

— Мы не причиним тебе вреда, Дирдар, — сказал англичанин, — если ты поделишься интересующи-

¹ Лах — Аллах (арабск.).

ми нас сведениями. Ты слышал мой вопрос. Где Аль-Вазир?

Араб взглянул на Хокстона снизу вверх маленькими блестящими глазками и вдруг с силой рванулся всем своим жилистым телом. Уперев ноги в пол, он откинулся назад, опрокинул стул и упал вместе с ним. Оставив лоскут, оторванный от рубахи в руке у Хокстона, Дирдар вскочил на ноги и бросился в открытую дверь. Он нырнул под руку огромного датчанина Ван Брока, но, споткнувшись о подножку, подставленную Ортелли, растянулся, затем перекатился на спину, выхватил из-за пояса кривой нож и ударил итальянца. Ортелли взвыл и отпрыгнул назад; кровь хлестала у него из раненой ноги. Но когда Дирдар снова вскочил, русский, Кракович, подбежал сзади и рукоятью револьвера сильно ударил беглеца по голове.

Оглушенный араб свалился на пол, а Хокстон вышиб нож из судорожно сжатой руки и схватил Дирдара за ворот шерстяной абы¹.

— Помоги мне поднять его, Ван Брок, — бросил он.

Дородный датчанин выполнил просьбу, и бесчувственного араба вновь водворили на стул. Его не стали связывать, но Кракович встал позади, приставив к затылку Дирдара дуло револьвера, а свободной рукой сжал плечо араба.

Хокстон наполнил стакан и поднес его к губам пленника. Дирдар машинально глотнул, взгляд его прояснился.

— Он пришел в себя, — сказал Хокстон. — Держи его хорошенько, Кракович. Заткнись, Ортелли! Завяжи ногу тряпкой и перестань ныть! Ну, Дирдар, ты в состоянии говорить?

Араб озираясь, словно затравленное животное. Его худая грудь под разорванной рубахой тяжело взды-

¹ Аба — длинный плащ из верблюжьей шерсти с отверстиями для рук.

малась. По свирепому выражению лиц окружающих он понял, что пощады не будет.

— Давайте поджарим эту наглую тварь, — предложил Ортелли, накладывая себе повязку. Он злобно взглянул на араба. — Дайте мне приложить раскаленный шомпол к его свинячьей...

Дирдар вздрогнул и впился взглядом в лицо англичанина. Он знал, что Хокстон превосходит всех этих бесчестных людей не только умом, но и сокрушительной тяжестью кулаков.

Араб облизнул пересохшие губы:

— Видит Аллах, я не знаю, где Аль-Вазир!

— Лжешь, — проворчал англичанин. — Ведь ты был в отряде, сопровождавшем Аль-Вазира в пустыню. Нам известно, что ты знаешь место, где его оставили. Ну, ты собираешься говорить?

— Аль-Борак убьет меня, — пробормотал Дирдар.

— Кто это? — громко спросил Ван Брок.

— Американец, — раздраженно ответил Хокстон. — Авантюрист. Он вел караван, с которым Аль-Вазир отправился в пустыню. Дирдар, можешь не бояться Аль-Борака. Мы защитим тебя.

В уклончивом взгляде араба мелькнуло новое выражение. К страху теперь примешивалась жадность.

— Я знаю, зачем вам понадобился Аль-Вазир, — сказал он, хитро прищурившись. — Вы рассчитываете узнать о сокровищах, превосходящих ценностью все, что накоплено в Шахразаре. Хорошо, допустим, я проведу вас к Аль-Вазиру и вы защитите меня от Аль-Борака... Могу я рассчитывать на часть Крови Богов?

Хокстон нахмурился, а Ортелли выругался.

— Ничего не обещаю этой собаке! Поджарь лучше ему пятки!

— Отстань, — огрызнулся Хокстон. — Эй, кто-нибудь выгляните на улицу. Посмотрите, нет ли там чего подозрительного. Я видел, как старый дьявол Селим еще до заката шатался по переулкам.

Никто из европейцев не пошевелился. Они не поверили своему главарю, а тот не повторил приказа. Хокстон повернулся к Дирдару. Глаза араба поблескивали жадностью.

— Как я узнаю, что ты правильно ведешь нас? Ведь каждый, кто был в караване, поклялся, что никогда никому не расскажет, где скрывается Аль-Вазир.

— Клятвы даются для того, чтобы их нарушать, — цинично ответил Дирдар. — Ради Крови Богов я отрекись даже от Магомета. Предположим, вы найдете Аль-Вазира. Что дальше? Он не скажет, где сокровище.

— Известно немало способов, заставляющих человека говорить, — мрачно заверил его Хокстон. — Может быть, хочешь испробовать один из них на себе или все же скажешь, где Аль-Вазир? — Он раздраженно посмотрел на араба. — Ты получишь часть сокровища.

Хокстон, разумеется, не собирался держать свое слово.

— Машалла! ¹ — воскликнул араб. — Аль-Вазир живет один, но путь к нему далек и сложен. Когда я назову место, вы, эфенди ² Хокстон, конечно же, сразу поймете, где это. Я же могу провести вас более короткой дорогой, короче на целых два дня. А день, выигранный в пустыне, часто спасает от смерти.

— Аль-Вазир живет в пещерах Аль-Хоур... А-а-ах! — Голос араба сорвался на визг. Оскалив зубы, он поднял руки в смертельном ужасе. Тотчас раздался выстрел, громкий звук которого разнесся по хижине, и Дирдар, схватившись за грудь, упал со стула. Хокстон, резко обернувшись, заметил в окне черный дымящийся ствол пистолета и мрачное бородатое лицо. Выстрелив в незнакомца, англичанин левой рукой сбил со стола подсвечник, и хижина погрузилась во мрак.

В то время как его компаньоны кричали и ругались, в поднявшейся суматохе натываясь друг на дру-

¹ Маршалла — прекрасно.

² Эфенди — господин (тюркск.).

га, Хокстон хладнокровно действовал. Он рванулся вперед, отшвырнув в сторону кого-то, попавшегося ему на пути, и распахнул дверь. Мелькнул силуэт мужчины, бегущего через дорогу под тень пальм на противоположной стороне. Англичанин поднял револьвер и выстрелил. Хокстон увидел, как человек пошатнулся и упал. Черная тень пальмы скрыла тело незнакомца.

Хокстон на мгновение притаился у двери, в одной руке держа наготове револьвер, а другой сдерживая рвущихся наружу людей.

— Назад, черт побери! Это старик Селим. Может быть, там, за деревьями, есть еще кто-нибудь.

Но ничего подозрительного не было видно; раздавались только стоны человека, бьющегося в агонии и катающегося по земле. Скоро и эти звуки смолкли, только шелест пальмовых листьев нарушал тишину. Хокстон осторожно вышел под свет звезд. Выстрелов не последовало. Он вернулся к товарищам, на ходу отдавая приказания:

— Ван Брок, Ортелли, ступайте и отыщите Селима. Я знаю, он ранен. Скорее всего, вы найдете его мертвым под пальмами. Если он еще жив, прикончите его. Он был слугой Аль-Вазира. Я не хочу, чтобы старик донес о наших планах Гордону.

Англичанин в сопровождении Краковича ощупью пробрался в темную хижину, высек огонь и поднес свечу к телу, распростертому на полу. Хокстон увидел серое лицо араба, остекленевшие глаза и голую грудь с зияющей круглой глубокой раной, из которой уже перестала сочиться кровь.

— Точно в сердце, — пробормотал Хокстон, сжав руку в кулак. — Селим, вероятно, видел араба с нами и следил за ним, догадываясь, что мы рано или поздно прижмем Дирдара к стенке. Старый дьявол убил его, опасаясь предательства, — но это уже неважно. Мне не нужен проводник, чтобы добраться до пещер Аль-Хоур.

В это время вошли итальянец и датчанин.

— Мы не нашли старого пса, — объявил Ван Брок. — На траве видны пятна крови. Он, наверное, тяжело ранен.

— Пусть уходит, — буркнул Хокстон. — Он уполз, чтобы где-нибудь сдохнуть. До ближайшего жилья около мили. Ему туда не дойти — старик не проживет так долго. Отправляемся! Люди и верблюды за пальмами к югу от дома. Все готово для похода, как я и планировал.

Вскоре в ночи слышались поскрипывание сидел на верблюжьих горбах да звон колокольчиков. Строй молчаливых всадников, подобно темным призракам, двинулся на запад и растворился в пустыне. Оставив спать в звездном свете плоские крыши Аль-Азема, затененные пальмовыми листьями, колеблемыми легким бризом, дующим с Персидского залива.

2

Покачиваясь в седле и придерживая рукой висевший на поясе тяжелый револьвер, Гордон неторопливо ехал по пустынной дороге. Темное небо искрилось мириадами звезд, слабый свет которых едва освещал путь. Взгляд путника скользил по рядам пальм, тянувшихся по обеим сторонам дороги и томно колыхавших широкими перистыми листьями под дуновением легкого ветерка. Он знал, что ему не грозит нападение из засады: ни с кем из Аль-Азема у американца не было кровной вражды. А там впереди, совсем недалеко, виднеется дом его друга Ахмета ибн Миткаля, где Гордон жил в качестве почетного гостя. Но привычки очень живучи. В течение многих лет он имел обыкновение поступать так, как считал нужным, и если сотни людей в Аравии гордились дружбой Аль-Борака, то было и множество других, которые при одном упоминании этого имени скрежетали зубами.

Подъехав к воротам, Гордон позвал привратника. Когда створки ворот распахнулись, американец

увидел крупную фигуру хозяина, спешившего навстречу.

— Аллах с вами, Аль-Борак! Я уже стал опасаться, что на вас напали. Всего в трех днях пути отсюда люди, жаждущие свести с вами счеты, а вы едете ночью один.

Гордон спрыгнул на землю и передал поводья конюху, вышедшему вслед за хозяином из большого, обнесенного стеной двора. Американец был невысок, но широк в плечах и жилист. Мощный торс угадывался под рубашкой цвета хаки, а хладнокровное выражение лица не оставляло сомнений: человек этот обладает стальными нервами, закаленными в борьбе за выживание на диких окраинах мира. Черные глаза его сверкали холодным блеском, таким же, как у любого из неукротимых сынов пустыни.

— Думаю, мои враги решили дать мне умереть в старости и покое, — ответил он.

— Что это? — Ахмет ибн Миткаль замер, чутко прислушиваясь. У него не было недостатка в собственных врагах. Через мгновение из-за угла послышались странные звуки. Они-то и заставили араба насторожиться.

Гордон, тоже услышавший эти звуки, обернулся с кошачьей стремительностью; револьвер, как по волшебству, мгновенно оказался в его руке. Он шагнул к стене... Из-за угла показался человек в разорванной, превратившейся в лохмотья одежде. Надсадно дыша, он медленно полз, и при каждом движении из его груди вырывались хриплые стоны. Он упал к ногам американца, повернув залитое кровью лицо к звездному небу.

— Селим! — тихо воскликнул Гордон.

Одним прыжком он оказался за углом и, держа револьвер наготове, огляделся, но не заметил ничего подозрительного. Только голая пустынная земля, на которой шевелились тени от покачивающихся пальмовых листьев, простиралась вокруг.

Он вернулся к лежащему на песке человеку, над которым склонился Ахмет.

— Эфенди! — простонал старик. — Аль-Борак!

Гордон опустился рядом с ним на колени. Селим в отчаянии сжал его руку костявыми пальцами.

— Халима¹, быстро! — крикнул Гордон.

— Нет, — выдохнул Селим, — я умираю...

— Кто в тебя стрелял, Селим? — спросил Гордон. Он уже понял, что смертельная рана старика, пропитавшая кровью всю его абу, была пулевой.

— Англичанин Хокстон, — с трудом произнес Селим. — Я видел, как он... и трое негодяев с ним... обманом завлекли этого дурака Дирдара в заброшенный дом возле Мекметского источника. Я пошел за ними, потому что знал... они задумали недоброе. Дирдар собака. Он пил спиртное, как неверный. Аль-Борак! Дирдар предал Аль-Вазира! Он нарушил клятву. Я застрелил его... через окно... но опоздал. Он не сможет их провести... но он успел сказать Хокстону... о пещерах Аль-Хоур. Я видел их караван... верблюды... семь слуг-арабов. Аль-Борак! Они отправились... к пещерам... к пещерам Аль-Хоур!

— Пусть это тебя не беспокоит, Селим, — сказал Гордон, отвечая на настойчивый взгляд тускнеющих глаз преданного слуги. — Они пальцем не тронут Аль-Вазира. Обещаю тебе.

— Аль хамуд Лиллах², — едва слышно прошептал старый араб.

По его телу пробежала судорога, изо рта пошла кровавая пена. Суровое, изборожденное морщинами лицо застыло, и он умер прежде, чем Гордон опустил голову старика на землю.

Американец поднялся и посмотрел сверху вниз на неподвижное тело. Ахмет подошел к нему вплотную и, прикрыв рукавом рот, шепнул:

¹ Халим — лекарь, врач (арабск.).

² Аль хамуд Лиллах — слава Аллаху (арабск.).

— Аль-Вазир! Валлах!¹ Я думал, все забыли об этом человеке. Прошло больше года, как он исчез.

— Европейцы не забывают... когда поблизости чувствуют добычу, — с насмешливой улыбкой ответил Гордон. — Люди на всем побережье ищут Кровь Богов... те чудесные отборные рубины, которые были особой гордостью Аль-Вазира. Камни исчезли вместе с ним, когда он оставил свет и удалился в пустыню, решив стать отшельником, в надежде медитациями и самосовершенствованием открыть путь к истине.

Ахмет вздрогнул и посмотрел на запад за стволы пальм, где в смутной дали на огромное расстояние простиралась призрачная пустыня, сливаясь с дрожащим маревом звездной ночи.

— Тяжек путь к истине, — вздохнул Ахмет, который был любителем роскоши и удовольствий.

— Аль-Вазир — странный человек, — заметил Гордон, — но слуги ему преданы. Вот, например, старик Селим. Слава Богу, что Мекметский источник в миле отсюда. Селим полз... полз всю дорогу с простреленной грудью. Он знал, что Хокстон будет пытаться убить Аль-Вазира... а может быть, и убьет. Ахмет, прикажи седлать моего верхового верблюда.

— Я поеду с вами! — вскричал Ахмет. — Сколько человек нам нужно? Вы слышали, что сказал Селим, — у Хокстона по меньшей мере одиннадцать человек.

— Мы не сможем его задержать в пути, — ответил Гордон. — Он сильно оторвался, у него отличные верблюды. Я собираюсь поехать к пещерам Аль-Хоур один!

— Но...

— Они поехали по караванной дороге, которая ведет к Рийяхх. А я поеду к источнику Эмир-хана.

Ахмет поблел.

— Источник Эмир-хана находится на земле Шалаана ибн Мансура, который ненавидит вас, как имам ненавидит шайтана!

¹ Валлах! — Клянусь Аллахом! (Арабск.)

— Может быть, у источника никого из его племени и не окажется, — возразил Гордон. — Я единственный белый человек, знающий туда дорогу. Даже если Дирдар рассказал о ней Хокстону, англичанин не сможет найти оазис без проводника. Так мне удастся достичь пещеры на день раньше Хокстона. И я поеду один. Одинокому всаднику легче проскользнуть мимо стоянки бедуинов, чем целому отряду. Сражаться с Хокстоном — по крайней мере, сейчас — я не буду. Необходимо просто предупредить Аль-Вазира. Мы спрячемся с ним в пещерах, пока Хокстон не оставит эту затею и не вернется в Аль-Азем. А назад я отправлюсь по караванному пути.

Ахмет велел людям, столпившимся у ворот, седлать верблюда и готовить припасы в дорогу. Слуги бросились выполнять приказание.

— Вы, по крайней мере, переоденетесь? — спросил он.

— Нет, не стоит. В стране бедуинов мне все равно не придется чувствовать себя в безопасности, а потому переодевание бесполезно. Кочевники грабят и убивают чужеземцев, независимо от того, кто они, христиане или мусульмане.

Гордон проследил, как седлают и навьючивают его белого верблюда.

— Я поеду налегке, — сказал он. — Скорость — это все. Верблюду не потребуется вода до тех пор, пока не доберемся до источника. А оттуда переход до пещер недолог. Погрузите как можно меньше воды и провианта, лишь бы хватило до колодца.

Ни бурдюк с водой, ни мешок с провизией не оказались слишком тяжелы, когда хурджины перекинули на высокий горб верблюда. Это были припасы истинного сына пустыни. Коротко попрощавшись, Гордон уселся в седле, и под ударом бамбуковой палки животное встало на ноги. «Я-я-а-х!» — еще удар, и верблюд мерно двинулся к воротам. Слуги, широко раскрыв створки, встали по обе стороны ворот, провожая

всадника удивленными взглядами. Глаза людей ярко блестели в свете факелов.

— Бисмиллах эль рахман эль раххим¹, — смиренно сказал Ахмет, подняв руку в благословляющем жесте, когда всадник на верблюде скрылся в ночи.

— Он поехал навстречу смерти, — пробормотал стоявший рядом бородатый араб.

— Если бы это был другой человек, я бы с тобой согласился. Но поехал туда Аль-Борак. Даже Шалаан ибн Мансур, потеряв надежду справиться с Гордоном самостоятельно, готов дать табун кобылиц за его голову.

Солнце низко висело над пустыней. Золотисто-коричневое пространство каменистой земли и песка раскинулось до самого горизонта. Одиноким всадник был единственным видимым признаком жизни среди этой огромной равнины. Однако Гордон все равно был настороже. Позади остались дни и ночи тягостного пути. Сейчас он въезжал во владения рувайла, и каждый шаг увеличивал опасность. Бедуины племени рувайла, родственного, как знал Гордон, могущественному племени руалла из Аль-Хамада, слыли истинными сынами Исмала — ястребы пустыни, считавшие любого человека не достойным жизни, если тот не был их соплеменником. Избегая встреч с воинственными бедуинами, караваны, идущие на запад, делали большой крюк, двигаясь в обход далеко на юг. Это была легкая дорога с колодцами, стоявшими на расстоянии дневного перехода друг от друга, и проходила она всего в дне пути от Аль-Хоур — катакомб, прорытых в горах, что отвесно поднимались над пустыней.

Немногие европейцы знали о существовании пещер, но Хокстону, очевидно, был известен этот старинный путь, ведущий к северу от источника Хосру на

¹ Бисмиллах эль рахман эль раххим — во имя Аллаха милосердного (арабск.).

караванную дорогу. Однако Хокстон будет вынужден добираться к источнику Эмир-хана, местонахождение которого бедуины тщательно скрывали.

В этом оазисе не было постоянных жилищ. Лишь несколько палом, питаемых маленьким ручейком, да небольшой колодец, но отряды бедуинов часто разбивали там свои шатры. Гордон надеялся, что кочевники повели стада верблюдов далеко на север, в сердце своей страны; впрочем, как настоящие хищники, рувайла бродили повсюду, нападая на караваны и отдаленные деревни.

Следы, оставляемые верблюдом Гордона, были так слабы, что их вряд ли кто-то мог заметить. Они слабой цепочкой тянулись за ним, пока американец не вышел на каменистую равнину, с одной стороны ограниченную песчаными дюнами, а с другой — грядой невысоких гор. Он взглянул на солнце и открыл флагу, висевшую у седла. Там еще оставалось немного воды, поскольку путник ограничивал себя на протяжении всего пути, как бедуин или волк. Но через несколько часов он будет у колодца Эмир-хана и пополнит свои запасы. Гордон вздрогнул при мысли о том, что может ждать его в оазисе.

Как только он об этом подумал, на ближайшей песчаной дюне что-то ярко сверкнуло на солнце. Он инстинктивно наклонил голову. Тут же раздался выстрел, и Гордон услышал глухой звук, с которым пуля вонзилась в тело верблюда. Пораженное в сердце животное свалилось замертво, вытянув шею вперед в последнем усилии. Гордон соскочил с верблюда, как только тот упал, и спрятался за тушей, глядя на гребень дюны поверх ствола своей винтовки. Резкий визг приветствовал падение верблюда. Прозвучал второй выстрел. Пуля врезалась в песок у груди Гордона. Он выстрелил в ответ. Фонтанчик песчинок поднялся в воздух совсем близко от дула, поблескивающего на вершине дюны, что вызвало залп мрачных проклятий, произнесенных сдавленным голосом. Дуло исчезло, и тотчас

раздался приглушенный стук копыт. Гордон увидел белую кафью¹, ныряющую среди дюн, и догадался, что собирается сделать бедуин. Этот человек явно намеревался, обогнув позицию Гордона, пересечь тропу в нескольких сотнях ярдов к западу от него и занять возвышенность позади американца, что позволило бы бедуину стрелять поверх мертвого верблюда, — он, видимо, рассчитывал, что Гордон будет продолжать укрываться за тушей животного. Но американец приподнялся, держа на прицеле тропу — открытое место, которое араб должен был непременно пересечь, прежде чем достигнет холмов.

В четверти мили вверх по тропе находилась скала из песчаника, возвышаясь над линией горизонта. Любой, пересекающий тропу между Гордоном и этой скалой, будет виден на ее светлом фоне как на ладони. Американец переложил винтовку на окостеневшие передние ноги верблюда, сосредоточился и прицелился, надеясь, что бедуин окажется не слишком далеко от засады, когда начнет перебираться через тропу.

Одетая в белое фигура внезапно появилась между дюнами. Низко пригнувшись и нахлестывая коня, всадник стремительно пересекал открытое место. Бедуин двигался на расстоянии большем, чем рассчитывал Гордон, но нервы американца не дрогнули. В тот самый момент, когда кочевник показался на фоне скалы, Аль-Борак нажал на курск. В какой-то миг ему показалось, что он промазал, но вот всадник резко дернулся, вскинул руки, взметнулась ткань широких рукавов, и бедуин, как пьяный, повалился назад.

Перепуганный конь взвился на дыбы и сбросил седока. И вот уже вместо одной слитной фигуры — всадника на лошади — среди равнины оказались две отдельные: на земле неподвижно распростерся человек в белых одеждах, а конь в испуге помчался на юг.

¹ Кафья — тюрбан.

Гордон, опасаясь обнаружить себя, некоторое время лежал неподвижно. Он знал, что араб мертв. Подобное падение с крупа лошади убило бы любого. Но могло статься, что преследователь не один и его люди затаились неподалеку в песках.

Солнце палило нещадно. В небе появились стервятники — черные точки, делающие большие круги и спускающиеся все ниже и ниже. Но среди дюн и холмов не было и намека на движение.

Гордон поднялся и посмотрел на мертвого верблюда. Он стиснул зубы — это конец. Опытный путешественник, он прекрасно осознавал, что смерть верблюда в данной ситуации могла означать и его собственный конец. Американец посмотрел на запад, где струились горячие волны знойного воздуха. Ему предстоял длинный, долгий путь по раскаленным пескам пустыни.

Отвязав бурдюк и переметную суму, Гордон взвалил поклажу себе на плечи. Держа винтовку наготове, он двинулся вверх по тропе мерным ритмичным шагом, позволяющим, не уставая, час за часом покрывать многие мили.

Подойдя к телу, недвижно застывшему на песке, Аль-Борак, опершись на приклад винтовки, постоял немного. Бедуин, которого он убил, оказался из племени рувайла — это было совершенно ясно. Перед американцем лежал высокий, жилистый грабитель пустыни, с хищным лицом и волчьим сердцем. Пуля попала ему в грудь. Этот человек ехал на ненавьюченной лошади, а не на верблюде, и это означало, что где-то поблизости находится отряд его соплеменников. Гордон пожал плечами и двинулся дальше по тропе, держа винтовку на сгибе руки. Кровавый счет между ним и Шалааном ибн Мансуром был открыт давно. Ну что ж, у источника Эмир-хана вражда их закончится раз и навсегда.

Размеренно шагая по тропе, он думал о человеке, которого собирался предупредить об опасности. Арабы называли его Аль-Вазиром, потому что когда-то он

был султаном Омана. Однако на самом деле он был русским дворянином, скитавшимся по свету с какой-то таинственной целью, которую Гордон никак не мог уразуметь, хотя неуемная жажда приключений и его гоняла из страны в стану. Мечтательная душа славянина стремилась к чему-то большему, чем материальные блага. И положение, и богатство, и власть — все это как песок ушло сквозь пальцы у Аль-Вазира. А он глубоко погрузился в изучение древних религий и философских доктрин, ища ответ, который помог бы ему разгадать смысл человеческого существования. Аль-Вазира равно привлекали и мистицизм суфизма, и аскетические тайны индуизма, в то время как Гордона влекли к себе лишь опасность и риск.

Еще совсем недавно Аль-Вазир был правителем Омана, самым богатым и могущественным человеком на Жемчужном побережье. Год назад он внезапно оставил двор и пропал. Только несколько избранных знали, что, раздав свое огромное богатство бедным и отказавшись от власти, он, подобно древним пророкам, удалился в пустыню, надеясь в аскезе и в медитациях получить ответ на вечную загадку жизни.

Гордон возглавлял отряд, состоявший из горстки верных слуг, — среди них был и Селим, — которые знали о намерениях своего господина. Американец сопровождал Аль-Вазира в этом путешествии, ведь мечтательного философа и энергичного авантюриста связывали прочные узы дружбы.

Если бы не изменник и глупец Дирдар, никто бы не пронюхал, где находится Аль-Вазир. Гордон знал, что как только бывший правитель исчезнет, рыцари удачи всех мастей начнут разыскивать одинокого отшельника в надежде завладеть сокровищами, доставшимися этому русскому в дни его власти, — чудесной коллекцией отборных рубинов, известной под названием Кровь Богов, которая на протяжении пяти сотен лет оставляла зловещий след в истории Востока. Эти драгоценности не были розданы беднякам вместе с другими богат-

ствами Аль-Вазира. Гордон и сам не знал, куда славянин подевал камни. Но для американца это не имело значения. Жадность не входила в число его слабостей. Аль-Вазир — его друг, и он сделает все возможное, чтобы предупредить мечтателя об опасности.

Горячее солнце катилось к горизонту. Белое пламя светила постепенно превращалось в расплавленную медь. Наконец красный диск коснулся края пустыни. На его фоне отчетливо выделялась медленно движущаяся черная маленькая фигурка. Гордон упорно шел вперед, безостановочно шагая в унылые просторы Руб-аль-Хали — великой Аравийской пустыни.

3

Четкие неподвижные силуэты показались там, где светлая полоса восхода возвестила о начале нового дня. Гордон увидел верхушки пальм, словно вырастающих из бледнеющей темноты ночи, — верную примету того, что вскоре он подойдет к источнику Эмир-хана.

Пройдя еще немного, он тихо выругался. Удача, ветреная баловница, изменила ему. Голубой дымок едва заметной лентой таял в бледнеющем небе. В оазисе находились люди.

Гордон облизнул сухие губы. Бурдюк, мотавшийся при каждом шаге за его спиной, был пуст. Расстояние, которое можно покрыть за считанные часы, следуя по пустыне на горбу не знающего усталости верблюда, ему пришлось преодолевать всю ночь напролет, хотя и пешком он двигался с такой скоростью, которая была под силу лишь немногим сынам пустыни. Даже для Гордона, несмотря на ночной холод, переход оказался крайне утомительным, хотя его железные мускулы переносили усталость с волчьей выносливостью.

Далеко на востоке виднелась голубая волнистая полоса. Это была гряда холмов, где находились пеще-

ры Аль-Хоур. Он все же опередил Хокстона, который, вероятно, с трудом двигается по южному тракту. Однако англичанин с компаньонами нагоняет его с каждым шагом. Гордон мог пройти незамеченным мимо людей у источника и продолжить свой путь. Но идти пешком, неся за плечами пустой бурдюк? Это было бы самоубийством. Он никогда не доберется до пещер пешком и без воды. Его уже сейчас мучит дьявольская жажда.

В глазах американца полыхнуло красное пламя, его темное лицо приобрело жестокое выражение. Вода была жизнью в пустыне. Жизнью для него и Аль-Вазира. А там, в оазисе, была вода, верблюды, пища. Люди, его враги, имели и то и другое. Если они останутся жить, Гордону придется умереть. Таков закон волчьей стаи, закон пустыни. Он скинул пустые хурджины с плеч, взвел курок винтовки и пошел вперед, чтобы убить или быть убитым... не ради богатства, не ради женской любви, идеалов или грез, но ради воды... Воды в простом бурдюке из овечьей кожи.

Вади — лощина — открылась перед ним как на ладони. Своей излучиной она приближалась к оазису на расстоянии нескольких сот футов. Пользуясь малейшим прикрытием, Гордон пополз в его сторону. Когда он был в ста ярдах от источника, среди пальм показался человек на белом верблюде. В светлеющем воздухе рассвета он мгновенно обнаружил чужака. Араб вскрикнул и выстрелил. Пуля подняла облачко пыли в футах от колена американца, притаившегося на краю лощины. Гордон выстрелил в ответ. Араб заорал, выронил ружье, завалился набок и рухнул между пальм.

В тот же момент Гордон спрыгнул в лощину и осторожно двинулся вдоль нее к тому месту, где она проходила ближе всего от источника. Он заметил фигуры в белом, мечущиеся среди деревьев. Затем ожесточенно загрохотали выстрелы. Пули пели над лощиной. Люди стреляли поверх седел и тюков, нагроможденных в виде вала между стволов пальм. Оборону держали на восточном краю оазиса. На другой стороне Гордон заметил

верблюдов, и если судить по их количеству, американец встретился с малочисленным отрядом кочевников.

Камень на краю лощины служил Аль-Бораку прикрытием. Американец положил ствол винтовки под выступ и стал наблюдать за движением среди пальм. Огонь усилился. Пули отскакивали от камня — зинг-зинг! Звуки выстрелов, теряя на расстоянии свою силу, были похожи на треск гремучей змеи. Когда Гордон стал стрелять, ориентируясь по дымам над дулами, в ответ слышался визг и вой.

Глаза его потемнели — он понимал, что сражение могло затянуться надолго. А осады ему не выдержать: не было в запасе ни воды, ни времени. Караван Хокстона неумолимо двигался на запад, и каждый шаг приближал англичанина к пещерам Аль-Хоур, где Аль-Вазир, не подозревая о грозящей опасности, предавался своим мечтам.

В нескольких сотнях футов от Гордона была вода, дающая жизнь, и верблюды, которые быстро доставили бы его к месту назначения, но оскалившиеся волки пустыни стали преградой на пути к спасению. Град пуль заставил Гордона отступить, а громкие голоса обрушили на него бурю проклятий. По крикам бедуинов стало ясно, что они знают о том, что он один, пеший и, возможно, почти обезумел от жажды. Они выкрикивали насмешки и угрозы, но не обнаруживали себя. Кочевники самонадеянны, но осторожны, поскольку осмотрительность глубоко укоренилась в сознании арабов, благодаря суровой жизни в пустыне. Уверенные в победе, они не собирались рисковать.

Прошел час. Солнце взошло на востоке, и началась жара, сжигающая, ослепляющая жара южной пустыни. Уже с утра она была невыносима, а днем ничем не защищенная лощина станет сущим адом. Гордон облизнул пересохшие губы и решил поставить на карту свою жизнь и жизнь Аль-Вазира.

Сознавая, как отчаянно он рискует, американец, стреляя, приподнялся достаточно высоко над краем

камня, так, что стали видны его голова и плечо. Прозвучали одновременно три выстрела. Пули прожужжали рядом с его головой, а одна чиркнула по предплечью.

Гордон громко закричал, как будто получил тяжелую рану, и поднял руки над краем вади в конвульсивном движении, притворяясь, что смертельно ранен. Он отшвырнул винтовку, и она упала в десяти футах от его укрытия на виду у арабов.

На мгновение наступила тишина, а потом жаждающие крови волки подхватили его крик. Гордон не осмеливался приподняться, чтобы выглянуть, но слышал шлепанье ног, обутых в сандалии, и хриплое дыхание людей, движимых ненавистью. Они клюнули на приманку. Почему бы и нет? Ловкий человек может притвориться раненым и упасть, но кто же умышленно откинет винтовку? Мысль о тяжелораненом американце, беспомощно лежащем на дне лощины, с беззащитным горлом, открытым для ножа, заставила бедуинов забыть об осторожности. Гордон крепко сжимал рукоять револьвера, пока противники не оказались в нескольких ярдах от него... и вдруг резко, как стальная пружина, выпрямился, держа в руке оружие.

В прыжке он снял одним выстрелом сразу трех арабов, упавших там, где они стояли; в глазах мертвецов застыло изумление. Один человек метнулся американцу под ноги, но тотчас пал на кучу трупов с простреленной головой. Другой выстрелил от бедра, не целясь. Мгновение спустя кочевник лежал на земле с пулей в паху, а вторая прошла грудь, окрасив алым белые одежды. И снова Судьба занесла над Гордоном свою руку — Судьба в виде горсти песка, попавшей в затвор револьвера. Оружие отказало в тот самый миг, когда он собрался убить последнего араба.

У бедуина не оказалось винтовки, только длинный нож. С диким криком он развернулся и бросился бежать к пальмовой роще; его одежда развевалась на ветру. Гордон погнался за ним, как голодный волк. Он

не мог допустить, чтобы араб достиг деревьев, где у него могло быть припрятано ружье.

Бедуин бежал, как антилопа, но Гордон настигал его. Они достигли деревьев почти одновременно, и у араба не осталось времени выхватить винтовку, лежавшую за валом из седел и тюков. Не зная, куда бежать, он обернулся, завывая, как бешеная собака, и выхватил длинный нож. Блеснувшее лезвие распороло рубашку Гордона, однако он успел увернуться и обрушил тяжелый револьвер на голову араба. Толстая кафья спасла череп бедуина, но колени его подогнулись, и араб, вцепившись обеими руками в Гордона, упал, увлекая противника за собой. Было слышно, как на другой стороне оазиса какой-то раненый обрушивал проклятия на голову Аль-Борака, перемежая их стонами.

Двое мужчин катались по земле, терзая и раздирая друг друга, как дикие звери. Американец нанес еще один удар стволом револьвера, рассекший лицо араба от глаза до скулы, затем бросил бесполезное оружие и перехватил руку врага, сжимавшую нож. Он схватил левой рукой запястье кочевника, а другой рукой попытался дотянуться до горла. Мертвенно-бледное, перепачканное кровью лицо араба исказилось от страшного напряжения. Он знал о легендарной силе железных пальцев Аль-Борака, знал, что если они сомкнутся на его горле, то не выпустят, пока не задушат.

Он отчаянно бросался из стороны в сторону, дергаясь и вырываясь. Сила его движений заставляла обоих мужчин кататься по земле, ударяясь о пальмовые стволы, седла и тюки. Один раз Гордон сильно ударился головой о дерево, но и это не заставило его ослабить хватку, так же как и удар, который озлобленный араб нанес ему в пах. Бедуин яростно сопротивлялся, сведенный с ума пальцами, сжимавшими ему горло, и нависшим над ним смутным безжалостным лицом. Где-то неслышно раздавался выстрел, но вместо свиста пули Гордон услышал рев верблюда.

С воплем раненой пантеры араб рванулся, весь превратившись в комок напряженных мускулов, и его рука, на которую он оперся, чтобы удержать равновесие, нащупала ствол отброшенного Гордоном револьвера. Он поднял оружие, и в тот момент, когда Борака вцепился в его горло, ударил американца по голове рукояткой со всей силой своих мускулов, умноженной страхом смерти. Дрожь пробежала по телу Аль-Борака, и его голова упала на грудь. В тот же миг бедуин вырвался из рук американца, как волк из капкана, оставив в ладони Гордона свой нож.

Еще до того как американец окончательно пришел в себя, его натренированные мышцы инстинктивно среагировали. Он потрянул головой и, сжимая нож в руке, медленно встал. Араб швырнул в него револьвер и схватил лежавшую у вала винтовку. Он вскинул ее и прицелился в голову своего врага, но, прежде чем прозвучал выстрел, Гордон отпрыгнул в сторону с молниеносной быстротой, благодаря которой он заслужил свое имя, и резко метнул нож, который вонзился в грудь араба и пригвоздил его к стволу пальмы. Бедуин вскрикнул, хрипло и удивленно, но смерть оборвала крик. Все еще стоя на ногах, он повис на ноже, потом колени его подогнулись, нож тяжестью тела вырвало из дерева, и клинок упал на песок рядом с хозяином.

Ожесточенная борьба заняла всего несколько мгновений. Утирая пот, заливавший глаза, Гордон повернулся, высматривая раненого, продолжавшего стрелять из револьвера на другой стороне оазиса. Оттуда доносился рев животных вперемежку с проклятиями.

Выругавшись, Гордон схватил винтовку и бросился сквозь рощу. Раненый лежал в тени пальм и, опершись на локоть, целился, но не в Аль-Борака, а в последнего, еще живого, верблюда. Остальные лежали, истекая кровью. Замахнувшись прикладом винтовки, Гордон прыгнул на человека. Раздался выстрел: верблюд заревел и рухнул. В тот же миг удар Гордона переломил руку стрелявшего, как ветку. Дымящийся

револьвер упал на песок, а бедуин повалился на спину, смеясь, как безумный.

— Теперь посмотрим, сможешь ли ты бежать отсюда, Аль-Борак! — задыхаясь, произнес он. — Сегодня ночью или завтра утром всадники Шалаана ибн Мансура вернутся к источнику! Ну что, ты будешь ждать их здесь или пойдешь пешком в пустыню, чтобы сдохнуть там, как собака? Они все равно выследят тебя, Забытый Богом! Они повесят твою кожу на пальме. Лаан'абук¹...

С трудом приподнявшись, так, что кровавая пена разбрызгалась по его бороде, он плюнул в Гордона и засмеялся резким каркающим смехом. Затем упал на спину и умер, прежде чем его голова коснулась земли.

Гордон стоял неподвижно, как статуя, глядя на мертвого верблюда. Месть бедуина была характерна для его сурового народа. Подняв голову, Гордон долго смотрел на низкую голубую гряду, видневшуюся на горизонте. Умиравший араб радостно предсказал, что ожидает чужеземца. Аль-Бораку оставалось либо ждать в оазисе, пока не вернутся дикие всадники Шалаана ибн Мансура и одолеют его численным превосходством, либо снова отправиться в пустыню, где тоже поджидает смерть. В любом случае Хокстон продолжает непреклонно двигаться на запад, сводя на нет преимущество, которое так дорого далось американцу.

Однако никаких сомнений относительно своего следующего шага у Гордона не было. Он напился из источника и собрал кое-что из еды, которую арабы приготовили себе на завтрак. Несколько сухих лепешек и головок сыра он положил в мешок, а бурдюк наполнил водой. Он нашел свою винтовку и высыпал песок из магазина, а затем пристегнул к поясу саблю, снятую с одного из убитых. Отправляясь из Аль-Азема в пустыню, Гордон не предполагал, что ему придется сражаться. Но теперь не избежать схватки с во-

¹ Лаан'абук — да будет проклят твой отец (арабск.).

инами Шалаана ибн Мансура. И хотя сабля была дополнительной тяжестью, прикосновение к узкому кривому лезвию давало чувство безопасности.

Затем он повесил бурдюк и мешок с провизией на плечи, поднял винтовку и вышел из тенистой рощи в жгучий зной пустыни. Хотя Гордон не спал всю предыдущую ночь, короткий отдых у источника наполнил новой силой его выносливое тело, закаленное невероятно напряженной жизнью. Предстоял долгий, очень долгий переход к пещерам Аль-Хоур под палящим солнцем. Теперь он не надеялся достичь холмов раньше Хокстона, если не произойдет какого-нибудь чуда. И прежде, чем новый восход солнца осветит пустыню, всадники Шалаана ибн Мансура будут за его спиной. В этом случае... все, что ему остается, так это просить Фортуны подарить удачу в бою.

Солнце проделало свой медленный мучительный путь в небесной вышине, а затем скатилось вниз. Опустились сумерки, и над пустыней замерцали звезды. Под ними брел человек, упорно преодолевавший безжалостную необъятность пустынного пространства и одиночества.

4

Пещеры Аль-Хоур были высечены в стенах мрачной гряды холмов, которая возвышалась над каменистой пустыней, как гигантский позвоночник. Среди них струился только один родник, который брал начало в пещере наверху и струился тонкой серебристой нитью по крутому каменистому склону, впадая в неглубокий пруд у подножия горы. Солнце висело в небе, подобно кроваво-красному шару, когда Фрэнсис Хавьер Гордон остановился у этого бассейна и оглядел налитыми кровью глазами ряды пещер, входы в которые были похожи на разверстые рты. Он облизнул почерневшие от жары губы сухим языком. У него все еще

оставалось немного воды в бурдюке за спиной. Он экономил воду на протяжении всего тягостного пути с дикой бережливостью зверя, рожденного в пустыне.

Трудно было понять, как он достиг своей цели. Холмы Аль-Хоур маячили перед ним за много миль, нереальные в колеблющемся воздухе, пока наконец не приблизились, как мираж — фантазия больного от жажды воображения. Солнце пустыни способно обмануть даже такого человека, как Гордон. Медленно, медленно холмы вырастали перед ним... А теперь он стоял у подножия самой крайней, восточной скалы, хмуро оглядывая ряды пещер.

Всадники Шалаана ибн Мансура не вынырнули из спустившейся на пустыню темноты, утром их тоже не было. Снова и снова в течение длинного жаркого дня Гордон останавливался и оглядывался, ожидая увидеть пыль, поднимаемую ногами верблюдов. Но равнина была пуста. Чудом казалось и то, что здесь не было никаких признаков пребывания Хокстона и его каравана. Может быть, они здесь были и ушли? Тогда, по крайней мере, люди напоили бы верблюдов из пруда; но по полному отсутствию следов Гордон понял, что в течение многих лун никто не ставил здесь лагерь и не поил животных. Нет, до пещер они не добрались, хотя и непонятно почему. Что-то задержало Хокстона, и Гордон достиг пещер раньше него.

Американец зашел в пруд по пояс и, наклонившись, погрузил лицо в холодную воду. Подняв голову, он встряхнул волосы, как лев гриву, и неторопливо смыл пыль с лица и рук. Затем вышел из воды и направился к горе. Гордон не видел никаких признаков жизни, но знал, что в одной из этих пещер живет человек, которого он ищет. Американец крикнул, и голос его разнесся далеко среди холмов.

— Аль-Вазир! Где ты, Аль-Вазир?

— Вазир-р-р! — вторило эхо.

Другого ответа не было. Зловещая тишина повисла в воздухе. Держа винтовку в руке, Гордон направил-

ся вверх по узкой тропке, которая шла по неровной поверхности горы. Поднявшись, он с интересом стал разглядывать пещеры. Они шли ярусом вдоль всего склона, располагаясь слишком упорядоченными рядами, чтобы оказаться случайной работой природы. Это было дело рук человеческих. Тысячи лет назад, в туманной дали доисторического времени, они служили пристанищем какому-то племени. Эти люди прорубили свои пещеры в мягкой породе горы с удивительным мастерством — они явно не были дикарями. Гордон знал, что пещеры связаны друг с другом узкими ходами и что, только следуя по этой, похожей на лестницу тропке, можно добраться до них снизу. Тропа заканчивалась длинным карнизом, на который выходили все пещеры нижнего яруса. В самой большой из них поселился Аль-Вазир.

Гордон позвал снова, но безрезультатно. Он шагнул в пещеру и остановился. Она была квадратной. В задней стене и двух боковых виднелись узкие отверстия, похожие на двери. Те, что были пробиты в боковых стенах, служили проходом в соседние пещеры, третья вела в маленькое закрытое помещение, где, как помнил Гордон, Аль-Вазир хранил консервы и другие продукты, привезенные с собой. Кроме еды, у него ничего не было — ни мебели, ни оружия.

В одном углу большой пещеры лежала груда углей и пепла, там, видимо, разводился огонь. В другом углу он увидел шкуры — постель Аль-Вазира. Рядом валялась единственная книга, которую Аль-Вазир взял с собой, — «Бхагават-Гита». Но самого отшельника не было видно.

Гордон прошел в кладовую, зажег спичку и осмотрелся. Там оставались консервы, хотя их количество значительно уменьшилось. Но банки не стояли у стены аккуратной горкой, уложенной по приказу Аль-Вазира. Они валялись, рассыпанные и разбросанные, по всему полу. Среди банок попадались и раскрытые, и пустые. Это было совсем не похоже на Аль-Вазира,

который высоко ценил аккуратность и порядок даже в незначительных вещах. Веревка, которую он взял с собой, чтобы исследовать пещеры, лежала в углу, свернутая кольцом.

Совершенно сбитый с толку, Гордон вернулся в большую квадратную пещеру. Он ожидал найти Аль-Вазира сидящим в спокойной позе медитации или на карнизе, где тот мог отрешенно смотреть на пустыню во время захода солнца.

Где же он?

Совершенно ясно, что Аль-Вазир не отпирался в пустыню, — ведь он мог там погибнуть. У русского не было причин покидать пещеры. Если бы он просто устал от одинокой жизни и решил вернуться к людям, то непременно бы взял с собой книгу, которая лежала на полу, — свою постоянную спутницу. Нигде не было следов крови или чего-нибудь, указывающего на насильственную смерть отшельника. Гордон не верил, что какой-то араб или бедуин стал бы досаждать «святому». В случае, если кочевники захватили и увели с собой Аль-Вазира, они взяли бы веревку и консервы. Гордон был также уверен, что, пока Хокстон не выведет у Дирдара тайну Аль-Вазира, ни один белый человек, кроме него самого, не знал о местонахождении отшельника.

Осмотр нижнего яруса пещер не дал ничего. Солнце скрылось за холмами, длинные тени которых протянулись далеко на восток через пустыню, и густая тьма заполнила пещеры. Молчание и неизвестность начали действовать Гордону на нервы. Стало казаться, что чьи-то невидимые глаза неотступно следят за ним. У людей, живущих в постоянной опасности, развиваются инстинкты и ощущения, совершенно незнакомые тем, кто пользуется защитой «цивилизации». Когда Гордон проходил через пещеры, он постоянно испытывал побуждение резко обернуться и встретить взгляд глаз, буравящих ему спину. Наконец, когда он не выдержал напряжения и, держа палец на спусковом

крючке винтовки, повернулся, пытаясь уловить в сгущающемся сумраке малейшее движение, то оказалось, что темные пещеры и проходы по-прежнему пусты.

Проходя по отдаленному переходу, он вдруг услышал (и мог бы поклясться, что ему не померещилось) тихий звук, похожий на крадущийся шаг босого человека. Он приблизился к жерлу туннеля и неуверенно позвал: «Это ты, Иван?» И вздрогнул от вновь наступившей гнетущей тишины. На самом деле он не верил, что это Аль-Вазир. Гордон нащупывал дорогу в туннеле, держа винтовку перед собой, и через несколько ярдов наткнулся на стену: это был тупик, не имеющий другого выхода, кроме того проема, через который он прошел внутрь. И вокруг никого не было, если не считать его самого.

Чувствуя раздражение, он снова вернулся к выступу перед пещерами.

— Черт, неужели у меня стали сдавать нервы?

Мысль, внезапно пришедшая ему в голову, заставила содрогнуться. Гордон вспомнил о поверье бедуинов: будто в древних пещерах скрывается джинн, пожирающий любого человека, имевшего глупость остаться здесь на ночь. Эта мысль вернулась к Аль-Боракку вместе с размышлениями о мистических тайнах Востока. На рациональном Западе они часто служат предметом насмешек, но нередко оказываются страшной реальностью. Что, если сверхъестественное существо или какое-нибудь животное, живущее в пещерах, сожрало отшельника... Гордон почему-то представил огромного питона, живущего веками в холмах... Это могло объяснить странное исчезновение Аль-Вазира. Покачав головой, он выругался:

— Черт возьми! Я дурак. В Аравии ведь нет таких змей. Эти пещеры действуют мне на нервы!

И это было действительно так. В давно покинутых пещерах скрывалась какая-то тайна, которая вызвала к кельтским суевериям Гордона. Какой народ обитал здесь много веков назад? Что за войны они вели? Ка-

кая сила заставила людей уйти? Какие жестокости и интриги? Какие дикие ритуалы неизвестного культа отпращивали в этих стенах? Что за боги требовали жертв? Гордон пожал плечами, не желая думать о человеческих жертвоприношениях. Слишком хорошо они вписывались в общую атмосферу этих мрачных катакомб.

Злясь на себя, он вернулся в большую пещеру, которую, помнится, арабы, непонятно по какой причине, называли Нисс'рош — Орлиное Гнездо. Он решил остаться в ней на ночь, отчасти желая перебороть свои суеверные страхи, отчасти из боязни, что внизу его могут захватить врасплох люди подоспевшего Хокстона или Шалаана ибн Мансура. Еще одна загадка. Почему они до сих пор не достигли пещер, поодиночке или вместе? Пустыня — место загадок, сумрачное царство фантазии. Аль-Вазир, Хокстон, Шалаан ибн Мансур... Может быть, сказочный джинн схватил их всех и улетел, оставив Аль-Борака одного в этой необитаемой пустыне? Подобные капризы воображения проносились в его мозгу, когда он, слишком усталый, чтобы есть, готовился ко сну.

Он поставил на тропу большой камень, установив так, чтобы тот покатился при малейшем прикосновении. Грохот падающего камня непременно разбудит спящего. Гордон вытянулся на гряде шкур и подумал о том, насколько тяжел оказался этот долгий путь, который вымотал даже его железное тело. Американец мгновенно заснул, не ощущая неудобств своей жесткой постели. Он совершенно расслабился и не услышал приближения босых ног существа, что подкрадывалось к нему в темноте, и проснулся, лишь когда когтистые пальцы кровожадно сомкнулись на его горле и свирепое рычание раздалось над ухом.

Рефлексы Гордона были отточены во многих сражениях, поэтому он вступил в борьбу за свою жизнь, прежде чем успел окончательно проснуться, не размышляя, кто набросился на него: огромная змея или обезьяна. Сильные пальцы противника чуть не разда-

вили ему горло, но американец все-таки сумел напрячь шейные мускулы и этим ослабить железную хватку. Нападение было столь ошеломляющим, схватка такой стремительной, что, когда они катались по полу, Гордон терял драгоценные секунды, стараясь просто оторвать от себя руки странного существа. Затем, когда он окончательно пришел в себя, хотя красный туман все еще застилал ему глаза, Гордон изменил тактику и ударил противника коленом в твердый мускулистый живот, подсунув большие пальцы под мизинцы рук, сдавивших ему шею. Никто не мог бы выдержать такого удара. Незнакомый подался назад, а Гордон тотчас двинул ему кулаком сбоку по голове и откатился, когда тяжелое тело, ослабев, рухнуло на пол. В пещере было темно, как в преисподней, так темно, что Гордон не видел своего противника.

Американец вскочил на ноги, на ходу вытаскивая саблю, и замер, напряженно вглядываясь в темноту. Гордон нанес удар, ориентируясь на звук. Клинок рассек воздух. Послышался невнятный крик, шарканье ног, затем быстро удаляющийся топот. Кто бы это ни был, он бежал. Гордон пустился вдогонку. Он наткнулся на стену и стал шарить по ней свободной рукой, но к тому моменту, когда ему удалось обнаружить боковой проем, звуки торопливых шагов замерли. Американец зажег спичку и огляделся, впрочем, не ожидая увидеть нечто такое, что давало бы ключ к разгадке. Так и случилось: на каменном полу никаких следов не оказалось.

Гордон не знал, что за существо напало на него. Тело его противника не было волосатым, как у обезьяны, хотя грива спутанных волос покрывала голову. Однако оно боролось не так, как это делает человек. Гордон чувствовал, как оно пускает в ход свои длинные когти и зубы. Трудно было поверить, что в человеческих мускулах может таиться подобная мощь. И звуки, которые издавало странное существо, не могли принадлежать человеку, какая бы дикая ярость ни охватила его в пылу схватки.

Подняв винтовку, Гордон вышел на карниз. По расположению звезд он определил, что время за полночь, и сел, прислонившись спиной к скале. Он не собирался спать, но, вопреки своему желанию, задремал. Однако вскоре неожиданно проснулся и мгновенно оказался на ногах. Каждый нерв его был натянут, по коже пробежали мурашки в предчувствии страшной опасности, что затаилась совсем рядом.

Но ничто не нарушало безмолвия холмов Аль-Хоур. Гордон решил, что причина его внезапного пробуждения — дурной сон, как вдруг заметил неясную тень, мелькнувшую в черном отверстии пещеры неподалеку, и вскинул винтовку. Эхо выстрела полетело от скалы к скале. Он напряженно ждал, но по-прежнему ничего не видел и не слышал.

Положив винтовку на колени, Гордон снова сел, настороженно оглядывая все вокруг. Он понимал, насколько рискованно его положение. Он был похож на человека, высаженного на необитаемом острове. До караванного пути на юге — целый день тяжелого перехода. Конечно, он мог отправиться туда... если бы Хокстон отказался от своих намерений, что было невероятно. Отряд англичанина движется по этой дороге. А встретиться с головорезами Хокстона в одиночку, да к тому же пешком... Гордон не питал иллюзий относительно Хокстона. Однако ему грозила еще большая опасность — Шалаан ибн Мансур. Он не знал, почему шейх не преследует его, но не сомневался, что Шалаан прочешет всю пустыню в поисках человека, который убил его людей у источника Эмир-хана и в конечном итоге обязательно настигнет. И Гордону тем более не хотелось оказаться пешком при встрече с воинами Мансура. Здесь, под укрытием пещер, с запасом воды и пищи, у него оставался пусть призрачный, но шанс отбиться. Если окажется, что Хокстон и Шалаан приедут сюда в одно и то же время... это даст возможность спастись. Гордон был воином, который полагался на свой ум в той же степени, что и на оружие. Ему и

прежде удавалось сталкивать своих врагов друг с другом. Но в данный момент непосредственную угрозу таили сами пещеры, угрозу, которая, как он чувствовал, была и решением загадки Аль-Вазира. Эта опасность исчезнет только с приходом дня.

Гордон сидел, прислонившись спиной к камню, пока рассвет не окрасил небо на востоке сначала в розовый, а затем в белый цвет. Как только стало светлеть, американец устремил взор на пустыню, ожидая увидеть вдалеке движущуюся линию точек, что означало людей или верблюдов. Но перед ним простиралась только пустынная светло-коричневая равнина и гряда холмов. Косые солнечные лучи проникли в проем пещеры, освещая то, что предыдущим вечером было скрыто в тени. Гордон поднялся и двинулся в глубь катакомб.

Пройдя в туннель, где он первый раз услышал звуки крадущихся шагов, он нашел объяснение одной из загадок: несколько ступеней, выбитых в каменной стене, вели через квадратное отверстие на потолке в верхнюю пещеру. Джинн пещер был в этом туннеле и убежал через проем наверх, выбрав по какой-то причине вместо сражения бегство.

Решив отдохнуть и немного утолить голод, Гордон направился в Орлиное Гнездо, чтобы там подкрепиться, а затем продолжить исследование пещер. Он вошел в большую пещеру, освещенную ранними лучами солнца, которые проникали через входное отверстие... и остановился как вкопанный.

Согнутая фигура в дверях кладовой выпрямилась и повернулась к нему лицом. На какое-то мгновение они оба замерли. Гордон увидел не человека, а нечто едва напоминающее его — обнаженное существо со спутанной копной волос и бородой, над которой дико сверкали глаза. Перед американцем, казалось, очутился далекий пращур — пещерный человек, держащий по камню в каждой лапе. Однако высокий широкий лоб, наполовину скрытый под шапкой волос, не был

скошенным, и лицо, заросшее косматой бородой, не напоминало лицо дикаря.

— Иван! — воскликнул Гордон в ужасе.

Объяснение другой загадки открылось ему со всеми отвратительными последствиями. Аль-Вазир сошел с ума.

Как будто подстегнутый звуком человеческого голоса, голый безумец вскочил и гневно швырнул камень. Гордон увернулся, и камень разлетелся на мелкие осколки, ударившись о стену. Аль-Вазир был выше американца и обладал великолепным торсом, бугристым от мускулов, а ярость сумасшествия, казалось, удесятерила его силы. Гордон, не сводя с русского глаз, положил винтовку у стены. Как только он это сделал, Аль-Вазир неуклюже швырнул в него другой камень и одним прыжком через всю пещеру бросился следом. Из ощерившегося рта безумца вылетел дикий вопль и показалась пена.

Гордон встретил его лицом к лицу и напружинил сильные ноги, готовясь принять удар. Аль-Вазир яростно зарычал, остановившись как вкопанный. Гордон схватил его за руки и стал выкручивать. Не переставая визжать, тот вырывался и дергался, как пойманный в ловушку зверь. Его мускулы были похожи на натянутую стальную проволоку, которая сгибалась и перекручивалась под хваткой Гордона. Его зубы позвериному щелкнули у горла американца, а когда Аль-Борак инстинктивно отдернул голову, сумасшедший рывком освободился, схватил Гордона за руку и резко дернул вниз, а затем, нащупав рукоять сабли, выхватил лезвие из ножен. Он замахнулся, блеснула сталь, и Гордон, чуя смерть в поднятом клинке, ударил противника в челюсть. Короткий страшный хук достиг своей цели на расстоянии чуть более фута, по силе превосходя удар лошадиного копыта.

Голова Аль-Вазира качнулась, а затем безвольно опустилась на грудь. Ноги подогнулись. Гордон подхватил обмякшее тело и положил на каменный пол. Оста-

вив безумца, американец быстро прошел в кладовую и взял там веревку. Вернувшись к бесчувственному человеку, он обмотал конец веревки вокруг его талии, затем приподнял и посадил, прислонив к каменному столбу в глубине пещеры. Потом обмотал веревку вокруг колонны, завязав сложным узлом на другой стороне. Веревка была достаточно крепка, чтобы выдержать рывки нечеловеческой силы. А повернуться и развязать ее Аль-Вазир не сумел бы. Закончив, Гордон стал приводить отшельника в чувство. Это оказалось нелегкой задачей: будучи в смертельной опасности, американец ударил со всей силой своих стальных мускулов. Только густая борода спасла челюсть противника от перелома.

Вдруг глаза безумца открылись, зрачки дико заворачивались и, остановившись на лице Гордона, загорелись яростью. Руки с длинными ногтями на пальцах поднялись и потянулись к горлу Аль-Борака. Американец отшатнулся. Аль-Вазир сделал судорожную попытку встать, откинулся назад и согнулся, уставившись немигающим взглядом на своего противника; его пальцы все время бесцельно сгибались и разгибались. Гордон смотрел на сумасшедшего с болью в сердце. Что за жалкий и отвратительный конец мечтам и философским исканиям!

Аль-Вазир пришел в пустыню в надежде найти покой и обрести истину, но нашел ужас и пустоту безумия. Гордон искал отшельника-философа, излучающего мудрость, а нашел грязного голого сумасшедшего.

Американец наполнил пустую жестянку водой и вместе с открытой банкой консервов поставил рядом с рукой Аль-Вазира. И тут же отскочил в сторону, когда безумный отшельник что есть силы швырнул в него подношение. Покачав головой, Гордон отправился в кладовую и подкрепился сам. Ему не хотелось есть рядом с тем, что осталось от его друга — некогда сильной и прекрасной личности. Он утолял голод, когда внезапный звук, возвестивший о приближении опасности, заставил американца вскочить на ноги.

Это было шумное падение камня, оставленного Гордоном на тропе. Кто-то по ней поднимался! Схватив винтовку, Гордон крадучись двинулся по карнизу. Наконец-то явился один из его врагов!

Внизу наклонился к пруду усталый запыленный верблюд. На тропе, в нескольких футах от карниза, стоял высокий жилистый человек в покрытых пылью сапогах и бриджах; разорванная рубашка открывала загорелую мускулистую грудь.

— Гордон! — крикнул человек, изумленно глядя в черное дуло винтовки американца. — Какого дьявола вы здесь?

Его руки лежали на свалившемся камне, за который он ухватился, когда взбирался по тропе. Винтовка была за спиной, револьвер в кобуре и сабля в ножнах висели на поясе.

— Руки вверх, Хокстон, — приказал Гордон. Англичанин подчинился.

— Что вы здесь делаете? — повторил он вопрос. — Вы ведь были в Аль-Аземе...

— Селим успел рассказать мне, что он видел в доме у Мекметского источника. Я пришел сюда дорогой, которую вы не знаете. Где ваши шакалы?

Хокстон стряхнул капли пота со лба. Он был выше среднего роста, крепкий, загорелый до черноты. На темном хищном лице резко выступал орлиный нос, нависающий над тонкой полоской черных усов. Не признающий законов чести авантюрист. Его искрящиеся серые глаза отражали жестокую и безрассудную натуру. Как воин он был так же хорошо известен на Востоке, как и Гордон, — впрочем, больше в Аравии, поскольку ареной самых великих подвигов Аль-Борак являлся Афганистан.

— Мои люди? Я думаю, они сейчас мертвы. Бедуины рувайла зажгли костры войны. Шалаан ибн Мансур напал на нас у Сулейманова источника с по-

лусотней своих всадников. Мы сделали загороди из седел среди пальм и сдерживали их целый день. Ван Брок и трое погонщиков верблюдов были убиты во время сражения, а Кракович ранен. Этой ночью я взял верблюда и бежал. Я знал, что упорствовать бесполезно.

— Вы свинья, — произнес Гордон спокойно. Он не назвал Хокстона трусом, поскольку знал, что тот не труслив. Но циничная решимость англичанина спасти свою шкуру во что бы то ни стало и заставившая его бросить раненых, сидевших в осаде компаньонов, вызывала презрение.

— Какой смысл подставлять себя под пули, — резко ответил Хокстон. — Я убежден, что один человек всегда может ускользнуть в темноте, и я бежал. Бедуины атаковали лагерь, как только я отъехал. И слышал, как они убивали остальных. Ортелли закричал, когда ему перерезали горло... Я знал, что они догонят меня прежде, чем я доберусь до побережья. Мне доводилось слышать об этих пещерах... на северо-западе пустыни, далеко от дороги и к югу от источника Хорсу. Это длинный безводный переход... Только по счастливой случайности мне удалось дойти. Теперь я могу опустить руки?

— Можете, — ответил Гордон. Винтовка у него в руках не дрогнула. — Через несколько секунд уже не будет иметь значения, где ваши руки.

Выражение лица Хокстона не изменилось. Он опустил руки, но держал их подальше от пояса.

— Вы собираетесь убить меня? — спокойно спросил он.

— Вы убили моего друга Селима и пришли сюда с намерением ограбить Аль-Вазира. Вы убьете меня, если представится случай. Я не такой дурак, чтобы оставить вас в живых.

— Вы собираетесь хладнокровно меня застрелить?

— Нет. Поднимайтесь на карниз. Я предоставляю вам возможность отстоять свою жизнь.

Хокстон подчинился и спустя несколько мгновений стоял лицом к американцу. Наблюдатель нашел бы определенное сходство между ними. Они были похожи не чертами лица, нет. Но оба — загорелы, сухощавы и мускулисты, и у обоих было пронизательное ястребиное выражение лица, характерное для людей, живущих своим умом и обладающих сильным характером.

Хокстон стоял без оружия, а Гордон по-прежнему держал винтовку у бедра, нацелив в англичанина.

— Винтовки, револьверы или сабли? — спросил он. — Говорят, вы хорошо владеете клинком.

— Револьверы не для Аравии, — ответил Хокстон самоуверенно. — Но я вообще не собираюсь драться с вами, Гордон.

— Вам придется! — В черных глазах американца полыхнуло красное пламя. — Я знаю вас, Хокстон. Вы коварны, как змея. Мы выясним наши отношения здесь и сейчас. Выбирайте оружие, или, клянусь, я пристрелю вас на месте.

Хокстон молча покачал головой.

— Вы не застрелите человека просто так, Гордон. Я не буду с вами драться. Послушайте, на наших руках и так слишком много крови. Где Аль-Вазир?

— Не ваше дело, — огрызнулся Гордон.

— Ладно, это не так уж и важно. Вы знаете, зачем я здесь. И я знаю, что вы прибыли сюда, чтобы меня остановить. Но сейчас мы с вами в одной упряжке. За мной гонится Шалаан ибн Мансур. Я ускользнул от него, но он взял мой след и преследует меня уже несколько часов. У него отличные верблюды. Он постепенно настигал меня всю дорогу. Когда я перевалил через самый высокий из южных холмов, я видел поднятую всадниками пыль. Через час они будут здесь. Он ненавидит вас так же сильно, как и меня. Мне нужна ваша помощь, а вам — моя. Вместе с Аль-Вазиром мы, может быть, сможем удержать пещеры.

Гордон нахмурился. Все, что сказал Хокстон, звучало правдоподобно и объясняло, почему Шалаан ибн

Мансур не пошел по его горячему следу и почему англичанин раньше не добрался до пещер. Но Хокстон слишком коварен, и верить ему опасно. Безжалостный закон пустыни гласил, что он должен застрелить англичанина, взять его верблюда и, когда тот отдохнет, отправиться с Аль-Вазиром на побережье.

Однако Хокстон верно оценил характер американца, сказав, что тот не сможет хладнокровно убить безоружного человека.

— Не двигайтесь, — предупредил его Гордон и, держа винтовку в одной руке, как револьвер, обезоружил Хокстона, а затем провел рукой по его одежде, проверяя, не спрятано ли под ней какое-нибудь оружие. Если уж его представления о чести не позволяют сейчас убить англичанина, то по крайней мере он не даст этому подонку убить себя. Насчет Хокстона у американца не было иллюзий.

— Чем вы докажете, что не лжете? — спросил он.

— Разве я приехал бы сюда на загнанном верблюде, если бы лгал? — сказал Хокстон, пожав плечами. — Нам лучше где-нибудь спрятать животное. Если мы вырвемся, нам будет на чем добраться до побережья. Черт возьми, Гордон, из-за ваших подозрений и колебаний нам обоим перережут глотки! Где Аль-Вазир?

— Повернитесь и посмотрите в этой пещере, — мрачно ответил Гордон.

Хокстон, заподозрив неладное, обернулся. Когда его взгляд остановился на скорчившейся возле колонны фигуре в глубине пещеры, англичанин судорожно сглотнул.

— Аль-Вазир! Господи, что с ним случилось?

— Одиночество его доконало, — усмехнулся Гордон. — Он сошел с ума и не сможет рассказать, где находится Кровь Богов, даже если вы будете пытаться его целыми днями.

— Что ж, сейчас это уже не имеет значения, — грубо проворчал Хокстон. — Нельзя думать о сокро-

вищах, когда сама жизнь висит на волоске. Гордон, вы должны поверить мне! Нам нужно срочно готовиться к осаде, а не разговоры вести. Если Шалаан ибн Мансур... Смотрите! — Он подскочил к краю карниза.

Гордон не подошел к нему, напротив, шагнул назад и встал так, чтобы видеть и Хокстона, и то, что тот разглядывал вдаль. Гряда холмов шла изломанной линией на юго-восток. На самом дальнем холме виднелась нить белых точек, которую сопровождало облачко пыли. Уменьшенный на расстоянии стройный ряд людей на верблюдах!

— Бедуины рувайла! — воскликнул Хокстон. — Не пройдет и часа, как они будут здесь!

— Это могут быть и ваши люди, — ответил Гордон, слишком осторожный, чтобы соглашаться, не имея на то достаточных оснований. — Хорошо, спрячем верблюда. Допустим, вы говорите правду. Идите впереди меня вниз по тропе.

Не обращая внимания на проклятия англичанина, Гордон погнал его вниз к пруду. Хокстон повел верблюда за собой на веревке, а Гордон, не спуская с него глаз, шел следом по пятам. Недалеко от пруда находилось узкое ущелье, глубоко извивающееся в изломе холмов. В этом ущелье Гордон показал расщелину в отвесной стене, скрытую за выступами. Через нее верблюд был втиснут в нишу, похожую на каменный мешок.

— Не знаю, известно ли арабам это место, — сказал Гордон. — Будем надеяться, что они не обнаружат верблюда.

Хокстон нервничал.

— Ради Бога, давайте вернемся в пещеры! Бедуины скачут как ветер. Они перестреляют нас, как кроликов, если застанут на открытом месте.

Он бросился назад, и Гордон последовал за ним. Нервозность Хокстона была вполне оправдана. Они еще не достигли тропы, которая вела в пещеры, когда раздался топот копыт и из-за ближайшего холма показался одетый в белое всадник, потрясающий винтовкой.

Увидев их, он резко крикнул, послал своего верблюда в галоп и вскинул ружье к плечу. Следовавшие за ним всадники, появляясь один за другим, приближались к гряде холмов... бедуины на белых верховых верблюдах.

— Давайте быстрее наверх, дружище! — крикнул побледневший под загаром Хокстон.

Гордон помчался к тропе, а за ним, тяжело дыша и ругаясь, бежал англичанин. Пули уже стали задевать скалу. Вырвавшийся вперед всадник издал кровожадный клич и поскакал за беглецами вслед. Стреляя из раскачивающегося седла, он посылал пули, ложившиеся все ближе и ближе к цели. Хокстон вскрикнул, задетый осколком камня, отщепленного пулей.

— Черт вас побери, Гордон, — прохрипел он, — это вы виноваты. Из-за вашего проклятого упрямства он перебьет нас, как кроликов.

Всадник был в трехстах ярдах от подножия горы, а беглецы — в десяти футах. Вдруг Гордон обернулся, сдернул винтовку с плеча и выстрелил. Движение было таким стремительным, что, казалось, американцу ни за что не удастся бить прицельно. Но араб вылетел из седла, будто пораженный молнией. Даже не остановившись, чтобы увидеть результат своего выстрела, Гордон взбежал на тропу и вскоре уже был на карнизе. Хокстон следовал за ним по пятам.

— Самый замечательный выстрел, какой я видел! — воскликнул англичанин.

— Берите свою винтовку, — проворчал Гордон, ложась на краю выступа. — Вот они!

Арабы не остановились. Они встретили падение своего товарища яростными воплями и, подстегнув верблюдов, пустились во весь опор. Бедуины решили подъехать к началу тропы и напасть на них снизу. Отряд состоял по меньшей мере из пятидесяти человек. Однако двое белых, лежавших ничком на карнизе горы, не потеряли головы. Они прошли через горнило многих яростных сражений, поэтому хладнокровно ждали, когда всадники подскочут ближе. Тогда оба

начали стрелять, не спеша и без промаха. И с каждым выстрелом один из всадников падал из седла или тяжело опускался на горбатую спину своего верблюда.

Даже бедуины не могли выдержать такой огонь. Они прекратили атаку и, повернув верблюдов назад, бросились врассыпную с такой же быстротой, как и при нападении. Пятеро из них нашли свою смерть у подножия горы. Когда остальные удирали, Хокстон снял одного из замыкающих пульей между лопаток.

Бедуины отступили за ближайший низкий каменистый холм. Хокстон погрозил им винтовкой и выругался с истинным мужским красноречием:

— Подонки пустыни! Попробуйте, суньтесь еще раз сюда, хвастуны!

Гордон не тратил время и силы на слова. Теперь он знал, что Хокстон говорил правду и не нападет на него, по крайней мере пока они отбиваются от общего врага. Однако он был уверен, что, как только эта опасность минет, англичанин выстрелит ему в спину при первой возможности. Гордон понимал, что у них плохая позиция, но могло быть и хуже. Бедуины — бывалые воины, жестокие, как волки, а их вождь жаждет отомстить им обоим и ни за что не упустит случая захватить врагов в своих владениях.

Но у осаждаемых было преимущество укрытия, неиссякаемый запас воды, а еды столько, что можно продержаться несколько месяцев. Единственной слабостью являлось ограниченное количество патронов.

Не сговариваясь, они заняли свои места на выступе. Хокстон — к северу от начала тропы, а Гордон на таком же расстоянии к югу от нее. Им не нужно было ничего обсуждать: каждый знал, что собирается делать другой. Они лежали ничком, спрятавшись за камнями, которые собрали и сложили перед собой, чтобы упрочить естественную защиту.

Вспышки выстрелов усеяли гряды холмов. Это бедуины, спешившись, залегли среди валунов и откры-

ли огонь. Люди на уступе, не двигаясь, лежали под пулями, которые свистели вокруг и ударялись в камень возле их рук. В том положении, в каком они оказались, англичанин и американец отлично понимали друг друга. Они не тратили два патрона на одного и того же человека. Воображаемая линия, ведущая от начала тропы к гряде холмов, была разделена на два сектора. Когда голова в тюрбане показывалась из-за камня к северу от этой линии, пуля Хокстона поражала бедуина, и тот падал за валун, а когда кто-нибудь высывался из своего укрытия и пытался перебежать ближе к горе, Хокстон прятался, а Гордон стрелял, и бегущий падал со всего маху на землю или катился кубарем, чтобы уже никогда не встать.

Из-за гряды слышался голос, звеневший от ярости.

— Это Шалаан, черт его побери! — сказал Хокстон. — Можете вы разобрать, что он говорит?

— Он крикнул своим людям, чтобы они не высывались и были осторожны... у них есть время, — ответил Гордон.

— Это верно, — вздохнул Хокстон. — У них есть время и еда, а воду они добудут. Подкрадутся к пруду и наполнят свои бурдюки. Хотел бы я, чтобы кому-нибудь из нас удалось застрелить Шалаана. Но он слишком хитер, чтобы соваться под пули. Я видел его, когда бедуины первый раз нас атаковали. Он стоял спиной к гряде, но слишком далеко — пуля бы его не достала.

— Стоит нам его убрать, остальных через минуту как ветром сдует, — сказал Гордон. — Бедуины боются джинна-людоеда. Они верят, что он живет в этих холмах.

— Жаль, что они не видят Аль-Вазира, — усмехнулся Хокстон. — Сколько у вас осталось патронов?

— Полная обойма в револьвере и еще дюжина винтовочных патронов.

Хокстон выругался.

— У меня самого не больше. Нам лучше бросить жребий и решить, кто из нас уйдет этой ночью, а кто останется и стрельбой будет отвлекать внимание псов пустыни. Тому, кто останется, достанутся винтовки и все боеприпасы.

— Нечего паниковать, — проворчал Гордон. — Мы уйдем все вместе, и Аль-Вазир с нами, или никто не уйдет!

— Вы безумец! Думать об этом сумасшедшем в такую минуту!

— Пусть так, но, если вы вздумаете бежать, я пушу вам пулю в спину.

Хокстон бросил на американца злобный взгляд. Наступило молчание. Оба лежали, затаившись, и наблюдали за грядой холмов, которые подрагивали в волнах жары. Стрельба прекратилась. Но они видели, как время от времени среди расщелин и камней мелькала белая одежда, когда осаждающие передвигались среди валунов. На некотором расстоянии к югу Гордон увидел группу бедуинов, ползущих вдоль тенистой расщелины, которая вела к подошве их горы. Он не стал тратить на них патроны, зная, что когда кочевники достигнут скалы, то окажутся не в самом лучшем положении — слишком далеко, чтобы достать обороняющихся пульей, а приблизиться к ним можно только по тропе. Гордон принялся изучать гору, которая служила им крепостью.

Около тридцати пещер образовывали нижний ярус. Каждая из них была связана с другой узким проходом, и все ярусы соединялись между собой выбитыми в стенах лестницами, поднимавшимися из нижней пещеры через отверстия в каменном потолке наверх. Орлиное Гнездо, в котором сидел связанный Аль-Вазир, укрытый от случайных пуль, находилось примерно в середине нижнего яруса, и тропа, пробитая в камне, вела от подножия горы прямо на карниз. Хокстон лежал перед третьей пещерой на севере, а Гордон — перед третьей пещерой на юге.

Арабы залегли полукругом, который начинался от холма в конце низкой гряды, тянулся вдоль ее хребта и упирался в другой конец. Только те бедуины, которые залегли среди валунов, оказались достаточно близко, чтобы представлять опасность. Глядя снизу вверх на карниз, они могли видеть лишь блестящие дула винтовок или заметить мелькание голов защитников горной крепости. Попастъ в них было почти невозможно. Арабы и не пытались стрелять. Поэтому некоторое время царил тишина — не прозвучало ни одного выстрела.

Гордон задал себе вопрос, мог бы кто-нибудь, посмотрев вниз с гребня горы над пещерами, увидеть его и Хокстона. Он внимательно осмотрел каменную стену над собой. Она была почти отвесной. Другой, более узкий карниз, который шел вдоль второго яруса, и еще один, идущий вдоль верхнего, заграждали вид сверху. Вспомнив отвесные склоны горы, Гордон решил, что бедуины, эти жители равнин, нигде не смогут на нее взобраться.

Он обдумывал, как бы ему незаметно пробраться в Орлиное Гнездо и покормить Аль-Вазира, когда вдруг услышал слабый шорох, который заставил его напрячь внимание. Казалось, он исходил из пещер позади него. Гордон взглянул на англичанина. Тот тщательно целился, стараясь поймать на мушку кафью, которая мелькала среди валунов.

Гордон отполз от края уступа к отверстию ближайшей пещеры и скрылся из поля зрения людей, засевших внизу. В пещере он постоял, прислушиваясь. Шорох послышался снова... едва слышный, похожий на скольжение по камню босых ног. Он доносился из какой-то пещеры, расположенной на юге. Гордон радучись двинулся в том направлении. Он прошел через соседнюю пещеру, потом в следующую... и столкнулся лицом к лицу с высоким бородатым бедуином, который взревел и взмахнул саблей. Другой, стоявший позади него человек со зверским, исполосованным

шрамами лицом, вскинул винтовку. Еще несколько арабов вылезали из проема в полу.

Выстрелом от бедра Гордон предупредил удар сабли. Араб со шрамами палил из винтовки поверх падающего тела своего товарища, и Гордон почувствовал удар, вызвавший онемение рук и выбивший спусковой крючок у него из-под пальца. Пуля, врезавшись в затвор, разрушила механизм. Он услышал, как Хокстон яростно взревел на карнизе и начал отстреливаться, а также крики и выстрелы, доносившиеся из долины. Бедуины штурмовали скалу! И Хокстон вынужден был встречать их один, так как руки Гордона оказались пусты.

Все произошло в считанные секунды. Прежде чем бедуин выстрелил вновь, Гордон ударил его ногой в пах и, выдернув винтовку из рук другого араба, ударил прикладом по голове человека, который бросился на него с длинным ножом. У американца не было времени, чтобы выхватить револьвер или саблю. В узкой пещере началась рукопашная схватка: два бедуина набросились на Гордона, как волки, а остальные, выхватив ножи, со всем присущим арабам пылом присоединились к ним.

Никто не давал и не ждал пощады... сверкавшие в круговороте бешеного движения клинки звенели о ствол винтовки и вонзались в приклад, когда Гордон отражал удары... а потом мощный сокрушающий удар рушился на ближайшего, разбивая череп. Кочевник со шрамом поднялся, но, боясь стрелять из-за тесноты свалки, бросился на противника, используя свое ружье как дубинку. Гордон нырнул под нависший над ним приклад и стволом своей винтовки ударил в бородатое лицо, раздробив бедуину зубы и челюсть. Раненый опрокинулся в проем, увлекая за собой людей, которые вылезали оттуда.

Получив передышку, Гордон прыгнул к отверстию в полу, выхватывая на ходу револьвер. Бедуины, теснившиеся в проеме, замерев, смотрели на него сни-

зу вверх, понимая, какая их ждет участь... Затем пещера наполнилась оглушительным грохотом большого револьвера, изрыгнувшего град пуль, превративших дикие лица в кровавые ошметки. Это было жестокое убийство: кровь и мозги забрызгали стены. Ослабевшие руки разжались, и тела заскользили вниз на дно шахты, превращаясь в кровавое месиво.

Гордон взглянул вниз, повернулся и выбежал на карниз. Вокруг него запели пули. Он увидел, что Хокстон перезаряжает винтовку. В поле зрения не было ни одного живого араба. Поддесятка тел между грядой и началом тропы указывали на то, чем закончился штурм горы. Хокстон крикнул:

— Какого черта вы туда пошли?

— Они нашли лаз, ведущий наверх откуда-то снизу, — сказал Гордон. — Оставайтесь здесь. Я постараюсь его забить.

Не обращая внимания на пули, летевшие из-за камней, он отыскал большой валун и покатил к пещере. Он осторожно посмотрел вниз на источник. В сорока футах от него должен был находиться вход в ту шахту, через которую арабы проникли в пещеру, и там же должны теперь лежать их тела, упавшие сверху. Но он увидел только один труп, и, пока смотрел на него, тот задвигался, будто ожил, и пропал из виду. Люди за поворотом убирали мертвецов, расчищая место для нового нападения.

Гордон покатил валун к проему и толкнул. Тот полетел вниз и надежно застрял в отверстии. Он был уверен, что камень невозможно вытолкнуть снизу, и это подтвердил приглушенный хор проклятий, донесшийся из глубины.

Гордон знал, что этого лаза не было, когда он год назад впервые пришел в пещеры с Аль-Вазиром. Поэтому неудивительно, что узкий ход в темном углу остался незамеченным, когда американец исследовал пещеры в поисках Аль-Вазира прошлой ночью. Гордон вспомнил, что видел людей, крадущихся по ложине на

юг. Они обнаружили это ущелье, и, значит, нападение с двух сторон было хорошо запланировано. Но благодаря его острому слуху оно закончилось плачевно для нападавших. Правда, у него разбита винтовка и кончились патроны в револьвере.

Гордон не удивился своей победе в этой яростной схватке. Он знал, что ему просто улыбнулась удача. А что будет дальше... Бог знает. Затем он отправился по нижнему ярусу, решив проверить, нет ли там еще одного лаза. Пройдя через Орлиное Гнездо, он взглянул на Аль-Вазира, сидевшего у столба. Казалось, тот спал; его косматая голова свесилась на грудь, пальцы вцепились в веревку, которой он был связан. Гордон поставил рядом с ним жестянки с водой и едой.

Не найдя никаких других туннелей, Гордон вернулся на карниз, взяв консервы и бурдюк с водой, набранной в роднике, струившемся в одной из пещер. Вместе с Хокстоном они поели, лежа на камнях и не снимая пальцев с курков. Солнце миновало зенит. Они лежали, жарясь на солнце, как ящерицы на камнях, и смотрели на холмы. День убывал.

— У вас другая винтовка, — сказал Хокстон.

— Да, моя сломалась во время стычки в пещере. Эту я взял у убитого. В ней полный магазин, но у меня нет больше ни патрона. И мой пистолет пуст.

— У меня обойма только в винтовке, — пробормотал Хокстон. — Кажется, наша песенка спета. Они дождутся темноты, а потом нападут. Один из нас может бежать ночью, а другой останется здесь и отвлечет их. Но если вы не согласны, нам остается только сидеть и ждать, пока нам перережут горло.

— У нас есть один шанс, — сказал Гордон. — Если мы убьем Шалаана, остальные уйдут. Ему самому не страшен ни человек, ни дьявол, но его люди боятся джинна.

Хокстон резко засмеялся:

— Ерунда! Шалаан не даст нам такого шанса. Мы содохнем здесь. Оба — только Аль-Вазиру арабы не

причинят вреда. Но они ничем и не помогут ему. Черт бы его побрал! Почему он сошел с ума?

— Да уж не очень-то деликатно с его стороны, — усмехнулся Гордон. — Дурно с его стороны спрятать рубины и забыть... И никакие пытки не помогут ему вспомнить о тайнике.

— Не в первый раз из-за камешков пытаются человека, — отпарировал Хокстон. — Дружище, вы не представляете себе ценности этих камней. Я видел рубины только один раз, когда еще Аль-Вазир был правителем Омана. Но и одного взгляда достаточно, чтобы сойти с ума. История этого сокровища звучит как сказка из «Тысячи и одной ночи». Только Господь знает, сколько женщин отдали свои души, а мужчин — жизни за Кровь Богов, с тех пор как Ала ад-дин Мухамед из Дели разрушил индуистский храм Сомнат и взял камни в качестве своей добычи. Это было в 1294 году. Рубины выжгли красную тропу в Азии. Где бы они ни появлялись, там проливалась кровь. Я отравил бы собственного брата, чтобы завладеть ими... — Дикое пламя в глазах англичанина не оставляло сомнений, что он готов на все.

Внезапно Гордона захлестнуло отвращение к этому человеку.

— Пойду-ка я накормлю Аль-Вазира, — резко бросил он.

Стояла тишина, но они знали, что их враги ждут ночи с безграничным терпением сынов пустыни. Солнце склонялось над холмами, ущелья и горы обволакивались глубокими голубыми тенями. Далеко на западе в темной синеве дрожала и мерцала серебристая звездочка.

Гордон вошел в большую пещеру... и застыл на месте, пораженный видом пустого столба. Одним прыжком он достиг его и склонился над обтрепанными концами толстой веревки, которые говорили сами за себя. Аль-Вазир нашел способ освободиться. Медленно, но упорно работая своими острыми ногтями

целый день, безумный разорвал толстые волокна прочной веревки. И ушел.

6

Гордон вышел из Орлиного Гнезда и коротко сказал:

— Аль-Вазир сбежал. Я пойду искать его в пещерах. Оставайтесь на карнизе и наблюдайте.

— Зачем тратить последние минуты своей жизни, разыскивая полоумного по этим крысиным норам? — проворчал Хокстон. — Скоро стемнеет, и арабы нападут на нас...

— Вам не понять, — огрызнулся Гордон, отворачиваясь.

Мысль о задаче, стоявшей перед ним, не доставляла удовольствия. Искать сумасшедшего в темных пещерах — это еще полбеды, но необходимость опять силой усмирять своего друга вызывала отвращение. Однако это нужно было сделать. Убежав в пещеры, Аль-Вазир мог причинить вред не только себе самому, но им тоже. Кроме того, безумца могла сразить шальная пуля.

Поиски в нижнем ярусе оказались бесплодными, и Гордон поднялся по лестнице на второй ярус. Когда он полез через дыру в верхнюю пещеру, у него возникло неприятное чувство, что Аль-Вазир подстерегает его на краю проема, чтобы ударить камнем по голове. Однако его ожидали лишь пустота и безмолвие сумрачных пещер. Душу американца переполняло отчаяние. Аль-Вазир мог притаиться в любом из сотен закоулков и ниш, а у Гордона было так мало времени.

Лестница, связывавшая второй ярус с третьим, была в этой же пещере, и, посмотрев снизу вверх через проем, Гордон поразился, увидев над собой круг голубой синевы с мерцающими звездами. И тотчас стал подниматься наверх.

Здесь Гордон обнаружил еще один, не замеченный ранее, выход из пещер. Лестница висела по стене и проходила через круглое отверстие в своде самой верхней пещеры. Он полез наверх, как трубочист в дымоход, и вскоре его голова показалась над краем проема.

Он вылез на самую вершину горы. На востоке каменная стена резко поднималась вверх, загораживая вид, но зато на западе он увидел виднеющийся в сумерках почти отвесный склон. Он замер, услышав, как посыпалась галька, словно под чьей-то осторожной стопой. Мог Аль-Вазир выбраться через этот лаз? Мог ли он быть там внизу, на темнеющем отроге? Если это он, то, поскользнувшись, безумец может разбиться насмерть.

Пока американец пристально вглядывался в сгущающиеся тени, снизу донесся крик:

— Это я, Гордон! Бедуины готовятся напасть на нас! Я вижу, как они столпились среди камней!

С проклятием Гордон снова посмотрел вниз. Больше он ничего не мог поделать. С наступлением темноты Хокстон не сможет удерживать карниз один.

Американец осторожно спустился, но, прежде чем он дошел до карниза, наступила темнота; лишь слабый свет звезд лился с неба. Англичанин, притаившийся на краю выступа, смотрел вниз, в мрачную бездну теней.

— Они идут, — шепнул он, прицеливаясь. — Слышите?

Стрельбы не было... только осторожный шорох обутых в сандалии ног по камням. Из ночного мрака появилась темная масса и подкатилась к подножию горы. Стали различимы отдельные фигуры, но не имело смысла тратить пули, стреляя по теням, — люди в белом выдержат огонь. Арабы были уже на тропе... Они поднимались, и в руках у них поблескивали стальные стволы винтовок. Осажденные видели поблескивающие белки глаз смотревших снизу вверх бедуинов.

Гордон и Хокстон начали стрелять; темноту разорвали вспышки выстрелов. Свинец впивался в человеческую плоть. Бедуины закричали. Их тела скатывались с тропы и разбивались на камнях внизу. Где-то позади в темноте Шалаан ибн Мансур криками подгонял своих подданных. Хитрый шейх не собирался riskовать своей шкурой, участвуя в нападении. Хокстон, безостановочно стреляя из винтовки, проклинал его.

— Тхибхахум, бисм эр расул!¹ — раздался душераздирающий вопль. Обезумевшие бедуины продолжали с боем продвигаться наверх, рыча, как бешеные псы, от ненависти и жажды разорвать неверных на куски.

Гордон спустил курок, но выстрела не последовало — кончились патроны. Он поднял винтовку, как дубинку, и шагнул к тропе. Белая фигура замаячила перед ним, устремившись к проходу на карниз. Удар ружейного приклада разбил голову бедуина, как яичную скорлупу. Выстрел опалил брови Гордона, но приклад его винтовки разбил плечо еще одному врагу.

Хокстон выпустил последнюю пулю, отшвырнул винтовку и бросился в сторону американца с саблей в руке. Он зарубил бедуина, который забирался на край карниза с ножом в зубах. Арабы сбились в беспорядочную толпу под выступом, воя, как волки, и отступая под градом ударов приклада и сабли.

— Валах! — завопил один из них. — Это дьяволы. Бежим, братья!

— Собаки! — кричал Шалаан ибн Мансур из темноты. Он стоял на низком пригорке, скрытом во мраке ночи, и был невидим для людей на горе. — Стоять! Их только двое! Они перестали стрелять, значит, у них нет патронов! Если вы не принесете мне их головы, я с вас с живых сдеру кожу! Они... а-ах! Йа Аллах!.. — Его голос поднялся до бессвязного вопля, а затем превратился ужасным хрипом.

¹ Тхибхахум, бисм эр расул! — Пусть они сдохнут! (Арабск.)

Затем последовало молчание. Арабы прижались к тропе и замерли, вытягивая шеи, чтобы посмотреть в ту сторону, откуда исходил крик. Люди на карнизе, обрадованные передышкой, отерли пот со лба и стояли, прислушиваясь к звукам с таким же удивлением и интересом.

Кто-то крикнул:

— Охай, Шалаан ибн Мансур! С тобой все в порядке?

Ответа не последовало. Один из арабов, спрыгнув с горы, побежал к холму, выкрикивая имя шейха. Люди на карнизе могли следить за его продвижениями по звуку его голоса.

— Почему шейх вскрикнул и замолчал? — крикнул человек на тропе. — Что случилось, Хатиб?

Четко донесся ответ Хатиба:

— Я у холма, где он стоял... Но я не вижу... Валлах! Он мертв! Он убит, у него вырвано горло! Аллах! На помощь!

Араб закричал и выстрелил. Пламя выстрела осветило лицо, склонившееся над мертвым шейхом. Вернее, дико улыбающуюся рожу под спутанной копной волос, ужаснувшую араба морду дьявола. Он взвыл, как заблудшая душа, и побежал, пронзительно крича, а вслед ему понесся визгливый хохот.

— Бежим! Бежим! Я видел его! Это джинн пещер Аль-Хоур!

Поднялся переполох. Люди посыпались с тропы, как переспевшие яблоки с ветки, крича: «Джинн убил Шалаана ибн Мансура! Бежим, братья, бежим!» Ночь наполнилась дикими воплями. Арабы в панике бросились бежать, и вскоре до людей на карнизе донесся рев верблюдов. И это не было хитростью. Бедуины рувайла, охваченные суеверным ужасом, бежали, бросив тела своего вождя и своих убитых товарищей.

— Что за черт? — удивился Хокстон.

— Это, должно быть, Иван, — объяснил Гордон. — Вероятно, он каким-то образом спустился с горы

на другой стороне холма... Бог мой, какой же это был спуск!

Они стояли на карнизе, настороженно прислушиваясь, но только топот копыт затихал вдали. Вскоре они спустились вниз, обходя валяющиеся на тропе трупы, застывшие во всевозможных позах. Больше всего их было на земле у подножия горы. Гордон взял винтовку, выпавшую из руки одного мертвеца, и убедился, что она заряжена. После бегства арабов перемирие между ним и Хокстоном должно закончиться. Их будущие отношения станут полностью зависеть от англичанина.

Через несколько минут они достигли пригорка, на котором совсем недавно стоял Шалаан ибн Мансур. Вождь арабов лежал на спине в темной густой лужице крови. Труп был хорошо виден в свете спички, которую Гордон держал над ним. Горло у араба оказалось разорвано, словно вырвано клыками дикого зверя.

Американец выпрямился и отбросил спичку. Он пристально вгляделся в окружающую темноту, а затем позвал: «Иван!» Ответа не было.

— Неужели его убил Аль-Вазир? — недоверчиво спросил Хокстон.

— А кто еще мог это сделать? Должно быть, он набросился на Шалаана сзади. Другой араб увидел его... Страх перед джином пещер заставил кочевников бежать без оглядки.

Какой каприз побудил Аль-Вазира наброситься на вождя бедуинов? Какие бредовые идеи возникли в больном мозгу сумасшедшего? Можно только догадываться. Примитивный инстинкт убийства овладел безумным... Он подкрался в темноте, привлеченный одинокой фигурой кричавшего с холма человека... В конце концов, в этом не было ничего странного.

— Ну так пойдемте, поищем его, — сказал Хокстон. — Я знаю, что вы не вернетесь без него на побе-

режье, поэтому давайте действовать, и чем скорее, тем лучше.

— Хорошо.

Гордон ничем не обнаружил удивления, которое испытывал. Он знал, что характер Хокстона и его цели не изменились оттого, что им пришлось вместе пережить. Этот человек был вероломен и непредсказуем, как волк. Повернувшись, Гордон направился к горе, держа свою винтовку наготове и внимательно наблюдая, чтобы англичанин не оказался позади него.

— Я хочу найти то место, откуда арабы поднялись наверх, — сказал Гордон. — Иван может там прятаться. Лаз должен находиться с западного края ущелья, вдоль которого они подкрадывались, когда я впервые их заметил.

Вскоре они уже продвигались по неглубокому ущелью, и там, где оно заканчивалось, у подножия горы, увидели узкую, как разрез, расщелину, достаточно большую, чтобы пролез человек. Спутники протиснулись один за другим в лаз и двинулись по узкому туннелю. Вначале тот шел в гору, затем резко сворачивал направо и заканчивался в маленькой пещере, которая, как Гордон предположил, находилась прямо под тем помещением, где ему пришлось сражаться с арабами. Его уверенность окрепла, когда они нашли ход, ведущий наверх. Спичка, поднесенная к стене, показала лаз, закрытый валуном.

— Мы знаем теперь, как бедуины проникли в пещеры, — проворчал Хокстон. — Но мы не нашли Аль-Вазира. Его здесь нет.

— Нам стоит вернуться в Орлиное Гнездо, — ответил Гордон. — Он придет за едой, и тогда мы его схватим.

— А потом что? — требовательно спросил Хокстон.

— Разве не ясно? Выйдем на караванную дорогу. Иван на верблюде, мы пешком. Я думаю, что бедуины остановятся только у палаток своего племени. Наде-

юсь, разум Ивана восстановится, когда он вернется в цивилизованный мир.

— А что вы решили насчет сокровища?

— Сокровище принадлежит Аль-Вазиру, и он вправе распоряжаться им как захочет.

Хокстон промолчал. Казалось, он не замечал подозрительности Гордона. У англичанина не было винтовки, но Гордон знал, что револьвер, висевший у него на поясе, заряжен. Он старался идти так, чтобы Хокстон все время находился впереди. Они снова двинулись по туннелю и вышли затем под свет звезд. Он не знал, каковы намерения Хокстона, но был уверен, что рано или поздно ему придется сражаться с англичанином за свою жизнь. И скорее всего, это произойдет после того, как они найдут Аль-Вазира.

Его очень интересовало, каким образом появился туннель и лаз, ведущий на вершину горы, которых не было год назад. Арабы, конечно, натолкнулись на этот ход совершенно случайно.

— Совсем необязательно обыскивать пещеры ночью, — заметил Хокстон, когда они поднялись на карниз. — Давайте будем спать по очереди. Вам первому сторожить, не так ли? Вы знаете, что я не спал прошлой ночью.

Гордон кивнул. Хокстон сгреб шкуры, лежащие в Орлином Гнезде, улегся на них и, привалившись к стене, заснул. Гордон сел неподалеку, положив винтовку на колени. Он слегка задремывал, просыпаясь каждый раз, когда спящий англичанин шевелился.

Он все еще сидел, когда заря зарделась на востоке. Хокстон встал, потянулся и зевнул.

— Почему вы меня не разбудили? — спросил он.

— Вы чертовски хорошо знаете почему, — раздраженно ответил Гордон. — Не хотел, чтобы вы убили меня во сне.

— Вы терпеть меня не можете, Гордон, ведь так? — засмеялся Хокстон. Но улыбались только его губы, а в глазах полыхало пламя. — Знаете, это взаим-

ное чувство. После того как мы доставим Аль-Вазира в Аль-Азем, я собираюсь по-джентльменски разрешить наши разногласия — на саблях.

— Зачем ждать? — Гордон был уже на ногах, раздувая ноздри от еле сдерживаемой ярости. Хокстон покачал головой, злобно улыбаясь:

— О нет, Аль-Борак. Сейчас не будем драться. Нужно сначала выбраться отсюда.

— Хорошо, — проворчал американец недовольно. — Давайте есть, а потом начнем прочесывать пещеры.

В этот момент до них донесся слабый звук, и они оба обернулись. У выхода из пещеры стоял Аль-Вазир, почесывая бороду длинными черными ногтями.

Его глаза утратили дикое звериное выражение и были затуманенными, жалобными, а лицо казалось скорее смущенным, чем угрожающим.

— Иван! — тихо сказал Гордон. Отложив винтовку, он двинулся к безумному человеку.

Аль-Вазир не отступил, но и не проявил дружеского расположения. Вяло и тупо глядя на людей, он продолжал стоять и почесываться.

— Он сейчас в спокойном настроении, — шепнул Гордон. — Осторожно, Хокстон. Дайте мне воспользоваться этим. Думаю, он не будет сильно сопротивляться.

— В таком случае, — сказал Хокстон, — вы мне больше не нужны.

Гордон обернулся, глаза англичанина горели жаждой убийства. Его рука легла на рукоять револьвера. Мгновение два человека стояли, напряженно глядя друг на друга. Хокстон сказал тихо, почти шепотом:

— Вы дурак, если думаете, что я дам вам шанс. Мне и одному по силам доставить безумца в Аль-Азем. Мой знакомый доктор восстановит его разум... и тогда я добьюсь, чтобы Аль-Вазир открыл мне, где Кровь Богов...

Они одновременно выхватили оружие: один — револьвер, другой — саблю. Во время выстрела взметнулся клинок и вышиб револьвер из рук англичанина. Гордон почувствовал ветерок от пролетевшей пули, и тут же стоявший позади него сумасшедший застонал и тяжело рухнул. Револьвер звякнул о каменный пол. С яростью во взгляде, Гордон обрушил клинок на голову Хокстона, но тот быстро отпрыгнул и выхватил свою саблю. Гордон краем глаза заметил, что Аль-Вазир безжизненно лежит там, где упал, и кровь струится из его головы.

Сталь зазвенела, посыпались искры, когда Гордон и Хокстон сошлись в яростной схватке. Это были неукротимые натуры, и каждый из них желал смерти другого. Жажда убийства, нашедшая наконец выход, подкрепляла каждый выпад! Несколько минут удар следовал за ударом, и невозможно было уследить за стремительно мелькавшими клинками. Они бились с яростью, холодной как сталь, с непринужденностью, в которой, однако, не было ни горячности, ни беззаботности. Звон стали оглушал. Казалось чудом, что клинки, играющие над головами противников, не достигают цели. Мастерство обоих воинов было слишком хорошо отточено.

После первого урагана атак ход схватки переменялся: она стала не менее яростной, но более искусной. Солнце пустыни, отражавшееся в клинках многих поколений бойцов, не видело более великолепного зрелища воинского искусства, чем это — на высоком карнизе между солнцем и пустыней два чужестранца решали свою судьбу.

Вверх и вниз по карнизу... скольжение и перемещение быстрых ног... скольжение, но не топтание... звон и стук стали о сталь... горящие черные глаза, смотрящие в холодные серые... мелькающие лезвия, красные в лучах восходящего солнца.

Хокстон у себя на родине набил руку во владении прямым клинком. Он предпочитал колоть, а не рубить

и пользовался острием с дьявольской ловкостью. Гордон учился искусству боя кривой саблей в тяжелой школе афганских горных войн; он бился без всяких правил. Его смертоносный клинок то метался, как язык змеи, то рубил с сокрушительной силой.

Все это не походило на церемонную дуэль с элегантными правилами и формальностями. Это была борьба не на жизнь, а на смерть, жестокая и отчаянная. За десять минут оба применили столь изощренные фехтовальные приемы, что отправили бы на тот свет любого средневекового воина. Они не останавливались ни на секунду, только раздавался звон и скрежет клинка о клинок... Напав на Гордона, Хокстон не учел, что солнце будет бить ему в глаза; Гордон почти оттеснил Хокстона к краю пропасти, и англичанин, отпрыгнув в сторону, с трудом удержался от падения с горы.

Все кончилось внезапно. Хокстон, с залитым потом лицом, почувствовал, как начала проявляться страшная сила Аль-Борака. Даже стальное запястье англичанина одеревенело под ударами, которые обрушивал на него Гордон. Считая, что превосходит противника в искусстве фехтования, Хокстон начал подготовку к сложному финту и притворился, что заносит меч над головой Гордона. Аль-Борак понял, что это хитрость, и, сделав вид, что обманут, поднял саблю, как будто парируя удар противника. Острие сабли Хокстона коснулось его шеи. Англичанин сделал выпад, но тут же понял, что попался, а остановиться уже не смог. Лезвие его сабли скользнуло у плеча Гордона, когда тот стремительно уклонился, и клинок американца сверкнул на солнце белой стальной молнией. Смуглое лицо Хокстона превратилось в кашу из крови и мозгов; его сабля громко звякнула о камень; он пошатнулся и упал; голова его была рассечена до нижней челюсти.

Гордон утер пот с лица и посмотрел на расплывшееся тело, слишком опьяненный ненавистью и битвой, чтобы окончательно осознать, что враг мертв. Он

вздрагнул и обернулся, когда сзади раздался слабый голос:

— Все тот же быстрый клинок, как всегда, Аль-Борак!

Аль-Вазир сидел, прислонившись к стене. Его глаза, больше не затуманенные и не налитые кровью, спокойно встретили взгляд Гордона. Несмотря на спутанные волосы и косматую бороду, он выглядел совершенно нормальным. В любом случае это был тот человек, которого Гордон давно знал.

— Иван! Живой! Но пуля Хокстона...

— А, вот что это было! — Аль-Вазир поднес руку к голове, залитой кровью. — Но тем не менее я очень даже живой и в здравом уме — в первый раз за Бог знает какое время. А что случилось?

— В тебя попала пуля, которая предназначалась мне, — объяснил Гордон. — Дай я осмотрю твою рану.

После короткого осмотра он объявил:

— Только царапина. Пуля скользнула по коже и оглушила тебя. Сейчас я промою и перевяжу.

Делая перевязку, он коротко сообщил:

— Хокстон взял твой след — из-за твоих рубинов. Я пытался его остановить, но тут нас поймал в ловушку Шалаан ибн Мансур. Ты был не в своем уме, и я связал тебя. У нас была схватка с арабами. Мы их прогнали.

— Какой сейчас день? — спросил Аль-Вазир. Услышав ответ Гордона, он воскликнул:

— Великие небеса! Прошло больше месяца с тех пор, как меня ударило по голове!

— Что? — изумился Гордон. — Я думал, одиночество...

Аль-Вазир засмеялся:

— Нет, не одиночество, Аль-Борак. Я тут занялся кое-какой работой... Обнаружил ход в одну из нижних пещер, ведущий вниз, в туннель. Входы в оба лаза были завалены камнями. Я стал их оттаскивать просто так, из любопытства. Потом я нашел еще один ход, ве-

душкий из верхней пещеры на вершину горы и похожий на дымовую трубу. Когда я отодвигал каменную плиту, которая его закрывала, и убирал завал камней, это и произошло: одна из глыб свалилась и расшибла мне голову. С тех пор разум мой помутился. Иногда я ненадолго приходил в себя... но и тогда мои мысли оставались не очень ясными. Сейчас я вспоминаю их, как обрывки снов. Помню, что я жил в Орлином Гнезде, открывал консервы и пожирал еду... и старался вспомнить, кто я и почему здесь. Потом все опять исчезало.

В другом смутном воспоминании я был привязан к камню и видел, как ты и Хокстон лежали на карнизе и стреляли. Конечно, я не понимал, что это был ты. Я помню, как ты сказал, что, если кто-то будет убит, другие уйдут. Стрельба и крики разозлили меня. Я хотел, чтобы все ушли и оставили меня в покое.

Не помню, как долго я опять ничего не соображал, но, придя в себя, я вспомнил про ход, который вел на вершину горы... Потом я полз и карабкался и вскоре увидел, как звезды сверкают надо мной, и почувствовал, что ветер дует мне в лицо... Небеса! Мне нужно было доползти до вершины, а затем спуститься вниз по уступам на другой стороне горы!

Потом я смутно помню, что бежал и полз сквозь темноту... испуганный стрельбой и шумом, и какой-то человек стоял один на пригорке и кричал... — Аль-Вазир содрогнулся и покачал головой. — Когда я пытаюсь вспомнить, что произошло потом, — это какая-то круговерть огня и крови, как ночной кошмар. Мне казалось, что человек на холме виноват во всем этом шуме, который сводит меня с ума, и что если он перестанет кричать, они все уйдут и оставят меня в покое. Но с этого момента все погрузилось в красный туман...

Гордон хранил молчание. Он понимал: виной всему было его собственное замечание, нечаянно услышанное Аль-Вазиром, о том, что, если Шалаан ибн Мансур будет убит, арабы убегут. Подслушанные слова запечатлелись в затуманенном мозгу сумасшедше-

го... и в конце концов преобразовались в действие. Аль-Вазир не помнил, что он убил шейха, и не было необходимости расстраивать его правдой.

— Помню, что потом я бежал, — прошептал Аль-Вазир, сжимая голову. — Я ужасно испугался и хотел вернуться в пещеры. Помню, что полз опять — все время вверх. Я должен был забраться на гору, а потом спуститься в пещеру... но я не мог этого сделать, потому что ход оказался завален. Потом я услышал голоса. Они звучали как-то знакомо. Я пошел на эти звуки... затем что-то ударило меня по голове. А когда я пришел в себя, то понял, что обрел все свои способности... И увидел, как ты и Хокстон бьетесь на саблях.

— Похоже, ты действительно пришел в себя, — сказал Гордон. — Этот удар заставил твой мозг снова работать нормально. Такое случалось и прежде. Иван, у меня есть верблюд, спрятанный поблизости. Арабы, когда бежали, бросили тюки с кормом в своем лагере. Я покормлю и напою его, а затем... Ну, в общем, я собирался отвезти тебя на побережье, но после того, как ты восстановил свой разум, может быть, ты...

— Я вернусь вместе с тобой, — сказал Аль-Вазир. — Мои медитации не дали мне просветления, но я убедился... еще до того, как получил удар по голове... что наиболее достойной жизнью может быть служение людям или отдельной личности... Мечтаниями в этой пустыне я не помогу человечеству. — Он взглянул на тело, распростертое перед ними. — Прежде всего нам надо вырыть могилу. Бедняга, его утораздило стать последней жертвой Крови Богов.

— Что ты имеешь в виду?

— Кровь богов притягивает кровь человеческую, — ответил Аль-Вазир. — Появившись в истории, рубины причинили столько страданий... Прежде чем уехать из Аль-Азема, я брошу их в море.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗНАК ОГНЯ (перевод с англ. В. Правосудова).....	6
КРОВЬ БОГОВ	
Появление Аль-Борака (перевод с англ. В. Хохловой)	190
Страна Кинжалов (перевод с англ. В. Хохловой)	201
Дочь Эрлик-хана (перевод с англ. В. Подосокорской)	279
Затерянная Долина Искандера (перевод с англ. В. Жуковой)	362
Сын Белого Волка (перевод с англ. В. Хохловой)	400
Кровь Богов (перевод с англ. В. Хохловой)	435

РОБЕРТ ИРВИН
ГОВАРД

*Собрание сочинений
в восьми томах*

Том пятый

Ответственный редактор
Е. Артсмыева

Художественные редакторы
В. Андреева, И. Марев

Технический редактор
А. Платонова

Корректор
А. Быстрова

Компьютерная верстка
М. Кузнецов

Изд. № 0104001.

Подписано в печать 08.12.03 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная.

Гарнитура «Балтика». Печать высокая.

Усл. печ. л. 26,04. Уч.-изд. л. 23,41.

Заказ № 0401420.

ТЕРРА—Книжный клуб.
115093, Москва, ул. Щипок, 2.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

РОБЕРТ ГОВАРД

ТОМ 5

ЗНАК ОГНЯ

Те, кто правит залитыми кровью городами Востока, кто вершит суд в тайных долинах Тибета, кто пролил Кровь Богов — дрожат, услышав имя Аль Борака...

Герой-одиночка, он не боится ни банд коварных афгулов, ни диких зверей, ни алчных правителей.

Бесстрашно скачет он по горам и пустыням, защищая слабых и помогая обиженным.

ISBN 5-275-00933-X

9 785275 009330

КТ